

Родная **ЛАДОГА** № 3(13)' 2010

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога».

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУЛАТОВИЧ Лилиана (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член СП России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь СП России.

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — ген. директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель СП России, руководитель Орловской писательской организации.

ПОЧАТЕК Изидор (Словакия) — журналист-международник, публицист.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИКСИ СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, доктор философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕСТВИЦА

Владимир Крупин. Спасение веры — долг русского. <i>К 770-летию Невской битвы</i>	5
Валерий Филимонов. Духовник Лавры. <i>К 300-летию основания Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры</i>	21
Протоиерей Николай Головкин. «Радоваться каждому дню...»	156

БЕСЕДА

«Мы давно уже бьем во все колокола...». <i>Интервью с епископом Выборгским Назарием, наместником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. К 300-летию основания Лавры</i>	11
Гимназия на моельных холмах — воспитание любовью. <i>Интервью с директором гимназии № 1529 г. Москвы М. А. Соловьевой</i>	69
«Исходя из интересов общества и государства». <i>Интервью с руководителем и ведущим программы «Постскриптум», профессором А. К. Пушковым</i>	98

Открытое ПИСЬМО

Открытое письмо о возвращении раки Св. Александра Невского в Александро-Невскую Лавру	18
--	----

ПОЭЗИЯ

Евгений Юшин	29
Геннадий Попов	72
Николай Денисов	104
Лев Котюков	175
Сергей Филатов	212
Анна Ретеюм	215

РЕЧИ

Наш новый собор. XIV Всемирный Русский Народный Собор: <i>«Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества». (Храм Христа Спасителя, 25-26 мая 2010 года)</i>	33
---	----

ЛИТЕРАТУРНОЕ

Светлана Медведева. «Возрождение духовной жизни и традиций в нашей стране...». <i>Выступление на XIV ВРНС</i>	41
Ижо Початек. Ложное лицо неолиберализма	81
Валерий Ганичев. На чем держимся. <i>Доклад на Парламентском форуме «Историко-культурное наследие России» в Костроме, 2010 г.</i>	198

Точка ЗРЕНИЯ

Ольга Куликовская-Романова. Русское национальное образование: взгляд из-за океана. <i>Выступление на XIV ВРНС</i>	45
---	----

Духовная ШКОЛА

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). «Любовью служите друг другу». <i>Церковь, Литургия, образование</i>	50
---	----

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Николай Никандров. Идеология и идеологическое воспитание: есть ли они, нужны ли они сегодня?	59
Дмитрий Рогозин. Собрание нации	76

История и современность

Михаил Якушев. Иерусалимский патриархат и святыни Палестины. В фокусе внешней политики Российской Империи накануне Крымской войны	108
Сергей Девятов, Валентин Жилиев. Московский Кремль в годы Великой Отечественной войны	179
Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. «Через Крест к славе...»	250

Русский поклонник

У старцев афонских. Записки поклонника под редакцией Александра Громова. Отрывок из рукописи	124
--	-----

Наследие

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	145
Сергей Лыкошин. Помним имя Победы	205
Алексей Бехтеев. Императорский Александровский лицей. Лицейские воспоминания 1897–1905. Приготовительные классы. Гимназические и университетские классы	233

Проза

Алексей Бакулин. Закладки в писании. Простые истории	167
Михаил Федоров. Дорога. Отрывок из повести о детстве художника Ивана Крамского	275

Памятослов

Валентин Распутин. «Да, были люди и в наше время!...»	208
---	-----

Северная столица

Наталья Харламова. В предчувствии Петербурга	218
--	-----

Родная речь

Николай Скатов. Поэт «Космического чувства»	228
---	-----

Русские судьбы

Игорь Андрушкевич. Град Китеж: исчезнувшая Русь	258
---	-----

Третья Пера

Александр Бовдунов. «В череде поколений»	266
--	-----

Искусство

Александр Нифонтов. «Душа фронтового поколения — поколения победителей»	
А. И. Лактионов. Письмо с фронта. К истории создания картины	269
Мария Фомина. Современное православное влияние: вновь — около церковных стен?	280

Владимир КРУПИН

СПАСЕНИЕ ВЕРЫ — ДОЛГ РУССКОГО

*К 770-летию
Невской битвы*

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

Величие Александра Невского, святого благоверного Великого князя, сравнимо разве только с солнцем, озарившим многострадальную Русь в XIII веке. Оплакивая кончину князя, тогдашний митрополит Киприан так и говорил: «Солнце русской жизни закатилось».

Никогда на Руси не было спокойных времен. На богатую, привольную Русь зарились и с востока, и с запада. Запад (папский престол, Ватикан) стремился сделать русских католиками; Восток грабил богатства, уводил в плен невольников. Горе нам, мы еще и сами тогда враждовали. Долго тянулись войны между суздальцами и новгородцами. Но уже и дед Александра, Всеволод, и его отец, Ярослав, проводили политику единения русских земель. К моменту прихода Александра на княжение в Новгороде междоусобная война с суздальцами стихла. Явилось небесное знамение народу: икона Божией Матери, вынесенная на городские стены Новгорода, была уязвлена стрелой, из раны потекла кровь, икона сама своею силою обратилась к упавшим пред нею людям. Именно от этого события икона стала называться Знаменской, и ей был установлен праздник.

А еще немного ранее Новгород был поражен страшным голодом, таким, что даже были случаи людоедства. И уже в добавление ко всем страданиям неслась над Русью страшная черная волна ордынского ига и неволи. Уже весь юг, Киевская Русь были под татарами. Новгород держался. Отрезанный от торговых путей Востока, он обратился к Западу. Но и Запад, немцы и Литва, вдохновляемые Ватиканом, хотели покорить богатые новгородские земли.

НЕВСКАЯ БИТВА

Ю. Пантюхин. Александр Невский

пы — папские священники — для крещения русских в католическую веру.

На рассвете дня Невской битвы начальник стражи Филипп Пелгусий услышал всплеск воды: плыла лодка. И увидел он святых мучеников Бориса и Глеба, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели словно мглою одетые. Произнес Борис: «Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру». О видении стражника доложили князю. Александр счел чудесное явление хорошим знаком (из «Сказания о житии Александра Невского»).

Силы были неравны. С малой дружиной шел Александр. Но его личность, его знатное для Руси происхождение, его набожность были вдохновляющими для войска.

Б. Чориков.
Победа Александра Невского над шведами

Всего двадцать лет было князю Александру в 1240 году, когда на Русь пришли шведские войска под командованием ярлы (князя) Ульфа Фасси и зятя короля Биргера. При устье реки Ижоры, впадавшей в Неву, скопилось огромное количество многоместных судов шведского войска. Рыцари были уверены в победе. Им зачитывалась папская булла, повелевавшая захватить русские земли, обещавшая богатые прибыли. Более того, с войском шли бискупы

Красивый, высокий, чуть не два метра, приветливый ко всем, Александр объехал своих воинов. Встали на вечернюю молитву. Доносились до них крики и пение захватчиков.

Выставив охрану, дружина ложилась прямо на землю, чтобы хотя бы немного поспать. Было тепло, наступало 15 июля, день святого Великого князя Владимира, Крестителя Руси.

Ни на минуту не сомкнул глаз Александр. Вдруг поспешно подошел к нему ижорянин Пелгуй, ревност-

ный христианин, начальник береговой стражи.

— Княже, поведаю тебе случившееся со мной. Я был ночью на берегу Финского залива. Вдруг, как в полдень, *засияло* солнце, я услышал шум весел и увидел ладью с гребцами и стоящих на ладье двух лучезарных витязей. Это были точь-в-точь виденные всеми нами на иконах святые страстотерпцы Борис и Глеб. Твои предки, княже. «Брат Глеб, — сказал один из них, — вели грести скорее, да поможем сроднику нашему Александру!»

Надо ли говорить, как возликовало сердце князя, какой решимости и силы он набрался от такого явления небесного заступничества,

...Битва началась утром и продолжалась весь день. И если бы не темная ночь, укрывшая остатки бегущих из Руси шведов, то и бежать было б некому. Сам Александр бился в первых рядах. Он разбросал охрану Биргера, вызвал его на поединок и, как пишут летописи, «наложил копьем рану на его лицо». Почему же, спросит кто-нибудь, не убил, а только ранил? Но много означал этот полученный Биргером шрам. Ведь в те времена печать — клеймо на лице накладывалось только на рабов, на невольников. Тем самым Александр показал всему миру, кто хозяин на Руси.

Ф. Москвитин. Видение святых Бориса и Глеба

БЕДА НЕ ПРИХОДИТ ОДНА

Отвадив шведов, Александр должен был обратиться к отражению новой угрозы — против ливонских рыцарей. Надо сказать, что Господь вразумил властолюбивых и надменных новгородцев. Ведь они сделали все, чтобы победить шведов, но не смогли найти общий язык с князем Александром, и он покинул Новгород.

Вскоре новгородцам пришлось несладко. Ливонцы захватили Псков, вошли в новгородские пределы. С великим поклоном явились к Александру Невскому новгородские посланники. Новгород понимал, что только Александру по силам справиться с ливонской напастью. Александр, любя Русь, сразу забыл обиды и поспешил навстречу битве. Военный гений молодого князя подсказал ему навязать рыцарям битву на льду Чудского озера. Стояла ранняя весна 1242 года. Рыцари, одетые в тяжелые кованые доспехи, на неповоротливых, тоже закованных в броню конях шли против русской легкой конницы и пешего войска.

В то же время набрал силу народ литовский и начал грабить владения Александровы. Он же выезжал и избивал их. Однажды случилось

выехать ему на врагов, и победил он семь полков за один выезд, а и иных взял в плен, слуги же его, насмехаясь, привязывали их к хвостам коней своих. И начали они с того времени бояться имени его» (из «Сказания о житии Александра Невского»).

Хроники, описывающие битву, рассказывают, что русские войска являли чудеса храбрости и ловкости. Ратники, крестьяне, сменившие рукоятку плута на рукоять меча, баграми — длинными шестами с крюком на конце — стаскивали железных грозных рыцарей на лед. А что такое рыцарь на льду? Это беспомощный, барахтающийся жук в доспехах. Еще был использован и такой прием, когда рыцарей теснили в груды, и весенний лед под непомерной тяжестью железного войска ломался, и холодная вода Чудского озера охлаждала пыл захватчиков.

Пятьсот рыцарей пало в битве, пятьдесят было взято в плен и проведено по освобожденному городу Великой княгини Ольги (так называли Псков на Руси — ведь именно из этих мест была святая равноапостольная княгиня).

«Ледовое побоище» — так называли Чудскую битву. Она заставила ливонцев трепетать за свое существование, уйти из города Изборска (ныне недалеко от него расположена Псково-Печерская Лавра), а папу римского заставила в бессильной ярости взирать на далекие Русские земли. И на долгое время забыть о мечте присоединения военным путем Руси к латинству.

СПАСЕНИЕ ВЕРЫ — ДОЛГ РУССКОГО

Но теперь Великому князю, победителю шведов и ливонцев, предстояла великая битва с самим собой. Он должен был смирить свой характер и пойти на мир с Востоком. Не просто пойти, а пойти на поклон в Орду за ярлыком на княжение. Александр понимал, что у Руси пока нет сил на битву с Ордой. Но и принять на себя обряд поклонения языческим богам православный князь ни за что бы не захотел. На верную смерть ехал Великий князь в Орду.

Но в Орде давно следили за возрастанием роли Александра в жизни Руси. Хан Батый, хитрый, властолюбивый, умный политик, понимал, что Александр скорее умрет, нежели изменит вере православной. Поэтому он освободил князя от поклонения языческим богам, принял его с почетом и воскликнул: «Молва не преувеличивает — ты воистину велик и славен!»

Великий хан утвердил Александра на престоле владимирском, поручив ему также всю Южную Русь и Киев. Ликованию владимирцев не было предела. Хлеб-соль вынесли горожане, хоругви и иконы — священники во главе с митрополитом Киприаном.

Казалось бы, Русь получила передышку. Воины возвращались к мирному труду. Но начались нашествия иного рода, и опять с запада. Папа римский решил, что если Русь не взять силой оружия, то можно одолеть хитростью и обманом. Прибывшее из Ватикана посольство изыскалось князю Александру в любви и уверяло, что отец его, находясь в Орде, встретил там католического посланника — монаха Карпини и клятвенно обещал ему принять на Руси веру латинскую. И конечно, говорили посланники Ватикана, исполнил бы обещание, если бы внезапно не скончался. А ведь сын, говорили католики, обязан исполнить волю отца. Если тем более он хочет мира и спокойствия для себя и Руси. Ватикан обязуется защищать Русь от Орды. Много чего обещали сладкоголосые латиняне.

Александр ответил папским послам письменно. Ответ его был размножен и разошелся по Руси. Князь, изложив историю Ветхозаветной и Новозаветной церкви, напоминал католикам о Вселенских соборах, о Символе веры, о единосущности Бога Отца и Бога Сына. Он не укорял римлян, желал им спасения, он говорил только то, что вера русских православна, истинна, чиста и непорочна.

И опять ни с чем отбыли католики.

Для вольного, гордого Новгорода было невыносимо платить дань татарским сборщикам. Александр и тут сумел распорядиться так, что налоги новгородцы платили князю, а тот уже сам расплачивался с Ордой. Несколько раз пришлось ему отправляться в дальний путь в Орду, получать новые ярлыки на княжение, успокаивать и новгородцев, и владимирцев, и киевлян, улаживать миром возникавшие волнения в княжествах — словом, быть постоянно в напряжении и изнурении сил душевных и физических.

«Мы платим дань, — говорил он, — но мы не изменяем Христу, мы не отдаем свою душу, она Божия. Лучше бедно жить, но хранить веру православную, нежели пойти к предателям Христа».

ОТВАЖНЫЙ ВИТЯЗЬ, СМирЕННЫЙ СХИМНИК

Татарские *баскаки*, сборщики дани, хотели напрямую грабить русских людей. Чтобы защитить своих подданных от унижений и притеснений, Александр в который раз поехал в Орду. Там снова нашел понимание, отправился в обратный путь. Но на обратном пути разболелся, непонятная хворь овладела им. В Нижнем Новгороде он уже не смог даже сесть на коня, слег, призвал к себе священников и принял схиму: взял на себя имя монаха Алексия, постригся в монашество, то есть полностью посвятил себя Богу. Некоторые летописи говорят, что, может быть, князя отравили в Орде медленно действующим ядом, а может быть, сказались битвы, труды, изнурительная жизнь.

И всего-навсего на сорок пятом году жизни Великий князь Александр Невский отдал Богу душу в Городце на Волге.

Безгласное тело Великого князя повезли во Владимир. Митрополит Киприан, выходя навстречу траурному поезду, воскликнул, говоря плачущим владимирцам:

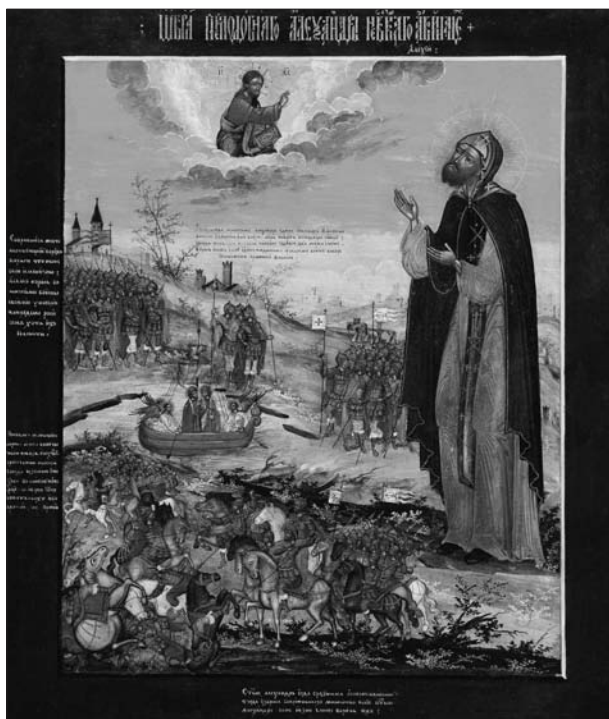
— Чадца мои милые! Разумейте, яко зашло солнце земли Русской.

— Уже погибает! — восклицали русские люди.

Да, тяжелые времена ждали Святую Русь. Но она уже помнила великий подвиг святого Александра Невского. Хранимый Богом, он хранил Русь, он провидел ее великое предназначение, любил русский народ, был скромн в личной жизни, любил жену, детей и к подданным относился как отец, строгий и любящий. Можно сказать, что он навсегда дал образец государственного мужа, человека, занимавшего высший пост в государстве, но оставшегося при этом смиренным рабом Божиим.

Более чем в двадцати битвах участвовал Великий Александр как простой воин, четыре раза ездил в Орду, при нем Русь окрепла настолько, что Орда считалась с нею и уже относилась к Руси не как к завоеванному, но как к самостоятельному государству.

Мечи врагов, ножи наемных убийц отведены были от князя рукою Божией. Но сам он не щадил себя.

Св. Александр Невский на фоне Невской битвы

во время отпевания, когда в руки мертвого влагается разрешительная грамота, рука Великого князя сама, как рука живого человека, поднялась и приняла грамоту. Так Господь дал знать, что угодник Его будет прославлен.

Именно в 1380 году, в год Куликовской битвы, мощи святого Александра были открыты и обнаружены нетленными. Надо ли говорить, как это вдохновило русичей перед битвой с ордынцами.

В 1724 году император Петр I перевез мощи святого Александра в северную столицу. Именно это послужило ее авторитетом для России. А Лавра, где и поныне почивают святые мощи, так и называется — Александро-Невская.

Дочь императора Петра Великого Елизавета, русская императрица, в 1753 году повелела соорудить раку (гробницу) святому Александру из чистого серебра. И не просто из серебра, а из первого русского серебра, добытого промышленным способом. И это также означало независимость России, за которую всю жизнь боролся святой князь Александр Невский.

Некоторые авторы сравнивают Великого князя Невского с другим Александром, полководцем античности, Македонским. Но это сравнение надуманное. Македонский подчинял пространства и народы из тщеславия, расширяя границы своей империи, а Александр Невский хранил святую веру православную, оберегал Богом врученную ему Русь. И если сравнивать, то увидим, как закончили свою жизнь два Александра: Македонский погиб от пьянства и излишеств (как рассказывают легенды, был отравлен); Невский умирал, свершив дела праведные, под святыми иконами.

В Великую Отечественную войну 1941–1945 годов на средства верующих была создана танковая колонна «Александр Невский». Водителями танков были монахи Троице-Сергиевой и Александро-Невской лавр.

«Когда же было положено святое тело Александра в гробницу, тогда Себастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и принял грамоту из рук митрополита... И так прославил Бог угодника своего (из «Сказания о житии Александра Невского»).

Отпевали Великого князя в соборной церкви Рождественского монастыря. Неделя уже прошла со дня его земной кончины, но тело пребывало нетленным, дивное благоухание исходило от его мощей. Говорили потом, что при огромном стечении народа,

«МЫ ДАВНО УЖЕ БЬЕМ ВО ВСЕ КОЛОКОЛА...»

*Интервью с епископом
Выборгским Назарием,
наместником
Свято-Троицкой
Александро-Невской
Лавры*

*К 300-летию
основания*

Наталья Харламова: *Ваше Преосвященство, наш журнал нынешним интервью открывает серию материалов, посвященных истории и духовным традициям Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры в связи с 300-летним юбилеем. И первый наш вопрос касается времени основания Лавры. Какую дату можно считать точкой отсчета? Здесь, насколько нам известно, могут быть разные мнения, и нынешний год может считаться с полным основанием началом юбилея. Ведь в 1710 г. Петр I лично выбрал место будущего Александро-Невского монастыря и установил крест.*

Епископ Назарий: По церковному мы считаем датой основания Лавры день освящения первой церкви. Это была деревянная церковь Благовещения, которая находилась там, где сейчас некрополь мастеров искусств XVIII века, и освящена она была в праздник благовещения в 1713 г. Хотя светские историки предлагают и другие даты — 1710, когда было определено место будущего монастыря, и 1712 — начало строительства.

Н. Х.: *Но это все тоже были значимые вехи — предыстория монастыря, истоки, которые также, на наш взгляд, заслуживают воспоминания.*

Епископ Назарий: Да такие мнения есть. И эти вехи — хороший повод поговорить о будущих торжествах, которые состоятся в 2013 г. Очень хорошо, что вы об этом заговорили именно сейчас. Ведь к такому юбилею — трехсотлетию еще десять лет назад нужно было начинать готовиться. Это же дата такая, которую мы должны достойно отметить. Надо было давно говорить о 300-летию, — не в 2010 г., а в 2000 г. Но со своей стороны мы уже давно готовы к юбилею.

Н. Х.: *Владыка, вы являетесь наместником Лавры уже почти че-*

тырнадцать лет, с ноября 1996 г. Как шло восстановление монастыря, какие трудности пришлось пережить за это время?

Епископ Назарий: Да, осенью будет уже 14 лет, как я здесь наместник. Если вспомнить, что претерпела Лавра с 1922 года, то за десять лет восстановить порушенное — это задача не из легких. Проблем в Лавре столько, что понадобится не на один десяток лет, чтобы их решить. Конечно, можно просто покрасить стены. А те проблемы, которые не видны глазу, оставить на будущее. Но я так не могу. Нужно все делать основательно, на прочном фундаменте. Потому что начинается все с фундамента, это и замена коммуникаций, инженерные сети и все прочее, то что не видно снаружи, но имеет первостепенное значение. Мы уже успели многое сделать, и практически своими силами. Министерством культуры было выделено только 16 млн. рублей за все эти 14 лет. На эти деньги были выполнены фасадные работы при реставрации Троицкого собора, и западную паперть переложили. А таких мифических доброхотов, которые бы жертвовали деньги, находится немного. За эти годы благотворительной помощи мы получили только 4 млн. рублей. До революции у нас тут было 16 или 18 престолов, были домовые церкви. На сегодняшний день мы стараемся восстанавливать их. Но восстановление заключается не в том, чтобы все вернуть в точности как было раньше. Времена изменились, и разные возникают обстоятельства. Вот например, Свято-Духовская церковь, где Достоевского отпевали и многих других известных деятелей культуры. В советское время там была станция переливания крови, и все было настолько перестроено, что пришлось бы все полностью разрушить и оставить только четыре стены. И у нас возникла такая идея, в которой меня митрополит Владимир поддержал. Поскольку у нас есть еще пять храмов, которые предстоит восстановить, мы решили открыть духовно-просветительский центр, который действует уже семь лет. И теперь спустя столько времени, появилось понимание и в Церкви, что это нужное дело. Сейчас создан в РПЦ отдел по культуре, есть постановление архиерейских соборов, что с молодежью надо говорить на понятном и близком ей языке. И мы уже видим результаты фестивалей, которые проводятся в стенах просветительского центра. Много людей, которые никогда, может быть, в храм не пришли бы, через такую миссионерскую деятельность обретают веру. В свое время эта деятельность встретила непонимание — даже со стороны своих, а теперь на это смотрят по-другому. Патриарх Алексий заботился об открытии храмов, он был строителем. Это было самой насущной проблемой в постсоветские годы. Господь ведь избирает таких людей, какие нужны в данный момент. Теперь, когда храмы восстановлены, пришло время больше думать о внутреннем. Не только о самих храмах, но и о людях, которые будут их наполнять. У нынешнего Патриарха другая задача. И Господь на этот момент поставил у кормила Патриарха Кирилла.

Н. Х.: *Мы знаем, что Вы восстановили келью преп. Серафима Вырицкого,*

Епископ Назарий: Да вот сегодня у нас как раз будет совещание по этому вопросу. Ведь в этом году исполняется десятилетие со дня прославления преподобного, а в прошлом году мы отмечали шестидесятилетие со дня его преставления. Люди, которые у него бывали, его родственники, с которыми у нас хорошие связи, указали нам точно местонахождение его кельи. Мы подумали: какой может быть для святого самый лучший памятник? И по благословению митрополита Владимира, который меня в этом поддержал, на месте кельи создали храм св. преп. Серафима Вырицкого. Так что здесь

появился новый храм, которого никогда не было. Это ответ людям, которые говорят, что мы должны восстановить, все как было. Но получилось так, что там, где не было храма, он появился. А там, где невозможно было восстановить храм или не было такой необходимости, появился очень нужный для просветительной деятельности духовный центр. Храм должен быть для людей. Только такой храм будет настоящим храмом...

Н. Х.: *Владыка, а что вы можете рассказать о внутренней жизни монастыря. Как сохраняются первоначальные духовные традиции сегодня? Сколько насельников сейчас...*

Епископ Назарий: Вы хотите, чтобы мы все рассказали?

Н. Х.: *Если это секрет...*

Епископ Назарий: Да нет, какой тут секрет? Я могу рассказать, как нам монашествовать тут, на Невском проспекте. Когда приходит некая дама на экскурсию с туристической группой и говорит: я заплатила тридцать рублей и хочу посмотреть, как монахи живут, покажите мне келью. Нет, это правда. Это я не шучу. Но секретов нет, как мы живем. Когда я пришел, нас было девять человек. И число братии пополняется очень медленно. На сегодняшний день 37 насельников вместе с послушниками. Ведь те люди, которые склонны к уединению, к монашеству в обычном понимании, естественно, не стремятся в монастырь на Невском проспекте. Это одна проблема. Но есть и другая — общая для всех монастырей — это то, что часто приходят люди, которые отвергнуты семьей, отвергнуты государством, никому не нужные. И вот нам, когда мы еще сами в себе не обрели достаточно сил, приходится таких людей принимать. Если человек не знает даже молитвы «Отче наш», как я могу рассматривать его кандидатом в монахи, да еще в городе. И поэтому, конечно, отсутствие кандидатов для пострижения — это одна из главных проблем. Приходят иногда очень хорошие молодые ребята, но я не могу их взять сюда. Потому что здесь много искушений, стоит только выйти за ворота... Необходимо, конечно, иметь подворья, скиты в более спокойных местах, где бы люди могли духовно укрепляться, и потом только оттуда таких людей переводить сюда в монастырь.

Н. Х.: *А Лавра сегодня имеет скиты?*

Епископ Назарий: Недавно у нас появился скит, но пока там живет один монах вместе с несколькими трудниками. Условий пока там нет. До революции была киновия в Лужском районе. Но там сейчас ничего не осталось. Это был сельскохозяйственный скит. А мы создаем скит для того, чтобы там, в уединении и тишине послушники могли подготовиться должным образом к постригу и монашеской жизни. Но это пока дело будущего.

Н. Х.: *То есть существует проблема в пополнении братии интеллектуальными людьми.*

Епископ Назарий: И людьми, которые бы имели духовное образование. Ведь Лавра прежде этим и отличалась. Братия здесь не была очень многочисленной, в лучшие периоды — триста-четырееста человек, не больше. Это не четыре, пять, шесть тысяч как на Валааме и в других крупных монастырях. Но Лавра была кузницей кадров. Больше 70 архиереев вышло из братии за 210 лет. С самого начала сюда перевели лучших монахов со всей России и Малороссии.

Н. Х.: *Это была духовная и интеллектуальная элита Церкви, если можно так выразиться?*

Епископ Назарий: Да, такую роль она играла. Из братии поставлялись настоятели в другие монастыри, в духовные учебные заведения, направ-

лялись иеромонахи во флот судовыми священниками. И близость Синода играла свою роль. Наш священноархимандрит Митрополит Санкт-Петербургский — был тогда первым членом Синода. Часто случалось, что прежде чем рукоположить в архиереи, кандидата присылали сюда, в Лавру, и он проходил здесь искуc. Рукоположение происходило в Троицком соборе. И мое рукоположение повторило то, как это было исторически: наречение — в храме Святейшего Синода и затем хиротония в Троицком соборе. Так через восемьдесят лет, это повторилось со мной. И я счастлив, что именно на мне была восстановлена прежняя традиция. А монахи у нас не только молятся, но и несут послушания, у нас множество различных мастерских, и кроме того каждый день в Лавре совершается две божественные литургии в одном только соборе. А в воскресные дни, и в Никольском храме, и в Серафимовском. Есть у нас и воскресная школа, где монахи тоже несут послушания, и духовно-просветительский центр, и многое другое. Но людей у нас мало, не хватает, если хотя бы человек сто, тогда мы могли бы отказаться от услуг мирского населения и взять на себя все, включая уборку.

Н. Х.: *Что для Вас было наиболее памятным и что наиболее трудным за эти годы?*

Епископ Назарий: Самым знаменательным лично для меня было не то, что мы что-то отремонтировали, а то, что мы закрыли проходной двор через Лавру. Прежде бывало, спортсмены из физкультурного колледжа, который, кстати сказать, располагается в здании Духовной Академии (до сих пор не могут решить вопрос о передачи этого здания законным владельцам) бегают по Лавре в трусах и в майках: «Физкультпривет, батюшка!» Или прямо тут, извините, творили разные непотребства на кладбище, на «коммунистической площадке». Вот это первое что мне удалось сделать, и за что я получил немало неприятностей, говорили вплоть до центрального телевидения, будто я Лавру закрыл для посетителей. Вот такие события, при всей их вроде бы незначительности для меня лично кажутся большими вехами.

Н. Х.: *Владыка, мы слышали, что Вы планируете открыть музейную экспозицию, посвященную истории Александро-Невской Лавры. Где она будет размещаться, когда откроется и какие наиболее интересные экспонаты будут там выставлены?*

Епископ Назарий: Я ничего оригинального не придумываю. В Лавре существовало древлехранилище. Я считаю, что все то, что подлежит музеефикации, Церковь может сама сохранять, и с большим профессионализмом. И разговоры, что мы тут все загубим — это чепуха.

Н. Х.: *На Кипре и в Греции, насколько мне известно, церковь имеет такие древлехранилища с прекрасно сформированной музейной экспозицией. Там работают профессионалы, которые занимаются консервацией, хранением и изучением древних раритетов.*

Епископ Назарий: Недавно я был в Румынии, там каждый монастырь имеет музей. И я тоже стремлюсь к этому. Так что здесь нет ничего нового. До революции древлехранилище Лавры имело такие сокровища (исторические и духовные — я имею в виду), как например, кровать Петра Первого, его собственноручные изделия — резные жезлы, которые он дарил игуменам Александро-Невской Лавры. Там была княжеская шапка Александра Невского, его мантия. Куда все это делось — нам не известно. Но и сейчас у нас есть иконы, и утварь, и книги, и другие предметы, достойные

музеефикации. Еще хочу сообщить такую важную для горожан новость. В том же здании у Никольского кладбища на первом этаже мы откроем публичную библиотеку, куда любой человек может прийти и пользоваться библиотечным фондом. Мы делаем там все по-современному: видеотека, компьютерный и обычный каталог, читальный зал примерно на 30 человек. Такая библиотека востребована, поскольку в приходских храмах библиотеки в основном при воскресных школах. Это еще одно дополнение к духовно-просветительскому центру. К сожалению, даже в этом социальном деле город не спешит к нам с помощью.

Н. Х.: *В этом году есть еще одна юбилейная дата — исполняется 770 лет со дня Невской битвы. Как будет Лавра отмечать это событие?*

Епископ Назарий: Да, мы, конечно, принимаем участие в праздновании этого юбилея. Тем более что у нас создано и начало работать Александро-Невское братство. И празднование 770-летия Невской битвы — это первое большое совместное наше дело. Мы работаем вместе с областью, это и Ижора, и Колпино. Я стараюсь всех объединить, чтобы все были «едиными усты и единым сердцем». А город пока никак не реагирует. Видимо, они думают, что Александр Невский получил прозвище от Невского проспекта, а не потому, что одержал победу на Неве. А мы, конечно, горячо откликаемся на это событие. Не каждому в жизни 770-летний юбилей выпадает праздновать.

Н. Х.: *Многие читатели нашего журнала чтут память митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Хотелось бы сегодня вспомнить о нем. Ведь именно его стараниями архитектурный комплекс Лавры был возвращен Церкви, и стал возрождаться монастырь. Нам бы хотелось больше узнать об этом и о Ваших личных встречах с Митрополитом Иоанном.*

Епископ Назарий: Я также почитаю Владыку Иоанна. Он меня назначил настоятелем в Коневский монастырь. И знаете, я не получил от него никогда ни одного неодобрения, только советы. И могу сказать, как бы он ни был болен, он всегда принимал, и в больнице тоже. Нет ни одного письма, в котором бы он мне ответил отказом. Хочу подчеркнуть, в любых обстоятельствах — моментальный ответ. При нем началось возвращение Лавры. И первая братия пришла сюда по его благословению. К большому сожалению, его земная жизнь закончилась прежде, чем Лавра была возвращена Церкви. Много было тогда проблем, очень было трудно. Это было только самое начало. Но вы сами знаете, как важно начать потому, что потом уже можно идти дальше, можно продолжать. Для иерарха уже одного этого достаточно, чтобы войти в историю. У Владыки Иоанна много есть заслуг, чтобы войти в историю, но в том числе и эта — то, что он начал это дело.

Н. Х.: *Мы слышали, что в этом году, будто бы наконец возвращают монастырю Благовещенская церковь, ранее принадлежавшая музею городской скульптуры. Какие еще приятные события готовит администрация Санкт-Петербурга к юбилею?*

Епископ Назарий: Я бы хотел вас поправить, Благовещенская церковь нам не возвращена, это ошибка. Этот процесс продолжается многие годы, и потому у нас не очень дружеские отношения с музеем городской скульптуры. Приходится преодолевать множество препятствий, явную ложь. Сейчас мы готовим историческую справку, чтобы доказать, что Благовещенская церковь была храмом, хотя есть постановление советского правительства

«О закрытии действующей Благовещенской церкви», но им этого недостаточно, мы должны поднять какие-то клировые ведомости, кому зарплату там платили? Какая зарплата в монастырях? Вот так мы вынуждены доказывать, что это была церковь, а не просто усыпальница. Хотелось бы, чтобы к юбилею Лавры А. В. Суворов лежал все-таки в храме, а не в музее, как и все остальные достойные люди там погребенные. Знаете, говорят, что церковь борется ради материального благополучия. Какое там благополучие! С точки зрения материальных затрат это только лишняя проблема. Ведь придется заново делать всю реставрацию. Но церковь должна быть церковью, и люди, достойнейшие люди государства Российского должны быть похоронены там, где их похоронили — в церкви, а не в музее. Ну не дожил Владыка Иоанн до того дня когда Лавра была предана Церкви. Может и я не доживу до того дня, когда Благовещенская церковь будет нам возвращена, но я твердо верю, что когда-нибудь это произойдет.

Н. Х.: *Общественность города волнуется судьба серебряной раки св. блгв. кн. Александра Невского, которая ныне находится в Эрмитаже. Есть ли надежда, что рака будет возвращена Церкви? Какие перспективы решения этого вопроса, и каково состояние дел на сегодняшний день?*

Епископ Назарий: Что касается раки, эта тема волнует многих людей. Вчера я был в Совете Федерации, ко мне подходили разные люди, интересовались, спрашивали, и прежде всего кавалеры ордена св. блгв. кн. Александра Невского. В некоторых случаях я готов к компромиссу. Вот сейчас у нас ведутся переговоры с Русским музеем по поводу картины Михаила Угрюмова «Въезд Александра Невского во Псков». Эта картина была написана по заказу императрицы Елизаветы Петровны специально для интерьера Троицкого Собора. В советское время она была передана в Русский музей. Во время празднования Тысячелетия Крещения Руси она была возвращена в собор. И сейчас Русский музей требует ее обратно. Несколько лет на меня давили. Конечно, это интерьерная вещь, не чудотворная икона, не святыня, и я готов пойти на компромисс. В конце концов, мы договорились, что Русский музей напишет для нас копию. Другое дело — рака Александра Невского. Господин Пиотровский тоже говорит мне: «Сделайте себе копию, мы этому поспособствуем». Но рака была изготовлена для мощей Александра Невского, а не для музея. И то, что соприкасалось со святыней, в данном случае с мощами св. блгв. князя Александра Невского, носит уже сакральный характер.

Н. Х.: *И потом, разве Александр Невский недостоин серебряной раки, которую с такой любовью создавали для него благодарные потомки. Эрмитаж не оскудеет от этой потери и останется Эрмитажем, а для Лавры рака — драгоценная историческая и духовная реликвия, не говоря уже о ее художественной ценности. К тому же, надо полагать, это дорогостоящий проект.*

Епископ Назарий: Да, конечно, директор Эрмитажа оценивает изготовление копии раки в 5 млн. долларов.

Н. Х.: *Это огромная сумма. И кто возьмется финансировать такой дорогостоящий проект? Кроме того, не будет ли это абсурдным, если в одном городе будут две раки?*

Епископ Назарий: Как видите, здесь возникает много вопросов, различных мнений, вариантов решения этой проблемы, но мы очень надеемся, что к 300-летию юбилею Лавры рака будет опять на своем месте.

Н. Х.: *Все-таки город как-то собирается участвовать в праздновании юбилея? Было ли какое-нибудь совещание по этому поводу?*

Епископ Назарий: Ничего подобного. Мы давно уже бьем во все колокола. Мы писали, говорили. Отклик был только со стороны Мусиенко, возглавляющей отдел по связям с религиозными организациями. Мы собирались, обсуждали. Но, к сожалению, никаких постановлений не было.

Н. Х.: *То есть на сегодняшний день, администрация ничего не хочет слышать о приближающемся юбилее Лавры и ничего не предпринимает.*

Епископ Назарий: Да, полное молчание. Может быть, администрация города считает, что слишком много юбилеев выпадает на 2013 год, например, такой значимый как 400-летие Дома Романовых.

Н. Х.: *Владыка, Вашу общественную деятельность мы хорошо знаем. Вы учредили премию имени Александра Невского. И мы гордимся, что прошлой осенью Вы присудили премию нашему журналу.*

Епископ Назарий: Казалось бы, какое отношение монастырь имеет к премиям? Но Александр Невский был такой всесторонний человек: и святой, и дипломат, и воин, и герой. Вот потому и родилась эта идея. И мне кажется, что премию эту получают такие издания, которые в другом месте не получают никакой премии. Почему? Потому что они пишут правду и далеки от конъюнктуры.

Н. Х.: *Завершая сегодняшнюю нашу беседу, мы испрашиваем Вашего благословения и хотели бы знать, какие с Вашей стороны будут пожелания нашему журналу.*

Епископ Назарий: Я ваш журнал заметил. И мы отметили его премией, пусть и символической. К сожалению, мы не можем людей материально поддержать. Но имя-то какое — Александр Невский! А это значит, что журнал полезен. И если вы будете продолжать в том же духе, у журнала есть будущее. Так что желаю многая лета. И не изменяйте тем принципам, которые вы положили в основу. Самое главное, честность, а конъюнктурщина, хоть в одну, хоть в другую сторону, недолговечна. А то приходят ко мне люди, бьют себя в грудь: «Да мы Церковь защищать!» Да это неправда! Мы приходим в церковь не для того, чтобы ее защищать, а чтобы самим спастись. Глава Церкви — Христос, и независимо ни от чего Церковь будет жить по обетованию Господню. А если честными будете, и те и другие будут вас уважать. Многая лета!

Н. Х.: *Благословите наших читателей.*

Епископ Назарий: Самое главное, чтобы и читатели умели читать. А то часто читатели стараются найти что-то между строк, чего и нет вовсе. Нужно быть не только честным писателем, но и честным читателем.

Н. Х.: *Благодарим Вас, Владыка, за столь откровенное и содержательное интервью. Мы будем не раз возвращаться к затронутым сегодня проблемам, и надеемся, услышать что-нибудь более утешительное об участии администрации города в подготовке к юбилею и о помощи в решении насущных проблем Лавры. А Вам разрешите пожелать успехов в Вашей многотрудной деятельности. Многая и благая лета!*

Интервью с Его Преосвященством Епископом Назарием специально для журнала «Родная Ладога» вела Наталья Харламова

Открытое ПИСЬМО

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО О ВОЗВРАЩЕНИИ РАКИ СВ. АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В АЛЕКСАНДРО- НЕВСКУЮ ЛАВРУ

Общественность Санкт-Петербурга обращается с просьбой о возможности возвращения великой реликвии — раки Св. Александра Невского — на ее историческое место, в Троицкий собор Александро-Невской Лавры Санкт-Петербурга.

Св. Благоверный князь Александр Невский — не только великий русский государственный деятель, но и один из главных покровителей и духовных символов северной столицы России. Основатель города Петр Великий лично внес мощи Александра Невского 30 августа 1724 года в тогда еще Александро-Невскую обитель. Позже был учрежден Орден Александра Невского, воссозданный во время тяжких сражений Великой Отечественной войны и сохраненный в новой России. Образ Александра Невского связывает разорванные в исторической памяти народа дореволюционный, советский и постсоветский периоды жизни нашего Отечества, а сам он выступает триединым символом — мудрого государственного мужа, отважного воина и святого подвижника. Совсем недавно — в декабре 2008 года — Александр Невский занял первое место в телеголосовании «Имени России» при участии миллионов людей (и преимущественно — молодежи).

Одним из прекрасных даров, принесенных памяти Александра Невского, является его рака — мемориальное надгробие, исполненное в середине XVIII столетия по повелению императрицы Елизаветы Петровны, «дщери Петровой». Западноевропейские и рус-

ские мастера создавали ее с 1746 по 1753 годы из серебра в стиле барокко, и по общему признанию, это уникальный, не имеющий аналогов в мире, памятник. После сооружения в 1790 г. архитектором И. Старовым Троицкого собора Александро-Невской обители туда была перенесена и эта драгоценная рака. Но в начале 1920-х годов, в горькие времена гражданских смут и гонений на Церковь, когда большое количество церковной утвари и реликвий были проданы за границу или вовсе уничтожены, раку Александра Невского передали на хранение в Эрмитаж. Тогда это казалось почти чудесным спасением уникального памятника, ибо только

*Рака с мощами
св. Александра Невского. Современный вид*

усилия музейной общественности уберегли раку от переплавки. Она стала украшением экспозиции Государственного Эрмитажа.

Ее спасли в безбожные 1930-е годы, сохранили в военное лихолетье.

Но настали иные времена. За последние двадцать лет многие храмы были возвращены Церкви, восстановлены из руин, покрыты замечательными росписями, украшены вдохновенными иконами. Однако, рака Александра Невского, считавшаяся одним из чудес северной столицы, продолжает оставаться музейным экспонатом, хотя еще с 2000 года православная общественность Петербурга, Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир обращались с просьбами вернуть святыню на ее законное место — в Александро-Невскую Лавру. С такой просьбой Митрополит Владимир обращался в Пасхальную ночь с 29 на 30 апреля 2000 года в Исаакиевском соборе к присутствовавшему на богослужении В. В. Путину. Позже Митрополит Владимир заявлял: «Исторически церковные святыни: святые мощи, чудотворные и чтимые иконы, раки, облачения, священные сосуды, утварь, — явились в недрах Церкви. Рака для мощей святого Александра Невского появилась и была поставлена именно в Александро-Невской Лавре. Естественно, что все святыни по всем международным юридическим и нравственным нормам и законам (касаясь, например, стороны соблюдения прав человека, общества и религиозных) должны находиться и покоиться в Церкви, в храмах».

*Рака с мощами
св. Александра Невского. Старинный рисунок*

Как известно, недавно Общественная палата выступила с инициативой придать особый статус религиозным музейным ценностям и подготовить проект нового закона «о передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения». Александр-Невская Лавра — один из главных духовных, исторических и культурных символов Петербурга, который по-

сещают миллионы людей — верующих и неверующих, паломников и туристов, петербуржцев и гостей града Петрова. Это монастырь общероссийского значения, который способен обеспечить сохранность мемориального надгробия своего небесного покровителя.

2010 год объявлен годом Александра Невского. Толчком для этого послужили результаты всенародного телеголосования «Имя России». Значимость фигуры Александра Невского для консолидации общества, для патриотического воспитания молодежи, во многом пока дезориентированной и лишенной идеалов, особенно возрастает.

Важным знаком общественного признания и государственного значения этой выдающейся личности в истории государства Российского мог быть стать акт торжественного возвращения раки святого на место его упокоения в Александро-Невской Лавре. Тем более, что 2010 год — еще и год юбилеев: Невской битвы, давшей знаменитое прозвище молодому князю, и Александро-Невской Лавры.

*Исполнительный совет Собора православной интеллигенции
Санкт-Петербурга*

**Валерий
ФИЛИМОНОВ**
**ДУХОВНИК
ЛАВРЫ**

*К 300-летию основания
Свято-Троицкой
Александро-Невской
Лавры*

Валерий Павлович Филимонов — русский писатель-агиограф, гл. редактор радио «Слово» и вестника «На страже Православия». Им созданы жития великих подвижников веры. Это прпп. Серафим Вырицкий, Варнава Гефсиманский и Феодосий Кавказский, и др. Книги автора — «Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа», «По вере вашей да будет вам», «Крестом отверзается небо», «Святое Православие и тайна беззакония — XXI век», и др. — известны во многих странах мира. Труды В. П. Филимонова одновременно явились и материалами к прославлению пяти святых, совершавших свои подвиги в годы трех революций, войн и гонений. **Живет в Санкт-Петербурге.**

*Итак будьте мудры, как
змеи, и просты, как голуби.*
(Мф. 10, 16)

В жизнеописании преподобного старца Варнавы Гефсиманского, изданном в 1907 году, находим упоминание о его духовном сыне, Василии Николаевиче Муравьеве, которому Промыслом Божиим через двадцать лет суждено было стать духовником Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры. Один духовный сын старца Варнавы — петербургский купец В. Н. М-в (здесь ясно следует понимать — Василий Николаевич Муравьев) еще при жизни старца видел знаменательный сон, который потом и рассказал самому старцу Варнаве.

«Виделось мне, — говорил он, — будто я иду на богомолье в Никольский монастырь, что близ моей родины в Гороховецком уезде (Гороховецкий уезд Владимирской губернии граничит с Ярославской и находится на полпути от Рыбинска до Иверско-Выксунского женского монастыря, основанного преподобным отцом Варнавой. — *Прим. авт.*) Во сне дорога показалась мне незнакомою, и я блуждал по лесу. Вдруг вижу: впереди меня идет старец с сумой за плечами и в руках топорик. Поравнявшись со старцем, я спросил у него, как пройти в Никольский монастырь. Старец сказал: «Пойдем, проведу тебя, я туда же иду». Вглядываясь в своего спутника, я признал в нем отца Серафима (святого преподобного Серафима Саровского) и сам спросил у него: «Батюшка, вы будете отец Серафим?» «Да, я Серафим», — ответил мне старец и мы продолжали свой путь по лесу. Отец Серафим остано-

вился подле попавшегося нам большого пня и сел на него, положив около ног суму и топорик. Сел рядом с ним и я. Вдруг с другой стороны от меня неожиданно явился батюшка Варнава и сел подле меня так, что я оказался среди обоих старцев, которые были очень радостны, облобызались между собой и стали что-то говорить. Но что они говорили между собой, я не мог понять и проснулся». Батюшка Варнава, выслушав этот рассказ только весело заметил: «Ну вот, был между нами, а не слышал, что говорили!»

Духовник Александро-Невской Лавры
старец иеросхимонах Серафим (Муравьев).
1927 год

носный старец Варнава. Тогда, в пору своей духовной молодости, будущий иеросхимонах Серафим (Муравьев) не мог понять, о чем говорили незабвенные старцы, однако, он был уже рядом с ними и шел с ними одним путем. Куда? В монастырь, к Николаю-угоднику... Видится здесь несомненная духовная близость, основанная на общности личных нравственных качеств, неуклонной ревности о правде Христовой и пламенной любви ко Творцу Всесвятому.

Господь испытывает праведного... (Пс. 10, 5), и всему, происходящему на пути избранных Его, определен свой час. Как правило, проходят они через многие искушения, в которых очищается и укрепляется их душа во благих своих намерениях. Сам Спаситель ведет их неисповедимыми путями, приуготовляя к возложенному на них служению. Пришло время, когда по воле Божией, вышел к людям и отец Серафим — вышел, чтобы врачевать и исцелять души человеческие.

Открывается глубокая мистическая связь между тремя великими подвижниками. Современники находили большое духовное родство между старцем Гефсиманского скита иеромонахом Варнавой и преподобным Серафимом Саровским. Их надгробия увенчаны одинаковой надписью: «Он жил во славу Божию!» Самою своей жизнью прославляли они имя Божие в сердцах человеческих. Воистину евангельской любовью служили они Господу и ближним, а для Василия Николаевича являлись они живыми образами жизни во Христе. С необычайным благоговением относился он к обоим старцам, постоянно общался с ними молитвенно, и не случайно его первое монашеское имя — Варнава, а второе — Серафим.

Какой дивный пророческий сон! Лес — дебри мирской жизни, путеводитель — святой преподобный Серафим Саровский, а встретившийся в пути странник — блаженной памяти духо-

Россия переживала трудный период — закат НЭПа и разгром истинного крестьянства, начало великих строек и сталинских гонений. Многие чада Церкви Христовой находились тогда в большом замешательстве. Страх и отчаяние охватывали целые семьи. Как найти выход из создавшегося положения? Как спастись в бушующем мире? Как уберечь от торжествующего зла себя и своих родных?

Самые разнообразные вопросы приходилось решать духовнику Александро-Невской Лавры. Вот как описывает служение истинного наставника богоносный святитель Игнатий Брянчанинов: «Один род служения ближнему, которое мне нравится, мне по душе, — служение словом Богоугодным и полезным, руководствующим во спасение...

Величайшее, единственное благо для человека — познание Бога. Прочие блага в сравнении с этим благом недостойны называться благами. Оно — верный залог вечного блаженства — и в самом земном странствовании нашем оно доставляет высшие и обильнейшие утешения. В величайших бедствиях и скорбях, когда уже все прочие утешения делаются недостаточными, бессильными, — оно сохраняет всю свою силу. Оно — величайший дар Божий. Блаженнейшее, высшее служение на земле — привлекать в себя этот дар Божий покаянием и исполнением евангельских заповедей, сообщать его ближним. Счастлив тот, кому вверено такое служение... С этим служением несовместимы попечения земные. Оно требует, чтоб служитель был прост и невинен, как младенцы, — был так чужд сочувствия ко всему вожделенному и сладостному мира, как чужды его младенцы. Надо потерять самое понятие о зле, как бы его вовсе не было, иначе понятие о добре не может быть полным. Любы, которая союз совершенства, не мыслит зла, сказал Апостол. Надо столько преуспеть в добре, чтоб тотчас сердечным духовным ощущением познавать приближающееся зло, как бы оно прикрито и замаскировано ни было, немедленно, с мужественною решительностью отвергать его — и пребывать неизменно благим, благим о всеблагое Господе, дарующем свою благодать человеку...»

Иеросхимонах Серафим был верным учеником Христа, призывающего к себе всех скорбящих и обремененных. Самоотверженной любовью служил он на пользу ближним, и к нему начинают тянуться люди, — он никому не отказывал. Помимо монашеской братии, ему приходилось ежедневно принимать множество исповедников-мирян. Сочетая в себе высочайшие духовные качества с богатейшим жизненным опытом, отец Серафим был незаменимым наставником и верным другом для каждого посетителя. Нельзя было не удивляться его светлому уму, находчивости в ответах, мудрости в преподавании советов и наставлений. Для всех он был одинаково доступен, для всех находил он слова отеческой любви. Было в нем какое-то особое обаяние, и человек, однажды пришедший к нему, запоминал эту встречу на всю жизнь. Многие живые примеры, свидетельствующие о деятельности иеросхимонаха Серафима (Муравьева) на поприще духовника Александро-Невской Лавры приведены в третьей части книги.

Молва об отце Серафиме, как об истинном слуге Божием, широко разнеслась по северной столице и за ее пределами. С раннего утра до глубокой ночи стекалось к нему все больше и больше людей за получением благословения, за советом в трудных обстоятельствах, за молитвенной помощью и утешением в скорбях. Он стал воистину народным духовником.

Под его окормлением находилось великое множество духовных чад — мирян, иноков, священников и архиереев Русской Православной Церкви, среди которых были такие выдающиеся иерархи, как епископ Шлиссельбургский Григорий (Лебедев) и епископ Колпинский Серафим (Протопопов) — будущие новомученики; епископ Петергофский Николай (Ярушевич) — впоследствии митрополит Крутицкий и Коломенский; архиепископ Хутынский Алексей (Симанский) — впоследствии, с 1945 по 1970 год, Патриарх Московский и всея Руси Алексей I.

Уже в ту пору явственно стали проявляться в отце Серафиме духоносные дары, полученные от Господа. По этому поводу в церковных кругах хорошо известен один, весьма многозначительный эпизод.

...В конце 1927 года архиепископ Алексей (Симанский), управлявший тогда Новгородской епархией, приехал к духовнику Александро-Невской Лавры за советом и молитвой. Он находился в смятении, так как очень опасался ареста и гонений за свое княжеское происхождение. «Отец Серафим, не лучше ли мне уехать за границу?» — спросил архиерей. «Владыка! А на кого Вы Русскую Православную Церковь оставите? Ведь Вам Ее пастить!» — последовал ответ старца. «Не бойтесь, Сама Матерь Божия защитит Вас. Будет много тяжких искушений, но все, с Божией помощью, управится. Оставайтесь, прошу Вас...» Так отец Серафим предсказал владыке Алексею его будущее служение за 18 лет до избрания на патриаршество. Указал лаврский схимник будущему патриарху и срок его первосвятительского служения — 25 лет. Таким же образом неоднократно подавал он неоценимые советы и другим своим духовным чадам.

«В духовнике, по мнению моему, великое достоинство — простота, неуклонное последование учению Церкви, чуждое всяких своих умствований», — отмечает святитель Игнатий Брянчанинов. Эти слова в полной мере можно отнести к служению отца Серафима. В раскрытых перед ним людских сердцах он видел все — глубокую скорбь, отчаяние разбитой жизни, потерю близких, рухнувшие надежды, бремя болезни, тяжкое раздумье безвыходного положения или беспомощность сиротской доли. В его отзывчивой душе всегда рождались самые нужные для человека слова. Как дивно совмещались в них глубина старческой мудрости с детской простотой! Казалось, Сам Господь вкладывал их в его уста.

Батюшка Серафим всегда так искренне входил в положение каждого исповедника, что казалось, будто он еще глубже переживает все то, что и его подопечный: «Ну, что же мы за монахи! Все грешим, да грешим... Ну, да ладно, сынок, Бог простит нас, если с сегодняшнего дня положим доброе начало — будем противостоять греху и виновнику его, диаволу...» Что можно сказать в ответ на такие слова? Вразумленным ученикам оставалось только благодарить Господа за то, что имеют такого наставника и дерзновенного перед Богом молитвенника. Людские сердца сами открывались на голос любви и сочувствия, а старец от всей души сорадовался с радующимися и соскорбел со скорбящими, был серьезным и полезным собеседником для деловых людей, отечески ласков с детьми и старушками. Прежде всего, он искал для всякого, пришедшего к нему, духовной пользы, но умел делать это незаметно. Его сияющие голубые глаза, казалось, заглядывали в душу исповедника. Порою одной, кротко произнесенной фразой, несказанно ободрял он своих духовных чад: «Молись...», «Терпи...», «Господь

умирит злобное сердце...», «Святой преподобный Серафим поможет...», «Господь исцелит...», «Николай угодник вразумит твоё чадо...», «Матерь Божия не оставит землю русскую...» И сбывались слова старца — отступали скорби и невзгоды, все земное становилось суетным и ничтожным. А милосердный Господь открывал через него Свою волю всем, кто искренне желал сподобиться грядущих небесных благ. Так, шаг за шагом, вел ко спасению вверенную ему часть малого Христова стада смиренный отец Серафим. От него все уходило успокоенными, радостными и обновленными его необыкновенной любовью. Однако, не все догадывались, что это была лишь видимая сторона его подвига.

Служение братского и народного духовника отец Серафим совмещал с деланием великосхимника. Он достиг такого преуспевания в умной молитве, что она будто бы слилась с его дыханием. Ночами же предавался он молитве за весь мир, а утром вновь спешил к ожидавшим его многочисленным исповедникам, чтобы исцелять души человеческие словом Божиим. Видимо, Сам Господь придавал ему силы, обновляя в ночных молитвах запасы той великой духовной энергии, которая проявлялась в неустанной бодрости при ежедневных и явно непосильных для иного трудах.

ПУТЬ К НЕБУ

Более же всего облекитесь в любовь...

(Кол. 3, 14)

Исполняя закон Христов, великодушно и смиренно нес тяготы ближних духовник Александро-Невской Лавры.

Епископ, который был еще и великим старцем, святитель Игнатий (Брянчанинов) пишет: «Человек может быть в трех состояниях: в естественном, нижеестественном и вышеестественном. Эти состояния иначе называются: душевное, плотское, духовное. Еще иначе: пристрастное, страстное, бесстрастное. Нижеестественный, плотской, страстный есть служащий вполне временному миру, хотя бы он и не предавался грубым порокам. Естественный, душевный, пристрастный есть живущий для Вечности, упражняющийся в добродетелях, борющийся со страстями, но еще не получивший свободы, невидящий ясно ни себя, ни ближних, а только гадательствующий, как слепец, ощупью. Вышеестественный, духовный, бесстрастный есть тот, кого осенил Дух Святой, кто будучи исполнен Им, действует, говорит под влиянием Его, возносится превыше страстей, превыше естества своего. Такие точно: свет миру и соль земли, видят себя, видят и ближних, а их увидеть может только подобный им духовный. *Духовный судит о всем, а о нем судить никто не может* (1 Кор. 2, 15), говорит Писание. Такие встречаются ныне крайне редко. В жизни моей я имел счастье встретить одного, и доньше странствующего по земле, — старца, лет около 70, из крестьян, малограмотного: он жил во многих местах России, на Афонской горе, — говорил мне, что и он встретил только одного...» (5, с. 288–289). Эти строки были написаны святителем Игнатием в 1847 году...

По милости Божией отец Серафим стал одним из тех редких людей, которых святоотеческое учение называет духовными. Освобожденный от мирских привязанностей и пристрастий, он смотрел на все земное глазами

внимательного наблюдателя и рассуждал обо всем бесстрастно, а потому и объективно. Подвиг служения ближним, служения словом назидания — был для него источником радости и утешения. Люди, живущие духом, а не плотью, имеют особые свойства. Батюшка Серафим имел дар принимать помыслы своих посетителей. Его душа видела состояние души другого человека по слову преподобного Иоанна Лествичника: «Совершенно очистившийся от страстей видит даже душу ближнего, хотя не самое существо ее, но в каком она находится устроении и каковы ее расположения и чувствования».

*Свято-Троицкий собор
Александрo-Невской Лавры*

Братия, не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни (1 Кор. 14, 20) — вот образ жительство, начертанный в Евангелии, который стяжал любвеобильный старец. Он был удивительно кроток, ласков и благодушен ко всем. Сразу покоряя своих посетителей воистину младенческим незлобием и чистотою, отец Серафим удивлял их

высочайшим даром духовного рассуждения. Поразительно было общение с подвижником, на котором Господь живо отобразил черты нового человека — порою одного взгляда на его добродетельную внешность было достаточно, чтобы получить внутреннее спокойствие, радость в сердце и избавиться от всякой скорби.

В свою очередь духовник Лавры с одного взгляда умел постичь суть, внутреннее состояние человека. Как правило, говорил коротко, но очень сильно, вкладывая в душу собеседника самое для нее главное. Порою же, с людьми, искренне искавшими спасения, беседовал подолгу, врачуя душевные немощи спасительным бальзамом Слова Божия, святоотеческих наставлений и мудрых советов, проверенных на собственном духовном опыте.

Отца Серафима отличало постоянное благоговение перед судьбами Божиими. К этому благоговению и покорности Богу приводил он и своих духовных детей. «...Всемогущий Господь управляет миром, и все, вершащееся в нем, совершается или по милости Божией, или по попущению Божию. Судьбы же Божии непостижимы для человека. Три святых отрока в печи Вавилонской исповедовали Бога и воистину верили, что все духовные и гражданские бедствия, попущенные на них и на израильский народ, попущены по праведному суду Божию. Только такое воззрение на сущность всего происходящего привлекает в душу мир, не попускает увлекаться разгорячением, направляет зрение ума к Вечности и доставляет терпение в скорбях. Да и сами скорби представляются тогда кратковременными, ничтожными и мелочными. Не сетуй на тяжесть креста, в день скорби поведай печаль Твою Господу, и Он утешит тебя», — наставлял батюшка тихим и мягким голосом, в котором всегда звучали какие-то особенно добрые нотки.

Алекسانдро-Невская Лавра стала для иеросхимонаха Серафима (Муравьева) той школой духовного врачевания, где он, совершенствуя других, постоянно совершенствовался сам, на деле исполняя заветы преподобного Серафима Саровского. Лаврский духовник глубоко переживал каждое духовное движение исповедника. Здесь, в Лавре, он сполна изведal мрачную картину многоболезненности человечества, одержимого различными страстями и душевными недугами.

Феодоровский корпус Лавры. В левом крыле, примыкающем к Троицкому собору, за вторым и третьим окном второго этажа — келлия отца Серафима, за четвертым окном — келлии архимандритов Гурия и Льва (Егоровых)

Чутко сопереживая чужим скорбям, отец Серафим, буквально, ощущал на себе телесные страдания и немощи болящих, горевал вместе с кающимися и чувствовал тяжесть их грехов. Однако, никого никогда не осуждал, а все грехопадения людей приписывал лишь злобе врага рода человеческого: «Старайтесь хранить себя от сетей, расставленных вне и внутри человека, и всячески прикрытых подобием правды. Они легко познаются по тому, что лишают душу мирного устройства. Где нет мира, там козни врага спасения. От Христа исходят истина и святое смирение. Мир Христов — свидетель истины», — так, по воспоминаниям ближних, назидал отец Серафим ищущих Господа.

Мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы — рабы ваши для Иисуса (2 Кор. 4, 5), — эти апостольские слова смиренный духовник Лавры носил в своем сердце. Наставничество было для него беспрекословным послушанием Единому Богу. Он воистину был слугою Господу и ближним.

Обращаясь к наставникам, преподобный Серафим Саровский говорит: «Сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии, все где-нибудь да прозябнет и возрастет, и плод принесет, хотя и не скоро.

Раздавайте дары сии благодати Духа Святого требующим, по примеру свечи возженной, которая и сама светит, но и другие свечи, не умаляя собственного огня, зажигает». Так и поступал в своей пастырской жизни иеросхимонах Серафим (Муравьев), верный хранитель Христова учения и заветов Святой Православной Церкви.

В суровые морозные зимы неглубокие речушки порою промерзают до самого дна. Однако, с первыми лучами весеннего солнца начинают они оттаивать, возвращаясь к жизни, чтобы затем, в тихие летние дни, явить свою зеркальную гладь, в которой отражается небо во всей глубине и красоте его.

Таким благодатным лучом — лучом Солнца правды Христовой был отец Серафим. Мягким прикосновением умел он растопить лед в сердцах человеческих. Согревая души живым участием и любовью о Господе, пробуждал он их от греховного сна. Часто приходили к нему люди неверующие

или малOVERы, которые требовали особого попечения. Их душевные недуги старец всегда врачевал духом кротости. Незаметно для человека приводил подвижник его к осознанию своей греховности, возрождая к новой, благодатной жизни. «Уж сколько мы от Бога ни бегаем, все равно никуда не уйдем! Будем же умолять Господа, чтобы сохранил Он нас в верности Святой Православной Церкви, — с чувством глубокой веры говорил батюшка. По его советам многие оставляли греховную жизнь, стремились к духовному совершенствованию, забывая мирские привычки и пристрастия. В душах этих людей рождались искреннее покаяние и любовь к жизни целомудренной, а мудрый старец вселял в их сердца надежду на милосердие и человеколюбие Божие, умело приводя своих чад в спокойное состояние духа. Часто люди, у которых по советам подвижника устраивалась жизнь, приходили с искренними слезами благодарить его, на что смиренный схимник кротко отвечал: «Что я? Преподобного Серафима благодарите — это по его молитвам нисходит к немощам нашим Небесный Врач...» «Это Всеблагая Царица Небесная из беды вас вызволила — по вере вашей да будет вам...»

Смирение — божественное свойство, возводящее человека от земли к небу, туда, где находится истинное Отечество наше. Туда, где вечное и незаходимое Солнце наше — Христос, где веселятся праведники в обителях света. Туда-то, к вечной радости, в горний Иерусалим, и возводил мало-помалу души своих подопечных отец Серафим. Земное и временное никогда не заслоняло от его духовных взоров блаженной Вечности. К этому приучал батюшка и своих духовных детей. *О горнем помышляйте, а не о земном,* — назидает апостол Павел, — *облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благодать, смиреномудрие, кротость, долготерпение, снисходя друг к другу и прощая взаимно, если кто на кого имеет жалобу: как Христос простил вас, так и вы. Более же всего облекитесь в любовь...* (Кол. 3, 2, 12–14).

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

ПОЭЗИЯ

Евгений ЮШИН «ВСЕ, ЧТО СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ...»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в 1955 году в г. Озеры Московской обл. Детские годы прошли на Оке и на Воже: в рязанской деревне Лужки. Школу и пединститут закончил в Улан-Удэ. С 1978 г. работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же руководил ЛИТО «Магистраль». В 1986 г. перешел на работу в журнал «Молодая гвардия», где сначала руководил отд. поэзии, а в 1999 г. стал главным редактором. Стихи Е. Юшина широко публиковались в центральных журналах, альманахах и газетах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский языки. Он автор девяти поэтических книг, лауреат многочисленных литературных премий. Живет в Москве.

* * *

Всему ответить надо:
Ручью и облакам,
Тропинке, что из сада,
Как детство, светит нам,
Дождям седым и синим,
Избушкам возле рек,
Проселку, что Россию
Ведет из века в век.

Всему честному свету
Ответить мне пора:
Угрюмому соседу,
Что косит от утра,
Зарнице над лесами,
Туману на селе...
Они ведь вместе с нами
Проходят по земле.

* * *

Шла телега по большой дороге,
Колею водила за собой.
Перепелка плакала у стога,
И звезда мерцала над избой.

Шла телега с сеном ли, с поклажей,
В жарких лентах свадеб и потех.
Шла телега по деревне нашей,
Но уткнулась в XXI век.

Колея скривилась, соскользнула
С хоженной дороги под откос.
И телега тягостно уснула
Вот у этих пашен и берез.

Может быть, она навек устала
Или просто горько поняла:
Этот век бензина и металла
Колея ее не приняла.

С думами о Боге и о счастье,
С думами о счастье и о Боге
Шла телега в дождике нечастом,
Шла деревня
по большой дороге.

* * *

А у нас в деревне за домами,
За печными синими дымами
Тишина и снег — во все пути.
Лисий след у поля на груди.

По дороге — искры, по дороге
Вьются звезды, ометая ноги,
И на ель у кладбища, как плед,
Восковой ложится лунный свет.

Скрип да скрип по снегу молодому.
Хорошо идти к родному дому.
Лай собачий из чужих дворов —
Так, на всякий случай, от воров.

Да и вор какой сюда заглянет?
Да и что он за собой потянет?
Этот снег? Дорогу? Облака?
Их душа удержит — не рука.

И глядит луна, глядят деревья
На дымки моей родной деревни.
Скрип да скрип — иду в свою избу,
Скрип да скрип — несу свою судьбу.

* * *

Поплыли селенья на том берегу,
Поплыли холмы и овраги.
И все, что недавно лежало в снегу,
В весенней запенилось браге.

Пустынные дали разбил ледоход,
Поплыли скуластые льдины.
У пристани старой проснулся народ,
Скользит сапогами по глине.

Выводит петух засидевшихся кур.
От облака — длинные тени.
У Любки-буфетчицы — синий прищур
И солнцами светят колени.

Анюта соседу несет молока.
Наладил сетенку Василий...
Пока что не громко, пока что слегка,
А все ж, оживает Россия.

МАРТОВСКИЙ СНЕГ

Снег подталый, золоченый,
Ноздреватый, острый, злой,
Солнцем точеный, каленый —
Не смести его метлой.

В горсть сожму — и справа, слева,
Словно из худой сумы,
Между пальцев льется небо
Нами прожитой зимы.

В нем пастух дорогу будит,
В нем отца последний путь.
Все, что сердце не забудет
И чего не возвернуть.

В половодье все утонет,
Все сравняет даль и высь.
И гудит огонь в ладони —
Убегающая жизнь.

* * *

И сердцу в радость, и душе в угоду
Брести и наблюдать по сентябрю
Реки прозрачной тающую воду
И не спеша идущую зарю.

И никогда не надоест дорога
С улыбчивым рябиновым кустом,

И светит золотым яичком стога
Пустое поле в воздухе пустом.

Не надоест дымок над крышей дома,
И сосен шум, и облака полет.
И ежиком топорщится солома...
И светел дождь у маминых ворот.

* * *

Совсем опустели и доли, и дали.
Березы несут золотые медали.
По водам пустынным гуляют ветра,
И дождик вчерашний глядит из ведра.

Умоюсь из бочки. Свежо и отрадно.
Смеются девчонки у школьной ограды.
За листьями лодка скользит по реке.
Сухая былинка уснула в руке.

Растаяли звонкие летние ситцы,
Как легкие листья, как дальние птицы.
И катится, катится велосипед,
И солнце — на спицах, и в зеркальце — свет.

И небо свободно, и пажити голы.
Совсем опустели и дали, и доли.
И думать легко, и приятно смотреть
На осень, на озимь, на синь и на медь.

* * *

Надо жить и радоваться жизни,
Наслаждаться каждым новым днем,
Потому что никому не вызнать,
Сколько мы на свете проживем.

Рухнет гром и разойдутся травы.
Все живем у бездны на краю.
Луговой цветок не ради славы
В душу улыбается твою.

Оглянись! Прошла еще минута,
На минуту стал короче век.

Жизнь идет, но люди почему-то
То весну зовут, то первый снег.

Сколько дум зарыто в этих пашнях,
Где поют и злаки, и цветы!
Сколько жизней спит отликовавших,
Так и не дождавшихся мечты!

Тут их тьма и тьма, и тысяч тыщи.
Жизнь — сейчас. Грядущее — во мгле.
Ходят, ходят люди по кладбищу,
Ищут свое место на земле.

* * *

Кочка серая, как ежика.
Небо серое. День ослаб.
И с деревьев больших и тихих
Баннй дождичек — как да кап.

Поржавело осин железо.
И грибной настоялся дух.
И у самого края леса
Ворошит костерок пастух.

Шевелись под ногой, дорога!
По верейкам, где темен путь,

Мимо дождика, мимо стога
Выйду к дому я как-нибудь.

У меня на плаще медали
От берез, от сосновых шил.
А медали полны печали —
Вот что к осени заслужил.

Дома в печку полено брошу,
Чай поставлю, достану мед.
И в трубе забушует роща,
Спелым солнышком запоет.

* * *

Нам все даровано с рожденья:
Родные люди, отчий дом,
Цветы лугов и звезд круженье,
И взгляд родимый за окном,
Любовь, друзья и стылость буден,
Туман дорог, отец и мать,
И все, что мы по жизни будем
С годами горестно терять.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

НАШ НОВЫЙ СОБОР

*XIV Всемирный Русский
Народный Собор:
«Национальное
образование: формирование
целостной личности
и ответственного
общества»*

*(Храм Христа Спасителя,
25-26 мая 2010 года)*

Было же когда-то на Москве сорок сороков церквей. Не уберегли их русские люди от вражьего разграбления, отдали на поругание. Но, слава Богу, кажется, одумались потомки и взялись всем миром за восстановление. И Храм Христа Спасителя, храм, построенный во славу воинских побед России, на прежнем своем месте вознес в небеса купола и кресты над русской столицей, восстал из небытия в прежнем величии, в животворящей красоте. И вокруг него нарождаются новые соборы, пусть не обнесенные видимыми стенами, не увенчанные золотыми куполами, но не менее значимые. И прибывает их год от года. Вот и в этом году, объявленном в нашей стране Годом учителя, 25–26 мая, вознесся новый, XIV Всемирный Русский Народный Собор. Это уникальное духовное здание, где представителями государства, общества и Церкви могут свободно обсуждаться любые вопросы во благо нашего Отечества. Нынешний Собор был посвящен теме: «Национальное образование: формирование целостной личности и ответственного общества».

Традиционно, на протяжении веков, школа в России была не только инструментом передачи знаний, но и занимала главенствующее место в системе нравственного воспитания. В современном российском обществе ситуация резко изменилась, с середины 90-х годов был провозглашен ложный принцип, необоснованный подход, согласно которому школа, на всех ее уровнях, лишалась исторического права заниматься воспитанием, ограничивалась лишь передачей фактических знаний, выраженных в строго рациональных формах — в языке, в логических и математических конструкциях, текстах и пр. Для специалистов-технократов этого было бы достаточно, но

для формирования творческой личности несравненно мало. Любой творческий акт всегда представляет собой гармоническое сочетание рациональных и иррациональных факторов. Исторически известно, чтобы создать благоприятные условия для творческой личности, необходимо в той или иной форме включать в учебный процесс и иррациональные компоненты — образно-эмоциональные, интуитивные, этические, ценностные и пр. Особую роль в процессе обучения играет религия. Творческий человек обязательно обращается к Богу. Уже много столетий существует тезис о том, что «малое знание удаляет нас от Бога, а большое — приближает к Нему». Так не потому ли наше время становится временем «малого знания», упрощенного образования, чтобы отдалить человека от Творца. Кажется, сегодня это во многом удастся, несмотря на каждодневный, самоотверженный труд педагогов. О значимых достижениях и концептуальных, ценностных ошибках системы современного российского образования, о том, что страна, преодолев глобальный экономический кризис, оказалась перед лицом несравненно более опасного для нее нравственного кризиса, ведущего к разрушению личности, шла речь на XIV Всемирном Русском Народном Соборе, проходившем под председательством Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла.

Президиум Собора

Торжественное открытие Собора и пленарное заседание состоялись в зале Церковных соборов Храма Христа Спасителя. Церемонию открытия возглавил глава ВРНС Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В президиуме заседания ВРНС также находились С. В. Медведева, председатель Попечительского совета целевой комплексной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России»; В. Н. Ганичев, заместитель главы ВРНС, Г. С. Полтавченко, полномочный представитель Президента Российской Федерации в Центральном федеральном

округе; С. В. Лавров, министр иностранных дел России; А. А. Авдеев, министр культуры; А. А. Фурсенко, министр образования и науки; А. П. Торшин, заместитель председателя Совета Федерации; Л. К. Слиска, заместитель председателя Государственной Думы; А. М. Бабаков, заместитель председателя Государственной Думы; С. А. Попов, председатель Комитета Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций; Ю. М. Лужков, мэр города Москвы; Н. С. Михалков, председатель правления Российского фонда культуры, председатель правления Союза кинематографистов России; Н. Б. Жукова, председатель Региональной общественной организации «Клуб “Реалисты”», член бюро Президиума ВРНС. В работе Собора приняли участие митрополит Калужский и Боровский Климент, председатель Издательского Совета Русской Православной Церкви; архиепископ Рязанский и Касимовский Павел; архиепископ Вере́йский Евгений, председатель Учебного комитета Русской Православной Церкви, ректор Московской духовной академии и семинарии; профессор В. А. Алексеев, президент Международного фонда единства православных народов; старообрядческий митрополит Московский и всея Руси Корнилий; председатель Центрального духовного управления мусульман России Талгат Таджуддин и другие.

Собравшихся приветствовал заместитель главы ВРНС В. Н. Ганичев, который поздравил Предстоятеля Русской Православной Церкви с отмечавшимся накануне днем тезоименитства и объявил об открытии Собора. В своем кратком вступительном слове известный писатель, доктор исторических наук вспомнил об истории предыдущих тринадцать Соборов, первый из которых состоялся в тревожном 1993-м году, упомянул о более тридцати прошедших соборных встречах и особо подчеркнул, что никакие современные, важные для развития общества экономические, инновационные вопросы не смогут быть реализованы без духовного возрождения личности. В частности, он сказал: «Есть убежденные сторонники только рыночных экономических действий, создания технологических стопоров, другие выступают за жесткие государственные или межгосударственные меры. Нам в России было бы глупо все это подряд отрицать, но не менее гу-

Выступление В. Н. Ганичева

бительно было бы уповать только на усилия государственных структур, элиты мировых корпораций, не потратив время на диалог с сообществом, с массой людей, отдельными их группами, определяя соборное мнение. Это было бы почти смертельно для будущего образования. И, может быть, наиболее губительно было бы превращение нашего национального образования в некое чиповое сознание, в набор технологических приемов, в насыщении его только чувствительными приборами, методиками, не заботясь о его чувствительной душе, о воспитании, о совести, о постижении исторической великой традиции нашего народа — самопожертвовании, о собирательности целостной личности.

Например, если мы выдернем из нашего образования или истончим полнокровные духовные стержни — литературу и историю, — то никакой духовный реактор уже не возгорится в будущем и не даст тепла нации. Сотни вопросов возникают в обществе и пока еще есть тысячи людей, которых интересует судьба детей, молодежи, надо широко обозначать их в СМИ, на конференциях, на встречах, чтобы не создавалось впечатления о том, что вопросы для нашей школы, образования притекают откуда-то извне — то ли из Болоньи, то ли из школ восточных единоборств. На нынешнем Соборе одна из секций ставит задачу обобщить опыт народной педагогики. Думаем, что овладеть ею, поставить рядом с мировым опытом вполне уместно».

С обстоятельным, концептуальным словом к участникам XIV Всемирного русского народного собора обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

О необходимости духовно-нравственной составляющей современного российского образования говорилось почти в каждом докладе, в каждом приветственном слове, в частности, в приветствиях от имени Президента

Выступление С. В. Медведевой

РФ Д. А. Медведева и Премьер-министра РФ В. В. Путина, зачитанных Г. С. Полтавченко и А. А. Фурсенко. К сожалению, высокое собрание не удостоилось от А. А. Фурсенко, человека непосредственно заинтересованного в участии в этом важном мероприятии, ни личного комментария, ни даже присутствия. Министр образования покинул зал вскоре после прочтения приветствия В. В. Путина. Зато выступление Светланы Медведевой, обнадежило в смысле четкого понимания неотложных задач и видения конкретных методов их решения.

Министр иностранных дел С. В. Лавров подчеркнул в своем выступлении, что у всего человечества общие духовные ценности, и нравственность лежит в основе международных отношений, которые должны базироваться на общей для всех стран системе безопасности в Европе. А в случае военного противостояния духовные опоры придают особую силу. Мэр Москвы Ю. М. Лужков в своем, как всегда, эмоциональном выступлении отметил важное значение нового государственного праздника — Дня славянской письменности и культуры, прославляющего просветителей земли Русской равноапостольных Кирилла и Мефодия, 24 мая. Страстное выступление знаменитого кинорежиссера Н. С. Михалкова не укладывалось в рамки приветствия. Образным, запоминающимся словом он выразил тревогу своей души, болящей за Отечество, у которого может не оказаться будущего, если оно не выработает иммунитет к злу. Говорил Никита Сергеевич о том, что мы расслабились, мы не готовы воспринять правду о войне, проникнуть в чужое горе. Все это имеет непосредственное отношение к образованию, которое дает сегодня лишь ответ на вопрос — как жить. А главный вопрос бытия — зачем жить! На него должны давать ответ в современной школе в соответствии с исконными национальными традициями. Выступление Н. С. Михалкова было встречено длительными аплодисментами.

Вопросам кинематографа, вообще, уделялось достаточно внимания на Соборе. Его значимость в воспитательном процессе была особо подчеркнута высокой церковной наградой, которую Патриарх Кирилл вручил кинорежиссеру В. Хотиненко за его новый фильм «Поп». О необходимости сохранения нравственной культурной традиции говорили на Соборе министр культуры А. А. Авдеев, заместитель председателя ГД Л. К. Слиска, представители основных государственных религиозных конфессий. Княгиня Куликовская-Романова, будучи убежденной, что сегодня в мире идет борьба за нового русского человека, и весь мир ждет ее разрешения, на примере своей семьи поделилась воспоминаниями о мудрой, выверенной системе образования в дореволюционной России. Запомнилось эмоциональное выступление депутат ГД Е. Б. Мизулиной о сути и намерениях Ювенальной юстиции, в отношении к которой, как она заключила, «можно быть только против». Особое внимание и одобрение вызвало выступление ректора Арзамасского государственного педагогического института Е. П. Титкова, который говорил с нескрываемой болью о том, что происходит с учителем, о том, что можно этому противопоставить. Он называл на его взгляд виновных, говорил горькие вещи.

Горькие слова о состоянии дел в сельской школе, которая численно сокращается за счет закрытия якобы неперспективных, малонаполняемых учреждений, о проблемах преподавания истории, литературы, русского языка, о трудностях введения в школьную программу предмета религиозно-нрав-

Заседание Собора в зале Церковных Соборов в Храме Христа Спасителя

твенного воспитания звучали в секционных выступлениях во второй день работы Собора. Выдвигались четкие, продуманные рекомендации людей, непосредственно связанных с образовательным процессом. Это было особо значимо в связи с тем, что на пленарном заседании было отмечено, что в министерстве образования, оказывается, не работает ни одного учителя. Министерство состоит практически из одних только чиновников. По-иному воспринимались во многих выступлениях учителей и нетерпимые слова в адрес злополучного ЕГЭ, внедрение которого, как было озвучено с высокой трибуны, в российской школе финансируется из-за рубежа, на деньги западных фондов. Последние, конечно же, нельзя заподозрить в желании безвозмездно укреплять образовательные основы современной России, скорее, наоборот, видится стремление разрушить исторические связи.

Много жизненно важных вопросов было поставлено и рассмотрено в процессе работы шести секций, различающихся тематически. Это были секции: «Русский язык, литература и история. Миссия учителя», «65-летие Победы. Школа и ее роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения», «Права ребенка, поддержка семьи и национальные традиции воспитания», «Межнациональные отношения в школах и ВУЗах: проблемы и решения», «Наша новая школа и духовно-нравственное воспитание: традиции и инновации», «Семейная педагогика: традиции, опыт и проблемы». Каждая секция разработала свою резолюцию. Наиболее четкие, тезисные, заслуживающие внимания положения прозвучали в Союзе писателей РФ на секции «Русский язык, литература и история. Миссия учителя». Она работала под председательством В. Н. Ганичева. По результатам докладов и выступлений писателей, учителей, преподавателей высшей школы, деятелей культуры постановили:

— «Учебные предметы история, литература и русский язык, — это явления стратегического порядка, ибо это средства, с помощью которых, народ обеспечивает собственное существование во времени, собственное духовное и культурное воспроизводство.

— Одной из самых насущных задач современного образования является разработка национально ориентированных учебных предметов история,

литература и русский язык, основанных на традиционных духовных, нравственных, культурных и исторических ценностях нашего народа.

В этом отношении Всемирный Русский Народный Собор выражает поддержку благотворительному образовательному проекту «Гордиться славою своих предков» (издательство «Русское слово»), в рамках которого осуществляется подготовка и издание учебно-методических комплектов по истории для общеобразовательных учреждений.

В качестве первичных мер по преобразованию гуманитарного образования России предлагаем:

- Остановить ликвидацию малых школ — последней опоры российской деревни.

- Не допустить перевода на платную основу части содержания общего среднего образования, т. е. государственного финансирования лишь небольшой части общего образования.

- Прекратить бездумное копирование европейских стандартов образования, зачастую устаревшего и не отвечающего отечественным национальным интересам.

- Рекомендовать включить православный компонент в стандарты и программы по истории, литературе и русскому языку России; увеличить в школьных курсах и курсах гуманитарных предметов количество материала, посвященного изучению истории Русской Православной Церкви и других традиционных конфессий России.

- Ввести в курсы истории и обществознания изучение творческого наследия православных мыслителей (Отцов Церкви, русских православных мыслителей XI–XX вв.).

- Рекомендовать для гуманитарных классов профильной школы изучение спецкурсов «История русской святости».

- Отменить ЕГЭ по истории, литературе и другим гуманитарным наукам, как не соответствующий содержанию и назначению учебного предмета.

- Возвратить экзамены по литературе (в виде сочинения) и истории (устно) в число обязательных федеральных экзаменационных испытаний, наряду с русским языком и математикой.

- Создать курсы подготовки и переподготовки преподавателей истории и обществознания, литературы и русского языка на базе педагогических вузов с участием РПЦ. Поддержать организацию и проведение постоянно действующего семинара «Методология изучения образования как историко-культурного наследия».

- Подготовить на всех уровнях достойную встречу 200-летию Бородинского сражения и как венец нашей благодарной памяти спасителям Отечества создать народный памятник поклонения русского воинства иконе Смоленской Божией Матери на Бородинском поле, что несомненно окажет свое благотворное влияние воспитание и образование будущих поколений.

- Просить Правительство РФ поручить министерству образования и науки РФ разработать для рассмотрения на Госсовете проект системно-комплексного плана совершенствования в средней и высшей школе гуманитарного образования и процесса духовного воспитания в соответствии с современными требованиями.

В ходе подготовки этого проекта создать межведомственную комиссию в составе представителей министерств образования, культуры, спорта

и молодежи, внутренних дел и обороны, здравоохранения и социального развития, РАН и педагогических научных центров, творческих союзов и родительской общественности.

— Просить Президента РФ отозвать Закон об автономных учреждениях («О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений») как антисоциальный, нарушающий права граждан, гарантированные Конституцией РФ. Этот Закон не дает стране перспективы в будущем и направлен на деградацию общества. Он ущемляет права граждан на получение качественного образования, медобслуживания и пр. Сферу образования и медицины необходимо вывести за рамки рыночных отношений. Издержки здесь слишком велики.

— Рекомендовать Московской Думе и Федеральному собранию РФ принять Закон об ответственности за употребление ненормативной лексики в общественных местах, предусматривающий штрафные санкции за подобное нарушение (есть позитивный опыт Белгорода). Таким образом, можно пополнить городскую казну и защитить город от греха «черного слова».

Мы, участники XIV Всемирного Русского Народного Собора обращаемся к Президенту Российской Федерации Дмитрию Анатольевичу Медведеву и Председателю Правительства Российской Федерации Владимиру Владимировичу Путину рассмотреть наши предложения, направленные на поддержку и развитие национальной культуры, школы и образования внести их в Программу развития Национальной школы».

Собор закончился итоговым пленарным заседанием в конференц-зале гостиницы Свято-Данилова монастыря, на котором на основе секционных резолюций были выработаны итоговые документы в виде Соборного слова, в котором, в частности, говорится: «Развитие новых форм образовательной деятельности должно содействовать обогащению общенационального педагогического опыта, стать площадкой для внедрения новых методик духовно-нравственного воспитания, которые могут затем быть использованы в масштабе всей страны. Участники Собора твердо убеждены в том, что создание оптимальных условий для нравственного воспитания и духовного просвещения подрастающего поколения возможно лишь на основе теснейшего сотрудничества государства, школы, семьи и Церкви, равно как и других традиционных религиозных общин России».

Вот такой новый Собор был выстроен 25-26 мая 2010 года, в Москве, в России XXI века, века, не позволяющего откладывать насущные вопросы образования и воспитания на другое время. Сегодняшний день нам диктует, нет, уже требует, концентрации всенародных усилий по восстановлению веками испытанного христианского потенциала. Эту работу мы должны и можем доверить молодежи, воспитанной в нравственных устоях, образованной с четким пониманием, для чего человек приходит в этот мир. Сегодняшний день заставляет понять, что от восстановления законов исторической, духовной жизни многонациональной России нам не уйти. Пребывая вне веры, вне Православия, Россия не сможет исполнить своего долга перед Божиим замыслом о ней, как защитнице не только Вселенского Православия, русской нации, но и самой жизни на земле.

Валентина Ефимовская

Светлана МЕДВЕДЕВА

«ВОЗРОЖДЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ И ТРАДИЦИЙ В НАШЕЙ СТРАНЕ...»

*Выступление
на XIV ВРНС**

Светлана Владимировна Медведева — родилась в Ленинграде. Окончила Ленинградский финансово-экономический институт. Занимается поддержкой социально-культурных программ. С 2006 года по ее инициативе реализуется проект Фестиваль Российского искусства в г. Бари (Италия), является Председателем Попечительского совета целевой комплексной программы «Духовно-нравственная культура подрастающего поколения России». В 2008 году возглавила общественную инициативу по проведению в России праздника «День семьи». **Живет в Москве.**

* Из материалов ВРНС.

*Ваше Святейшество!
Дорогие участники
и гости XIV Всемирного
Русского Народного Собора!*

Сердечно приветствую всех, кто собрался сегодня в этом зале. Представителей традиционных конфессий, деятелей науки и культуры.

Тема нынешнего Собора — «Национальное образование: воспитание целостной личности и ответственного общества». Она особенно актуальна в год учителя.

Невозможно переоценить роль школы в подготовке свободно мыслящих людей. Людей, которые стремятся к знаниям, духовному росту и здоровому образу жизни. Она дает подрастающему поколению знания, необходимые для успешной карьеры и профессиональной самореализации. Но есть и более важные знания и навыки — способность правильно управлять своей жизнью. Отличать добро от зла. Глупые поступки от достойных и рассудительных.

Подлинное образование — это всегда соединение обучения и воспитания. Воспитания личности, воспитания души. Ведь цель образования — получение не только знаний (что важно и необходимо), но и мудрости. Мы должны научить молодежь разумно и достойно выстраивать свои отношения с другими людьми и обществом в целом. Нашим детям необходим нравственный фундамент, составляющий основу для принятия ключевых жизненных решений. Ведь безнравственность, отсутствие моральных

ориентиров может стать реальным препятствием на пути развития общества и государства.

Сегодня мы должны искать в молодых людях не пороки, а лучшие черты — открытость, свободное мышление и стремление узнавать новое. Должны распознать и развить их уникальные способности. Ведь в будущем им придется владеть не одной, а несколькими профессиями.

У нас думающая и талантливая молодежь, способная не только ставить цели, но и достигать их. Убеждена, что она достойна быть счастливой и успешной. Ведь забота о счастливом будущем детей — всегда вела народ к вере и правде. К честному служению своему Отечеству.

Все это требует огромных педагогических усилий и даже введения новых учебных предметов. Ведь уроков классической литературы и даже истории может быть недостаточно. Тут следует обратиться к мировому и, в частности — к европейскому опыту. Сегодня в большинстве стран Европы существует, в той или иной форме, религиозное образование.

Религия оказывает огромное влияние на формирование системы ценностей общества. Даже светская культура — вырастает из религии, как цветок вырастает из семени. Ведь культура — по сути — есть возделывание человеческой души. Поэтому так важно рассказывать молодым людям о ценностях, определявших развитие нашей цивилизации на протяжении столетий.

Все религиозные традиции мира объединяет вера в существование объективного нравственного закона. Следование ему ведет к благополучию. А пренебрежение им — к жизненному краху. Уверена, что знать об этом законе для наших детей также необходимо, как знать о законах Ньютона.

В России естественно обратиться к традициям, во многом определившим ход отечественной истории и развитие культуры. Это — традиции православного христианства и других традиционных религиозных конфессий.

Еще Федор Михайлович Достоевский говорил о том, что религия — это формула нравственности. Нам крайне важно научить наших детей пользоваться этой формулой. И здесь поможет новый урок школьной программы — «Основы религиозной культуры и светской этики».

На мой взгляд, этот предмет не есть попытка ответить на вопрос: нужно ли в школе обращаться к изучению религиозных культур. К счастью, эта многолетняя дискуссия завершена. Найдено решение, устраивающее, как представляется — всех. В этой системе создана возможность изучения как традиционных религиозных культур России, так и светской этики. Именно это очень важно для тех, кто хочет изучать внерелигиозные основания нравственности. Ведь и религия, и светская этика имеют под собой единое основание — общечеловеческие нравственные ценности.

Каким будет результат этого эксперимента — зависит от всех нас. От тех усилий, которые будут прилагать в первую очередь учителя и родители. И при этом надо помнить: цена вопроса — формирование целостной и счастливой человеческой личности.

Сегодня, обсуждая введение нового предмета, мы призваны проанализировать качество системы образования, учебных и методических пособий, работы педагогов. Мы призваны придавать этому более глубокий смысл. Ведь предмет дает подрастающему поколению понимание неиссякаемой силы духа народа России.

Убеждена, что его необходимо вводить с четким пониманием наших целей. И преподавать искренне и с любовью. Ведь с его помощью подрастающее поколение будет узнавать историю своего Отечества, основополагающие факты об истоках и о становлении православия и других конфессий в нашей стране. Очень важно учить подрастающее поколение бережно относиться к родному языку и культуре. С малых лет прививать им уважение к людям других национальностей и вероисповедований.

Дарить же такие знания необходимо с особой щедростью и глубоким пониманием важности процесса познания истины.

Конечно, у общества будут повышенные требования к тем специалистам, которые занимаются столь тонкой материей. Ведь развитие личности — это очень глубокая и сложная тема. От того, как будут преподавать новый урок, во многом зависит формирование мировоззрения наших детей. А значит — их будущее и будущее всей страны. Думаю, мы все это хорошо понимаем.

К счастью, времена забвения своих корней и истоков — в прошлом. Сегодня национальное духовное возрождение строится на возвращении вечных ценностей, одной из которых по праву считается крепкая и дружная семья. Как говорил философ Иван Ильин, «всякая настоящая семья — возникает из любви и дает человеку счастье». Преумножить это счастье возможно только отдавая любовь. Поэтому важно прививать детям понимание того, что жить нужно не только в семье, но и для семьи. Не просто жить рядом с ближним, но и любить ближнего, отдавать ему душевное тепло, окружать своей заботой.

Мы также должны помнить, что дети — это наше отражение. Их следует воспитывать собственным примером.

Привычки и ценности, заложенные в родительском доме, ребенок повторит в своей будущей семье. И это, в целом, определит будущее развитие нашей страны.

Сегодня в России много делается для укрепления традиционных семейных ценностей, а наш новый всероссийский праздник «День семьи, любви и верности» с каждым годом становится все более популярным.

Многое уже сделано и делается в рамках церковно-государственной целевой комплексной программы «Духовно-нравственная куль-

тура подрастающего поколения России». И главное, что мы сегодня достигли — совместно государство и церковь — это возрождение духовной жизни и традиций в нашей стране. И признаки этого все более заметны.

Одним из ярких проектов этой программы является Международный благотворительный кинофестиваль «Лучезарный ангел», который призывает зрителей к духовной чистоте и нравственности. Возвращает на экраны доброе кино, возрождает традиции семейного досуга.

Большое внимание уделяется поддержке молодых одаренных художников и музыкантов. Так, многие регионы России и зарубежных стран охватывает Инновационная образовательная программа «Передвижная академия искусств». Она уже помогла творческому становлению многих юных талантов. Именно им предстоит сказать свое слово в отечественном и мировом искусстве. Определить облик завтрашнего дня нашей страны.

Уважаемые друзья, всех нас объединяет общая цель — забота о будущем России. Уверена, что предложения Всемирного Русского Народного Собора будут иметь широкий общественный резонанс. Послужат на благо нашей Родины.

Желаю вам успешной и плодотворной работы, мира и благополучия.

25.05.2010

Точка ЗРЕНИЯ

**Ольга КУЛИКОВСКАЯ—
РОМАНОВА**

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЗГЛЯД ИЗ-ЗА ОКЕАНА

*Выступление на XIV
Всемирном Русском
Народном Соборе.
Москва. Храм
Христа Спасителя.
25 мая 2010 года*

Ольга Николаевна Куликовская-Романова (урожденная Пупынина, 20.09.1926, Валево, Югославия) — супруга Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Отец: Николай Николаевич Пупынин — потомственный дворянин Тамбовской губернии, боевой казачий офицер Императорской и Белой армий, участник знаменитого Ледяного похода. Мать: Нина Конрадовна Коперницкая — художник, скульптор, образование получила в Варшаве и Мюнхене. С 1920 г. семья находилась в эмиграции: сначала в Югославии, после Второй мировой войны — в Венесуэле.

Закончила Мариинский Донской институт благородных девиц (филиал Смольного), эвакуированный из Новочеркасска во время Гражданской войны в г. Белая Церковь, Югославия. В годы Второй мировой войны была интернирована в Германию (Штутгарт), где работала на фабрике и пережила варварские бомбардировки мирного населения английской и американской авиацией. Впоследствии переехала в Южную Америку, получила медицинское, коммерческое, архитектурное образование, владеет семью языками. Перебравшись в Канаду, работала переводчиком в государственных учреждениях. В 1991 году вместе со своим супругом Тихоном Николаевичем организовала благотворительный Фонд «Программа помощи России» имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, своей свекрови. С этого момента Ольга Николаевна постоянно бывает в России, чтобы лично участвовать в оказании помощи конкретным больницам, приютам, организациям, отдельным людям. После смерти мужа в 1993 году возглавила деятельность Фонда, кото-

рый за десять лет своего существования направил в Россию медицинского оборудования и предметов первой необходимости на сумму в несколько миллионов долларов. В 1998—1999 гг. Фонд провел две крупные гуманитарные акции уже непосредственно в России по оказанию помощи монашествующим и мирянам на островах Валаам и Соловки. Многолетние труды сотрудников Фонда и его председателя на ниве благотворительности и милосердия отмечены Патриаршей грамотой Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Начиная с 1995 г. Фонд взял на себя дополнительную миссию по проведению культурно-просветительской и архивной программы. В ее рамках 29 ноября 2001 г. в резиденции российского посла в Вашингтоне открылась выставка художественных работ Великой Княгини Ольги Александровны, приуроченная к 10-летию Фонда и 120-летию со дня рождения. Затем выставка экспонировалась в Москве (2002 г.), Екатеринбурге (2004 г.), Санкт-Петербурге и Москве в залах Российской Академии Художеств (июль-август 2005 г.), Балашихе (Московская обл., декабрь 2005 — январь 2006 г.) и везде получила только восторженные отзывы благодарных посетителей.

Четкую и однозначную позицию занимала Ольга Николаевна в вопросах о прославлении Царственных Мучеников в России и о так называемых «екатеринбургских останках», которые государственная комиссия идентифицировала как принадлежащие семье последнего русского Императора Николая II, после чего останки безвестных мучеников торжественно были перезахоронены в Екатерининском приделе Петропавловского собора в Санкт-Петербурге под видом царских. На основании многочисленных независимых научных и богословских изысканий, в том числе и проведенных по ее личной просьбе, Ольга Николаевна категорически отвергла выводы государственной комиссии. Она ни разу, после появления там «екатеринбургских останков», не посетила Екатерининский придел, хотя регулярно бывает в Петропавловском соборе во время визитов в Санкт-Петербург, чтобы почтить память Августейшего Деда своего супруга — Императора-Миротворца Александра III.

Свое мнение Ольга Николаевна неоднократно высказывала Святейшему Патриарху Алексию и Священноначалию Русской Православной Церкви, которая, не признавая подлинность «екатеринбургских останков», причислила Государя Николая II, Государыню Александру, Цесаревича Алексия, Великих Княжон Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию к лику святых на Архиерейском соборе в августе 2000 года.

Ольга Николаевна — почетный академик Российской Академии Художеств (2005), автор множества публикаций в зарубежной и российской прессе, а также нескольких книг, вышедших в России, — «Чудо на Русской Голгофе» (Владивосток, 1994), «Неравный поединок» (М., 1995), «Ее Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна (1882—1960). Жизненный путь» (М., 1997), «Под благодатным покровом» (М., 2000), «Царского рода» (М., 2004; 2-е изд.: СПб., 2004), «Живая душа. Встречи с Владыкой Иоанном (Снычевым)» (СПб., 2005). Член Союза писателей России. За те годы, что Ольга Николаевна регулярно посещает Россию, ее успели узнать и полюбить в сотнях уголков нашей родины тысячи и тысячи русских людей, начиная со Святейшего Патриарха и кончая простым богомольцем.

Ваше Святейшество!

**Ваше Высоко и — Преосвященства! Всечестные отцы! Дамы и господа!
Уважаемые участники и гости Всемирного Русского Народного Собора!**

Наш представительный форум поставил в повестку дня своей работы вопрос о воспитании и образовании гражданина будущей России. Таким образом, подчеркивается, что это — наш общий крест. Долг всех русских, живущих и в Отечестве, и за рубежом. Глобализация делает границы прозрачными. Но смешения религий и народов не происходит. Что Господь разделил, то человеку по своеволию не соединить. Да и что общего между светом и тьмой?! Затаив дыхание, весь мир ждет, чем закончится борьба за «нового нового русского». Ведь широка натура нашего народа. Амплитуда характера колеблется от пушкинского Ленского с его «плодами немецкой учености и вольнолюбивыми мечтами» до блоковского скифа «с раскосыми и жадными очами». Кого выберет себе в вожди «племя младое, незнакомое»? Святых и подвижников, строителей и защитников Руси или «грядущего вселенского хама». Исход этой гигантской битвы за будущее России — «сердце мира», как называют ее геополитики, зависит от того, **что** завоюет сердца и умы молодого поколения россиян.

Мой богатый жизненный опыт позволяет сравнивать русскую и зарубежную образовательные модели. А также делать выводы и прогнозы о ходе реформирования духовной и светской систем российского образования. Позвольте хотя бы кратко поделиться моими соображениями с вами, уважаемые соборяне.

После своей глубоко верующей семьи первые уроки воспитания и образования я получила в сербской гимназии. Там, в гимназии, мы изучали не только обязательные предметы по программе, но и язык, культуру, историю братской страны, давшей приют нашим родителям и нам. Затем я училась и закончила Мариинский Донской институт благородных девиц — южный филиал знаменитого Смольного института. Его вывели вместе с преподавательским составом и всем имуществом из Новочеркасска в Сербию. Беженцы из России унесли с собой в рассеяние богатый педагогический опыт «царской школы». В институте мы жили на полном пансионе и ходили в единой форменной одежде. Помимо сложившейся еще на родине учебной программы в институте преподавался сербский язык и культура. Это было требованием министерства образования Сербии и хорошей для нас адаптацией к местным условиям. Но главным предметом, что особенно хочу подчеркнуть, и в русских, и в сербских учебных заведениях был для нас Закон Божий. Можно сказать, что весь день, шаг за шагом шел от молитвы до молитвы: подъем, институтский храм, общая трапеза, начало и окончание занятий, отход ко сну сопровождалась молитвой. И первым предметом в моем аттестате, который я храню до сих пор, стоит **Закон Божий**. Именно так была выстроена иерархия ценностей в системе воспитания и обучения Царской России. По мере сил ее сохранили русские беженцы в европейских странах вплоть до Второй мировой войны. Такой подход позволял готовить настоящих русских людей из гимназистов, кадет, институтков, многие из которых родились за границей и никогда не видели России. Нам присущи были и остаются такие человеческие качества, как глубокая вера в Бога, взаимовыручка, самодисциплина

и благородство, источник которого *один благой Господь* (ср. Мтф. 19:17, Мр. 10:18, Лк. 18:19).

В эмиграции русская школа всегда теснейшим образом связана с храмом. Помню, во время войны у нас даже в лагере для перемещенных лиц оборудовали один из барачков под храм, а рядом открыли школу.

Светская же ветвь русской народной школы, которая в Империи находилась в исключительном ведении Министерства Народного Просвещения, после падения Самодержавия перестала существовать на родине и со временем затухла в странах беженского рассеяния. Дети и внуки русских беженцев и эмигрантов пошли в общеобразовательные школы и высшие учебные заведения стран проживания. И чтобы окончательно не потерять национальную и вероисповедную идентичность, посещали воскресно-приходские школы при православных или инославных церквях. Мои дочь и внучка обучались как в закрытых христианских школах, так и в государственных. Могу абсолютно точно заявить: западная светская государственная школа переживает глубочайший кризис. Из нее ушли молитва, уважение к старшим и друг к другу, дисциплина. Поэтому о состоянии, например, канадской муниципальной школы можно примерно судить по сериалу «Школа» на первом общероссийском канале. То, о чем только мечтает для российского школьника режиссер Гай Германика давно уже происходит с канадскими парнями и девушками. Зачем нам брать их за образец?! Чтобы окончательно развратить и погубить русскую молодежь?!

Прав был мудрейший Константин Петрович Победоносцев. Проведя реформу церковно-приходской школы, он по Верховной воле изъяснял дело народного образования из ведения чиновников Министерства Народного Просвещения. Обер-прокурор Святейшего Синода писал в 1895 году в Журнале Училищного Совета: **«Нам нечего увлекаться тем, что на Западе, в просвещенных странах Европы, школа изъята из-под живого и непосредственного заведывания духовенством и что школьное обучение стало там вполне светским и обязательным.** Плоды этого просвещения не настолько хороши, чтобы им можно было завидовать. На съездах немецких учителей и в серьезной педагогической литературе слышатся жалобы на нравственное “одичание” немецкого народа, среди которого быстро распространяется безверие и крайние социалистические и анархические учения. Республиканские школы Франции, из коих изгнано преподавание Закона Божия и вынесены иконы — плохой образец для нас. А между тем Германия и Франция стоят во главе европейского просвещения и по их следам идут все прочие государства, не исключая православных греков, румын, сербов и болгар, погибающих нравственно и материально под игмом подражательного парламентаризма и либерального европейского просвещения». Анализ ситуации, данный К. П. Победоносцевым в конце XIX века, вполне актуален и для нашего времени.

Совсем иное положение на Западе, да и насколько я могу судить и Российской Федерации, с частными закрытыми школами, пансионами, колледжами с вероисповедными и национальными компонентами. Оно вполне подходит под характеристику, данную прозорливым К. П. Победоносцевым для российских условий конца позапрошлого века. Он утверждал со знанием дела: **«Если иноверное население России: лютеране, католики, евреи и магометане достигают известных успехов в грамотности и культурном**

развитии, то этим они обязаны своему духовенству, которое, руководя начальным обучением, бдительно следит за религиозным воспитанием детей, с юных лет внедряет в души их горячую, фанатическую любовь и преданность своей религии и своим храмам».

В Торонто, например, где проживает моя семья, существует масса частных католических, иудейских, индуистских и других подобных школ. Ученики ходят на занятия в форме и в некоторых случаях придерживаются своих национальных традиций. Маленькие сикхи даже носят в школу небольшие традиционные кинжалы, совсем как российские кавказцы. Что уже стало предметом конфликтов и разбирательств. В еврейских школах различных толков обучение девочек и мальчиков ведется раздельно, что лично я всегда приветствовала и хотела, чтобы к нему вернулись и в России, хотя бы в виде эксперимента. Правда, в еврейских школах у учеников берут анализ крови. Если группа крови совпадает, то таким мальчикам и девочкам не рекомендуют даже дружить. Таким образом, заботятся о здоровье потомства. В Православной Церкви, как известно, запрещены родственные браки до третьей степени родства.

Хотя чиновники-атеисты в России и за границей и пытаются загнать русскую школу в маргинальное гетто, путь самоизоляции для нас неприемлем. Подавляющее большинство граждан Российской Федерации считают себя русскими православными людьми. Сотни тысяч русских людей живут на всех континентах земли. Даже над Арктикой и Антарктикой вознес русский православный крест. Хотя чиновники и изъяли пункты о национальности и вероисповедании из документов и анкет переписи населения, не будем унывать. Восстановление канонического общения двух ветвей единой Матери-Церкви и введение предмета Основы православной культуры в российских школах и высших учебных заведениях прорвало кольцо вражеской блокады вокруг дела образования и воспитания молодого русского человека. Как только под давлением международных юридических норм произойдет имплементация (т. е. внедрение) Болонского процесса в систему нашего духовного образования и чиновничество признает богословие равноправной сестрой светской академической науке, процесс реформирования русской национальной школы, от начальной до духовных академий, примет законченный вид и необратимый характер. Именно такая реформированная система воспитания и обучения даст нового молодого русского человека. Его с нетерпением ждут все народы земли: друзья — с надеждой, враги — со страхом. Он пойдет навстречу миру, по слову замечательного миссионера, отца Иоанна Восторгова с Крестом и Евангелием. На русскую молодежь вся надежда, что мир (как вселенная) и мир (как покой) будет спасен и сохранен!

Благодарю за внимание.

Духовная ШКОЛА

Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)

**«ЛЮБОВЬЮ
СЛУЖИТЕ
ДРУГ ДРУГУ»**

*Церковь, Литургия,
образование*

В современном, так называемом, постмодернистском обществе, где беспредельно расширяется плюрализм индивидуумов, все очевиднее разрушение традиции, целостности, единства. На фоне этого процесса кажутся убедительными рассуждения апологетов глобальных трансформаций, представляющих этот разрушительный этап, как базовую, историческую закономерность. Хотя современная цивилизация много говорит о единстве, собирании и соединении и, казалось бы, много делает для него: средства сообщения позволяют за считанные часы добраться до любой точки планеты, средства массовой информации и Интернет дают возможность знать, что делается практически во всех странах. Европа на наших глазах собирается в единый надгосударственный организм с общей валютой, общим парламентом и

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиерей Курганской епархии.

президентом Евросоюза. И параллельно происходят чудовищные центробежные процессы — не только в так называемых «посткоммунистических» странах (СССР, Югославии), но и внутри самого «фешенебельного, цивилизованного» мира. Структуры соединяются, но люди разъединяются, отчуждаются, становятся дальше друг от друга.

Парадокс: после объединения Германии, рядом с обломками Берлинской стены, мне часто доводилось видеть плакаты: «Раньше мы были ближе друг ко другу». Непомерно растет индивидуализм и эгоизм, взаимное отчуждение и ненависть, как личная, так и социальная. Слова «человек человеку — волк» для многих становятся жизненным принципом. Современный человек часто остается один на один с виртуальными монстрами. Многие и на Западе, и в России страдают комплексом одиночества, оставленности, и некоторые из-за этого даже кончают с собой. Иного и не следует ожидать от аморальной потребительской цивилизации, поставившей во главу угла наслаждение. Цивилизация, посадившая на пире жизни во главу стола своих бизнесменов, артистов, политиков и оставившая Христу место последнего нищего (слова свт. Николая Велимировича), — такая цивилизация не может создать подлинного единства между людьми. Подлинное единство можно найти только в собирающем богочеловеческом организме, глава Которого — Христос. Поэтому сегодня необходимо говорить о собирающей природе Церкви и Литургии, как о Таинстве собрания, и о собирательном характере образования, которое не только образует человека, но и собирает его из греховной разбросанности.

Смысл Церкви состоит в богочеловеческом собирании. Как поется в кондаке Пятидесятницы: «Егда же огненные языки раздаеше, к соединению вся призва, и согласно славим Всесвятаго Духа». Само греческое слово *эклесия* означает народное собрание. В евангельских притчах в образах Доброго Пастыря, собирающего распутанных овец (Лк. 15,4–6), Жнеца, собирающего урожай (Мф. 13,30), Лозы с привитыми ветвями (Ин. 15,1–5), мы видим лик Христа-Собирателя, Христа-Объединителя, Который умер за то, «чтобы и рассеянных чад Божиих собрать воедино» (Ин. 11,52). Кульминацией этого призыва становится первосвященническая молитва Господа: «Не о них же только молю, но и о верующих в Меня по слову их, да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, — да уверует мир, что Ты послал Меня» (Ин. 17,20–21). И внимательное чтение Евангелия показывает, насколько эти слова далеки от того экуменического (в худшем смысле слова) смысла, который, к сожалению, им часто придают — смысла «всечеловеческого смешения», духовного и религиозного безразличия, «да будут все едино и все едино». Основы подлинного единства коренятся в Святой Троице. Как замечательно говорил преп. Сергий Радонежский, «взирая на образ единения Святой Троицы — побеждать ненавистное разделение мира сего». Исполнение слов Христа «да будут все едино» возможно лишь в подлинной тройческой вере, свободной от всяких ересей и искажений, чистой и действенной. Именно благодаря такой вере и становится возможным «свертывание многих несогласий» (как говорит св. Дионисий Ареопагит), устранение социальных, расовых, национальных, а также индивидуальных перегородок между людьми. Различия остаются, но они перестают быть определяющими и важными, ибо побеждаются и покрываются верою и любовью. Как говорит Апостол Павел, в

новом человеке «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3,11). Именно эта вера сможет консолидировать не только российское общество, но, может быть, и весь мир.

Напротив, попытка скрыть, затушевать подлинные религиозные разногласия, разномыслие, попытка объединить всех по минимуму веры, а не в ее полноте может привести к созданию новой Вавилонской башни и к новому смешению языков, к окончательной потере единства и понимания. Замечательно писал о. Иустин Попович о так называемом «диалоге любви»: «Еретическое гуманистическое разделение Любви и Истины — это только знак недостатка Богочеловеческой веры и потерянного духовного равновесия. Сущность любви есть Истина, и любовь живет, пребывая в Истине, являющейся сердцем всякой добродетели»¹.

Говоря о Церкви и единстве, мне хотелось бы акцентировать, что единство возможно только в истине; опыт двадцатого века подтверждает: лжеединство неминуемо обречено на гибель. Само греческое слово *эклесия* связано с глаголом *калео* — зову, призываю, что говорит о проповеди, о керигматической, проповеднической природе Церкви, о ее миссии, о призыве. Но в призыве обязательно должна быть заключена истина, и не ее минимум, а ее полнота.

Остановлюсь и на другом святоотеческом определении Церкви, встречающемся у Игнатия Богоносца: *to; auto*, которое буквально значит «одно и то же», переводится как «одно место», «одно». Это понятие безусловно связано с евхаристическим собранием, *синаксисом*, но оно обозначает также и тождество, идентичность Церкви, ее внутреннее единство, внутреннюю целокупность. «Один Господь, одна вера, одно крещение», — говорит св. Апостол Павел (Еф. 4,5), свидетельствуя о Единой Церкви, исходя из единства ее веры и таинственной, сакраментальной жизни. «*Lex credendi est Lex orandi*» («закон веры есть закон молитвы»), — говорит святой Викинтий Лирийский (V век), подтверждая мысли св. Апостола Павла о единстве догматической жизни, догматического опыта и молитвенной, евхаристической, таинственной жизни и опыта Церкви. Единство веры является залогом евхаристического единства, является свидетельством единомыслия. Если нет единства в Евхаристии, то нет и подлинного единства веры, а значит, в данном случае, нет и единой Церкви.

Замечательно сказал патриарх Сергей (Страгородский): «Двух не сообщающихся между собой Евхаристий, одинаково Христовых и одинаково истинных, быть не может, как не может быть двух Христов и двух Церквей».

Поэтому мы можем с уважением и пониманием относиться к инославным церквам, так называемым *ориентальным*, англиканской, старокатолической, но мы не можем говорить, что имеем с ними общую веру, если не имеем евхаристического общения.

Итак, Церковь едина, как един Христос, и как Христос пришел во плоти, и по плоти был описуем и осязаем, так и Церковь описуема, реальна и осязаема. Это утверждает Апостол Иоанн Богослов, уча нас: «О том, что было от начала, что мы слышали, что видели своими очами, что рассматри-

¹ *Иустин (Попович), архим. Православие и экуменизм. М., 1997. С. 159.*

вали и что осязали руки наши, о Слове жизни — ибо жизнь явилась, и мы видели, и свидетельствуем, и возвещаем вам» (1 Ин. 1,1-2).

Исходя из этого понимания, мы не можем принимать так называемую «теорию ветвей», тем более — идею о так называемой «невидимой церкви». Для нас, повторюсь, Церковь есть Тело Христово, описуемое, видимое, имеющее свой иерархический, корпоральный и корпоративный порядок, объединенное единой верой, единой таинственной и евхаристической жизнью, вера которой находится в согласии с литургией, а литургия с верой.

Действительно, наша литургия есть ясное и полное отражение догмата о Церкви. Она пронизана верой во Святую Троицу, самые торжественные службы — Всенощное бдение и Божественная литургия — начинаются с прославления Святой Троицы. Во время литургии мы воспеваем «трисвятое», в Херувимской мы приносим «трисвятую песнь» Животворящей Троице. Это тройческое сознание ярко видно в гимне V-VI века, стихире Пятидесятницы, которую мы воспеваем, причастившись святых Животворящих Таин. «Видехом Свет истинный, прияхом Духа небеснаго, обретохом веру истинную, нераздельной Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть».

Но литургия является также отражением догмата о Богочеловеке, о полноте Божества и человечества во Христе, о двух природах и волях во Христе. Вспомним хотя бы пасхальный тропарь, читаемый по перенесении предложенных даров: «Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в раи же с разбойником и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом». Мы веруем, что Христос, по словам литургии св. Василия Великого, в Своем человечестве был «сообразен телу смирения нашего», то есть был Совершенным Человеком, в полноте человеческой природы, с человеческим умом, душой, волей и энергией.

Святая литургия, по слову преп. Феодора Студита, есть повторение всего Богочеловеческого домостроительства спасения. Здесь благодатно переживается все — от Воплощения до Вознесения, как жизнь жизни нашей и душа души нашей. И это особенно подчеркивается в конце литургии св. Василия Великого: «Исполнися и совершися, елико по нашей силе, Христе, смотрения Твоего таинство» — таинство вочеловечения Бога и обожения человека. Самый убедительный свидетель этого есть Церковь, Богочеловеческое Тело Христа. Церковь — Тело Христово, Евхаристия — Тело Христово. Тожество в существе. Церковь в Евхаристии, Евхаристия в Церкви. Будучи Телом Христовым, Церковь есть соборное единство, а также единство соборности. Это касается и Евхаристии, как Тела Христова: «Один хлеб, и мы многие одно тело, ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор.10,17)»².

И действительно, Древние Отцы называли Евхаристию единением «эносис». Во-первых, потому что в нем происходит полное соединение с Богочеловеком Христом, во-вторых, потому что через Христа мы соединяемся друг с другом. Как говорится в литургии св. Василия Великого после освящения Святых Даров: «Нас же всех причащающихся от единого Хлеба и Чаши соедини друг ко другу, да ни один от нас не причастится недостойно»³.

² Православие и экуменизм. С. 75.

³ Там же.

Следует обратить внимание на последние слова. Наше единство во Христе, вокруг Евхаристической чаши не должно быть единством благодушных, всепрощающих и снисходительных к себе харизматиков, оно должно быть выношено, выстрадано, явиться результатом некоего духовного усилия и труда. Радость от Богообщения, от соединения со Христом должна соединяться с великим благоговением и страхом Божиим, осознанием того, что Христовы Тайны действительно страшны, и «ядый и пийй недостойно, в суд себе и осуждение яст и пьет». Мы помним, что «никтоже достоин от связавшихся плотскими похотями приходити, или приблизитися, или служити» Христу. И поэтому мы никогда не откажемся от соединения в нашей практике двух таинств — Евхаристии и Исповеди, Покаяния. Речь идет не о том, что мы де хотим показаться быть достойными перед лицом Того, Кого недостойн весь мир, но речь идет о предпочищении, необходимом для принятия таинства, для того, чтобы мы не услышали слова: «друг! как ты вошел сюда не в брачной одежде?» (Мф. 22,12).

К сожалению, горький опыт некоторых Православных западно-европейских приходов и церквей показал, что отделение исповеди от причастия на практике привело к почти повсеместному уничтожению таинства исповеди, так что зачастую просьба об исповеди перед причастием встречается с искренним и нескрываемым удивлением. Духовные последствия такого отношения к исповеди весьма печальны — утрата покаянного самоконтроля, нечувствие к своим страстям и утрата страха Божия.

Безусловно, мы не собираемся закрывать глаза на то, что из-за большого количества причастников и, соответственно, исповедников часто исповедь проводится слишком быстро и формально, что у нас слишком часто распространены так называемые общие исповеди, когда священник просто перечисляет грехи (или произносит проповедь покаянного содержания) и читает разрешительную молитву, практически не выслушивая никого. То, что в виде исключения в свое время было разрешено Святейшим Синодом одному св. Иоанну Кронштадтскому, к сожалению, стало общей практикой, как в силу коммунистических гонений и, следовательно, огромных сложностей в общении между священником и паствой, так и в силу большой загруженности наших пастырей и их малого числа. Тем не менее, отделение исповеди от причастия в наших условиях привело бы к падению покаянной дисциплины и к непредсказуемым последствиям. И сейчас в ряде приходов весьма отрадно видеть возрождение индивидуальной, тщательной исповеди, которое ведет к увеличению числа причащающихся и к большей частоте причащений среди паствы.

Многое из сказанного связано с процессом воспитания будущего священника, поэтому сегодня так важен вопрос духовного образования. Кого бы хотелось воспитать в духовных школах (и не только в них)? Прежде всего, тех, кто мог бы приступить к священническому служению со страхом Божиим, верою и любовью, кто мог бы достойно принимать Божественную благодать и раздавать ее требующим. Св. Иоанн Златоуст в «Словах о священстве» замечательно говорит о дарованиях и ответственности пастыря, о том, что «священник в молитве низводит Духа Святаго на дары и как бы сводит огонь с небес»⁴.

⁴ *Иоанн Златоуст, св. Шесть слов о священстве. Слово первое. М., 1991. С. 53.*

Прежде всего, в студентах надо воспитывать благоговение и страх Божий. Сразу же замечу: для меня страх Божий — высшее мужество человека, свидетельство его веры, требующей духовного мужества, видения Невидимого, для чего нужна твердость, свидетельство его ответственности. Такое отношение требует от человека величайшей собранности, твердости и самоотречения, умения превозмочь страх человеческий ради страха Божия. Как говорили Святые Апостолы: «должно повиноваться больше Богу, нежели человекам» (Деян. 5,29). Надо воспитывать в будущих пастырях (и не только в них) подлинную любовь к Богу, к Церкви, к ее Священному Писанию и Священному Преданию и пониманию их взаимосвязи; пониманию того,

*Божественная литургия.
Служит Архиепископ Константин*

что если Предание пронизано Писанием, то и Писание есть часть Предания, пусть даже одна из самых важных частей. Надо воспитывать настоящего священника, то есть человека с подлинно евхаристическим, т. е. благодарственным, отношением к миру: во-первых, с благодарственным, сообразным словам св. Иоанна Златоуста «Слава Богу за все», а во-вторых, с жертвенным «и весь живот наш Христу Богу предадим»; человека, помнящего и исполняющего заповедь Христа: «Блаженнее давать, нежели принимать» (Деян. 20,35). К сожалению, современная цивилизация воспитывает совершенно противоположный тип человека — хищника, потребителя, стяжателя и сребролюбца. Бороться с этим трудно и трудно воспитывать студентов в ином духе, потому что мы живем не в вакууме... С грустью приходится констатировать уменьшающееся год от года число монашеских постригов в духовных школах.

Надо воспитывать в будущих пастырях преданность Православию, его Преданию, стойкость и мужество в его отстаивании. Поражает нестойкость, оппортунизм многих представителей православного духовенства (и не только духовенства). То, что произошло с Церковью на Западной Украине во время «перестройки», для нас — катастрофа, в том числе катастрофа для духовных школ. Подавляющее большинство выпускников Духовных Акаде-

мий и Семинарий, служивших на Западной Украине, перешли в унию, как только для этого представилась возможность. Будучи назначен ректором в 1996 г., я еще застал у многих студентов на тумбочках портреты римского папы. Здесь есть некая доля вины на педагогах, воспитателях. Почему не смогли перевоспитать сельского хлопца, привить ему любовь к Православии? Скажем, восемь лет он провел в петербургских школах или в московских, у раки преподобного Сергия. Почему же за эти восемь лет он ничего не понял, ничего не вынес для себя?

Почему мы часто относимся к нашей вере и Преданию слишком обыденно, слишком по-домашнему, по-бытовому, без должного благоговения? То, что даром дается, то не ценится. И когда нам встречается что-то чужое, блестящее, у некоторых появляется стремление кинуться на это. Но «не все то злато, что блестит». Зачастую это оказывается блестящая дешевка, на которую охотно покупаются неразборчивые и всеядные люди. К сожалению, в русском человеке время от времени встречается такое печальное явление, как духовная и интеллектуальная лень, неразборчивость и благодушная всеядность, некоторая закомплексованность, безоглядное преклонение перед чужим, иностранным. А зачастую последняя черта переходит в свою противоположность — безоглядное охаивание всего чужого, нерусского, неправославного.

Конечно, все эти черты необходимо изживать. Святой Апостол Павел нас учит: «Все испытывайте, хорошего держитесь» (1 Фес. 5,21). Необходимо трезвое, разумно-критическое отношение к иному, к инославию, умение выбирать лучшее, положительное из инославного опыта, в частности — опыт социального служения, научной деятельности, администрирования и т. д. Нам есть чему учиться у инославных, не стоит этого скрывать. Но православный христианин и православный пастырь должен трезво останавливаться перед чуждым духовным опытом, он не имеет никакого права ставить на одну доску преподобного Серафима Саровского и Франциска Ассизского, акафист и розарий, Иисусову молитву и католическую медитацию. Необходимо «различать духов», а для этого нужно иметь духовное и гражданское мужество.

Поэтому хотелось бы, чтобы воспитанникам духовных школ прививалось чувство гражданского мужества. Сейчас оно нужно всем не менее чем, в так называемые, «застойные» годы. Отношение общества к Церкви безусловно изменилось за прошедшие десять-двенадцать лет. Из враждебно-презрительного или испуганно-удивленного оно стало либо нейтральным, либо благожелательно-нейтральным, а в ряде случаев и положительным. Конечно, это явление отрадное, и не следует злоупотреблять кредитом доверия, выданным обществом. Но решительного духовного переворота в нашем обществе не произошло. Церковь по-прежнему остается на периферии общества. Священника готовы терпеть, как требоисправителя, носителя «религиозного фактора», социального работника, удовлетворяющего определенные «религиозные потребности». Священник даже желанен как творец дел милосердия, но его почти не слушают как учителя, как пророка. Претензию на учительство, на пророчество, на «властительство думами» сейчас предъявляют многие — средства массовой информации с нахальными телеведущими, политики, артисты (как поет иеромонах Роман: «Приосанилось племя вертлявое») и писатели,

правда, в последнюю очередь. Общество практически отказало священнику в «патенте» на учительство. От батюшки требуют освятить офис, машину (как говорится в чине — колесницу), покрестить ребеночка, чтобы не болел, в лучшем случае — повенчать *post factum*, но его почти не слушают, когда речь идет о жизни и смерти, о правде Божией как на личном, так и общественном уровне.

И в такой обстановке потребительского, индифферентного, неверующего отношения к Церкви священнику нужно большое духовное и гражданское мужество, чтобы дерзновенно свидетельствовать о Царствии Божием, пришедшем в силе, о Правде Божией, в особенности в обстановке хаоса, беспорядка, «беспредела», материальной зависимости от власти имущих.

Для такого чувства, как мужество, безусловно, нужна внутренняя свобода. «Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос» (Гал. 5,1), — призывает Апостол. И не совсем справедливы упреки неких частных лиц, что, якобы, русская духовная школа выбивает это чувство из своих воспитанников. Нет, это особое, христианское понимание свободы. «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти; но любовью служите друг другу» (Гал. 5,13). Здесь свобода неразрывно связана с дисциплиной и ответственностью.

Есть три уровня свободы: свобода от чего-то, свобода для чего-то и свобода во имя Кого-то. Будущим пастырям следует прививать третий и высший уровень свободы — свободы «во имя», а для этого нужен совместный труд и дисциплина как со стороны воспитывающего, так и со стороны воспитуемого в особенности.

Следует стремиться воспитывать в студентах литургическое благочестие, любовь к литургии и к богослужению, как основу их духовной жизни, как возможность охристовить, омыслить их внутреннюю жизнь. Но наивно надеяться только на студенческую «харизму» и пренебрегать систематическим трудом. Замечательно сказал святой нашего времени старец Амфилохий Патмосский: «Самая лучшая молитва — богослужение в течение 24 часов» (то есть — богослужение суточного круга). И отметим: на начальном этапе обязательность посещения богослужений (так называемая «чреда», а в московских школах «десятка») очень полезна. Для роста внутренней свободы иногда требуется внешнее принуждение (конечно, здесь нужно рассмотрение и пастырская разумность). Воспитать гораздо тяжелее, чем научить.

Необходимо, чтобы будущий пастырь любил и знал богослужение, чтобы он мог являть его силу и красоту своим прихожанам, уметь истолковывать его. Не секрет, что многие, приходящие в храм, из-за развития языка, из-за разрыва мира и Церкви не понимают богослужения. По ряду причин нельзя переводить богослужение на секулярный язык, и значит, на священника ложится груз экзегезы. Потому он и должен знать, любить богослужение, уметь его изъяснять, уметь мыслить не только богослужебными структурами (что за чем идет), но и текстами.

Насущной задачей духовной школы становится усвоение и осмысление как литургического, так и патристического, святоотеческого наследия. Отрадно видеть на Западе возрождение внимания и интереса к творениям Святых Отцов. Но здесь прослеживается один тревожный симптом: в западной традиции святоотеческая мысль обрывается на восьмом или, в

лучшем случае, на четырнадцатом веке, а дальше-то что? Но останавливать святоотеческую мысль на каком-то конкретном периоде означает остановку Предания и богословскую немоту Церкви. Для нас Отцы нового времени — свт. Филарет Московский, Иннокентий Московский, преп. Серафим Саровский в его поучениях, свт. Игнатий Брянчанинов, св. Иоанн Кронштадский, свт. Нектарий Эгинский, свт. Николай Велимирович, преп. Иустин Попович и многие другие являются продолжателями святоотеческой мысли. Они для нас весьма важны и потому, что ближе к нашим временам и часто дают ответы на злободневные вопросы нашей жизни. Поэтому путь прочтения Святых Отцов, мне видится, следующим образом: от новых — к древним. Безусловно, особое значение для нас имеют раннехристианские Отцы Церкви и апологеты, коль скоро мы живем в неоязыческом обществе, к сожалению, отринувшем христианские идеалы. У апологетов мы можем найти многие ответы на волнующие нас вопросы, у них же можем научиться языку общения с современным обществом — языку простому, трезвенному и доходчивому.

И в то же время священникам самим надлежит вырабатывать средства общения с современным обществом и современной цивилизацией, не скатываясь к жаргону и к понятиям этого общества, но, стараясь его понять изнутри. Надлежит научиться простому и ясному языку, адекватному выражению христианской проповеди без излишних мудрствований и витийств, которые современное технократическое и примитивизированное общество вряд ли поймет.

Но это не освобождает священника от познания общества во всей его сложности, от усвоения результатов научно-технической революции. Современный священник должен быть достаточно культурен и информационно подготовлен для того, чтобы достойно ответить на самые разнообразные вопросы и запросы своей паствы. Современная цивилизация ставит перед человеком целый ряд проблем. Экология, распространение наркотиков, рок-музыка, виртуальная реальность, «неопознанные летающие объекты», аномальные явления, экстрасенсорика, искусственное оплодотворение и клонирование, генная инженерия, «сексуальная революция», «изменение полов», эвтаназия — вот далеко не полный список тех проблем, с которыми сталкивается или может столкнуться современный человек. На все эти вопросы священник должен дать ответ, исходя из Евангельского благовестия и Святоотеческого предания, учитывая научные знания.

Таким образом, видно, сколько проблем, сколько вопросов стоит перед священниками в наше время. И здесь не лишне будет вспомнить слова Спасителя: «жатвы много, а делателей мало; итак, молитесь Господина жатвы, чтобы Он выслал делателей на жатву Свою» (Мф. 9, 37–38). Призываю все богословские школы к соработничеству на ниве Господней, и да пребудет на вас благословение Господне.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Николай НИКАНДРОВ

ИДЕОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ: ЕСТЬ ЛИ ОНИ, НУЖНЫ ЛИ ОНИ СЕГОДНЯ?

Николай Дмитриевич Никандров — президент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, лауреат премий Президента РФ и Правительства РФ, автор более трехсот научных работ. Житель блокадного Ленинграда. После окончания ЛГУ работал учителем, профессором, деканом факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена. С 1983 года в Москве в системе АПН СССР, затем РАО. Работал заместителем директора института, главным ученым секретарем РАО, вице-президентом. С 1997 года — президент РАО. **Живет в Москве.**

Еще совсем недавно говорить об идеологии было не принято, почти неприлично. Это можно сказать о всем периоде «лихих девяностых», да и сейчас эти слова упоминаются не очень часто. Однако движение к пониманию важности идеологии и идеологического воспитания налицо. Весьма показательно в этой связи выступление Президента страны Д. А. Медведева на заседании Госсовета, посвященного, казалось бы, совсем другому вопросу — созданию условий для развития творческих способностей молодежи. Госсовет заседал в одной из подмосковных школ, и Президент РФ среди прочего сказал: «Необходимо также заняться и идеологическим воспитанием, которого после распада Советского Союза фактически не было. Вот статистика, приведенная на сегодняшнем заседании: подавляющее большинство учеников 5–9-х классов — 97 %, называют своим идеалом героев иностранных фильмов-боевиков. И лишь 2 % в качестве идеала называют ученых или деятелей искусства... Но почему? А потому что как раз если в 50–60-е годы эти самые деятели искусства и науки и были основными персонажами литературы и кино».

Это выступление показательно по двум причинам. Во-первых, само обращение к проблеме идеологического воспитания сейчас на самом деле совсем не тривиально, особенно на таком высоком уровне. Второе обстоятельство не менее интересно. Это выступление слышали многие в зале школы, во много раз больше людей слышали его по телевидению, эти слова были и в первых отчетах о событии в Интернете. Но... странным образом какой-то цензор (интересно, кто?) исключил именно этот пассаж из стенографического отчета, вывешенного в Интернете.

Гадать не будем. Но уже сам этот факт говорит о том, что поставленный в заглавии вопрос весьма чувствителен, что вокруг него ведется полемика на весьма высоких уровнях обсуждения. По сути, речь идет о том, не нарушает ли идеологическое воспитание, в основе которого, понятно, всегда лежит определенная идеология, некоторые статьи Конституции РФ? Так, в статье 13 признается идеологическое многообразие, подчеркивается, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. А статья 29 существенным образом дополняет эти запреты, поскольку в ней гарантируется свобода массовой информации и запрещается цензура.

Вместе с тем вопрос не так прост. С одной стороны, думается, нельзя не поддержать слова почти афористического высказывания нашего Президента при вступлении его в должность: «Свобода лучше, чем несвобода». С другой стороны, всем понятно, что свободой можно злоупотреблять, если она не связана с ответственностью. Третий важный момент — согласно еще одной, 55-й статьи Конституции РФ права и свободы человека могут быть ограничены федеральным законом, если речь идет о защите конституционного строя, нравственности (! — *Н. Н.*), здоровья, прав и законных интересов других лиц. Такая практика есть в ряде стран, признающих как-то по умолчанию демократическими. И, наконец, ведь можно — я полагаю, и нужно — понимать идеологию широко, как разделяемую группой людей, организацией, фирмой, регионом, страной систему ценностей. И тогда уже воспитание просто невозможно без идеологии как системы ценностей, в его, воспитании, основе всегда лежит такая система. И тогда мы пока на уровне довольно простого рассуждения приходим к выводу, что идеология и идеологическое воспитание всегда были, есть и будут.

Разумеется, споры на эту тему начались не сегодня, и некоторые уроки в этом плане нам дает история второй половины XX века. Речь идет о понятиях конвергенции и деидеологизации. Обе идеи возникли в середине XX века. Прежде всего стоит вспомнить работы Д. Белла, родившегося в 1919 году и здравствующего поныне. В некотором смысле слова его судьба и идейная трансформация хорошо иллюстрирует мысль мудрого премьер-министра Франции Ж. Клемансо «кто в молодости не был радикалом, тот не имеет сердца. Но кто в старости не стал консерватором, тот не имеет головы». В самом начале 60-х годов Д. Белл обосновал концепцию деидеологизации, согласно которой социальные конфликты затухают, классовая борьба уходит в прошлое, общества идут к согласию. Но очень скоро в знаменитой книге «Конец идеологии. Об истощении политических идей в пятидесятых» он уже — несмотря на название книги — по сути отказывается от идей деидеологизации, напротив, говорит о важности идеологий, особенно религии (Bell, 1965). Позднее ученый обосновывает более мягкие идеи постиндустриального общества, еще позднее приходит к либеральному консерватизму.

Но дело, конечно, не только в формуле Клемансо о естественном возрастном развитии человека и его идей. На самом деле многие и по многим показателям уже вскоре после возникновения идей деидеологизации, с которыми связывались радужные ожидания вселенского согласия, с сожалением — или просто сообразуясь с реальностью — отказывались от этих идей. То же произошло и с конвергенцией, идеей сближения стран, эконо-

мик и идеологий, известным сторонником которой в 70-х годах в СССР был А. Д. Сахаров. Надежды здесь явно опережали реальность. Примерно так же развивались и идеи глобализации, возникшие в те же времена середины XX века, хотя и приобретшие популярность много позднее.

В относительно краткой статье предаваться воспоминаниям личного порядка не очень принято. Но сделаю исключение, причина которого будет ясна из последующего изложения. Как раз к тем временам относится увлечение автора изучением иностранных языков. Соответственно, я очень внимательно и часто слушал чужие («чуждые»? «вражеские»?) радиоголоса. Нередко на русском, что было не просто из-за глушения, чаще — на нескольких иностранных, которые с усердием изучал. При этом идеолого-политическая сторона передач меня первоначально мало интересовала — я был вполне нормальным и обыкновенным советским человеком, патристически настроенным. Тем не менее время, проведенное за радиоприемником, как-то само по себе подвело меня к рассуждениям идеологического свойства. Я с удивлением (тогда, теперь уже давно не удивляюсь) обнаружил, что при всем разнообразии радиостанций, характера передач, их тематики и языков по всем основным вопросам политико-идеологического свойства совершенно прозрачной была близость, нередко идентичность оценок, аргументов и даже приводимых примеров. Это касалось положения дел внутри и вокруг СССР, советского строя, политики СССР в самом широком плане. Разумеется, в других вопросах, мало или менее влиявших на политический менталитет (слово это, впрочем, тогда почти не употреблялось) были и разнообразие, и полемика.

Привыкнув к некоторым передачам и именам, я научился заранее предсказывать, что, кто и где скажет по тому или иному вопросу. Первоначально мне это было просто забавно как своего рода интеллектуальное упражнение. Потом понял, что это и есть самое реальное отражение идеологической борьбы: оценка определялась не реальным положением вещей, не здравым смыслом и логикой, а тем, как эта формируемая оценка вписывается в общий идеологический конструкт человека — организации — радиостанции — общества — государства.

Разумеется, я и тогда знал пословицу, согласно которой тот, кто платит, заказывает музыку. Понимал и то, что плата отнюдь не обязательно должна быть в рублях, долларах или иной валюте. Это может быть плата разного рода услугами, устройством на работу или сохранением на рабочем месте, безопасностью собственной или близких и т. д. Соответственно, невозможна и подлинная — абсолютная — независимость. Кроме грубых или мягких рычагов давления (скажем мягче — влияния) есть еще и самоцензура — часто самое надежное средство, позволяющее «и невинность соблюсти, и капитал приобрести».

Конечно, нам всем известны примеры, когда люди в разных ситуациях действительно выражают свою точку зрения, несмотря на возможные или несомненные риски разного рода; рискуют при этом благополучием, свободой и даже жизнью. Но речь идет не о примерах, пусть многих, а о типичном поведении работников «гуманитарного фронта» (не только СМИ, но и культуры вообще) тех времен, и, самое главное, времен наших. Поскольку в своей основе ситуация изменилась крайне мало. И сказано это не с осуждением, а с пониманием — такова жизнь. В 1930 году К. Скотт,

редактор газеты «Манчестер гардиан», написал историческую фразу, изящный и остроумный афоризм: факты священны, их толкование свободно. Но все последующие годы только подтвердили, что разделить факты и аргументы, факты и их толкование можно во времени и пространстве (например, в разных передачах или их разных частях), можно их и объединить в названии одной газеты, но общая идеологическая картинка, общий посыл всегда однозначен. То, что это так, хорошо показано во многих работах (см., например, Запесоцкий, 2008; Кара-Мурза, 2002; Никандров, 2007; Ольшанский, 2003). В некоторых случаях какие-то вопросы пиара (даже черного) поддаются правовому регулированию (Дорский, 2005), чаще речь идет о регулировании нормами морали и законами рынка, которые плохо гармонизируются и нередко контрастируют.

С учетом сказанного легко понять, что гуманитарная сфера, т. е. все, созданное для влияния на культуру, нравственность, менталитет, лояльность, поведение человека «нагружено» идеологией, использует — не может не использовать — идеологические формулировки, мифы и штампы. Долгое время после разрушения СССР слово и понятие «идеология», как уже отмечалось выше, вообще не употреблялось, говорилось и о том, что идеология нам не нужна. Это была иллюзия, которой много раньше предавался Д. Белл. На самом деле идеология во многом определяет общий посыл статьи, книги, фильма, телепередачи, телеканала, в конечном счете — любого произведения культуры, а, значит, направление и результаты социализации человека. Именно поэтому специалисты говорят о «дисфункции», «деформации» институтов социализации (Гатальский, 2009). Полагаю, вполне можно говорить о большем, о том, что воспитание (т. е. процесс, специально организованный в школе, вузе и так далее) и социализация (воспитание жизнью) работают не только не в сотрудничестве, но в противофазе и противостоянии. Это приводит к потере человеком собственной идентичности, делая его более зависимым от внешних факторов и влияний (Лекторский и др, 2008). В частности и в особенности — от влияния СМИ (Запесоцкий, 2008).

Иногда говорится, что средства массовой информации лишь отражают ситуацию в обществе, но не определяют ее. Однако они формируют восприятие ситуации и тем самым часто и во многом творят ее. Еще в 1928 году была сформулирована так называемая «теорема Томасов»: если люди считают ситуацию кризисной, то ее последствия будут представлять собой реальный кризис (Thomas & Thomas, 1928). Много позднее Д. Макквейл вывел интересное следствие общего порядка из этой, казалось бы, относящейся только к психологии теоремы. Это следствие — о «провокационной» роли СМИ: если CNN называет ситуацию кризисной, то она действительно станет кризисом со всеми его последствиями (McQuail, 1993). И если даже не воспринимать ни теорему, ни следствие на уровне определенности математической теоремы, тенденция, полагаю, схвачена верно.

Несколько нарушая хронологию, еще немного воспоминаний из своих дошкольных и школьных дней. Это были времена ленинградской блокады и все дни Великой Отечественной войны. Мама была медсестрой, поэтому нас не эвакуировали, как многих, по ладожской Дороге жизни. И в те дни, еще, понятно, не зная слова идеология, даже, наверное, в самые ранние годы слова патриотизм, я интуитивно понял, а много позднее уже вполне

оценил значимость идеологического и патриотического воспитания. В нашей очень простой и большой семье — мама и ее четверо сестер — никогда не было разговоров о поражении, о возможной сдаче города. Напротив, часто говорилось о подвигах красноармейцев, о которых узнавали по радио (черную «воронку» радиорепродуктора помню хорошо). Радио, понятно, было однопрограммным, и помню, как внимательно его слушали — и о победах, и о поражениях, и о потерях. Как всегда и везде во время войны, трудно предположить, что в этих сообщениях была вся и полная правда. Но важен был основной посыл — патриотический, победный, вдохновляющий. И, естественно, такой же идеологический посыл был в школе, в кино, т. е. вся система социализации была хорошо скоординирована.

Есть смысл сейчас вспомнить и то, что я тогда, конечно, не знал. Идеологическое и патриотическое воспитание было у нашего врага — фашистской Германии, хотя, понятно, идеология была другой. И там было полное понимание того, что необходимо скоординированное воздействие на человека всех институтов социализации, прежде всего образования и пропаганды. Интересная деталь. Совсем недавно, отмечая великий праздник 65-летия Победы, мы вновь слышали имена, слышали о делах главарей фашистского рейха. И еще раз услышали неправильное название недоброй памяти министра пропаганды Геббельса. Но название министерства было совсем другим и весьма показательным: Reichsministerium fuer Volksaufklärung und Propaganda т. е. Министерство народного просвещения и пропаганды. Понятно, в каком духе просвещал народ г-н Геббельс. Не менее интересно и то, что было еще и другой министерство — Reichsministerium fuer Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung, т. е. Министерство по науке, воспитанию и народному образованию. Оба министерства работали в четкой координации и обеспечивали единое информационно-идеологическое воздействие на население. В каком духе — понятно, но техника вопроса была разработана хорошо, и успешно воспитать миллионы немцев в этом духе гитлеровская машина смогла.

Но вернемся к России. В Советском Союзе гражданское, патриотическое, идеологическое воспитание было приоритетным в системе образования, система социализации его дополняла, идеологический посыл был общим. Во времена «лихих девяностых» все изменилось, конституционно провозглашенное и, по сути, правильное и разумное идеологическое многообразие (еще раньше — плюрализм времен перестройки) были возведены в абсолют. Дети и взрослые, школьники и студенты стали получать информацию подчас противоположной направленности о значимых для истории страны периодах, проблемах и исторических персонажах. В результате гражданское воспитание фактически было поставлено под вопрос, и лишь сейчас, медленно и неуверенно, мы начинаем вновь осваивать его проблематику и технологию.

Каким же образом, какими механизмами осуществляется идеологическое воспитание? Даже в отсутствие специального планирования все каналы социализации, включая и образование, транслируют на человека ряд типичных посылов («контент»), оказывающих на него влияние. Для подтверждения сказанного необходим анализ того потока информации, который циркулирует внутри страны и направлен на нее извне. Что касается внутреннего потока, мне бы хотелось положиться на опыт читателя, который читает

книги, газеты и журналы, смотрит телевидение, слушает радио, со всех сторон окружен рекламой и даже иногда ходит в кино. По упомянутой выше причине за более чем пятьдесят лет у автора накопился достаточно представительный опыт анализа этого потока из разных стран и на разных языках. Рамки статьи слишком узки для сколько-нибудь значимого набора примеров из «доказательной базы». Поэтому лишь перечислю те послылы, которыми нагружен глобальный поток информации, закончив это перечисление тем, что специально идет на Россию извне. Последнее желающие могут проверить, посмотрев зарубежные телеканалы и послушав зарубежные телепередачи на иностранных или на русском языках, что сейчас вполне доступно, а через Интернет возможно в высочайшем качестве. Самым представительным и простым примером были бы передачи радио «Свобода», которая с 1 марта 1953 года финансировалась ЦРУ, а с 1971 года финансируется Конгрессом США.

Итак, каковы же послылы («контент») и те средства, которыми они доносятся до нас (своего рода «несущие частоты»)?

1. Негатив и зло в мире преобладают над добром. Средства — преобладание негатива в информационном потоке, особенно в кратких новостях. Особые примеры здесь даже не нужны — каждый легко вспомнит, как часто и много говорится в новостных блоках о террористах, взрывах, пожарах, драках, природных катаклизмах и т. п. Вспоминая времена СССР эпохи так называемого застоя, нельзя не вспомнить и другую крайность. В то время некоторые реальные, но неприятные события или вообще «забывались», или упоминались вскользь. Зато нередко сообщались новости о трудовых победах, о том, какого высокого надея добилась доярка Иванова, насколько опередил пятилетний план передовой завод. А в печати были и письма этой доярки или директора завода, в которых «дорогому Леониду Ильичу» сообщалось об этих трудовых победах.

Конечно, в те времена эти важные сообщения доярки или директора могли восприниматься — и воспринимались — с юмором. Но — именно с юмором, никакого вреда психическому здоровью они принести не могли. Напротив, насыщенные негативом новости приводят к повышенной тревожности, а постоянная повышенная тревожность может привести и к еще более серьезным изменениям здоровья, в том числе не только психического, но и соматического.

2. Наш мир есть мир насилия (физического, военного, сексуального, психологического), противостояния и соперничества, что естественно. Средства — натуралистический показ насилия с использованием всех текстов, аудио- и видеосредств. Отметим, что, по данным исследований, такая демонстрация насилия даже «в борьбе за правое дело», например, в борьбе с преступностью у всех вызывает также повышенную тревожность, у детей и людей с неустойчивой психикой возможно подражание в средствах и «методике» применения насилия.

3. Основной (сексуальный) инстинкт — действительно основа всего. Здесь трудно определиться с «нормой доступности», но, по многим данным, мы сейчас в этом отношении практически «впереди планеты всей». Средства те же — натуралистический показ, а также реклама сексуальных услуг и реклама различных товаров на фоне сексуальных элементов видеоряда. Дополнительные «благоприятные возможности» здесь дает Интернет.

4. Культ «красивой жизни», богатства вообще и денег в частности естествен и необходим, «воспитание разумных потребностей» — пережиток коммунистических времен, высшие (духовные) потребности — либо от скудости, либо от глупости. Средства — демонстрация в связных сюжетах и без сюжета.

5. Рынок правит миром, причем не только в экономике, но во всех взаимоотношениях людей. Средства — вербальное и образное (аудиовидео) убеждение, что все продается и покупается, включая рыночный словарь применительно к человеку (например, покупка, аренда, обмен спортсменов).

6. Конкуренция и соревнование за выгоды и ресурсы естественны, взаимопомощь и тем более альтруизм — исключение, удел оригиналов и святых («бери от жизни все»). Средства — подбор и частое повторение соответствующих сюжетов, а также как в п. 5.

К этим посылам и средствам глобального плана добавим то, что идет на Россию извне.

7. Российские власти всех уровней не заботятся о народе и в высокой степени коррумпированы. Они были лучше в 90-е годы (т.е. когда соглашались на все, что требовали США — *Н. Н.*). Средства — подчеркивание соответствующей новостной информации, более частое повторение таких новостей в программах, специальные передачи для «концентрации» негатива подобного рода, особенно с привлечением радиослушателей. Особенно «полезен» для этого жанр ток-шоу (в народе — треп-шоу). Причем расчет (вполне правильный) делается на то, что особенно активно звонить будут люди, имеющие реальные проблемы на житейском, бытовом уровне, в то время как в целом удовлетворенные обычно относятся к «молчаливому большинству».

8. Российская армия, милиция, вообще все органы правопорядка антинародны, жестоки и коррумпированы. Средства — активный подбор соответствующих сюжетов, частый их повтор в общеностных и специальных программах.

9. Гражданский патриотизм в России если и был возможен (например, во время Великой Отечественной войны), то сейчас характер отношения народа и власти делают его реально не возможным. Средства — соответствующее толкование реальных событий, выступлений правозащитников, дегероизация (развенчивание героев прошлого), чужой патриотизм (сюжеты о маскулинности, героизме и мужестве высших представителей власти и правоохранительных органов избранных зарубежных стран).

10. Права и свободы человека в России не защищены и сознательно нарушаются властью и людьми по отношению друг к другу; это происходит чаще, чем в «цивилизованных» странах. Средства — как в п. п. 8, 9.

11. Высшие иерархи Православной Церкви в России запятнали себя в давнем прошлом сотрудничеством с КГБ, в последние годы — бессовестным использованием рыночных механизмов для получения прибыли, при этом государство односторонне поддерживает именно Православную Церковь, нарушая тем самым Конституцию. Средства — как в п. п. 7–9.

12. Уровень развития России крайне низок. Средства — подчеркивание реального (достаточно часто) или мнимого технического превосходства «цивилизованных», «развитых» стран, частое, вызываемое или не вызываемое сюжетной необходимостью, использование этих терминов для характерис-

тики стран при их сравнении с Россией, одностороннее, часто искаженное толкование разного рода международных сравнений в образовании, науке, культуре. Так, часто подчеркивается «молодость» демократии в России, причем «забывается» о том, что в России крепостное право было отменено в 1861 году, а рабство в США — в 1867, что до середины 1950-х годов расовое неравенство было реальным и жестким фактом в США, что вполне преодоленным его на бытовом уровне нельзя считать и сейчас.

13. Между странами СНГ имеются непреодолимые противоречия, обусловленные историей российской и советской империй, имперскими «замашками» современной России. Средства — односторонняя интерпретация исторических событий, «забывающая» об огромной помощи России в развитии многих бывших губерний и республик СССР и делающая акцент на других фактах (например, «оккупация» прибалтийских стран Советским Союзом).

14. Российская власть неэффективна еще и потому, что расколота. Имеются непреодолимые противоречия между Центром и регионами, между ветвями власти, а также в тандеме «Медведев — Путин». Средства — подбор сюжетов, допускающих интерпретацию в этом духе реальных событий, бесконечное повторение соответствующих сюжетов в ток-шоу.

Разумеется, в подтверждение каждого тезиса опытный пропагандист, агитатор или пиарщик (они часто совпадают в одном лице) что-нибудь найдет, а далее действует закон, открытый еще в Древнем Риме — *calumniare audacter, semper aliquid haeret*, т. е. «клевети дерзко, что-нибудь всегда прилепится». А при частом повторении «прилепится» всегда немало.

Приведенные выше идеологические послы каждый человек легко подтвердит, анализируя собственный опыт чтения, просмотра телепередач и рекламы, слушания радио. Причем даже не надо обращаться к зарубежным и иноязычным источникам — некоторые российские радиостанции и каналы телевидения демонстрируют то же самое. Причем хочется еще раз подчеркнуть, что у меня нет никакого намерения «хулить» и «чернить» авторов, комментаторов, телеведущих, актеров, задействованных в этой работе. Это именно работа, которую люди делают, всегда так или иначе отвечая себе на давно поставленный вопрос: «С кем вы, мастера культуры?». При этом не имеет значения, оплачивается ли эта работа (чаще всего, конечно, оплачивается) или же выполняется, как говорится, «на общественных началах».

Рассматривая с приведенных выше позиций вопрос, поставленный в заглавии статьи, попробуем сделать предположительные выводы.

Конечно, можно и нужно ожидать относительно мирного сосуществования в культурной сфере и сфере человеческих взаимоотношений. Частично в результате глобализации, интенсификации обменов и общений, частично в результате понимания огромной мощи потенциала разрушений, накопленного человечеством, который сметет все, сметет весь мир, если идеологическое противостояние превратится в холодную войну с перспективой превращения в горячую. Но и над этим нужно работать, и все, что связано с терпимостью к другому человеку, другой нации, другому государству, другому мировоззрению (толерантность), способствует успеху. Как — описано в сотнях работ. С другой стороны, фундаментализм любого толка успеху мешает. И, конечно, при всех разговорах о глобализации, диалоге цивилизаций и культур, дружбе народов, при всех полезных шагах в этом направлении

важно помнить то, что просто и понятно выразил еще Александр III Миротворец (миротворец! — *Н. Н.*): у России только два союзника — ее армия и ее военно-морской флот. Ведь идеологические расхождения России с другими странами были до 1917 года, были после, есть и будут. Современная военная доктрина нашей страны при ее несомненной мирной, оборонительной направленности также фактически признает военные риски, есть риски и в социальной сфере (Стратегические..., 2005). Ряд серьезных исследований предупреждает о том, что не прекращается и борьба против российской государственности, причем в невоенных формах (Якунин и др., 2009).

Разумеется, нам нет необходимости возвращаться к всеобщей подозрительности, нам нужно работать над тем, чтобы конкуренция между людьми, группами людей, народами и странами шла в мирном направлении. Но мы весьма далеки от того времени, когда, как писал еще Ф. Шиллер в «Оде к радости», и эти слова обессмертил в своей симфонии Л. Бетховен, «*Alle Menschen werden Brüder*» (все люди будут братья). Именно поэтому и сейчас необходимо патриотическое, гражданское воспитание, необходимо и идеологическое воспитание, чтобы те разрушительные послы, которые кратко перечислены выше, не стали основой соответствующего разрушительного поведения людей, особенно молодежи. Соответственно, необходима гармонизация воздействий системы образования и системы социализации. Но это уже — темы особого разговора.

Литература

Гатальский В. Д. Педагогика профилактики и коррекции девиантного поведения учащейся молодежи. СПб., 2009.

Дорский А. Ю. Правовое обеспечение PR. СПб., 2005.

Диалог цивилизаций: базовые концепты, идеи, технологии / Руководитель проекта С. Фарах, общая редакция О. А. Колобова. Бейрут-Нижний Новгород, 2006.

Запесоцкий А. С. Образование и средства массовой информации как факторы социализации современной молодежи. СПб., 2008.

Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2002.

Лекторский В. А. и др. Проблемы идентичности в трансформирующемся российском обществе и школа. М., 2008.

Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Образование в глобальном измерении. М., 2009.

Черный пиар: пособие для журналистов, читателей и слушателей. М., 2007.

Ольшанский Д. В. Политический PR. СПб., 2003.

Стратегические риски России / Под ред. Ю. Л. Воробьева. М., 2005.

Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишн С. С. Новые технологии борьбы против российской государственности. М., 2009.

Bell D. The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties. N.Y., 1965.

Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y., 1973.

Bell D. The cultural contradictions of capitalism. N.Y., 1998.

McQuail D. Media performance: mass communication and the public interest. London, 1993.

Mondialisation, developpement et pauvreté. Washington. 2002.

Stiglitz J.E. La grande disillusion. Paris, 2002.

Thomas W., Thomas D. The child in America. Behavior problems and programs. New York, 1928.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

ГИМНАЗИЯ НА МОЛЕЛЬНЫХ ХОЛМАХ — ВОСПИТАНИЕ ЛЮБОВЬЮ

*Интервью
с директором
гимназии № 1529
г. Москвы
М. А. Соловьевой*

Марина Анатольевна Соловьева — директор ГОУ Гимназии № 1529, Почетный работник общего образования РФ, лауреат конкурса «Грант Мэра Москвы» в области образования. Окончила Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена. В течение 30 лет работает в системе образования. **Живет в Москве.**

Идея взять интервью у директора московской гимназии № 1529 возникла неожиданно. Перед отъездом в столицу на XIV Всемирный Русский Народный Собор, уже в который раз смотрели замечательный фильм 40-х годов «Сельская учительница». Под впечатлением от образа главной героини фильма Варвары Васильевны Мартыновой, созданного народной артисткой СССР Верой Марецкой, захотелось узнать, а кем была «настоящая» Мартынова, как сложилась ее судьба, живо ли ее дело. Поиски ответов на эти вопросы заняли всего несколько минут. Оказалось, что Мартынова в фильме — это Екатерина Васильевна Мартыанова, которая более 30 лет руководила знаменитой московской школой № 29 имени Александра Сергеевича Грибоедова.

Е. В. Мартыанова была награждена орденом Ленина, ей было присвоено высокое звание «заслуженный учитель РСФСР» в 1946 г. Она была избрана депутатом Верховного Совета СССР. В 1960–2000 гг. Директором школы в новом здании на Кропоткинской, 12 была Инна Михайловна Теплова.

С 2000 г. гимназией № 1529 (так теперь именуется школа) руководит Марина Анатольевна Соловьева, у гимназии последние семь лет новое здание на Молевых холмах напротив церкви Ильи Обыденного.

Место, где находится здание гимназии, действительно очень намоленное. Первая деревянная церковь здесь была построена в 1592 г. За один день — обыден. Отсюда и название и церкви и окружающих ее Обыденских переулков. По преданию здесь попал в сильную грозу Василий III, который дал обет, что если останется жив, построит на этом месте церковь. В XVII веке Илья Обыденный особо почитался

Царской Семей. В конце XX века здесь любил служить Патриарх Пимен. Многие десятилетия Илья Обыденный сберегает и сохраняет иконы из разрушенных и закрытых московских храмов.

Мы позвонили в канцелярию гимназии и попросили о встрече с директором. Нам ответили, что небольшое «окошко» будет 25 мая, ближе к вечеру. На том и договорились.

В назначенное время, ориентируясь по колокольне Ильи Обыденного, мы поднялись от Храма Христа Спасителя вверх по переулку на холм. Через дорогу от церкви увидели здание гимназии.

Аккуратно выкрашенная калитка приветливо приоткрылась, и мы оказались во двореике старинного московского особняка. В гимназии нас уже ждали. Обаятельная Марина Анатольевна Соловьева вышла навстречу гостям ровно за 3 минуты до обусловленного времени. Пригласила пройти в свой скромный, но очень уютный рабочий кабинет....

Корреспондент: *Марина Анатольевна! Прежде всего позвольте поздравить Вас со знаменательным событием в Вашей личной жизни и в жизни, возглавляемой Вами гимназии — 10 выпуском. 10 выпусков — это сотни человеческих судеб выпускников и учителей, это целая, если можно так выразиться, эпоха, в быстроменяющемся океане школьного образования. Каковы предварительные итоги этого десятилетия?*

Марина Анатольевна: Прежде всего создано инновационное образовательное учреждение повышенного уровня обучения — Гимназия 1529, которую мы называем «Школа, в которой обучают искусству жить». Создан творческий коллектив единомышленников и сплоченная административная команда. Это позволяет участвовать и побеждать в профессиональных конкурсах, в том числе и в конкурсе лучших школ, внедряющих инновационные проекты в рамках Приоритетный Национальный Проект «Образование».

Творческий педагогический коллектив направляет свою деятельность на результат: об этом свидетельствуют около 650 выпускников, успешных, творческих и талантливых... Из них награждены золотыми медалями 37 выпускников, серебряными медалями — 42 выпускника. Ежегодно становятся призерами и победителями различных конкурсов и конференций — около 150 учеников Гимназии.

Это система профильной подготовки, связанная с ведущими вузами Москвы: Медицинской академией имени И. М. Сеченова, ГУ — Высшая школа экономики, МГИМО МИД РФ.

Это система воспитательной работы, позволяющая каждому ученику проявить себя не только в учебе, но и попробовать реализоваться в творческой деятельности, выступить на большой сцене, получить признание.

Корр.: *Марина Анатольевна! Президент Медведев поставил в повестку дня вопрос модернизации в широком смысле слова, в том числе и модернизации школьного образования. Для модернизированной инновационной экономики нужны новые кадры — инициативные, ответственные, способные самостоятельно принимать решения. Несомненно, что роль школы должна в этом процессе существенно измениться и возрасти.*

Насколько кардинально в этой связи должно обновиться все содержание учебного процесса?

М. А.: Кардинально — вряд ли. Речь, скорее, идет о том, чтобы дать учителю механизм, который позволит обучить каждого ученика самостоятельно принимать решения, убедить осознанно овладевать всей суммой современных знаний, которые столь необходимы для того, чтобы быть востребованным в современном обществе. Конечно, речь должна вестись и об учителе — современном, знающем, компетентном. Профессионале в высшем смысле этого слова.

Корр.: *Марина Анатольевна! Ваша гимназия находится в самом центре Москвы. Рядом — Кремль, Храм Христа Спасителя. В Хамовниках сконцентрирован мощнейший интеллектуальный потенциал нашего Отечества: крупнейшие Университеты России — МГУ, Лингвистический, Педагогический. Здесь же Дипломатическая Академия МИД РФ, Медицинская Академия им. Сеченова. Созвездие музеев с мировым именем: музеи Кремля, музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, картинные галереи Ильи Глазунова, Александра Шилова и т. д. и т. п. Огромное количество элитных московских школ. Тем не менее Ваша гимназия востребована, она среди лучших, в нее постоянный конкурс, желающие учиться месяцами ждут «свободное местечко». Как удается на протяжении многих лет удерживать такую «высокую планку»?*

М. А.: Мы стараемся сохранить все самое лучшее из того, что создали и передали нам наши предшественники. Можно сказать, что лучшие традиции живы и будут еще долго жить. Это касается и методики преподавания, и морально-нравственного климата, и требовательности к себе, к членам нашего педагогического коллектива и к нашим питомцам.

Конечно же, мы активно изучаем не только наш российский, но и международный опыт преподавания и воспитания. Увидев что-то интересное, мы стараемся реализовать это в нашей гимназии, адаптировав ту или иную идею применительно к нашим конкретным условиям и возможностям. На такой подход к работе заряжены наши учителя, ученики и даже их родители. Наши устремления — в будущее, но с опорой на достигнутое. И еще один очень важный момент — это воспитание наших учеников любовью.

Корр.: *Марина Анатольевна! Директор такой гимназии, как Вы — не только умудренный педагог и руководитель большого преподавательского коллектива, но также и опытный хозяйственный работник. Что Вы могли бы пожелать своим коллегам директорам гимназий и школ России в связи с принятием «Закона о бюджетных организациях»?*

М. А.: Вопрос не простой. Вокруг ответа на этот вопрос кипят страсти, идут дискуссии. Гимназия — бюджетная организация, это более понятная и знакомая для нас система организации деятельности образовательного учреждения. В этой системе наша гимназия и будет продолжать работу. Что касается автономной системы, то она больше ориентирована на финансовую самостоятельность, на наличие в системе образования определенных элементов коммерческой деятельности. Таким образом, у каждого свой опыт. Каждый волен сам сделать свой осознанный и взвешенный выбор.

ПОЭЗИЯ

Геннадий ПОПОВ

«ДА БУДЕТ СТЯГ НАШ ДОСТОСЛАВЕН»

Геннадий Андреевич Попов — родился в 1940 г. в Москве. Закончил Радиотехнический институт в Рязани, работал главным инженером. Председатель Орловской областной организации Союза писателей России. Автор шести поэтических книг. Лауреат всероссийских премий им. А. Фета и А. Прокофьева. **Живет в Орле.**

КЛИЧ

Мы русские — с нами Бог!

А. Суворов

Не все забыто и прошло,
В горниле войн перегорело.
Беречь надежду не грешно,
И надо верить до предела.

Покуда помнятся слова,
Не смолкли звуки русских песен,
Пока еще встает трава,
Встречая солнце наших весен.

Пока последний стяг не сдан,
Последней жатвы не косили,
Покуда хоть один солдат
Стоит на рубежах России.

Пока, в бессмертие уйдя,
Те, слава чья в веках пребудет,
Не отвратят небесный взгляд
От наших праздников и буден.
Пока хранят родной язык
Народ и письменное слово,
И не иссяк еще родник
Всего заветного, живого.

Под покровительством святых,
Страстотерпением народным
В трудах и чаяньях своих
Наш дух останется свободным.

До самой гробовой доски
Мы на земле за все в ответе.
Затем — потомкам быть на свете,
Чтоб ту ответственность нести.

И, шепотом взывая к Небеси,
Пусть будет грозен и всесилен
Наш клич земной на всю Россию:
— Мы русские!
Довольно голосить!

ЗАУТРЕНЯ

Дороги утреннего света,
Начало всех земных путей,
Зарей восходят над планетой
С востока Родины моей.

Они взлетают над Отчизной,
Крылами горизонт обвив.
Дай, Боже, ей счастливой жизни
Во имя правды и любви!

Дороги утреннего неба
Летят над Родиной моей.
Создатель, дай ей мира, хлеба
И сыновей-богатырей!

Дай неприступных Ярославен
На крепостных ее стенах.
Да будет стяг наш достославен
Державной силою в веках!

Дороги утреннего мира,
Небесной Родины пути...
Дай, Боже, мне земного мига,
Чтоб с них подольше не сойти.

НА ПРОХОРОВСКОМ ПОЛЕ

Герою Советского Союза поэту Михаилу Борисову

И снова — тень над Прохоровским полем...
Не устоял с годами Сталинград,
И Ленинграда нет на карте боле,
И гибнет под бомбежками Белград.
Не выстоит — и очередь за нами...
Не за спиной, а в спину нож — Москва.
Нам, что закрыли небо во Вьетнаме,
Не защитить славянского родства.

Покоя нет на Прохоровском поле,
Тревогой веет со святых могил...
Нам отступать докуда и доколе,
Нам победить каких набраться сил?

Но к отступленью не осталось доли,
И времени нам больше не дано...
Осталось русским
Прохорово поле,
Осталось русским
Куликово поле...
Европа! Вспомни
День Бородино!

ПОЛЕ (диптих)

Памяти Николая Старшинова

1

Железный вал
ломился здесь...
Тем летом нива не дозрела:
Земля вздымалась до небес
Под ураганом артобстрела.

Но здесь
пробиться не смогла
Броня чужая до Урала —
на этом поле полегла.
И в наших домнах догорала.

Ни креста, ни скрижали...
В чистом поле стою...
Поколения пали
Здесь в неравном бою.

Пулей меченный камень,
Серебро ковыля...
И как будто штыками
Колосится земля...

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Кругом темно, хоть глаз коли...
Над Русью вздыбилась Европа,
клянясь ей в дружбе и любви
с лукавой мудростью Эзопа.
Не мудрствуй, тароватый раб,
в речах довольно недалеких.
Ты самому себе не рад
в дерзаннях, право, невысоких.
Кого ты хочешь обмануть,
стремясь перемудрить лукаво?..
России предназначен путь!
И по нему идет Держава.
Везде, куда ни кинуть взгляд,
ее не ждут, нигде — не рады.

Одни препоны и преграды,
и нет дороги ей назад.
Над ней сгустился смрад времен,
в упор ее не признающих.
С рожденья русский заклеимен
быть в этой жизни неимущим.
Но не к лицу стенать от боли:
с Россией — вся святая рать
на синем небе в русском поле,
где надо сеять и пахать.
И пусть злословят от бессилья,
пусть искушают нас враги...
Вернувшись на своя круги,
Грядет великая Россия.

ШЕЛОНЬ

Над шелковой гладью Шелони
Бесстрастные рати времен
Промчались, как дикие кони,
Под сенью бесчисленных знамен.

Но живы в урочищах Пскова
На этой прозрачной реке
Заветное русское слово
И сила в былинной руке.

Я знаю, там дышится вольно,
По утренним зорям свежо.
И с кручи бессмертная Ольга
Нетленный покой стережет.

Шелонь...
К неизбывным истокам
Пути не заказаны нам.
Живу по означенным срокам
И верю пророческим снам.

ПАСХАЛЬНАЯ НОЧЬ В КОСТЮРИНО

Украшенные звездами деревья
В ночных купались небесах.
Земной корабль, довольно древний,
Вращаясь на своей оси,
Шел по орбите в небеси
С лучистым ветром в парусах,
Как странник во святых местах.

Деревня русская спала,
Пасхальным таинством объята.
Как неприступная скала
Средь волн вселенского разврата,
Садами вешними цвела.

Заброшена, почти распята,
Жила непостижимо свято.

И в стороне от черных мыслей...
Здесь, в незатейливой глуши,
На межпланетном коромысле
Так было благодно в тиши,

Как будто, сам непогрешим,
Со дня рождения решил
Жить во спасение души.

ПИСЬМО ПОЭТУ ВИКТОРУ ЛАПШИНУ

Нет, нас не время — времена косили...
Стальные кони закусили удила.
Двадцатый век промчался по России,
Как злобный хан...
Такие, брат, дела.

Нам повезло еще в неволе странной:
Холопских строк не пели, не поем,
И нет другой земли обетованной —
Она всегда в Отечестве своем.

Простит Господь, что истово молчали,
Пока не пробил свыше судный час?
И, может быть, вечерними лучами
Судьба успеет приголубить нас.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Дмитрий РОГОЗИН

СОБИРАНИЕ НАЦИИ

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году указом Президента назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Член Совета по внешней и оборонной политике. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

Драматичные процессы протекают в России в сфере внутренней миграции. Серьезнейшую угрозу безопасности и благополучию нации представляет диспропорция между европейской частью страны, где сосредоточено более трех четвертей населения и экономического потенциала, и регионами Сибири и Дальнего Востока, на долю которых приходится четверть населения страны и три четверти основных энергетических и минеральных ресурсов.

Плотность населения в Сибири в семь раз ниже, чем в европейской части страны. Более того, семимиллионное население Дальнего Востока выглядит ничтожным в сравнении с сотнями миллионов граждан Китая, проживающих на сопредельных территориях. Представьте, если бы в России плотность населения была такой же, как в Японии, Бельгии или Нидерландах, количество наших граждан составило бы более 6 млрд. человек — столько же, сколько сейчас живет на всей планете!

Сибирь и Дальний Восток — это будущее России в новом веке. Цари и сменившие их коммунисты понимали великое значение освоения Русской Азии. С 1926 по 1959 год население Дальнего Востока, в том числе за счет внутренней миграции, выросло в три раза, тогда как население РСФСР за этот же период увеличилось менее чем на треть. В 60—80-е годы миграционный приток увеличил население Дальнего Востока еще на две трети.

Однако из-за гибели в 1990-е годы национального товарного

производства миграционные процессы развернулись в обратную сторону. В настоящий момент в 26 регионах Севера и Дальнего Востока отмечается непрекращающийся отток населения в европейские области России. Сегодня на Дальнем Востоке жителей проживает почти на 20 процентов меньше, чем 20 лет назад. Так наши богатейшие земли превращаются в «мертвый дом».

«Омертвление» этих территорий усугубляет проблему интенсивной иммиграции из сопредельных стран, прежде всего из Китая. Не стоит нашим «либералам» равнодушно отмахиваться от проблемы «китайской экспансии». Уже сейчас плотность населения с российской стороны границы — один человек на один квадратный километр, а в приграничных районах Китая в 125 раз больше!

Мы рассуждаем об опасности отторжения от России ее восточных сибирских территорий, а она уже налицо. Достаточно переселить на российский Дальний Восток один процент населения Китайской Народной Республики, — и со стратегическими запасами нефти, газа, водных и минеральных ресурсов, а затем и со своей территорией можно будет распрощаться.

Китай пока не заинтересован в конфликте с Россией. Объясню почему. Он покупает у нас современное оружие, ежегодно наращивая свой военный бюджет на 10 процентов. С помощью российской энергетики Пекин начинает освоение западных, наиболее отсталых провинций страны. Россия нужна Китаю не как друг, сват и брат, а как «надежная спина» — стратегический тыл, где он может черпать необходимые ресурсы для взращивания своих имперских амбиций в Юго-Восточной Азии. Это мне практически прямым текстом было сказано в Пекине одним из руководителей этой великой и амбициозной страны, и я думаю, что сказано искренне.

За последние 12 лет в европейскую Россию из других частей страны переселилось два миллиона граждан. Мощный «людской Гольфстрим» перераспределяет население между азиатской и европейской Россией. Структура его течения такова: основные массы переселенцев движутся в европейскую Россию через «красноярский буфер»: в Красноярске частично оседают трудовые ресурсы из Иркутской области, в которой, в свою очередь, освободившиеся трудовые места пополняются за счет переселенцев из Приморья и Хабаровска. Наконец, Приморье и Хабаровск вбирают людские ресурсы Читы и северных областей. Здесь обозначается предел миграционных резервов, потому что регионам-донорам самим уже неоткуда пополняться людьми. Все больше и больше оставляемые с каждым годом регионы — это Якутия, Магаданская область, Чукотка, Сахалинская область и Камчатка.

Надо иметь в виду, что не только Китай внимательно следит за людским «обезвоживанием» Сибири и Дальнего Востока, но и Япония, ждущая своего часа для начала политического завоевания и экономического освоения островов Южно-Курильской гряды и уже

начавшая превращать в законы свои наглые территориальные претензии. Кого потом винить в том, что из-за нашего собственного голловотяпства мы потеряем ценнейшие земли?

В европейской части России также проявляются причудливые и нездоровые миграционные тенденции. Прежде всего, мелеет русская деревня, превращаясь еще в один «мертвый дом». Сколько этих мертвых, заброшенных домов я перевидал, когда со своими друзьями забирался в русскую глубинку с целью поохотиться! Видели ли вы когда-нибудь диких зверей, лис и даже медведей, поселившихся в перекошенных и оставленных людьми избышках и часовенках? А я видел. Скажу вам: мрачная это картина.

Демографический потенциал российского села иссяк еще в 1970-е годы — деревне больше некого отдавать городам. Теперь место прежних «городских крестьян» занимают иностранные трудовые мигранты. Ни переселенцы с востока, ни иностранцы не хотят работать в российской глубинке. Больше всего их притягивает Москва и Московская область, во вторую очередь — другие мегаполисы и, особенно, юг европейской России.

В условиях отсутствия простого воспроизводства нации ее генофонд сжигается в котлах мегаполисов. Такой сценарий — когда к разбуханию городов и агонии деревни добавились обвальная иммиграция и капитуляция русского Севера и Востока — должен быть свернут и отброшен как пагубный для страны. Я вижу стратегию нашего будущего в «повороте на Восток», в новой колонизации Дальнего Востока, создании опорного индустриального каркаса по всей стране. Значительная энергия должна быть сосредоточена в станом хребте и «ребрах жесткости» (Уральский и Западносибирский регионы). На Дальнем Востоке должен возникнуть живой противовес Москве — новый центр тяжести нации.

В настоящее время центр мировой активности уверенно смещается в Северо-Восточную Азию, а Дальний Восток граничит с Монголией, Китаем и Северной Кореей, а по морю — еще и с Японией и американской Аляской. Это создает для нас гигантские экономические возможности и перспективы. «Поворот на Восток» как настоятельная необходимость государственной политики связан не только с задачами демографического развития России и с ускоренно надвигающимися на нас внешними вызовами. Целевое заселение восточных земель, новая колонизация Сибири и Дальнего Востока и прорыв на глобальные рынки густонаселенной и бурно развивающейся Азии — таков смысл нашего «поворота на Восток».

Главную ставку надо делать на молодежь. Ее переселение на восток и участие в стратегических проектах должно быть увязано с получением хорошо оплачиваемых рабочих мест и жилья с льготной рассрочкой, с увеличением социального пакета по мере рождения новых детей и другими мерами стимулирования ее массового переезда. Такое «добровольное закрепощение» молодых людей должно подкрепляться

государственной щедростью и стабильным ростом изобилия. Будущее России — на востоке, на Тихом Океане, и чем быстрее мы это поймем, тем раньше наступит национальное возрождение России.

Собирание нации — это краеугольный камень патриотического проекта сбережения, развития и преумножения народа. Размыванию этнического ядра России, которое происходило на всем протяжении XX века, необходимо положить предел. Современная колонизация России нероссийскими этносами — это зачастую колонизация архаическая, торговая. Государство же должно быть заинтересовано в своем собственном развитии.

Возвращение русских на родину — это условие и залог планирования приоритетного экономического развития и, что немаловажно, духовного развития сел и малых городов Центральной России и образующих их местных сообществ, возрождения русского Дальнего Востока. Доля русских репатриантов в потоке иммигрантов была все эти годы достаточно высокой, особенно в первой половине 1990-х. В последние годы масштабы возвращения русских значительно уменьшились. Те, кто хотел вернуться или был вынужден это сделать, — уже вернулись.

Говоря о репатриации, мы должны понимать, что речь идет о долге России принять на своей территории всех соотечественников, пожелавших вернуться на родину, в том числе людей пожилого, нетрудоспособного возраста. Забота о своих стариках — отличительная особенность культурной и цивилизованной нации.

Проект сбережения народа требует осознания того, что нация — это не только граждане России. Нация состоит из тех, кто любит Россию и ощущает духовное родство с ее культурой, историей, народом. Следовательно, в понятие «нация» должны быть включены наши соотечественники, не по своей воле оказавшиеся за рубежами своей Родины — прежде всего, после распада СССР. Как неотъемлемая часть нации они имеют полное право на переезд в Россию — вслед за ее отступившими политическими границами.

Потомки эмигрантов, вынужденных бежать из России в годы Революции, Гражданской войны, оказавшихся на Западе в военное лихолетье, также являются нашими соотечественниками, если они сохранили чувства к своей Родине. Мы должны признать их права на территории нашего государства более высокими, чем права иностранцев.

Еще раз хочу особо отметить необходимость кардинального пересмотра нашего отношения к вопросам предоставления российского гражданства. То, что президент России торжественно возвращает русское подданство выдающимся потомкам нашей эмиграции, — замечательно. Но как раз это и свидетельствует об эксклюзивности и ничем не объяснимой вкусовщине в вопросе о том, кому следует вернуть гражданство.

Нет, и не может быть в наших исторических и демографических условиях каких-либо оправданий для искусственного сдерживания процесса выдачи гражданства тем, кто имеет на это естественное право. Любой русский человек, любой представитель коренного народа России, всякий, кто рожден русской матерью или от русского отца, — должен иметь законное право получить российский паспорт по первому же требованию, т.е. автоматически. Неужели это кому-то непонятно?

Германия, Япония и особенно Франция, потерявшая большую часть колониальных завоеваний, в послевоенные годы за счет политики активной репатриации вернули на родину практически всех своих соотечественников, тогда как Россия — всего 12 процентов. Мы намерены обеспечить русских за рубежом, равно как и представителей других коренных российских народов, национальным правом возвращения на Родину.

География «русского мира» не может быть ограничена границами Российской Федерации. Добровольное воссоединение России, Украины и Белоруссии — то дело, за которое боролись Тарас Бульба и миллионы его последователей, является коренным вопросом дальнейшего развития нашей цивилизации.

Сегодня нужно помочь тем репатриантам, кто уже давно переехал на Родину. Сотни тысяч русских соотечественников владут жалкое существование, живут в лачугах, в антисанитарных условиях, мыкаются в очередях за гражданством и ворохом все новых и новых справок. Прежде чем принимать десятки тысяч новых соотечественников, нужно обратить внимание на тех, кто уже несколько лет живет с нами рядом, и кого наши бюрократы упорно не желают замечать.

Сбережение нации — это еще и воссоединение народов, имеющих опыт совместной жизни и общей судьбы. Но чтобы собирать российские земли, нужно иметь притягательный центр — образец коренной России, которую нужно поднять из пепла российской смуты.

«Ближнее зарубежье» (это словосочетание очень не нравится моим коллегам в НАТО) из пояса враждебности должно стать дружественным России окружением, тяготеющим к России, защищающим себя от иноземной зависимости, спасающим свои народы, вымирающие столь же стремительно, как и русские. Мы должны создать условия для добровольного воссоединения страны в ее естественных границах.

И эта задача намного серьезнее того, чего так панически боятся на Западе — создания «сфер российского влияния». Нет, господа, мы хотим не «на сферы влиять», а собрать воедино свою Родину. В процессе такого воссоединения родится новая политическая культурная нация. Только она сможет сохранить свое суверенное государство и выжить в безжалостной геополитической конкуренции.

Ижо ПОЧАТЕК ЛОЖНОЕ ЛИЦО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

Изидор (Ижо) Початек, доктор права. Выпускник Восточного факультета МГИМО. Родился в 1932 г. в селении Брвниште в Словакии. Работал военным корреспондентом в издательском агентстве СТК (Чехословакия). В 1953 г. поступил на факультет международных отношений Карлова университета в Праге, затем переехал в Москву, где окончил МГИМО. Работал в МИДе Чехословакии. Прошел все дипломатические должности. Получил степень кандидата исторических наук. В 1970 г. в связи с критикой военного вторжения в Чехословакию стран Варшавского договора был отстранен от дипломатической службы и 20 лет работал на Словацком ТВ. В 1990-1992 гг. служил послом Чехословакии в Джакарте. Был первым ген. консулом Словацкой республики в Минске. Автор большого количества публикаций, связанных с исследованием международных отношений. Живет в Братиславе, Словакия.

Человечество вступило в новую, сложную фазу развития, когда в поисках выхода из хаоса рушащихся философий самые разные течения мысли, старые и новые идеологии и концепции смешиваются и сталкиваются друг с другом. На кладбище отживших взглядов на общественное устройство стремительно вырастают новые — как рациональные, так и идеалистические — ложные попытки организовать мир так, чтобы он мог противостоять вызовам глобализации. Впрочем, ни один из политологов, философов или политиков еще не создал идеальную модель сосуществования землян, в которой бы преодолевались глубокие классовые, религиозные, расовые, международные, а прежде всего — имущественные расхождения, которые так категорично задают исходные точки бытия. Мы являемся свидетелями того, как нам предлагаются по большей части «улучшенные» модели решений, за которыми, в сущности, стоит то же самое исконное общественное разделение, что и во все исторические эпохи: с одной стороны — производители духовных и материальных ценностей, с другой — их мощные потребители.

Поэтому неудивительно, что мы вновь сталкиваемся с такими историческими категориями, как диктатура, демократия, права и свободы человека, социализм, коммунизм, фашизм, тоталитаризм, либерализм, неолиберализм, капитализм, империализм, интеграция, глобализация и, в конце концов, безграничная власть международного финансового капитала. В рамках однозначных политологических определений перемалывается множество понятий, состоящих в от-

ношениях противопоставления или взаимосвязи. Поэтому естественно, что все они диалектически влияют друг на друга, вплоть до того, что полностью меняются местами. Кроме того, в нашей общественной жизни активно фигурируют и совершенно новые политические явления, которые лично мне напоминают скорее паразитов, нежели естественные составляющие организма общества. К ним можно отнести так называемые «гуманитарные интервенции», бульварную прессу, общественные организации и специальные миссии, направленные на «устранение последствий» мирового финансового, хозяйственного и социального кризиса, на котором висит хорошо заметная этикетка: «Made in USA». В предлагаемой статье я попробую очертить свой собственный взгляд на названные проблемы.

ДИКТАТУРА И ЕЕ ВАРИАЦИИ

Под понятием «диктатура» мы привыкли подразумевать жесткий тоталитарный строй известных в мировой истории фашистских режимов, к которым впоследствии на Западе было отнесено и правление Сталина, и прочие «диктатуры пролетариата» — в сущности, неограниченная власть одного человека или группы лиц. В прошлом столетии в Европе, Латинской Америке и Азии существовали и самые разные формы «демократической» или «народной» диктатуры. При ближайшем рассмотрении их зарождения возникает понимание того, что, собственно, все модели общественного устройства на самом деле представляют собой диктатуру «кого-то» или «чего-то». Волшебное слово «демократия», конечно, помогло смягчить впечатление от того, что кто-то властвует над нижестоящими, и стало фиговым листком, прикрывающим истинное положение вещей: во все времена кто-то правил, а кто-то подчинялся, или, иначе говоря, одни работали, а другие на них паразитировали. Когда пришел кризис со своими проблемами, то все его последствия опять же ощутили на себе как раз подчиненные.

Анализ подтверждает, что практически все формы диктатуры содержали в себе и элементы правовых норм, которые давали группам хотя бы символическую долю власти. Но и пресловутые всеобщие выборы, известные как способ узнать мнение граждан в «прямой или опосредованной демократии», в современных условиях неоллиберальной демократии тоже оказываются неким аналогом диктатуры. Классические признаки демократии уже превратились в некий исторический хлам, принадлежащий далекой эпохе буржуазно-демократических революций. Лидирующие государства, общества и социальные группы в современных демократических режимах мира вовсе не представляют ни «весь народ», ни арифметическое большинство населения, но состоят при власти и диктуют свою волю оппозиции даже при ее численном превосходстве, а также навязывают ее тем, кто пренебрегает голосованием. В отношении этой части общества всякая демократия есть законная диктатура. Именно так мы относимся и к глубоко противоречивой диктатуре пролетариата с ее коммунистическим режимом и провозглашенными абстрактно-демократическими идеалами справедливости, равенства, солидарности и интернационализма.

РАСПАД МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Социалистический лагерь и Советский Союз распались. Исчезли их сателлиты и связанные с ними международные структуры. Правда, остались и «долгожители» системы — прежде всего Китай, сумевший отстоять свою диктатуру и по-своему понятые «права и свободы человека», которые теперь помогают не только сохранять единство и обеспечивать динамичное развитие огромной страны, но и выступать в качестве полноценного партнера великих держав и даже представлять вызов Америке, которая явно теряет свой единоличный авторитет и существовавшее некогда абсолютное мировое господство. Советский коммунизм с его системой стран-сателлитов проиграл экономическую и идеологическую битву, но не из-за катастрофических последствий войны, а из-за того, что правящую верхушку составляли престарелые люди, из-за того, что идеалы себя исчерпали, а экономическая система утратила всякую силу. На мировой арене коммунизм дискредитировал себя не только из-за военных неудач так называемого социалистического интернационализма, но и из-за навязывания своим союзникам исключительно собственной, не вполне осознанной демократической модели, а также как следствие истощающей и неэффективной помощи зачастую сомнительным «антиимпериалистическим освободительным движениям» на всех континентах. Но новая Россия сейчас пытается вернуть утраченный авторитет путем установления собственной государственной модели и собственной «демократии», учитывая, конечно, горький опыт первых лет после распада СССР, когда в страну беспрепятственно устремились «послы неоллиберализма», которые, вступая в противоречие с российскими политическими традициями, насаждали собственные, неприемлемые в России общественные модели.

Вопреки тому, что, как принято считать на Западе, сталинизм как изначальный антипод ленинского марксизма существенно снизил веру людей в существование некоей «лучшей» модели социализма, естественная мечта угнетенных о «справедливом социальном государстве» не только по-прежнему жива, но и по закону диалектики проявляется уже на более высоком уровне. Этот процесс становится тем сильнее, чем ощутимее кризис неоллиберального империализма.

БУРИ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Возвратимся к наследию классической либеральной демократии: нужно согласиться, что классический либерализм стал движущей силой в развитии ранних форм капитализма. С самого начала в нем действовали две тенденции, на первый взгляд исключаящие друг друга, но образующие внутреннюю опору общества: прежде всего это была **современная социальная модель**, которая долгое время провозглашала «равенство возможностей против равенности последствий» и признавала, что на устранение общественных конфликтов должны направляться организованные усилия общества и государства, а трудящиеся должны получать достойную долю оплаты как конечный результат работы. Этот аспект осуществления либерального законодательства позволил достичь заметных результатов в улучшении уровня

материального благосостояния западных капиталистических стран и стал решающим фактором в противостоянии с коммунистической моделью. Вторая, **классическая экономическая модель**, постоянно ослабевала, вплоть до того, что отрицала жизнеспособность первой и с развитием капитализма все выше ставила интересы единичного собственника в сравнении с потребностями классов, перепоручая решение общественных проблем законам «свободного рынка», а не государственным структурам или рабочим коллективам. В условиях неолиберальной демократии эта тенденция проявляется еще отчетливее.

Сторонники социально-демократической идеологии считают «социальную ориентацию государства» с его регулирующими и контролирующими механизмами, например, прогрессивной системой налогообложения, одним из важнейших достижений цивилизации в XX веке и потому являются основными противниками неолиберализма. Так, чешский политолог Арношт Геллнер открыто критикует стремление неолибералов предоставить экономику свободному управлению рынка, говоря, что **«любое освобождение рынка от политического присмотра приведет к катастрофе»**, и добавляя, что **«дальнейшее ничем не ограниченное влияние на экономику, развратили бы все жизненное пространство, культурное наследие и человеческие отношения. Поэтому должен существовать политический надзор — конечно, не слишком заметный, скрытый, но подчиняющийся четко установленным правилам»**¹.

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И ЕГО КОРНИ

Наивные либералы в бывших социалистических кругах в эпоху «продемократического засева» не заметили, что недавний классический капитализм с либеральной демократией уже перерастает в глобального монстра империалистической финансовой мегаструктуры с ее собственной новой идеологической диктатурой. Так вышло, что экономический и государственный хаос дал возможность заграничным финансовым хищникам и аферистам быстро разобраться в «детских болезнях» раннего обновленного капитализма и полностью подчинить себе экономическое и общественное развитие на всем постсоветском пространстве.

В рамках этого перехода, в процессе вынужденной приватизации и либерализации сложился новый круг состоятельных людей — так называемых **бюрократических капиталистов**. Это многочисленные нувориши, которые к богатству и власти в результате «дикой приватизации», воровства или злоупотребления полномочиями вследствие непрозрачных законов, которые они сами и перестроили. Такое меткое выражение впервые употребили представители левых сил в Индонезии в 1961-1965 гг., во время антиколониального мятежа, когда правительство Сукарно объявило в государственном владении заграничное имущество, а контроль над ним поручила государственным чиновникам и военному руководству. При этом с заграничными предприятиями и плантациями очень скоро дело обернулось так, что государство их охотно раздаривало или продавало по минимальным ценам, чтобы только не дотировать. Потом, когда отношения с Западом на-

¹ *Arnošt Gellner. Podmienky svobody. Brno, 1997. S. 121.*

ладились, «управляющие» задорого распродавали бывшее государственное богатство заграничным партнерам или оформляли в собственное владение, становясь «новыми капиталистами» без первичного накопления капитала.

Немецкий аналитик Михаэль Эрке определил особенность новой «бюрократической буржуазии» в посткоммунистических государствах следующим образом: **«Герои этой трансформации — скороспелая прослойка нуворишей, которая легко переходила на сторону реакционного капитала. Вначале они не делали вложений, но меняли свое богатство на источники ренты, не обращаясь к непосредственному извлечению прибыли. Они понимали, что нелегальные махинации во многом привлекательней, чем менее прибыльные денежные операции в сфере легальной экономики».**

«В Восточной Европе, — пишет М. Эрке, — конечно, существуют и независимые предприниматели, сумевшие занять в системе свободные места, на которые не успели международные фирмы. Преобладает, однако, тот слой, который Лоренс Кинг назвал «компрадорская интеллигенция» — обретенным влиянием и достатком они обязаны прежде всего своей посреднической функции среди крупных заграничных фирм»². В сущности, все «бюрократические капиталисты» в условиях неолиберальной демократии превращаются в одинаковых хищников так же, как и их известные предшественники.

РЕАКЦИОННАЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Мы пришли к выводу о том, что прежние диктатуры (тоталитарные режимы) перерастают в высшие проявления тех же явлений, будь то связано с естественными причинами или с чужеродным и насильственным облечением властями уже существующих систем в новые формы. Мы говорим конкретно о **диктатуре неолиберальной демократии** как идеологии мировых финансовых объединений, со своеобразной собственной моралью и иерархией ценностей абсолютизацию института частной собственности, диктат свободного рынка и неограниченную свободу индивида.

Диктат свободного рынка в ряду этих понятий заслуживает особенного внимания, и не только экономистов, но и политологов, потому что реакционная сущность неолиберальной концепции «свободного рынка» наиболее ярко выражает в себе настрой глобального империализма на полное завоевание мира.

Неолиберализм существенно сказался и на «независимой» сфере судопроизводства, где, откровенно говоря, нет уже ни независимости суда, ни свободы совести. Нет должной строгости закона и нет никакой гарантии, что виновные будут должным образом наказаны. На целые годы затягивается волокита в расследовании даже не слишком запутанных тяжких преступлений. Так часто на свободе оказываются опасные преступники и рецидивисты, и объясняется это банальными, а порой даже умышленными следственными ошибками. Такое положение вещей значительно подрывает доверие населения к судебной-правовой системе. Ситуация очень напоминает абсурдные примеры из американского опыта, когда в суде побеждают «не

² Michael Ehrke. Rozhovor pre publikáciu Sprava Zl'ava. Bratislava, 2007/04. S. 93.

правда и очевидность, а красноречие и находчивость беспринципных, задорого нанятых адвокатов».

Неолиберализм — это идеология глобального империализма. Чешский политолог Франтишек Дворжак замечает: **«Нам не остается ничего иного, кроме как констатировать, что глобализация — прежде всего экономическая — есть только закамуфлированная форма давно знакомого империализма, только на более высокой ступени накопления капитала и власти, нежели это было в прошлом. Будет справедливо обозначить эту новую историческую стадию как «гипер- (или «ультра-»)империализм».** Нынешние противники этого режима так и понимают эту стадию общественного развития и обозначают ее тем же термином. В январе 2004 года на экономическом форуме в Бомбее индийский эколог Вандана Шива заявила, что **«после событий в Ираке стало ясно: глобализация есть не что иное, как продолжение войны другими средствами. В таком случае все слова о демократии, независимости, правах и свободах граждан остаются лишь бесстыдной ложью»³.**

НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЕ СМИ

Их влияние можно открыто обозначить как «жесткую неолиберальную диктатуру масс-медиа». Бульварные СМИ очень часто выходят за рамки всех приличий и открывают настоящий «бульварный террор».

В Словакии 90 % крупнейших источников массовой информации, преимущественно электронных, располагают заграничным капиталом, сотрудничают с неолиберальными негосударственными организациями и в случае необходимости готовы в любую минуту начать информационный террор против любого, кто встанет у них на пути. Мы свидетели того, как неолиберализм бурно восхваляется, а злословие раздается в адрес не только социальных институтов государства, но и его разумных внешнеполитических и экономических ориентиров.

Формы манипуляции, пропаганды и замалчивания положительных результатов работы умеренно левого правительства весьма разнообразны: от их прикрывания незатейливой информацией о «знаменитостях» из бульварного репертуара и неуместными цитатами из обзоров, составленных политологами-самозванцами до сфальсифицированных результатов исследований и распространения заведомо ложных компрометирующих слухов. Особенно часто недоброжелатели прибегают к казуистическим доводам и подтасовке данных общественного мнения. Ангажированные журналисты блестяще вкладывают в уста респондента именно то, что хотели бы провозгласить сами, а потом толкуют о «снижении популярности политических сил» и «падении рейтинга политических лидеров». Они манипулируют людьми, прибегают к подлогу и публикуют изысканно составленные и эффектно преподнесенные обзоры и мнения известных сторонников неолиберальной идеологии. Ситуация зашла так далеко, что один из идеологов распада коммунистического строя в Чехословакии (конец 1989 года), политик из правого лагеря Федор Гал писал в газете «Týždeň» от 30.04.2007: **«Сво-**

³ *František Dvořák. Kdo vládne svetu, máme ešte šancu? Bratislava: Ekokonzult, 2004. S. 110.*

бодных СМИ не существует, так же, как и независимых... Подавляющему большинству тех, кто подвизается в сфере СМИ, глубоко наплевать на настоящие правила своей работы. А жертвами становятся зрители, слушатели, читатели»⁴.

НАЧАЛО НОВОГО ТИПА «УПРАВЛЯЕМОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Духовный гнет неолиберализма, особенно в неамериканских культурах, закономерно влечет за собой противодействие в форме собственных версий устройства общественной системы, которые бы в большей степени соответствовали народным или региональным закономерностям общественного развития. Назовем их «управляемой демократией». Она вырастает в условиях общественного и хозяйственного хаоса, обычно при распаде политической системы, когда старые догмы разрушены, а новую «импортную» демократию еще не успели насадить. Управляемая демократия настаивает на авторитете гражданского общества (а не монополистов, позиционирующих себя отдельно от народа) с его регулятивными и контролирующими функциями, которые поддерживают правовое равновесие и свободу гражданина, то есть индивида с такими потребностями, которые свойственны большей части общества. Важным принципом при этом является активная поддержка всех форм собственности в их законных проявлениях, а особое внимание уделяется социальным аспектам поддержки государственных, общественных и частных институтов. Неудивительно, что такая концепция несовместима с империалистским неолиберализмом, который мобилизует против нее всю свою инфраструктуру, в том числе ангажированные СМИ, и называет происходящее «тоталитарным режимом».

Государство не может быть ни такой политической организацией, которой можно манипулировать, как считают те, кто отождествляет государственные институты с правящими кругами, ни органом по охране безопасности, действующим лишь в интересах международного капитала. Сама сущность правового устройства государства предполагает не только соблюдение гарантий основных прав и свобод граждан, но и создание материально-экономических условий для их достойного обеспечения. Впрочем, государство вовсе не представляет собой единообразную массу населения — отсюда потребность в дифференцированных условиях для возможности самореализации всех категорий граждан. Люди не равны по самой своей природе, а в обществе, где есть имущественное расслоение, тем более, и справедливое социальное государство обязано сглаживать, если не полностью устранять этот разрыв между уровнями благосостояния, с которым обычно связана и неопишуемая надменность разбогатевших обывателей.

Неолиберальная концепция сохраняет глобальную власть агрессивного империализма в пользу самых обеспеченных социальных групп, монополистов, корпораций и связанных с ними государственных структур. Особую роль в этом отношении играет частая практика создания «наднародных» финансовых центров под лозунгом «разделяй и властвуй». В практическом отношении это означает полный упадок, если не ликвидацию централизованной го-

⁴ Fedor Gál. Týždeň, 30.04.2007.

сударственной власти в определенных регионах — следствие так называемой децентрализации власти. Это умышленная административная мера, направленная на то, чтобы завоевать разрозненный рынок и чужие территории при помощи мощного капитала. Под маской передачи опыта, а также финансовых средств из центра в автономные области, края и национальные республики с собственными парламентами, бюджетом и налоговой автономией, происходит подрыв управляющей и контролирующей функции государства в отношении часто безответственной политики самоуправления, обычно связанной с местными финансовыми авторитетами и их окружением.

Перспектива глобального империализма, однако, постепенно теряет свою отчетливость на фоне прочих мировых проблем, с которыми однополярный мир в условиях полного политического и финансового господства Америки не справится никогда.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕТОДЫ ИХ РАБОТЫ

Неолиберальная демократия создала широко разветвленную идеологически выдержанную информационно-пропагандистскую инфраструктуру во всех странах постсоветского пространства. Гражданские общества, оказавшись под влиянием пропагандистских картин «демократии, справедливости и благополучия» и испытывая слепое стремление освободиться от тоталитарного режима, с шумом ринулись назад в лоно того самого деформированного капитализма, который прежде стремились разрушить. Активное участие в этом процессе приняли и заинтересованные представители международного финансового капитала. Вместе с реставрацией капитала они объявили и «свободу создания демократических обществ» и ответвлений в виде общественных организаций с красивыми иностранными названиями и еще более заманчивыми намерениями поддержать «свободу и демократию» в обновленном гражданском обществе. За всем этим, естественно, стоят совсем другие интересы мирового заграничного мегакапитала.

И речь тут идет не об этикетке «Made in USA», но уже о смешанном глобализованном финансовом мегакапитале Европы. Восточная Европа, как отмечает Михаэль Эрке, после присоединения к Евросоюзу «расплылась» на фоне сильных западных демократий, которые не желают допустить сохранения особенностей устройства восточноевропейских государств — ведь это помешало бы проникновению туда замыслов их мощных «покровителей». *«Евросоюз стабилизировал ситуацию на восточных границах, включив эти территории в свой состав, и стремится приспособить их к своему образу жизни и своим собственным нуждам».* У этих стран и не было иной возможности, кроме как броситься в объятия западных покровителей, ведь еще прежде них в сторону неолиберализма обратилась и страна-предводитель бывшего социалистического флота — некогда великий СССР.

Дома и за границей неолибералы предприняли значительные усилия по созданию обширной инфраструктуры собственных общественных организаций. Вместе с демократическими СМИ они поистине составляют «третий сектор «демократического общества» и неотъемлемую часть системы свободного развития свободных общественных сил. В качестве непосредственной задачи было предложено «присматривать за официальной государственной

властью, чтобы та не уклонялась от принципов гражданского демократического общества и поддерживала независимость гражданских и информационных институтов». Сейчас вместе с финансовым капиталом это более важная опора демократической власти, чем законодательная, исполнительная и судебная власть, предусмотренная конституцией. Безусловно, современное функционирование официальных институтов власти нашей парламентской демократии весьма неубедительно, и дело обстоит так по вине безответственной работы теневой инфраструктуры, бульварной прессы и продажного характера власти мирового капитала.

На практике «третий сектор» представляет собой лишь группу давления с неоднозначным прошлым, которая жестко вторгается в сферы полномочий законных органов власти, и цель ее — ослабить суверенное государство и его законную власть, взамен способствуя бесконечному усилению собственной демократии.

В обществе это реализуется как проведение мер по абсолютизации индивидуальной частной собственности, превращение неограниченно свободного рынка в некий фетиш, злоупотребление гражданскими правами и свободами в пользу «свободных индивидов». Попирается социальная функция государства, происходит нерегулируемая децентрализация и либерализация государственной власти и, в конце концов, откровенно игнорируются всякие народные и государственные инициативы. Неолиберальные общественные организации, реакционная доктрина которых благодаря многомиллионным дотациям стала ведущей идеологией всей западной политической культуры, сегодня, в сущности, образуют собой подрывную негласную оппозицию в отношении левой и умеренно левой правящей коалиции. Словацкий журналист Павол Динка пишет об этом так: *«На деньги своих благотворителей наши общественные организации издают книги, главная тема которых — это ценности неолиберализма, его отдельных течений, а главное — его вклад в «благополучие» каждого человека»*⁵.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

На данный момент на территории Словакии действует около 15 тысяч самых разных политических общественных организаций, около ста из них — территориально-политические. Все вместе они представляют собой пестрое скопление «независимых» институтов, организаций, агентств, действующих якобы в поддержку развития демократии и свободы в конкретно взятом гражданском обществе. На самом деле это замаскированный штаб, длинные щупальца заграничных, особенно американских спецслужб, которые стремятся повлиять на внутривнутриполитические процессы и внешнеполитическую ориентацию стран «молодой демократии». Это процесс построения прозападных «демократических структур» с постоянным курсом на ослабление суверенитета отдельных государств и их экономической, энергетической, пищевой и духовной безопасности. В этом отношении их задача для империалистической глобальной демократии действительно является крайне важной.

⁵ P. Dinka. Slovenské masmédiá, metódy manipulácie. Bratislava, 2008.

Поэтому авторитет прозападных общественных организаций в странах «мишенях», как и в международных организациях, логически выводится не из реальной власти государств, где эти объединения функционируют и от которых они получают финансовую и идеологическую поддержку, но из характера политических сил, которые сейчас находятся у власти в странах посткоммунистического пространства. У общественных организаций нет собственной позиции — лишь та, которую предписывают им покровители и спонсоры. Тут в полной мере действует принцип, заключенный в пословице: «Чей хлеб ешь, того песенку и пой!» И они ее поют! Хором.

КАК ПРЕДСТАВЛЕНЫ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СЛОВАКИИ

В документе под названием «Обзор важнейших общественных организаций Словакии 2007 года» направление деятельности общественных организаций определено уже в предисловии:

«Из государственного бюджета Соединенных Штатов Америки огромные финансовые потоки направляются на поддержание демократии, прежде всего в бывших странах социалистического лагеря. Начинание может исходить напрямую от государственных структур — например, от посольства США в той или иной стране или от организации, которую финансируют власти США. Источником средства обычно является Госдепартамент США, то есть американское министерство иностранных дел. Американские налогоплательщики финансируют Посольство США, Агенство США по международному развитию, Национальный фонд демократии.

На следующем уровне находятся Международный республиканский институт, Национальный демократический институт и «Дом свободы», которые также финансируются преимущественно за счет правительства США. Эту тройку американские журналисты называли «триумвиратом зла».

Растет перечень организаций, которые также охотно «финансируют демократию». Приведем две самые известные из них: это институт «Открытое общество» (фонд Сороса) и гражданского общества в Центральной и Восточной Европе (CEE Trust).

Финансирование демократии — масштабный проект, в котором участвует целый ряд других государств и организаций».

При взгляде на длинный список политических общественных организаций приходит понимание того, что они оставили себе даже исходные английские названия, соотносящиеся с названиями центральных зарубежных объединений или их ответвлений.

Чтобы лучше понять цели работы упомянутых организаций, приведем более подробную информацию о некоторых из них.

Объединение под названием «Национальный фонд демократии» стремится к **поддержке свободы, демократии и демократических институтов и ценностей во всем мире**. Эта организация была основана в США в 1983 году. Ежегодно она выделяет продемократическим группам на территории всего мира несколько сотен грантов по несколько тысяч или сотен тысяч долларов. *«В Словакии эти гранты получили Национальный демокра-*

тический институт, Международный республиканский институт, Институт по общественным вопросам, Альянс Fair Play и организация Transparency International — все с офисами в Братиславе. Они получили в общей сложности свыше полумиллиона долларов с целью «влияния на политические процессы в Словакии». В 2003 году сотрудница Института по общественным вопросам Ольга Г. по программе гранта изучала в США методический курс «Как влиять на политику и политиков посредством опросов общественного мнения».

Далее читаем: «Британская консервативная партия получила от Национального фонда демократии свыше ста тысяч фунтов стерлингов и долларов на поддержку политических партий в Словакии. Помощь получили Словацкий демократический и христианский союз (SDKБ), Социально-демократическая партия и Молодежное демократическое левое объединение (MDL). Целью акции было при помощи средств, полученных в качестве гранта, сформировать перед выборами 1998 года, возможную коалицию. (Приведены и точные суммы, которые получили отдельные лица. Речь шла о выборах, в результате которых правые получили мощную поддержку в своем стремлении не допустить возвращения к власти правительства Мечъяра, пресекающего влияние Запада на политику страны. — Прим. авт.) Общая сумма составила 15 млн. словацких крон.

Названы и другие гранты и акции материальной помощи: Агентство FOCUS, фонд «Человек в опасности», политические партии — Словацкий демократический и христианский союз (SDKБ) и Христианско-демократическое движение (KDH), Международный республиканский институт, Образовательный фонд имени Яна Гуса, Фонд за гражданское общество — и снова Христианско-демократическое движение, которому, как было заявлено, необходимы были средства на покупку электронно-вычислительной техники. Кроме того, в 1996 году Фонд Милана Шимечки получил 17 тысяч фунтов стерлингов, предназначенных на покупку электронно-вычислительной техники для подготовки 14 региональных информационных изданий. Вторым владельцем издания была ежедневная газета «SME», главным редактором которой являлся Милан Шимечка. Материальную поддержку некоторые политические партии и общественные организации получили и перед выборами 1998 и 2002 годов. (Ежедневная газета «SME» — ультраправое бульварное издание с выраженной космополитической направленностью. — Прим. авт.)

ПОДДЕРЖКА ДЕМОКРАТИИ И СВОБОДЫ?

Практическая интерпретация закамуфлированных понятий «поддержка свободы и демократии» в конкретных случаях деятельности общественных организаций, финансируемых заграничными неолиберальными источниками, в конечном счете, означает «мобилизацию противников актуальной государственной программы», которая подразумевает конкретные меры по укреплению независимости экономики — особенно в сфере энергетических ресурсов и сельского хозяйства. Это влияние многогранно и сопряжено также с деятельностью других негосударственных объединений вроде «защитников природы», или «зеленых», и прочих активистов оппозиции, которые целенаправленно выступают против программы правящего левого движе-

ния. Впрочем, до сих пор сами эти активисты пока еще не доказали своей положительной заинтересованности ни в одном строительном или социальном проекте какой бы то ни было власти, а не только в проектах умеренно левого правительства Роберта Фицо.

Злоупотребление приемами открытой или замаскированной борьбы против социальной направленности государственной политики происходит не только в публичных выступлениях в официальных СМИ, которые в силу своей «объективности» охотно предоставляют общественным организациям легальное пространство для высказывания. Зачастую эти выступления отличаются неоправданной агрессией, использованием подложных результатов соцопросов, откровенной дезинформацией — всем этим управляют доверенные лица из вышеупомянутых общественных организаций и фондов. Не кто другой, как они, организует и оплачивает рядовые антиправительственные выступления, митинги и демонстрации — то перед Президентским дворцом, когда потребовалось опорочить высокого гостя из страны, власти которой неуютны Западу, то в правительстве страны, когда встал вопрос о принятии закона, призванного ограничить злоупотребление «правами и свободами», то на площадях Братиславы, в знак протеста против методов государственной политики поддержания общественного порядка. Неолиберальные капиталисты не заинтересованы в консолидации сил государства и в укреплении власти, которая открыто выступает против мощного влияния мирового мегакапитала. Лозунги, которые наемные «добровольцы» выкрикивают в знак протеста или пишут на транспарантах, только подтверждают, что эти люди обращают внимание на те темы, которые им ловко подсунули. Вот почему «кукловоды» и их теневые СМИ дают очень конкретные названия неуютным им проектам, которые, будь они реализованы, значительно укрепили бы экономический и политический суверенитет страны. Примером может служить совместное с Россией возведение новых блоков атомной электростанции в Моховцах; строительство ширококолейной дороги по маршруту Черна-над-Тисой — Вена, также при участии российского капитала; меры по охране природы в Высоких Татрах; строительство дорог, теплоэлектростанций, плотин и полигонов; работа над гидросооружением Габчикова на Дунае, и т.д., и т.п. Словом, общественные организации и правые силы выступают против любых мер, которые могут укрепить суверенитет страны и расширяет масштаб государственной социальной политики.

Говоря о связи словацких общественных организаций с печатными органами правого движения, которые в Словакии занимают лидирующую позицию среди печатных изданий, публицист Павол Динка сообщает: **«Манипулировать журналистами можно без шума, скрыто, почти незаметно. Мастера в этом деле — разные фонды и объединения, которые возникли в последние десять лет и ведут себя как полностью свободные и независимые».** **«Может быть, так оно и есть на самом деле, — добавляет журналист. — Но на самом деле их независимость — это независимость от Словакии, от жизни ее граждан. От денег и власти неолиберализма в мире, особенно от долларов, плывущих из США, они как раз-таки очень зависят».** Это мнение разделяет представитель правого Христианско-демократического движения, бывший министр внутренних дел Словакии В. Палко, заявивший: **«О независимости журналистов не идет и речи. Так же, как и о плюрализме в сфере взглядов. Журналисты не фиксируют то, что**

думает общество, но скорее ведут пропаганду, и в этом смысле они не демократичны. Журналистам не хватает рефлексии и самоанализа — ход их мыслей подавляет и деформирует»⁶.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ «ТРЕТЬЕГО СЕКТОРА»

Если мы посмотрим на личностей, которые активно вовлекаются в работу неолиберальных СМИ, то мы увидим, что все они занимают ведущие позиции в вышеупомянутых общественных организациях. Большинство из них состоит в нескольких, вплоть до пяти, объединениях. Конечно, отовсюду они получают щедрый «прикорм». Вопреки тому, что значительная их часть — это достаточно видные и осведомленные международные специалисты, большинству из них недостает хорошего присмотра, но особенно — профессиональной чести и личной морали. Но самое поразительное в них — это прежде всего их полный нигилизм в отношении народа и страны, как будто они явились с другой планеты.

Как самые отъявленные известны: Институт по общественным вопросам (IVO), Центр экономического и социального анализа (М.Е.S.A.), Консервативный институт имени М. Р. Штефаника, Фонд открытого общества, Фонд имени Ф. А. Гайека, Среднеевропейский институт экономических и социальных реформ (INECO), Институт оптимального управления обществом (SGI), Фонд «Pontis» и др. Правые власти неоднократно представляли вышеупомянутых лиц к наградам за разработку заказанных «планов» развития словацкого общества, подтверждавших неолиберальные концепции заказчиков. Ныне эти люди уже самостоятельно разрабатывают «анализы», «обзоры» и «результаты исследований» и тем самым замещают рассыпавшуюся оппозицию. Еще ни разу общественные организации или бульварные СМИ не отреагировали положительно на добрые начинания властей или рабочие визиты официальных представителей, например, России или Китая, не говоря уже о менее крупных государствах, таких, как Белоруссия, Венесуэла или Куба.

КОМУ И ПОЧЕМУ МЕШАЮТ «НЕДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ» РЕЖИМЫ?

И снова вернемся к общественным организациям. Отдельную сферу влияния политических общественных организаций составляет их забота о судьбах конкретных народов и государств, в которой чувствуется неподдельный интерес. Здесь действуют такие объединения, как «Дом свободы», который сам характеризует себя как «ясный голос за демократию и свободу во всем мире, особенно направленный на постсоциалистические страны».

Институт «Открытое общество», основателем которого является миллиардер Джордж Сорос, ставит себе основной целью «построение альянсов в пользу открытого общества». Ежегодно это общество располагает от 400 до 500 млн. долларов.

Уже упомянутый Институт по общественным вопросам, который, выступая против нынешней власти, дает заведомо негативные оценки явлению

⁶ P. Dinka. S. 31, 139.

ям современной политической, экономической и социальной жизни, официально декларируя «поддержку демократии и гражданского общества».

Фонд «Экополис» поддерживает демократию и гражданское общество в Сербии, Косово, Белоруссии, на Украине, в Румынии и Болгарии. Эта организация сотрудничает с ведущим либеральным изданием SME, у которого всегда в запасе найдется какая угодно антиправительственная провокация.

Деятельность многочисленных общественных организаций, направленных на «поддержку демократии и гражданского общества» в других государствах. Вступает в конфликт с действительными нормами международного права, с конвенциями и декларациями, которые гарантируют защиту не только личных прав человека, но и защиту государственного суверенитета. Большинство политологов ни для одного государства не признают законным правом возможность по собственной инициативе, в том числе и в порядке гуманитарной интервенции, насильственно насаждать собственные нормы «прав и свобод граждан» в других независимых государствах. Подобные формальные предлоги во всех случаях в равной мере свидетельствуют о нарушении права государства самостоятельно решить свои внутрисполитические проблемы. Гуманитарные интервенции есть замаскированная форма прямого вмешательства во внутренние дела другого государства, что и с точки зрения классической демократии является бесспорным актом агрессии.

Американские организации, призванные помогать демократии за пределами США, так спокойно говорят миру о неотъемлемых правах граждан и народов и при этом вот уже много лет создают оправдания для собственных военных «гуманитарных экспедиций» в независимые государства, в которых их не устраивает общественное устройство и политический режим. Но если они позволяют это себе, то разве не нашлось бы достаточно причин и для «гуманитарного вторжения» в США? В реальных общественных соотношениях, которые сформировали правые силы, находясь у власти после «бархатной революции» в Словакии, это крупные группы населения, подвергнутые дискриминации единственно за политическое инакомыслие или за то, что в прошлом активно поддерживали социалистическое строительство. Общественные организации не стали заниматься реабилитацией или защитой пострадавших групп населения, которые попали в беду по вине своих нелиберальных партнеров.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: не являются ли случайно американские «гуманитарные интервенции» только копией такой же грозной идеи «социалистического интернационализма»? Тогда законным считалось сохранение единства социалистического лагеря посредством введения войск ОВД, например, в Чехословакию, а теперь законным хотят объявить каждый случай насильственного насаждения западной демократии, свободы и прав человека в том или ином государстве посредством гуманитарной интервенции — как мы это видели, например, в бывшей Югославии, в Ираке и Афганистане.

Как расценить ту ревизию состояния демократии и прав человека в разных государствах мира, которую ежегодно организует Госдепартамент США? Уже сама эта система предполагает грубое нарушение суверенитета того государства, которое рассматривается на предмет состояния демократии в нем. Какая норма международного права позволяет США «независимо» оценивать внутрисполитическое состояние другой страны-члена ООН

и делать его достоянием всей мировой общественности? В случае со Словакией основания для американских заявлений о состоянии «гражданского общества в Словакии» по заказу американского Foreign Office, передаваемому через посольство в Братиславе, уже в который раз обеспечивает ультраправый Институт по общественным вопросам. Он же передает оплаченный американцами заказ своему «полномочному сотруднику» и потом с десятками подписей представителей разных партий отправляет в США. Там этот материал включается во всемирную «базу сведений о соблюдении прав человека», после чего его рассылают по всему миру уже как официальное мнение США о положении дел в мире. Также официальная Америка подписывается под чужими, часто ошибочными, искаженными утверждениями частных служб или их сотрудников из скороспелых общественных организаций, которые не только очерняют собственную страну, но и наносят удар по достоверности сведений американской администрации!

Таким образом общественные организации включаются в опасный механизм идеологической диктатуры в стране предполагаемого влияния безо всякого права на подобные действия.

Касаясь этих проблем, словацкий публицист Даниэль Шмигула писал: «Вопрос гуманитарной интервенции сейчас наиболее актуален, потому что большинство военных вторжений начиная с 1989 года оправдывались ни чем иным, как заботой о демократии и соблюдении прав человека. ...В сущности, гуманитарная интервенция является идеологической войной — войной против Зла, и, видимо, в понимании современного Запада нарушение прав человека — это как раз и есть то Зло, в борьбе против которого может сплотиться человечество»⁷.

Споры в этой области международного права выражают собой расхождение между правом и моралью и являются проекцией политики сильных государств на область преследования интересов собственной власти. Все свидетельствует о том, что призыв к гуманитарной интервенции нарушает суть государственного и международного порядка именно потому, что ставит на первое место интересы отдельных людей и частную мораль. В конце концов, и резолюция Генеральной Ассамблеи ООН №56/148 (2001 год) отрицает одностороннее применение насилия в международных отношениях в обход существующего международного права, напрямую называя насилие нарушением прав человека.

Гуманитарная интервенция — это очевидное нарушение основного положения международного права о недопустимости вмешательства во внутреннюю обстановку государства, об уважении равенства и суверенитета государств, об отказе от насилия в международных отношениях. Те, кто открывает подобные действия в отношении других суверенных государств или их внутреннего режима, умышленно **превозносят «абстрактную свободу и демократию» над «очевидной угрозой миру и безопасности»**, ссылаясь на Хартию ООН, которая «в интересах восстановления» допускает применение **насилия по отношению к другим государствам**. С этой точки зрения, были оправданы события во Вьетнаме, Ираке, Афганистане, а перед тем в Никарагуа, на Кубе и в других горячих точках. Все эти заботы о демокра-

⁷ D. Šmihula. Použitie silových prostriedkov v medzinárodných vzťahoch. — Bratislava: Ústav politických vied, 2007. p. S. 171.

тии и свободе напоминают концепции неоимпериализма и неоколониализма, только с более современными «этикетками».

В качестве иллюстрации приведем пример, связанный с тем, как фонд «Pontis» декларировал свое стремление «укреплять демократию и помогать общественным движениям» в отдельных «угнетенных» странах, а именно в Белоруссии, на Украине, в Сербии и на Кубе. В уставе этой организации заявлено, что она «стремиться продолжать эту миссию и по отношению к другим государствам Европы и мира, граждане которых еще не знают свободы и демократии». Организация выпускает ежемесячное печатное издание, посвященное Белоруссии, и располагает грантом от фонда «Открытое общество» в размере 612 тыс. словацких крон. В ежегодном обзоре представители фонда отметили, что организация «сыграла ключевую роль в подготовке выборов в Словакии в 1998 года, прежде всего предоставив благотворителей и поделившись международным опытом». (На этих выборах победила правая коалиция Микулаша Дзуринды, главного представителя неолиберализма в Словакии. — Прим. авт.) Далее «Pontis» пишет, что они активно действовали как избирательная модель не только в Словакии, но и во всем восточноевропейском регионе. Организация предоставила помощь в подготовке выборов в Белоруссии, на Украине, в Сербии, Хорватии и Румынии. В сентябре 2004 года была организована миссия в помощь про-демократическим организациям Белоруссии. Мы намереваемся усилить политическую и финансовую поддержку оппозиции, потому что в нее входят всего несколько сотен человек. Нашей ближайшей целью является поиск достойной демократической кандидатуры для участия в выборах 2006 года, которая могла бы стать реальным оппонентом А. Лукашенко».

В другом месте документа говорится: *«Организация поддерживает движения «Демократия» (Сербия), «Демократическая альтернатива» (Куба), «Политика» (Украина), «Права человека» (Казахстан) и «Гражданское общество» (Румыния). Также организация косвенным путем осуществляет свою деятельность в Белоруссии, в России, на Украине и на Кубе. За один лишь 2003 год организация «Pontis» вложила в дело поддержания демократии 17,4 млн. долларов».*

Может быть, именно на эту сумму была организована политическая провокация перед Президентским дворцом в Братиславе во время церемонии приветствия казахского президента Н. Назарбаева, приехавшего с визитом в Словакию, когда приглашенная казахская диссидентка, проживающая в Варшаве, выкрикивала в мегафон требования к президенту страны, из которой сама же бежала. Когда словацкая полиция уладила женщину, бульварные СМИ вместе с общественными организациями развернули беспрецедентную кампанию против полиции и правительства, говоря о «нарушении свободы человека» и требуя отставки министра внутренних дел. Так право несогласного индивида на бунт ставится выше права большинства на спокойствие, выше общественных интересов и общественной морали. Но никто из представителей СМИ, общественных организаций или оппозиции не встал на сторону высокого гостя страны и не назвал несанкционированное выступление казахской диссидентки, приехавшей из Варшавы, «глупой провокацией».

Подобное «недопонимание» проявили приглашенные участники митинга против политики КНР, когда китайцы, проживающие в Братиславе, при-

шли к Президентскому дворцу, чтобы поприветствовать китайского президента. Оппозиция снова решила действовать в момент торжественного приветствия у стен президентского дворца. Против словацкой полиции и служб безопасности. Между тем, об официальном визите в Словакию президента КНР упоминалось только вскользь, очень лаконично. Такие акции свидетельствуют не только о том, что государственная политика игнорируется, но и о бестактном поведении в отношении зарубежных гостей, которые приезжают в Словакию с визитами на государственном уровне, по официальным приглашениям представителей высшей власти.

К ЧЕМУ ДВИЖЕТСЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ?

Неолиберализм есть реакционная идеология господствующих кругов глобального империализма, не только располагающего мощной экономической структурой, но и стремящегося навязать всему миру свое понимание «нового мирового порядка». Теоретически, казалось бы, неолиберальная демократия — идеологическое наполнение глобального империализма — будет править миром до тех пор, пока в соответствии с законами диалектики ее не сменит путем революции или эволюции более прогрессивный общественный строй.

Тем временем мир под гнетом устрашающих проявлений неолиберальной идеологии уже сейчас ищет выход из наступившего экономического, социального и морального кризиса. Даже у убежденных сторонников капиталистической системы начинает пробуждаться сознание того, что пора бить тревогу: «кризис захватывает самые основы неолиберального капитализма». Вместе с тем возникают и вполне обоснованные опасения, связанные с тем, что в ближайшие десятилетия глобальному империализму не придет на смену более достойная система. Так, известный апологет свободного рынка Алан Грин, некогда главный приверженец принципа отстранения государства от какого бы то ни было регулирования экономической системы, в ноябре 2009 года перед американскими выборами в Конгресс признал, что вера в «рынок, который решит все свои проблемы сам», была ошибочной. Неолиберальный миф о панацее в облике свободного рынка терпит крах, и об этом свидетельствуют тревоги и многих других экономистов, в том числе словацких.

Человечеству нужна новая модель общественного устройства, которая могла бы вместить гигантский технический прогресс и сменить упадочный империалистический неолиберализм истинным процветанием тех, кто создает материальные и духовные ценности. Но на пути к такому обществу, на мой взгляд, мы даже на расстояние видимости не приблизились к условиям создания реальной платформы для обеспечения прогресса в большей части стран мира. Поэтому вполне оправданны сомнения в том, можно ли вообще объединить человечество, такое разноречивое и разнообразное, перед лицом огромных проблем, которые по-прежнему угрожают самой жизни на Земле, — объединение всего мира было бы связано все с теми же «всемогущими силами», которые сами порождают глобальные проблемы и живут ими. Разве не заблуждение думать, что люди и общество «на определенной ступени глобального развития» способны объединиться и преодолеть закономерности развития, заложенные в самой сущности человеческого бытия как исторической категории?

«ИСХОДЯ ИЗ ИНТЕРЕСОВ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА»

*Интервью
с руководителем и ведущим
программы «Постскриптум»,
профессором, заслуженным
работником культуры
А. К. Пушковым*

Алексей Константинович Пушков. Политолог, журналист, родился в 1954 г. в Москве; окончил МГИМО МИД СССР, кандидат исторических наук; преподавал в МГИМО; работал директором по связям с общественностью и СМИ телекомпании ОРТ; член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); член Президиума Независимой Организации «Гражданское общество» и Национального Гражданского Комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами. Лауреат премии им. И. Бунина. Живет в Москве.

Валентина Ефимовская: Уважаемый Алексей Константинович, Ваша программа «Постскриптум» сегодня, несмотря на то, что вы уже 12 лет в эфире, одна из самых популярных на телевидении. Расскажите, пожалуйста, о ее истории, о целях и направлениях дальнейшего развития.

Алексей Пушков: Двенадцать лет назад я задался целью создать аналитическую телепрограмму нового типа — не скучную, не узко тематическую и пользующуюся популярностью. Оппоненты, убежденные в пристрастии зрителя к чисто развлекательным сюжетам, говорили, что серьезная политическая аналитика на экране, да еще и рейтинговая, — это невозможно. Пришлось их опровергнуть. Отправной точкой стало мое видение политики как театра страстей. Вот, скажем, театр Шекспира. В нем на самом деле почти все так или иначе о политике. Даже «Ромео и Джульетта» — драма, где все коллизии основаны на политическом противостоянии, не говоря уж о «Макбете» или «Ричарде III». В политике есть все — жажда власти, ревность, интрига, столкновения характеров, низкое и высокое, ненависть и любовь. Судя по реакции телезрителей, замысел удался. Зритель понял, что «Постскриптум» — это не пропаганда власти и не вариант «Эха Москвы», где критикуют все, кроме тех давно прошедших времен, когда Гусинский свободно входил в кабинет Президента России. Между этими двумя крайностями — тотальной апологетикой и безграничной критикой — есть огромное поле, где можно обратиться к мыслящей, умной, ищущей ответов части российского зрителя, исходя из интересов общества и государства. И программе «Постскриптум» удалось сформировать

ровать устойчивую, верную зрительскую аудиторию. На канале ТВ ЦЕНТР мы уверенно держим первое место по рейтингу, обходя, как правило, даже художественные фильмы и сериалы.

За двенадцать лет, конечно, изменились и ситуация в стране, и взгляды, и стилистика передачи. Это просматривается в моей недавно выпущенной книге «Путинские качели», в которой в хронологическом порядке собраны мои комментарии в программе с момента прихода Путина к власти. Еще несколько лет назад о многом можно было говорить гораздо более открыто. Это связано с преобразованием системы власти, с возникновением тандема Путин-Медведев, а также с абсолютизацией понятия стабильность. Сегодня уровень критики власти на телевидении совсем не таков, как в начале путинской политической эпохи. Частично из-за того, что у власти есть достижения, но также и потому, что критику стали ограничивать.

В. Е.: *Подводя итоги первого десятилетия XXI века, сегодня уже можно говорить о значении этапа правления В. В. Путина, находящегося у власти десять лет. Хотелось бы знать ваше мнение о влиянии этой политики на историю и будущее России.*

А. П.: Если кратко, то первое и главное — Путин восстановил управляемость страны, почти утраченную при Ельцине. Хотя качество управляемости в последние годы начинает вызывать вопросы у общества. Второе — предотвратил распад России, сохранив в ее составе Чечню. Третье — страна сравнительно спокойно прошла самую острую фазу экономического кризиса. Еще недавно были страшные прогнозы. Некоторые экономисты предрекали голод, призывали запастись продуктами и предметами первой необходимости, заводить огороды и выращивать на них картошку. Но благодаря политике Путина мы к этому моменту имели третий в мире золотовалютный резерв — более \$ 600 млрд., который нам очень помог. Треть мы потратили во время кризиса на спасение экономики, хотя и не настолько эффективно, как, вероятно, можно было бы это сделать. Но из кризиса вышли. Рубль упал, но не драматически, мы не оказались в положении Греции. И это во многом заслуга Путина.

Четвертый момент. Все эти годы у нас была высокая степень социальной стабильности. Пусть из-за высоких цен на нефть, но главное, что была.

Я также считаю, что при Путине внешняя политика стала в большей степени отражать национальные интересы, хотя, на мой взгляд, ошибки тоже были. За последние годы во внешней политике в нашем обществе появился определенный консенсус. И это хорошо, так и должно быть: плохо, когда внешняя политика не поддерживается в обществе и становится фактором внутреннего раскола. Когда Буш напал на Ирак, его поддерживало 75 % общества, но когда он уходил с поста президента, его поддержка составляла всего лишь 28 %. Это пример, который показывает, как внешняя политика ведет к утрате национального консенсуса. Путин достиг высокого внешнеполитического консенсуса, потому что до него проводилась политика чисто компрадорского типа. При Ельцине мы добровольно отдавали часть своего суверенитета, ничего не получая взамен, потакали почти всем американским действиям, ориентировались исключительно на МВФ и советы из США. Эту политику поддерживало не более 7 % населения, выигравшего от ельцинского режима и составлявшего основу его компрадорского режи-

ма. Путин вышел на такую внешнюю политику, которая в большей степени отвечает национальным интересам России.

Но есть и негативные стороны. Основная — это огромная опасность застоя. По сути, он уже начался. Мы все время говорим, что надо осуществлять прорыв, уйти от экономики «нефтяной иглы». Но этого не происходит. Кажется, что созданные в первом десятилетии 21-го века структуры и логика развития воспроизводят сами себя. Наблюдается «пробуксовка» в общественном развитии, чрезвычайно глубоко укоренилась коррупция, отдельные кадровые изменения не меняют общей картины. В этом контексте постепенно нарастают протестные настроения.

В. Е.: *В связи с этим, какие перспективы развития России вы видите на ближайшие пять лет.*

А. П.: Ближайшие годы, я думаю, мы будем колебаться между стабильностью и застоем — при не слишком высоких темпах развития и возможном увеличении социальных или даже политических выступлений. В этом году Путин осторожно обещал рост ВВП в размере 3,1 %, но есть и прогнозы, что рост составит до 8 %. Было бы отрадно, если бы мы восстановили докризисные темпы развития. Это позволило бы опровергнуть утвердившееся скептическое мнение, что после окончания кризиса Россия, которая потеряла в 2009 г. 9 % ВВП, скорее всего, экономически выпадет из четверки БРИК. Есть много таких прогнозов. Например, британский журнал «Экономист» подсчитал, что если Россия продолжит развиваться такими же темпами, как она развивается сейчас, то к 2020 году Китай увеличит свой ВВП в три раза и выйдет на 20 % мирового ВВП, Индия увеличит свой ВВП в два раза, и у нее будет 9 % мирового ВВП, а у нас будет — как и сегодня — 2,5 %. То есть будем стоять на месте. Не откатываться назад, но и не двигаться вперед. Что касается производительности труда, — то в 1991 году она у нас составляла 24,9 % от американской, а сегодня, двадцать лет спустя, — составляет 25 %. Ради чего, спрашивается, нужны были все эти революционные либеральные реформы? Чтобы удержаться на том же уровне? Но такой уровень обеспечивал и Советский Союз. И это тревожит больше всего. Другие государства — и демократические, и недемократические, как Китай, — набирают темп, в мире уже даже поговаривают о «китайском веке». Но пока неясно, за счет чего мы совершим рывок в будущее. И совершим ли его вообще.

В. Е.: *Может быть, следует обратиться к идее сплочения нации, к Национальной идее, имеющей историческое значение для России. Издревле национальная духовно- нравственная идея была и политическим, и социальным двигателем государства. Каково ваше понимание возможности возрождения ее в наше время, созвучно ли оно существующему варианту Ивана Ильина, основанному на исконных культурно-исторических традициях.*

А. П.: Национальная идея не должна быть искусственной, она не должна быть придумана. Помнится, как Ельцин отправил своих идеологов на бывшую дачу ЦК КПСС в Волынское, под Москвой, для сочинения национальной идеи. И у них ничего не получилось, ничего они не выдумали. Я также с сомнением отношусь и к идее, сочиненной в эмиграции, в отрыве от реальной жизни страны. Ее формирование — объективный процесс.

Национальная идея вырастает из такого понятия, как общественное благо. Когда оно ставится во главу угла политики, любой — и внешней, и социальной, и экономической, тогда и возникает национальная идея. В Америке она очень проста и заключается в том, что Америка — самое демократическое, самое развитое государства мира, которое должно нести свои принципы, как самые гуманные и правовые, по всему миру. Эту идею еще называют «американизмом». У нее есть свои недостатки, например, чрезмерное мессианство, но, тем не менее, она является основой Америки и позволяет ей оставаться мировым лидером. Сегодня вызов может бросить ей только Китай. В Китае национальная идея состоит в стремлении всей нации вывести свою страну на уровень державы номер один. Именно этому подчинена вся политика Китая. Как сказал Барак Обама, «Китай не согласится на второе место». Очень простая идея, но она объединяет всех китайцев: и бизнесменов, и партийных чиновников, и простых людей.

Повторю: национальную идею нельзя придумать. Она не возникает в результате интеллектуального усилия, она вырастает из общественного бытия, из правильно понятых и поддержанных обществом целей. А что у нас? Что у нас положено во главу угла? По-прежнему сохраняется олигархическая система, которая была создана при Ельцине. Правда, ее немного подкорректировали: если раньше олигархи открыто правили государством и диктовали свои условия, то сейчас из политики их частично вывели. Но, тем не менее, политика у нас по-прежнему исходит из интересов крупного бизнеса. Возникло еще и дополнительная самодавлеющая структура — чиновничество, которое получает свою ренту и пытается обезопасить себя все новыми законами. Как может в этих условиях возникнуть подлинная национальная идея, основанная на общественном благе, а не интересах определенной и весьма узкой части населения? В последнее время заговорили о модернизации. Но модернизация сама по себе не может быть национальной идеей, это всего лишь инструмент. Иногда говорят, что наша идеология — прагматизм. Но прагматизм — это отсутствие идеи и идеала — это идеология приспособления, идеология получения выгоды, но не более того. Мы не обретем никакую национальную идею, пока не признаем приоритета общественного блага.

В. Е.: *Сегодня телевидение, кажется, тоже претендует на роль власти. Ваше мнение о современном телевидении — это образец истинной свободы слова или оружие массового уничтожения?*

А. П.: Ни то, ни другое. Телевидение во всем мире выполняет в основном обслуживающие функции, в нашем случае, — по отношению к властным структурам. В 90-е годы оно обслуживало олигархов. 1-й канал — ОРТ — был в распоряжении Березовского, 2-м, государственным заправляли реформаторы, которые сами были частью олигархата. 4-м — НТВ — владел Гусинский. Сейчас политическая власть из рук олигархов перешла в руки высшей политической бюрократии. А она заинтересована в том, чтобы на ТВ меньше говорили о наболевшем, поэтому ставка делается на развлекательность. Конечно, в высшей бюрократии немало людей интеллектуального типа, которые нуждаются в умном ТВ, в более или менее объективном отражении действительности. Они понимают, что если совсем убрать политические и социальные программы и оставить лишь телевидение типа

СТС или ТНТ, то произойдет необратимая деградация общества. Но основная тенденция сегодня на ТВ — делать деньги. ТВ превратилось в бизнес. Большая часть телеканалов — машины по деланию денег, их не беспокоит духовное и интеллектуальное состояние общества. Это тоже следствие либеральных реформ. Но так быть не должно. У ТВ — огромная общественная и воспитательная роль. Давно пора и нам создать национальный Совет по телевидению как, например, во Франции. Этот Совет не имеет диктаторских функций, но объединяет людей, имеющих общественный авторитет — писателей, философов, журналистов, политиков. Они выносят суждения по некоторым вопросам, касающимся этических норм на телевидении, которые трудно определить в законодательном порядке. И наш Совет мог бы делать то же самое. На Западе ТВ тоже бизнес, но общество ограничивает алчность теледеятелей. У нас никаких ограничений нет.

Но при этом телевидение — никакая ни власть. Ни у нас, ни в США, ни в Италии. В Америке в начале войны в Ираке ни один телевизионщик не выступил открыто с критикой этого очевидного политического преступления. На Буша ополчились лишь после того, как США завязли в Ираке. Телевидение шло за властью, власть вела его за собой, а не наоборот. Хотя в Америке формально много свободы, телевидение не является национальной совестью. Оно не сыграло такой роли ни во время подготовки агрессии против Ирана, ни ранее. Одного телеведущего на канале Эн-би-си, который сказал, Америка вела в Югославии не войну, а бессовестные бомбардировки с высоты 15 тыс. футов, тут же уволили. И на Си-эн-эн царит жесткая информационная дисциплина — иллюзий здесь быть не должно. И, скорее всего, работу в крупной телекомпании он уже никогда не получит. Даже в американских фильмах ТВ — вовсе не власть. Оно зажато между Белым домом и собственными руководителями, которые хотят делать деньги и быть в хороших отношениях с Белым домом. ТВ инструмент, а то, что его объявляют властью, это создание иллюзии — иллюзии влияния СМИ на власть. Такое бывает крайне редко — и только во времена острых кризисов, как у нас в конце 80-ых или в США в 70-ые годы прошлого века, во время войны во Вьетнаме. А теперь уже и Интернет объявляют властью. Это создание иллюзии демократии, попытка убедить людей, что ответственные решения принимает вся нация. На самом деле это не так.

В. Е.: *Алексей Константинович, вы являетесь лауреатом премии им. Ивана Бунина. Это имя олицетворяет русскую классическую литературную традицию. Почему, обращаясь в своих программах к разным видам искусств, к музыке, к кинематографу, вы менее всего уделяете внимания литературе?*

А. П.: Эту премию я получил за мои публицистические работы, представленные в книге «Путинские качели», и за мою программу. Что касается современной литературы, то сейчас я не вижу большой литературы. Я слышу об именах, которые обсуждаются в московских литературных кругах, в Литературной газете, но они мне мало о чем говорят. Те же, которые говорят, энтузиазма не вызывают. Если у нас классиком объявляют Сорокина, то критерий понятен. Когда я отдыхаю, то читаю западные шпионско-политические романы, там, хотя бы, есть фабула, интрига, знание политической ситуации. Психологическая литература — современная — угнетает. Как-то

я начал читать в оригинале, на французском, «Возможность острова» Мишеля Уэльбека — и отложил. Меня удручает идея неуклонного движения к самоубийству, идея личного тупика и человеконенавистничества, пусть даже выраженная «высокими художественными средствами». Я не знаю, есть ли сегодня духовно-нравственная литература, способная сравниться хотя бы с литературой второй половины XX века, с Маркесом или Кундерой. Возможно, существует. Но если она малоизвестна, значит, ей не хватает мощи и убедительности. Кроме того, на телеэкране, тем более в моей программе, об искусстве говорить сложно. Это должен быть разговор, интересный большинству наших зрителей. А значит, обсуждаемое явление должно быть масштабное, это должен быть феномен. Например, в день премьеры фильма «Предстояние» в нашей программе было большое интервью с Никитой Михалковым. Состоялся очень серьезный разговор, мы обсуждали сложные вопросы — о войне, о Сталине, о репрессиях 30-х годов, и это касается всего нашего общества. Я стараюсь избегать тем, которые интересны лишь узкому кругу людей.

В. Е.: *Как я поняла, рассматривая любую политическую ситуацию, вы исходите из интересов общества и государства. Этими же интересами определяется жизнь Русской Православной Церкви. Видите ли вы возможность взаимоотношения и взаимодействия?*

А. П.: В «Постскрипуме» не раз выступал в то время митрополит, а ныне Патриарх Кирилл, было интервью с Патриархом Алексием, выступали многие священнослужители. Что касается событий Церковной жизни, то мы исходим из того, что программа, ограниченная по времени, не должна превращаться в дневник недели. Поэтому мы останавливаемся на крупных темах и событиях, вызывающих особый интерес большинства зрителей, как, например, визит Патриарха Кирилла на Украину. Кстати, очень популярны у зрителей сюжеты на библейские темы — о мученичестве Христа, о Марии Магдалине, Понтии Пилате. Это говорит о том, что религиозная тематика притягивает людей. Весь вопрос в том, как ее освещают.

В. Е.: *Уважаемый Алексей Константинович, и последний, традиционный вопрос. В связи с вашим опытом и убеждениями, что бы вы пожелали читателям журнала «Родная Ладога»?*

А. П.: Я желаю всем одного: не надо считать, что от вас ничего не зависит. Хотя иногда так кажется. Но если все общество приходит к такому выводу, то мы добровольно отдаем свои судьбы в руки других. Я желаю вашим читателям воспринимать происходящее не пассивно, а активно, отстаивать свои права, свои идеалы, лучшее будущее для своих детей. По принципу — делай что должно, и будь что будет.

Беседу вела Валентина Ефимовская

Николай ДЕНИСОВ

«НЕСТАРЕЮЩИЙ КЛИН ЖУРАВЛЕЙ...»

Николай Васильевич Денисов — родился в 1943 году в селе Окунево Тюменской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы и поэзии. Почетный гражданин Бердюжского района Тюменской области. Лауреат Всероссийской премии им. Мамина-Сибиряка, главный редактор газеты «Тюмень литературная». Председатель Тюменского регионального отделения Союза писателей России. **Живет в Тюмени.**

ПРОВИНЦИЯ

Поет комар, гудит мошка,
Стрекочет вещая сорока,
И кот на троне чердака
Холостякует одиноко.
Бычок об угол чешет бок,
В сарае хрюкнул боров сонный,
«ДТ» свалил в канаву стог —
Ничейный, стало быть, казенный.
Ничья дорога, даль ничья...
Но — чу!
Как будто скачут тройки?
И, сдунув с крыши воробья,
Нагрязнул ветер перестройки.
Ура! И выкрикнув «ура»,
Забив всех раньше в барабаны,
На этот ветер флюгера
Отреагировали рьяно.
Опять на гребне, на виду
За всенародные усилия:
Теперь в двухтысячном году
Сулят здесь лад и изобилье.
Толкуют складно — блеск и шик!
— Мол, были беды и потери...

И хмуро слушает мужик,
Привычно в будущее веря:
«Ну что ж, идем к версте верста,
То попустительство, то ломка.
В итоге жизнь и прожита —
Вся для счастливого потомка...»

СОЛОНЧАКИ

Солончаки, солончаки,
От зноя спекшиеся травы.
И ни колодца, ни реки,
Один лишь суслик у канавы.

Да чудом держится пырей,
Хоть просит дождика из тучки.
А дальше снова суховей
Качает красные колючки.

Но что подедаю? Кулик
И здесь нахваливает кочку!
Я тоже барин не велик,
Иду-бреду себе пешочком.

Вновь перелески да поля,
«Ижи», наделавшие грому.
Да это ж родина моя!
Иду и радуюсь живому.

ОСЕНЬ ПРИШЛА

Блекло. Сумрачно. Пусто.
Лишь рябины красны.
Холодеющим хрустом
Налились кочаны.

Напиталась, набухла
Зябкой влагой земля.
Одиноко пожухла
На меже конопля.

И низины, и кручи
Иней осеребрил.
Бечеву свою в тучах
Тянет крохотный «Ил».

Но веселое дело:
Вон — за далью оград
Вновь, как ратники, в белом
Березы стоят.

РУСЬ

Русь, малиновое поле...

С. Есенин

Русь былинная — даль без предела,
Снежный дым у столбов верстовых!
Как на Сивках и Бурках сумела
Доскакать ты до окон моих?

Растрев по дорогам подковы,
Понастроив церквей — в облака,
Ты на поле полей Куликово
Выходила, чтоб встать на века!.

Вот и нынче по осени свежей,
Над равнинами зябких полей,
Подняла ты с родных побережий
Нестареющий клин журавлей.

Что еще там? Мелькнул полushалок,
Да упала звезда впереди:
Это дух переводишь устало
Ты в своей богатырской груди!

ЕСЛИ БЫ

В леса! За болота и реки.
В скиты, где лишь шепот травы.
Немедленно ладить засеки,
Ходы потайные и рвы.

Аврально и без проволочки,
Как в злые годы, века, —
В чащобы, — в слезах химводосочки,
Они еще наши пока.

И снова — за брата, за друга,
За этот... за менталитет —

Пройти от пращи и от лука
Свой путь до брони и ракет!

Достанет последнего гада
Архангел своим копием.
Бесовскую пыль демократа
На паперти храма стряхнем.

В леса! В Пустозерски, в Уржумы!
В подвижники — Бог на челе ...
Но нет огневых Аввакумов
Сегодня на Русской земле.

РАСКЛАД

Отец мой был природный пахарь...

Из народной песни

Ну что, орлы-интеллигенты,
Соколики, тетерева,
Как там «текущие моменты»,
«Свободы» ваши и «права»?

Теперь повсюду тары-бары,
Не жмет, не душит агитпроп.
Вы ж так хрипели под гитары
Об этом — в кухонках — вздох!

Ну, допросились в кои веки
Почетных званий и наград,
Ну, вышли в общечеловеки...
А дальше что? Какой расклад?

Вокруг желудка интересы,
Все те же всхлипы про «судьбу»

Да злые шуточки от беса
Про белы тапочки в гробу.

А не от Бога — болевое
Еще живого бытия:
«Горит, горит село родное,
Горит вся родина моя...»

СТАРЫЙ СОЛДАТ

Вся-то баталия проще простого:
Марш изнуряющий, бомбы, паром,
Ключуло там на Дону, под Ростовом,
При отступлении в сорок втором.

И опрокинулось знойное небо,
И захлебнулось шрапнельной икрой,
Вот и в Берлине — не выпало... не был,
А следопыты решили: герой!

Шаг за шажком и — взошел на крылечко,
Выдали угол... (На власть не ворчи!)
Вот и кулек диетической гречки,
И валидол — прописали врачи.

Скрипнула дверь, постоял на пороге,
Сердце сдавило, припал к косяку,
Крупкой коричневой сея под ноги —
По домотканому половику.

Много недель было в комнате тихо,
Думали, выехал... Богом храним.
Вновь следопыты пришли... А гречиха
В рост поднялась и шумела над ним.

РУССКАЯ ВЕНЕСУЭЛА

Моему крестному Г. Г. Волкову

Все было проще, чем думал об этом,
Там, на краю зарубежной Руси,
Встретили шуткой седые кадеты —
Ну, комиссар, мол, прощенья проси!

Сдвинули рюмки по доброй привычке,
И недоверья растаял ледок.
Да, раскидали нас войны и стычки,
От безрассудства лишь Бог уберег,

Только куда подевалась отвага?
Думал ли встретить я, братцы, вчера
Рудневых — внуков героя «Варяга»?
Встретил. Сошлись мы. И — с Богом ура!

Помню у Слезкиных вечер сердечный,
Кинту Бурмицких, вопросов обвал,
Дружных Ольховских чету и, конечно,
Как Свистунов о донцах вспоминал.

Сколько улыбок хороших! И столько
Солнечных душ пораскрылось легко:
Павла и Сергия, матушки Ольги...
Только сроднились. И вновь далеко

Кира и Аннушка, Катя и Вера,
Волков Георгий и кинта его.
Вот перед взором встают кабальеры —
Плотников, Маликов и Хитрово!

Вечнозеленый окрас Каракаса,
Горных дорог золотой серпантин,
Авиаборт безупречной «Виаса»,
Моря Карибского синий сатин.

Русских погостов святые могилы,
Белой России последний рубеж.
В утренней дымке вершина Авилы —
Знак восклицательный вечных надежд!

ПУСТЬ ПОТЕШАТСЯ

С теплой грустью есенинских кленов,
С русской думой о днях золотых,
Все прошел я шторма и циклоны,
Принимая как должное их.

Жили рядом светло и согласно
Деревеньки мои, города.
Жили разное, не то, чтобы праздное,
Но без света в душе — никогда.

Не обидел родную сторонку,
Воспевал. И прославил, как мог.
Что же нынче так лает вдогонку
Чья-то шавка? Суди ее Бог!

Лают давки у винных лавчонок,
Лает рэкет. Спасения нет?!
Больше всех беспардонных сучонок
Развелось в подворотнях газет.

Коль в душе ни таланта, ни Бога,
Коль от злобы в глазах зелено,
Пусть потешатся бранью и склокой —
Все равно им парить не дано.

Выйдет срок... Приплывут бригантины,
Вспыхнет снова — по курсу — звезда...
Кто там с визгом вцепился в штанину?
Наступлю ведь... Ну, право, беда!

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Михаил ЯКУШЕВ

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПАТРИАРХАТ И СВЯТЫНИ ПАЛЕСТИНЫ

*В фокусе внешней
политики Российской
Империи накануне
Крымской войны*

Михаил Ильич Якушев — родился 1959 г. Закончил Институт стран Азии и Африки МГУ. Кандидат исторических наук. В 1987–2002 гг. работал в системе МИД СССР и Российской Федерации (в Департаменте Ближнего Востока и Северной Африки, посольствах России в Тунисе, Израиле). В 2002–2004 гг. работал в Аппарате Совета Федерации. С 2004 г. по настоящее время — вице-президент Центра Национальной Славы и Фонда Святого Всехваляного Апостола Андрея Первозванного. Член Императорского Православного Палестинского Общества. **Живет в Москве.**

В этом году исполняется 157 лет с начала Крымской войны (1853–1856), унесшей жизни свыше 522 тыс. русских, 400 тыс. турок, 95 тыс. французов и 22 тыс. британцев. Войны, явившейся одной из многих в длинной череде конфликтов за святыне места Палестины.

До недавнего времени можно было с уверенностью утверждать, что вся событийная часть Крымской войны, как ее подготовки, так и ход военных действий достаточно хорошо изучена, и что здесь едва ли могут оставаться какие-либо «белые пятна». Тем не менее, при исследовании темы взаимоотношений Российской империи с Антиохийским и Иерусалимским патриархатами в Архиве Внешней Политики Российской Империи (АВП РИ МИД России) была обнаружена объемная подборка «нетронутых» ранее документов, проливающих свет на конфликт вокруг Святых мест в Иерусалиме и Вифлееме, вспыхнувший в 1850 г. между папой Пием IX (1846–1878) и Францией, с одной стороны, и православным духовенством Иерусалимской церкви и Россией, с другой. Именно этот церковный конфликт послужил поводом к Крымской войне.

Примечательно, что западные исследователи предпочитали не акцентировать на нем свое внимание, делая упор лишь на политико-экономических аспектах восточного кризиса. Причина подобной индифферентности к истории первопричины спора лежит, как представляется, скорее в нежелании напоминать о неблагоприятной роли Латинской, или Римско-католической церкви в инициировании конфликта с Православной церковью в Палестине, что могло бы как-то повлиять на расстановку «общепризнанных» знаков полярности конфликтующих сторон. Следует также указать на то, что во

вспыхнувшей затем информационной войне в греко-латинском споре протестантская Европа, как и османо-мусульманское общественное мнение (в частности после восстания в Черногории в конце 1852 г.), заняли в основном сторону Ватикана и Франции.

Приводимые в данной статье архивные материалы свидетельствуют об обратном: убедившись в намерении султана пожертвовать в пользу иностранных подданных католического вероисповедания преимущественными правами своих православных *рама* (подданных. — М. Я.), многократно подтвержденными предыдущими султанами, греческие иерархии, естественно, могли апеллировать в этом случае только к России¹.

Европейские державы сразу усмотрели в российском участии в этом вопросе вмешательство во внутренние дела Османской империи с опасными для нее последствиями.

Примечательно, что история вопроса о Палестинских святынях (1847–1853 гг.) не становилась предметом объективного исследования западной историографии: слишком уж очевидны силы, инициировавшие и спровоцировавшие конфликт; кто руководствовался в нем принципом исторической справедливости и сохранения издревле (*ab antique*) существовавшего положения дел, а кто был носителем революционных идей и сторонником нового «крестового» передела в Святой земле.

Вопрос о Святых местах продолжал сохранять свою значимость и в конце XIX в., когда (по аналогии с «Русской Аляской») на Арабском Востоке возникло новое понятие «Русская Палестина». Он также связан с нерегулированностью (1947–1949 гг.) палестинского вопроса и проблемы оккупированного Восточного Иерусалима (с 1967 г.). Так, принятая в ноябре 1947 г. Генеральной Ассамблеей ООН резолюция 181/II о создании на территории исторической Палестины двух государств — арабского и еврейского — предусматривала не только выделение Иерусалима в особую отдельную единицу (*corpus separatum*) под контролем ООН, но и свободный доступ верующим к Святым местам. Этот принцип был нарушен из-за начала арабо-израильской войны 1948–1949 гг. (когда еврейские вооруженные формирования захватили Западный Иерусалим, после чего Трансиордания аннексировала Восточный), а также в июне 1967 г. когда Израиль оккупировал Восточный Иерусалим и закрыл доступ арабскому населению Западного берега и сектора Газа к Святым местам.

Игнорирование историко-религиозного аспекта проблемы, несмотря на совместное обращение трех иерусалимских патриархов — Греческого Диодора I (1982–2000), Армянского Т. Манукяна (1990–?) и Латинского патриарха (палестинского происхождения. — М. Я.) М. Саббаха (1987–?), стало одной из причин неудачного завершения встречи в верхах между президентом США Б. Клинтоном, премьер-министром Э. Бараком и главой Палестинской национальной администрации Я. Арафатом в Кэмп-Дэвиде в августе 2000 г. Вот почему при решении окончательного статуса Иерусалима вопрос о его святынях потребует большей готовности переговаривающихся сторон к учету мнений религиозных общин на основе издревле существовав-

¹ Послание Вселенского Патриарха Германа к Святейшему Правительствующему Синоду от 29 ноября 1852 г. АВП РИ, Ф. 161(1), СПб ГА V-A2, оп. 181, 1852, д. 522, л. 686–690. (Приложение, документ № 2. — М. Я.).

шего порядка вещей, закрепленного османскими властями накануне Восточной войны из-за решительного вмешательства в этот вопрос России.

Наконец, вопрос о Святых местах затрагивает и Россию, чьи имущественные права на государственную и церковную собственность в Иерусалиме после Октябрьской революции были нарушены в период деятельности британских властей в подмандатной Палестине (1920—1948 гг.). Затем в 1948 г. проблема перешла «по наследству» к новым властям — Израилю и Трансиордании, установившими свой контроль над западной и восточной частями Иерусалима в ходе первой арабо-израильской войны. В 1967 г. в результате оккупации Восточного Иерусалима имущественная проблема для нашей страны еще больше усугубилась. В результате вопрос возвращения России русской собственности, расположенной в районе Святых мест Иерусалима, сохраняет свою актуальность и во многом зависит от окончательного определения статуса Святого города.

Российский генеральный консул в Османской Империи Базили в ходе развития конфликта предупреждал об опасностях распри между православной армянской церковью перед лицом католиков. Он писал в русскую Миссию в Стамбуле: «...если успеют когда-нибудь Армяне в своем домогательстве (на совместное владение Рождественским собором. — М. Я.), то естественным образом рано или поздно те же права будут предоставлены Латынам, и тогда в Вифлеемском Храме повторится печальное зрелище публичных раздоров, волнующих Храм Святигробский, и ради общего мира останется пожелать, чтобы, как в Иерусалиме, ключи были в руках Мусульман, и Мусульмане станут и в Вифлеемском Храме, ныне им недоступном, курить свои трубки. <...> Если ныне допустить права, основанные на положении дел до пожара (Воскресенского собора в 1808 г. — М. Я.), то тяжбам не будет конца, и все будет клониться к пользе не Армян и не Греков — но собственно Латин. <...> Подробности эти и докучливы, и наводят грустное чувство; по несчастью в них-то заключаются распри между двумя нациями, и именно потому, что все эти распри так мелочны и недостойны внимания, не предвидится им конца; людские страсти Духовенства сделали святыню Иерусалимскую источником фанатизма и раздоров между Христианами разных исповеданий».

В целях содействия прекращению споров за обладание христианскими святынями между православными общинами в 1844 г. по инициативе К. М. Базили император Николай I направил в качестве подарков две бриллиантовые панагии: Иерусалимскому армянскому патриарху Захар и Тер-Григорьяну (1841—1846) и наместнику патриарха Иерусалимского и всея Палестины архиепископу Лиддскому Кириллу (будущему патриарху Иерусалимскому Кириллу II (1845—1872)). Подарок императора несколько поубавил претензии армян, однако, как и предсказывал К. М. Базили, в спор за святыни Палестины включились католики².

В конце 30-х — начале 40-х гг. XIX столетия западные державы стали проявлять повышенное внимание к Палестине. Они пытались распространить свое влияние путем учреждения там консульств, строительства

² Копия с донесения К. М. Базили посланнику В. П. Титову в Константинополь за № 45 от 22 мая 1845 г. из Бейрут. АВП РИ, ф. Пос-во в Конст-ле, оп. 577 7, 1845, д. 738, л. 91—100 об.

церквей, школ и больниц. В 1839 г. Англия учредила вице-консульство в Иерусалиме, а в 1841 г. совместно с Пруссией назначила туда первого англиканского епископа-протестанта М. Соломона (еврейского происхождения. — М. Я.), дабы «привести иудеев Святого города ко Христу»³. Уже через год в Старом городе (близ Яффских ворот. — М. Я.) была построена первая на Арабском Востоке протестантская церковь. В 1841 г. Франция также учредила свое консульство в Иерусалиме «с исключительной целью защиты латинян»⁴. Несмотря на неоднократные предложения К. М. Базили об учреждении поста русского агента в Иерусалиме для постоянного надзора за существенно возросшим числом паломников, до Крымской войны Россия так и не решилась создать там своего консульского представительства.

В 1847 г. Папа Пий IX (1846–1878) назначил одного из своих епископов Джозефа Валергу (Joseph Valerga) (1847–1882) «Латинским патриархом Иерусалимским», направив его из Ватикана через Константинополь в Иерусалим, куда не ступала нога латинских иерархов после окончания крестовых походов. В инструкциях графа Нессельроде архимандриту Порфирию было рекомендовано внимательным образом наблюдать за действиями католического прелата в Святой земле. С приездом Латинского патриарха в Иерусалим в межрелигиозные распри начало активно вмешиваться католическое духовенство. При этом в своих спорах оно объединялось то с греческим духовенством против армян, то с армянским против греков.

К середине XIX в. интересы Ватикана и Парижа сошлись на вопросе, поднятом в брошюре Э. Боре. Папа Пий IX был заинтересован в дальнейшем расширении влияния католицизма в Святой земле, а французский принц-президент Луи Наполеон нуждался во внешнем «благословении» понтификом своих грандиозных политических начинаний. К их числу относилось усмирение внутренней оппозиции и разрушение Священного союза 1815 г., символа победы над Наполеоном Бонапартом (дядей Луи Наполеона. — М. Я.). «Вопрос о Святых местах» послужил тем средством, благодаря которому в итоге папа Пий IX и Луи Наполеон сумели достигнуть поставленных перед собой задач. При активном участии Ватикана тема святых Палестины выплеснулась на страницы ведущих европейских газет, подогревая религиозные чувства общественности. Все громче раздавались недовольные возгласы по поводу «кражи» греками Серебряной звезды при попустительстве османских властей. Параллельно Пий IX всячески превозносил заслуги «истинного католика и рыцаря католической веры» Луи Наполеона в борьбе за Святые места.

В июле 1850 г. французский министр (т. е. посланник. — М. Я.) при Порте бригадный генерал Ж. Опик, ссылаясь на франко-турецкий договор 1740 г., от имени всего католического мира вручил великому визирю Мехмету Али-паше официальную ноту, в которой излагались требования восстановить католическое духовенство в его прежних правах и привилегиях на Святые места, якобы восходящих еще к завоеванию Иерусалима крестоносцами в 1099 г.⁵ Французский демарш был подкреплён аналогичными нотами

³ *Armstrong K. A. History of Jerusalem: One City, Tree Faiths. Glasgow, 1996. P. 353. D'Alonso, Alphonse.*

⁴ *LaRussie en Palestine. Paris. 1901. P. 9.*

⁵ Депенс сэра С. Каннинга Пальмерстону из Тарабия от 19 июля 1850 г. за № 7. *Correspondence... P. 4–5.*

дипломатических представителей Бельгии, Испании, Сардинии, Неаполитании, Португалии и Австрии⁶.

В ответ российский посланник в Стамбуле В. П. Титов⁷ в особом меморандуме на имя великого визиря резонно возразил, что права Иерусалимской православной церкви на святыни Палестины неоспоримо древнее, ибо восходят еще к Восточной Римской империи. Кроме того, ссылаясь на Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. (по которому Россия покровительствовала православному населению Османской империи. — М. Я.) русский дипломат представил Порте полтора десятка турецких фирманов, не только подтверждавших преимущественные права Иерусалимской православной церкви на Палестинские святыни, но и сводящими на нет притязания Франции.

Все же султан Абдул Меджид удовлетворил сначала просьбу Николая I: была новая комиссия, «более объективная», с помощью которой в конце января — начале февраля 1852 г. был подготовлен и издан долгожданный фирман, закреплявший статус-кво Святых мест и преимущественные права на них Иерусалимской православной церкви. Заинтересованные в скорейшем окончании этого беспокойного, затянувшегося на два года дела, турки торжественно вручили фирман с собственноручным султанским хатт-и шарифом⁸ находившемуся в Стамбуле Иерусалимскому патриарху, препроводив также в русскую Миссию соответствующую ноту и копию фирмана и личное послание Абдул Меджида на имя императора Николая I. Фирман квалифицировал притязания католиков как безосновательные и несправедливые. Вместе с тем, католики получили ключ от пещеры Рождества, который до этого находился в руках только греков и армян. Это являлось уступкой в пользу латинян, существенно нарушавшей статус-кво Святых мест, поскольку, по древним восточным традициям, обладание ключом от здания или дома фактически символизировало имущественное право на него.

После издания фирмана турецкое внешнеполитическое ведомство направило французскому министру Лавалетту ноту за подписью министра иностранных дел Али-паши от 9 февраля (по новому стилю), в которой помимо содержащейся в фирмане информации сообщалось о решении Порты удовлетворить два притязания Парижа: разрешить католикам проводить богослужения внутри пещеры Гробницы Богородицы и передать им три ключа от дверей Вифлеемского собора.

⁶ Депеша сэра С. Каннинга Пальмерстону из Тарабия от 19 июля 1850 г. за № 7. Correspondence... Р. 4–5.

⁷ Титов Владимир Петрович (1805–1891), русский дипломат, писатель. Службу начал в 1823 г. в московском архиве Коллегии иностранных дел. С 1830 г. назначен секретарем Миссии в Турции, в 1839 г. переведен на место генконсула в Валахии и Молдове. С 1840 г. — поверенный в делах, с 1843 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Турции. 8 марта 1852 г. выехал в отпуск из Константинополя, куда более не возвращался. В июне 1854 г. был назначен «временно управлять» миссией в Штутгарте (Вюртемберге). В июле 1855 г. декабре 1856 г. и в июле 1858 г. — июле 1865 г. — чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вюртемберге. С 1865 г. — член Государственного совета. (Дипломатический словарь. Т. 3. С. 464).

⁸ Указ, «украшенный» Хатт-и Шариф[ом] (тур.), т. е. «Высочайшим подписом» султана Абдул Меджида, как писали в документах российского МИД. Речь идет о фирмане, во главе которого ставилась собственноручная подпись султана, хатт-и шариф, в котором обозначались тема документа и лица, ответственные за его исполнение.

Реакция на издание фирмана и ноты в Петербурге и Париже была диаметрально противоположной. В циркуляре графа Нессельроде, направленном в российские посольства и миссии за рубежом говорилось: «Письмо [султана императору. — М. Я.] и фирман были написаны в таком духе и в таких выражениях, которые несколько отдалялись от настоящего положения дел, которое мы всегда старались сохранить; но так как эти документы Государь Император изволил найти удовлетворяющими до некоторой степени справедливую заботу Его Величества о правах и пользах Православной Веры в Иерусалиме, то, движимый миролюбием, Его Величество соизволил принять их в виде торжественного и окончательного условия⁹.

С другой стороны, посол Лавалетт расценил последний фирман как документ, подрывающий договор 1740 г. и оскорбляющий достоинство Франции и его лично¹⁰. Аналогичное мнение разделял и президент Франции Луи Наполеон.

Сопоставительный анализ официального французского перевода хатт-и шарифа (оригинал был написан на турецком. — М. Я.) показывает, что Порта издала его в двух, почти идентичных вариантах — «прогреческом» и «модифицированном». Первый, дарованный грекам, датирован 1268 г., «половиной луны Ребиул-Ахира» по мусульманскому календарю, то есть концом января — началом февраля 1852 г. — по христианскому. В переданной отъезжавшему в отпуск французскому послу второй версии уже отсутствовала фраза, квалифицировавшая притязания католиков на основные христианские святыни как «безосновательные». К тому же в документе значилась и другая дата — «Джеммази-уль-Эвель, 1268 года», то есть конец февраля — начало марта 1852 г.

По примеру русского дипломата Емельяна Украинцева, жившего за полтора века до описываемых событий¹¹, Лавалетт, в нарушение Лондонской конвенции 1841 г. о закрытии проливов, прибыл в турецкую столицу на военном трехпалубном корабле «Карл Великий». Он в категорической форме потребовал, чтобы Порта либо сделала должные изменения в своем последнем еще не оглашенном фирмане, либо предоставила новые льготы католикам. С этого момента спор о Святых местах перешел из религиозной плоскости в сугубо политическую. Отныне уже решался вопрос о том, за

⁹ Сборник известий... С. 7.

¹⁰ (№ 50) Выписка из депеши полковника Роуза графу Малмсбери из Тарабии от 20 ноября 1852 г. Correspondence... Р. 44.

¹¹ Украинцев Емельян Игнатьевич (16414–708), думный дяк Посольского приказа. С 1681 г. ведал этим учреждением вместе с Волынским, а затем с князем Голицыным. С 1681 г. по 1689 г. участвовал в посольских делах. Осенью 1699 г. был направлен царем чрезвычайным посланником в Константинополь. Рассчитывая на внешний эффект, Петр отправил Украинцева не сухопутным, а морским путем на военном корабле, приказав ему по прибытии в Царьград бросить якорь с пушечной пальбой под стенами султанского дворца. Для подтверждения того, что корабль посланника не единственный в России, царь Петр I лично сопровождал Е. И. Украинцева до Керчи вместе с русской эскадрой. Торжественное и неожиданное появление первого русского военного корабля в водах Босфора повергло в полное смущение турок и встревожило европейских послов. Оправившись от первоначального шока от подобной дерзости России, Порта при моральной поддержке европейцев продемонстрировала поначалу непреодолимое упорство на переговорах с русским дипломатом. В конечном итоге переговоры 1699–1700 гг. в Турции завершились заключением выгодным для России Константинопольским договором 1700 г. (Креницин Н. В. Восточный вопрос на почве его истории и политики. СПб., 1900. С. 10–11).

кем сохранится преобладающее влияние на христианском Востоке: за православной Россией или за католической Францией.

Султан частично выполнил данное в своем ответном письме российскому монарху обещание относительно статус-кво Палестинских святынь. Вместе с тем, чтобы султанский указ вступил в силу, как того требовали древние традиции, нужно было направить в Иерусалим специального уполномоченного для публичного оглашения фирмана в присутствии губернатора (*наши*), мусульманского судьи (*кади*), членов городского совета (*меджлиса*) на его заседании в полном составе с последующей регистрацией документа в иерусалимском суде (*мехкеме*). Без этой обязательной юридической процедуры изданный высочайший фирман формально оставался лишь на бумаге и в любой момент мог быть юридически и фактически отменен новым исходящим у Порты фирманом.

Это хорошо понимали на Дворцовой площади, беспокоясь по поводу заминки с исполнением султанского хатт-и шарифа. Из Зимнего дворца в Константинополь был послан сигнал недовольства: находившийся в отпуске В. П. Титов остался в Петербурге, а функции «управляющего делами» Миссии (т. е. поверенного в делах. — М. Я.) стал исполнять действительный статский советник А. П. Озеров. Султан Абдул Меджид правильно понял намек «Северной Пальмиры», снизившей уровень дипломатического представительства, и поспешил назначить второго секретаря своего дивана¹² Афиф-бея (полное имя — Афиф-бей, Бейлик Кесседари, сокр. — Бейликчи. — М. Я.) комиссаром, или специально уполномоченным — *ad hoc* — для оглашения хатт-и шарифа.

Вместе с тем, дерзкое возвращение Лавалетта в Константинополь вызвало большой переполох в Серале¹³ и Порте, и перед отплытием Афиф-бея в Палестину турки сделали новые уступки французскому кабинету. В качестве компенсации за дарованный грекам фирман и нанесенный ущерб престижу Франции Лавалетту было тайно обещано, что комиссар Афиф-бей воздержится от его оглашения, а так же то, что латинское духовенство получит ключи от большой двери Вифлеемского храма¹⁴. Об этом французский посол «доверительно» сообщил своему британскому коллеге¹⁵.

Все полагали, что оглашение фирмана произойдет на специальном заседании меджлиса в Воскресенском храме, которое проходило следующим образом. Комиссар Афиф-бей в сопровождении местных османских *эфенди* (чиновников — М. Я.) встретился в Воскресенском соборе напротив Кувуклии под большим куполом ротонды с тремя Патриархами: Греческим, Армянским и Латинским, где присутствовавшим были предложены шербет, сладости и трубки за счет трех патриархатов. Из иностранного дипломатического корпуса присутствовал лишь французский консул Ботта с сотруд-

¹² Диван — орган при дворе султана, куда входили министры — визири — и другие правительственные сановники. При нем была создана специальная комиссия по выработке текста последнего фирмана, в состав которой входил второй секретарь дивана (в ранге второго визирия, или министра) Афиф-бей.

¹³ Сераль — (тур.) султанский дворец в Константинополе, расположенный на берегу Босфора.

¹⁴ Креницин Н. В. Восточный вопрос... С. 50.; [Jomini A.] Etude diplomatique... Р. 146.

¹⁵ (№ 50) Выписка из депеши полковника Роуза графу Малмсбери из Тарабия в Лондон от 20 ноября 1852 г. Correspondence... Р. 44.

никами вверенного ему учреждения, которые уселись по одну сторону с Латинским патриархом Валергой. Два часа длилось угощение присутствующих, сопровождавшееся коллективным курением трубок турецкими чиновниками во главе с Афиф-беем. Затем комиссар, стоя перед Кувуклией, произнес пятиминутную речь, в которой объявил о повелении султана отремонтировать купол за свой счет. При этом было подчеркнуто, что в ходе работы инженера ему будут помогать представители от трех патриархатов: Греческого, Армянского и Латинского, а на подготовленном для Порты плане купола должны будут также поставить свои подписи представители сирояковской и абиссинской религиозных общин города.

По свидетельству К. М. Базили, на другом заседании в «пещере Гробницы Богородицы в Гефсимании все прошло так же, как и в Храме Воскресения Христова, с той лишь разницей, что на нем обошлось уже без курения трубок. Долго подавались кофе и шербет. Когда же Турецкая прислуга занесла в Святую Пещеру трубки, то Паша заметил, что место сие является святым и для Мусульман и не позволил там курить»¹⁶.

После нового демарша российского поверенного в делах перед великим визирем Порты, несмотря на протесты французского посла, все же дала указания Афиф-бею исполнить хатт-и шариф, однако со значительными отступлениями от заведенного порядка. Церемония оглашения высочайшей воли султана предполагала присутствие уполномоченного эмиссара, зачитывавшего высочайший указ на торжественном пленарном заседании городского совета с участием губернатора, судьи, муфтия, представителей городской знати и глав христианских церквей: Православной, Армянской и Католической. Затем фирман вносился в регистры иерусалимского суда и сдавался на хранение в архивы той церкви, которой он был дарован.

На состоявшейся 29 ноября 1852 г. церемонии публичного оглашения хатт-и шарифа все происходило несколько иначе. Накануне заседания меджлиса комиссар Афиф-бей сказался тяжело больным, делегировав право прочтения документа губернатору Хафиз-паше. Губернатор созвал обычное (вместо требовавшегося по протоколу торжественного. — М. Я.) заседание, на которое не был приглашен Латинский патриарх Валерга под тем предлогом, что он, мол, не являлся подданным султана. Однако султанский подданный Армянский патриарх тоже не присутствовал на церемонии. Тем не менее, хатт-и шариф с фирманом был оглашен губернатором-визирем Хафиз-пашой, зарегистрирован в суде, а затем вручен патриарху Кириллу на хранение в патриарших архивах. Посланный российским генеральным консулом в Иерусалим со специальными инструкциями для наблюдения за церемонией оглашения фирмана яффский вице-консул Н. С. Марабути, несмотря на решительные протесты перед губернатором и «прикованным к постели» Афиф-беем, так и не смог добиться соблюдения требуемого по протоколу церемониала¹⁷.

Когда же достоверные вести об исполнении фирмана дошли из Иерусалима до Стамбула, то в конце ноября — начале декабря 1852 г. французс-

¹⁶ Копия с донесения К. М. Базили А. П. Озерову из Иерусалима от 7/19 октября 1852 г. за № 93 (на фр. яз.) АВП РИ, ф. 161/1 Канцелярия МИД, Г А V-A2, оп. 181, 1852, д. 522, л. 477—498 об.

¹⁷ Копия с донесения К. М. Базили А. П. Озерову от 25 ноября/7 декабря 1852 г. (на фр. яз.) АВП РИ, ф. 161 (1), Г А V-A2, оп. 181, 1852, д. 522, л. 715—721 об.

кие агенты в Сирии стали энергично распространять информацию (которая вскоре подтвердилась) о надвигающейся французской эскадре обновленного парового флота к берегам Леванта. При этом особо подчеркивалось, что причиной визита французских кораблей являлась неурегулированность вопроса о Святых местах. Посол Лавалетт по-прежнему угрожал военным флотом, если спор решится не в пользу католиков¹⁸.

Османские визири пребывали в тревожном ожидании, а при первых сообщениях о приближении французского флота в Средиземном море в Константинополе сразу заговорили о возможности удовлетворения притязаний французов. Для определения своей тактической и стратегической линии Порты провела серию заседаний кабинета министров, в ходе которых глава внешнеполитического ведомства Фуад-эфенди ратовал за альянс с Францией в интересах решения многочисленных внутриполитических проблем страны в Дунайских княжествах, в Черногории и Леванте. Призывая своих коллег к новым уступкам в пользу французского императора Наполеона III, реис-эфенди пытался доказать, что только таким образом можно будет избежать угрозы вторжения Франции в охваченную смутами Сирию. Создание подобного альянса, по мнению Константинополя, нанесло бы значительный урон отношениям между греками и Россией, а также раз и навсегда подорвало бы влияние «Великой Северной Империи»¹⁹ на десятиллионное местное православное население османских провинций²⁰. Даже великий vizир использовал события в Черногории и слухи о причастности Петербурга к антитурецкому восстанию черногорцев, чтобы побудить султана Абдул Меджида сделать окончательный выбор в пользу Франции против России.

В начале декабря 1852 г. Порты объявила о высочайшем повелении султана — *ираде* — согласно которому ключ от больших дверей Вифлеемского храма должен был быть изъят у греков и передан католикам, а «его подарок» (на самом деле, французов), новая Серебряная звезда, «восстановлена на прежнем месте». По сообщению К. М. Базили, несмотря на решительные возражения православной общины губернатор Хафиз-паша созвал у себя заседание меджлиса для публичного оглашения визириальных писем с *ираде* Абдул Меджида. По высочайшему повелению, Латинскому патриарху передавались три ключа от Вифлеемского храма; греки и армяне получили разрешение совершать богослужение поочередно в погребальной пещере Пресвятой Богородицы (Гробнице Богоматери) в Гефсимании в один и тот же день, в то время как католики получали право совершать свою мессу на следующий день без присутствия других конфессий. Кроме того, было сообщено о предстоящей церемонии возложения «султанского подарка» своим *райа* — Серебряной звезды²¹. На церемонии оглашения, помимо католиков, присутствовали также представители православного и армянского духовенства.

¹⁸ (№ 51) Выписка из депеши полковника Роуза графу Малмсбери из Тарабии, 20 ноября 1852 г. (зарег. 11 дек.) Correspondence... Р. 44.

¹⁹ Восьма секретная депеша А. П. Озерова графу Нессельроде из Пера в Петербург, 4/16 декабря 1852 г. (зарег. 5 января 1853 г.) (на фр. яз.) АВП РИ, ф. 161 (1) СПб ГА V- А2, оп. 181, 1852, д. 522, л. 695 об.

²⁰ [Jomini A.] Etude diplomatique... Р. 148.

²¹ Звезда была привезена Асфир-эфенди на корабле из Константинополя в Яффу.

тва, которые не скрывали своего возмущения по поводу данного решения. В знак протеста Греческий патриарх бойкотировал это мероприятие.

По завершении заседания Совета губернатор, мулла, два комиссара, местные чиновники — *эфенди* — и члены меджлиса, не сказав ничего патриарху Кириллу, тотчас же отправились в Вифлеем. Из прилегающего к Рождественскому собору латинского монастыря через внутреннюю дверь турки в сопровождении лишь французского консула проникли в пещеру придела Воплощения (или Вертепа) под православным алтарем собора. Попав в грот, уполномоченный из Константинополя достал из коробки (опечатанной печатью турецкого МИД) звезду и возложил ее на место похищенной. К большому удивлению турецких чиновников, на дубликате, имевшем ту же самую форму и размер, была выгравирована лишь надпись на латинском языке «Hic De Virgine Maria Jesus Christus Natus est» (лат. — «Здесь находится место Рождества Иисуса Христа от Девы Марии») и непонятно откуда взявшийся год «1717». Все *эфенди* расхохотались от подобной неожиданности. Хафиз-паше даже не надо было изображать на лице досаду. Все, что смог произнести губернатор, была лишь наивная, но справедливая фраза: «Нам должно быть стыдно»²².

Затем, поднявшись из пещеры к греческому алтарю, паша приказал привести к нему тамошнего греческого епископа, чтобы забрать у него ключи. Но напрасно его *каеасы* (стража. — М. Я.) барабанили из храма в дверь примыкавшего к нему греческого монастыря: грек был известен своим упрямым характером и не вышел на стук. Тогда было решено с помощью воска снять слепки с замков как с двух внутренних дверей (северных и южных) пещеры Рождества, которые обычно были всегда открыты, так и с внешних больших дверей собора, открывавшихся только по случаю больших торжеств в храме. На другой день дубликаты ключей были изготовлены и вручены Латинскому патриарху Валерге, вознамерившемуся по этому случаю с подобающей помпой войти со своими священниками в Вифлеемский собор через большие ворота. Возмущенный патриарх Кирилл вручил через доверенное лицо (одного из влиятельных членов меджлиса) официальную ноту протеста Хафиз-паше и Афиф-бею, указав на недопустимость изменения смысла исполняемых визириальных писем. Патриарх также продолжал устные протесты, заявляя, что не допустит совместного с католиками владения Вифлеемским храмом. Кроме того, он потребовал соблюдения принципа, согласно которому церковную службу в Воскресенском соборе, в Вертепе Рождества, а также в гефеиманской пещере Гробницы Богородицы продолжали совершать сначала православные, а затем уже армяне, католики и другие конфессии.

Вместе с тем, перед поспешным убытием из Иерусалима Афиф-бей попросил Хафиз-пашу принять надлежащие меры по недопущению католических нововведений в Вифлеемском храме. Когда же на католическое Рождество 25 декабря 1852 г. патриарх Валерга, несмотря на недовольство французского консула, попытался было осуществить свой торжественный вход в базилику Рождества через главные ворота с молитвами на латыни, песнопениями и развешиванием католического убранства на внутренней ко-

²² «C'est honteux cependant pour nous [рукою К. М. Базили рядом с текстом на французском написано им по-турецки «*resil.*», что в переводе означает «стыдно»]». Донесение К. М. Базили А. П. Озерову (на фр. яз.) из Бейрута, 24 декабря 1852 г./ 5 января 1853 т. АВПРИ, ф. 161 (1) СПб ГА V—A2, оп. 181, 1852, д. 100, л. 7.

лоннаде собора, на его пути встали специально прибывшие туда губернатор Иерусалима и начальник городской полиции²³. Недовольная католическая процессия была вынуждена молча проследовать через боковую дверь православного храма в свой католический монастырь.

Порта всячески старалась представить дело о Святых местах успешно разрешенным. Правда, реакция Парижа и Петербурга изменилась с точностью до наоборот. Ватикан преподносил это как победу Католицизма над Православием, а Париж как победу своего «христианнейшего» императора Наполеона III над российским императором. Николай I расценил уступки Стамбула как «противные смыслу» хатт-и шарифа и данного ему лично султаном торжественного обещания, а значит — оскорбительными для Православной церкви и для России. Аналогичное мнение разделяли предстоятели Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Только что избранный Константинопольский патриарх Герман обратился к Святейшему Правительствующему Синоду с настоятельной просьбой о помощи российского императора. Николая I своим единоверцам²⁴.

Убедившись, что посредством дипломатической переписки невозможно склонить султана к выполнению взятых на себя обязательств, император Николай I решился встать на путь энергичных мер. По инициативе графа Нессельроде царь прибег к использованию приемов военной дипломатии: в боевую готовность были приведены сначала 5-й, а затем и 4-й армейские корпуса в Бессарабии. С декабря 1852 г. началась подготовка к отправке чрезвычайного посольства в Стамбул. Император Николай I лично назначил светлейшего князя Александра Сергеевича Меншикова (правнука сподвижника Петра Великого) главой этой миссии, целью которой было окончательное «устройство» дела о Святых местах²⁵.

Еще до отправки посольства император пытался привлечь на свою сторону Англию, для чего трижды вступал в Петербурге (в январе-феврале 1853 г.) в личные переговоры с британским послом в России сэром Г. Х. Сеймуром (Hamilton Seymour). В лучшем случае царь рассчитывал на согласие Лондона поддержать в этом вопросе Петербург против обозначившейся оси Париж — Константинополь, в худшем — на нейтралитет Великобритании. На повторное²⁶ предложение Николая I разделить имущество умирающего

²³ Вифлеем расположен в 9–10 км от Иерусалима и до оккупации Восточного Иерусалима в 1967 г. входил в его административно-территориальный округ.

²⁴ Послание Вселенского Патриарха Германа к Святейшему Правительствующему Синоду от 29 ноября 1852 г. (в «точном» переводе с греч. на рус. яз.) АВП РИ, 0.161(1), СПб ГА V-A2, оп. 181, 1852, д. 522, л. 686–690.

²⁵ Так как речь шла действительно о чрезвычайной миссии, граф Нессельроде предложил императору на пост чрезвычайного и полномочного посла в Константинополь (где уровень дипломатического представительства с Портой до этого ограничивался лишь уровнем Миссии. — М. Я.) опытных дипломатов — графа А. Ф. Орлова и графа П. Д. Киселева (брата российского посланника в Париже). Но выбор императора остановился на князе Меншикове, имевшем более высокий титул «светлейшего князя», пользовавшимся большим доверием царя и уважением при дворе за острый ум, чувство юмора, тактичность и честность.

²⁶ Впервые Николай I поинтересовался мнением Лондона на этот счет в ходе своего визита туда в 1844 г. Тогда англичане склонны были сказать более «да», чем «нет». Однако дальше составленного графом Нессельроде соответствующего меморандума дело не пошло.

на руках «больного человека» (т. е. Турции. — М. Я.) Лондон предпочел сначала воздержаться от ответа, а уже через месяц сделал выбор в пользу Парижа (и соответственно Стамбула), не уведомив Петербург о своем решении.

По дороге из Петербурга светлейший князь заехал в Кишинев на смотр 5-го армейского корпуса, а затем из Бессарабии, взяв с собой начальника штаба Черноморского флота вице-адмирала Корнилова и начальника штаба 5-го армейского корпуса генерал-майора Непокойчитского (для сопровождения и поддержания оперативной связи с армейскими частями, морским флотом и Санкт-Петербургом), направился в Одессу, Севастополь, а оттуда морским путем — в Стамбул.

Как уже отмечалось, цель посольства Меншикова состояла в решении двух задач по вопросу о Святых Местах. Во-первых, вести переговоры о восстановлении статус-кво, закрепленного в дарованном грекам фирмане. При этом, чтобы не ставить Порту в затруднительное положение по отношению к Франции, аналогичное тому, в котором Порта оказалась по отношению к России, Петербург решил не настаивать в категорической форме на лишении католиков полученных ими в последнее время привилегий. В случае невозможности отмены тех или иных уступок, считали на Дворцовой площади, Порте следовало официально объявить их, по крайней мере, таким образом, чтобы не придавать им вида торжества Католической церкви над Православной, а также восстановить некоторые «законные вознаграждения» для равновесия, которое было нарушено в ущерб этого вероисповедания.

Во-вторых, составить из сего нового соглашения формальный акт, который удовлетворял бы ущемленную в своем достоинстве Россию за все произошедшее, так и гарантировал бы сохранение прав Православия и недопустимость впредь посягать на его интересы. С этой целью послу ставилась задача склонить Порту к заключению любой сепаратной (открытой или секретной) конвенции (*сенед*а), имевшей силу договора и закреплявшего статус-кво прав Православной церкви в Палестине.

Кроме того, на тот случай, если султану понадобились бы гарантии от угроз со стороны французского кабинета, князь Меншиков имел указания предложить ему подписать секретный оборонительный альянс, который не накладывал бы никаких других обязательств на Турцию, выходящих за рамки *сенед*а.

В случае отклонения выдвинутых Россией требований послу предписывалось выдвинуть «последние условия» (*ultimatum*), дав Порте три дня на размышление, после чего со всем штатом российской Миссии покинуть Стамбул.

Миссия князя Меншикова на первых порах увенчалась успехом. Султан, по настоянию Петербурга, сместил с должности министра иностранных дел Фуад-пашу, с которым русский посол даже не соизволил провести протокольной встречи.

В первом документе говорилось о необходимости «довыполнения» нарушенного фирмана 1852 г., что, по сути, сводило на нет все полученные французами последующие уступки. Во втором Абдул Меджид повелевал, чтобы починка купола была осуществлена за счет Порты под «Высочайшим правосудным покровительством». В случае какого-либо изменения в настоя-

щем его виде Иерусалимский патриарх уполномочивался войти с представлением о недопущении сего»²⁷.

Несмотря на сделанные князем Меншиковым уступки, Порты, под давлением прибывших в Стамбул накануне новых послов: англичанина лорда Редклифа (Стратфорда Каннинга) и француза Лакура, не согласилась подписать ни сенеда, ни проекта ноты, предложенной взамен конвенции Петербургом. Попытки русского посла склонить султана к принятию последних условий вплоть до продления срока ультиматума не возымели успеха. Утратив всякую надежду уладить дело, 21 мая 1853 г. Меншиков выехал из Стамбула со всеми членами своего посольства.

Вслед за тем, ободренная появлением англо-французской эскадры близ Дарданелл, Порта отвергла ультиматум Петербурга. Тогда русские войска заняли Дунайские княжества — Молдавию и Валахию.

Обострившиеся отношения между Россией и Османской империей в это время едва не были улажены примирительными действиями европейских держав: 31 июля 1853 г. представители Великобритании, Франции, Пруссии и Австрии приняли в Вене редакцию ноты, соединявшую в себе части проектов, предложенных Петербургом и Константинополем. Русское правительство приняло венскую ноту при условии, что в нее не будет внесено никаких изменений. Однако Порта потребовала некоторых поправок к ее редакции.

Мирный исход был еще более затруднен тем обстоятельством, что памятная записка графа Нессельроде по этому поводу, сообщенная иностранным правительствам, была понята на Западе как подтверждение притязаний и враждебных замыслов России. Переговоры императора Николая I с императором австрийским Францем-Иосифом в Ольмюце (26–28 сентября 1853 г.) и с королем прусским Фридрихом-Вильгельмом IV в Варшаве (3 октября 1853 г.) не улучшили политического положения. Принятый в Ольмюце план примирительных действий был отвергнут Францией и Великобританией. В конце сентября произошел разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией после того, как 28 сентября 1853 г. Петербург отверг ультиматум Константинополя очистить Дунайские княжества. 4 октября 1853 г. Османская империя, заручившись поддержкой Англии и Франции, объявила войну России.

После уничтожения турецкой эскадры при Синопе вице-адмиралом Нахимовым (18 ноября 1853 г.) англо-французская эскадра вошла в Черное море (23 декабря 1853 г.). Предъявленный Англией и Францией ультиматум об очищении княжеств был оставлен императором Николаем I без ответа. Тогда 15 и 16 марта 1854 г. соответственно союзные морские державы объявили ему войну. В январе следующего года к ним присоединилась Сардиния (26 января 1855 г.) Еще недавно спасенные Россией от «парада» европейских революций Австрия и Пруссия отвергли предложение императора Николая I подписать протокол о нейтралитете. Не принимая участия в войне, Австрия поддержала требования морских держав. Вскоре после разрыва их с Россией Австрия обратилась к России с требованием об уходе из Дунайских княжеств.

²⁷ Текст фирмана, полученного А. С. Меншиковым от султана. Сборник известий... С. 19–21 (Приложение, документ № 4 — М. Я.).

Очевидно, что, увлекшись спором вокруг Святых мест, Россия повела себя в нем крайне неосмотрительно, поставив под угрозу свои национальные интересы и свою роль в Юго-Восточной Европе. Ответственность за это во многом лежала на российской дипломатии, которая не сумела правильно оценить по-новому складывавшуюся международную обстановку и поляризацию сил европейских держав. Недооценка Петербургом дипломатических маневров Порты привела сначала к османско-французскому «дуэту», окончательно расстроившему европейский «концерт» Священного союза, и сколачиванию нового военного блока против ее ведущего члена — России. Кроме того, донесения и депеши российских посланников, особенно в европейских столицах, содержали информацию, порой не отражавшую реального положения дел и развитие позиций стран пребывания к Святоместному делу, что в итоге дезориентировало Петербург в определении возможных союзников и противников. Свидетельством тому явилась ошибочная ориентация Николая I на Лондон как на возможного партнера или хотя бы нейтрального наблюдателя вплоть до начала 1853 г., когда уже окончательно определилась ось «Париж — Стамбул».

Царской дипломатии были также присущи прямолинейность и чрезмерная открытость при изложении своих политических планов, в том числе носивших стратегический характер. Чтение вслух канцлером секретных донесений своих дипломатов аккредитованным в Петербурге европейским послам «в порядке поддержания интимности и доверительности контактов» по сути лишало Петербург возможности действовать секретно, скрытно и внезапно в отношениях с европейскими столицами. С другой стороны, в ходе чрезвычайного посольства князя Меншикова послы Великобритании и Франции оперативно получали от Порты детальные отчеты о содержании своих бесед с русским послом и предлагаемых к подписанию документов, о чем в Лондоне и Париже узнавали подчас раньше, чем в Петербурге²⁸.

Примечательно, что после окончания войны многие в российском обществе, в частности в церковных и славянофильских кругах, усматривали в «войне за Святые места» символические черты «крестового похода» западных держав нового времени с религиозным вектором, обращенным (как и много веков назад) в Палестину, а политическим — против России с целью подрыва ее доминировавшего влияния на десятиллионное христианское население Османской империи.

Россия извлекла из поражения в Восточной войне надлежащие уроки. Основные цели русской политики были сформулированы новым министром иностранных дел князем Горчаковым в циркуляре своим представителям при дворах иностранных государств 21 августа (2 сентября) 1856 г. В документе говорилось о намерении Петербурга жить в «добром согласии со всеми правительствами»²⁹; о свободе действий русского правительства в отношении Венской системы, более четверти века сохранявшей мир в Европе

²⁸ Накануне Крымской войны в Лондоне, Париже и Вене уже имелось важнейшее для того времени новшество — телеграф, позволявший получать срочную информацию в день ее отправки. Английские и французские депеши отправлялись обычной фельдъегерской почтой до Вены за 5–7 дней, а оттуда могли быть отправлены шифртелеграммой. В Константинополе и Петербурге телеграф стал широко применяться только после войны. Русские фельдъегеря доставляли срочные депеши из Константинополя на Дворцовую площадь за 10–14 дней.

²⁹ Очерк истории министерства иностранных дел 1802–1902. С. 134.

и нарушенной не по вине России; о решении сконцентрировать большее внимание не на внешних, а на внутренних делах страны. Вместе с тем в документе содержалась ключевая фраза, внушавшая внутреннюю тревогу и беспокойство европейским дворам: «Обращаются к России с упреком, что она уединяется и хранит молчание в то время, когда совершаются дела не-правые и несправедливые: “La Russie boude, dit-on. La Russie ne boude pas. La Russie se recueille” [фр. “Говорят, что Россия хранит молчание. Россия не хранит молчание. Россия сосредотачивается”].»³⁰

Благодаря этой «внутренней сосредоточенности» и активному последующему религиозно-политическому продвижению на Восток менее чем за полвека после этой войны в Святой земле появилась «Русская Палестина», большая часть которой сохранилась до наших дней.

К концу Восточной войны влияние Великобритании и Франции на Порту достигло своего апогея. Султан Абдул Меджид в знак признательности за победу над Россией впервые за несколько веков после крестовых походов открыл *аль-Харам аш-Шариф*³¹ перед высокопоставленными представителями западных держав для посещения. В марте 1855 г. герцог и герцогиня Брабантские стали первыми западными посетителями горы Мориа. Спустя несколько месяцев там побывал другой британский подданный — миллионер-филантроп, один из видных деятелей еврейской общины Великобритании сэр Мозес Монтефиоре, который, непрестанно цитируя 121-й псалом Торы, был доставлен на священную гору в *портшезе*³², чтобы нечаянно не коснуться ногой этого заповедного для иудеев места. По настоянию Монтефиоре британцам удалось также добиться от Серая разрешения на расширение территории синагоги в иудейском квартале Иерусалима. Не были забыты и французы: построенную в XI в. крестоносцами церковь Св. Анны (превращенную Салах ад-Дином в *медресе* после изгнания латинян из Иерусалима в 1187 г.) султан вернул императору Наполеону III в качестве «подарка французскому народу»³³. Правда, на этот раз новые султанские

³⁰ Очерк истории министерства иностранных дел 1802–1902. С. 134.

³¹ Аль-Харам аш-Шариф (араб. «Благородная Святыня». — М. Я.) — третья по значимости (после Мекки и Медины) мусульманская святыня, куда после изгнания крестоносцев, как и в двух других мусульманских святынях, вход для «неверных» был воспрещен.

Иудеи также почитают это место святым для себя. Там, согласно их верованию, располагался «Второй Храм» или «Храм Соломона», разрушенный в 70 г. н.э. войсками будущего римского императора Тита. Примечательно, что иудейские иерархи считают святотатством любые попытки единоверцев ступить на «Храмовую гору» без предварительного ритуала «очищения», а также до прихода мессии, который, по иудейскому преданию, и должен вернуть «сынам Израилевым» их святыню.

До захвата византийского Иерусалима войсками халифа Омара ибн аль-Хаттаба (638 г.) и включения города в состав арабского халифата гора Мориа использовалась жителями города в качестве городской свалки. После захвата Иерусалима крестоносцами (1099 г.), истребившими практически все мусульманское и иудейское население города, латиняне провозгласили «Латинское королевство», перестроив мечети «Благородной Святыни» в католические соборы. В 1187 г. освободивший Иерусалим от крестоносцев Салах ад-Дин восстановил «долатинский» статус-кво города: всему католическому духовенству было запрещено проживать в Иерусалиме, куда из Константинополя после 88-летней ссылки вернулся Православный патриарх. Салах ад-Дин разрешил также иудеям вновь селиться в городе.

³² Портшез — (фр.) легкое переносное крытое кресло, в котором можно сидеть полулежа.

³³ *Armstrong K. A History of Jerusalem...* P. 355–356.

«милости» за счет святынь Палестины уже не выходили за рамки зафиксированного статус-кво. Попытки же нарушить существовавший порядок вещей Святых мест не прекратились и после Восточной войны³⁴.

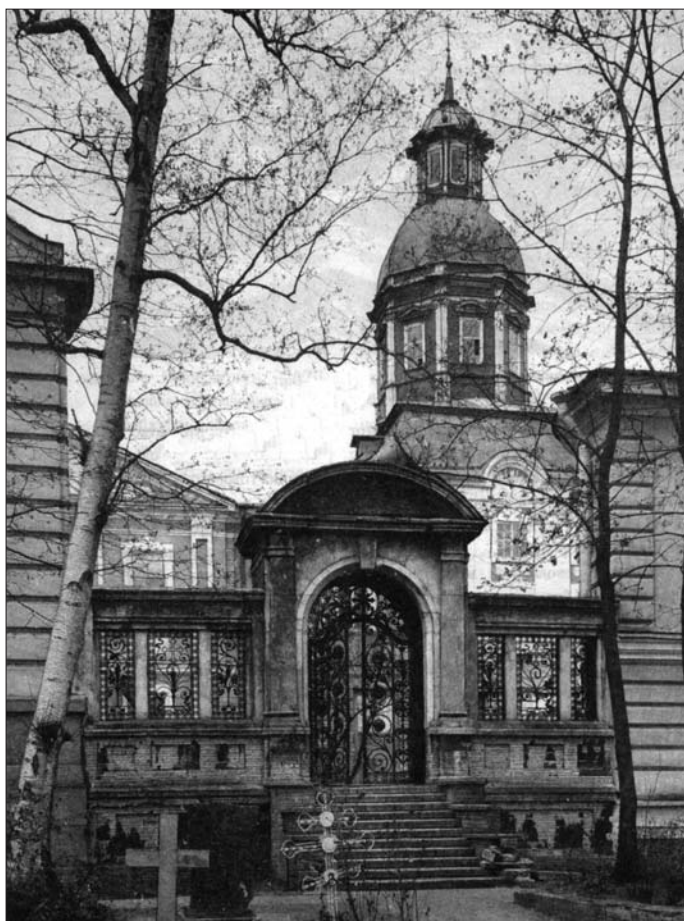
³⁴ Весьма показательна в этой связи фраза французского генерального консула в Иерусалиме г-на Леду (Ledoulx) в беседе с губернатором Иерусалима Решад-пашой в ходе очередной попытки латинского духовенства посягнуть на права православного духовенства накануне ремонта Вифлеемского храма (в 1889 г.). Леду «настойчиво выражал ему свою претензию принимать прямое и деятельное участие в ожидаемых [ремонтных. — М. Я.] работах и свое право на это подкреплял Крымской войной, сказав: «Зачем же мы (французы) ее вели, как не для приобретения прав в Иерусалимских Святынях, что, наконец, он (Леду) не допустит никаких переделок и исправлений, если он не будет в них участвовать». Секретное донесение консула в Иерусалиме В. А. Максимова послу А. И. Нелидову в Константинополь. Иерусалим, 26 июня 1889 г., № 312. АВП РИ, ф. Пос-ео в Конст-ле, оп. 517/2, д. 3348, л. 44–4.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных
рисунках,
фотографиях
и гравюрах*

Русский ПАЛОМНИК

У СТАРЦЕВ АФОНСКИХ

*Записки поклонника
под редакцией
Александра Громова*

Отрывок из рукописи

**Александр Ви-
тальевич Гро-
мов** — родился
в 1967 году в
городе Подоль-
ске. Окончил
Литературный
институт им.
М. Горького.

Председатель правления Самар-
ского отделения Союза писателей
России. Секретарь Правления
СП России. Главный редактор
журнала «Русское эхо». **Живет
в Самаре.**

От редактора

*Рукопись принесла немолодая
сухонькая женщина.*

*Таких можно встретить в хра-
мах, они следят за подсвечниками,
протирают иконы, раздают просфо-
ры. Я даже подумал: почему ангелов
изображают юношами с греческими
кудряшками — вот же они.*

*Было начало лета. Хотелось
на дачу. Или вообще куда-нибудь.
И тут ангел с объемной рукописью.*

*— А почему вы решили принес-
ти ее нам?*

*— А куда еще? — удивилась
женщина.*

*Ну, да... Я взял папку, раскрыл
ее и прочитал: «Паракало».*

*— Странное название. Вы что,
хотите удивить, показать свою
образованность?*

Женщина молчала.

*— Так о чем... м-м... сие... по-
вестование?*

— Вы прочтете и все узнаете...

*В общем, грамотно отвечает:
хорошую литературу пересказать
нельзя.*

*— Это ведь, — я похлопал по
увесистой папке, — долго читать
придется. С месяц, не меньше...*

*Женщина кивнула и, как пока-
залось, вздохнула с облегчением.
И так же, как и появилась, тихо
исчезла.*

*По мере истечения установ-
ленного срока чувство должника
все более тяготило меня, но объем
папки страшил еще больше и я все
тянул, наконец, чуть не в послед-
ний день, открыл папку.*

*И рукопись увлекла. Теперь
уже я с нетерпением ждал, ког-
да придет сухонькая женщина. У
меня накопилось много вопросов и
первый: кто автор книги?*

*Но женщина в оговоренные сро-
ки не появилась, не появилась она и*

через два месяца, и через три, а в сентябре я понял, что она не придет вовсе.

Одно время я взялся сам вычислить автора, но, когда уже почувствовал близость разгадки, что-то остановило: ведь были причины у автора не подписываться и не появляться в редакции? Так зачем я пытаюсь узнать то, что знать необязательно? Действительно, так ли уж важно, кто написал книгу? Если автору будет угодно объявить себя после публикации — пожалуйста.

Но вот с публикацией возникли сомнения. Мне хотелось напечатать рукопись, но, казалось, что такой вольный и даже ироничный тон повествования неуместен для рассказа о Церкви, тем более — о ее святынях.

Но и просто так оставаться под спудом эта рукопись не могла. И тогда пришло решение совершить путешествие точно по тому маршруту, который описывается в книге.

После того, как вернулся, понял, что опубликую рукопись хотя бы потому, что благодаря ей совершил это паломничество.

Может быть, эта книга откроет путь на Святую Гору кому-то так же, как и мне.

Особо благодарю настоятеля скита Ксилургу иеромонаха Николая (Генералова), благословившего публикацию, монаха Агафодора, протоиерея Алексия Агеева и протоиерея Сергея Гусельникова, много потрудившихся над исправлением неточных мест.

Также благодарю писателей Алексея Смоленцева, Дмитрия Агалакова, Сергея Жигалова, Александра Игнашова, оказавших неоценимую помощь в работе над рукописью.

Со своей стороны я как редактор постарался минимально вторгаться в текст рукописи, а все комментарии, примечания, уточнения вынес в конец книги, дабы они не отвлекали читателя от повествования.

Александр Громов,
редактор издательства «Русское эхо».

1

Спал я весьма чутко. Возбуждение прошедшего дня, видимо, сказывалось, а может, не хотелось проспать? И мне все время слышался за окнами шум: то казалось, что это дождь, то слышались подъехавшая машина и какие-то голоса, то казалось, что все это мне снится. Когда же показалось, что скрипят половицы в коридоре, я вытянул руку из теплой спальной норки и посмотрел на часы: через десять минут должен запиликают будильник. Я удивился и обрадовался: это ангел упреждает меня — вставай, вставай, скоро Литургия в Ксилургу. И мне хотелось торопить день, хотелось быстрее войти в него и жить им. Я поднялся и стал одеваться. В это время раздался стук в дверь, негромкий и уверенный, как условный сигнал.

— Да-да, уже встали! — отозвался я.

И все, что слышалось вне стен комнаты, исчезло. Зато ожило у нас. Взялся за свои часы и сел на кровати Серега, заворочался отец Борис, до хруста потянулся Алексей Иванович.

— Что, Сашулька, на исповедь уже?

— Умываться.

Когда я вернулся, окончательно проснувшийся и открытый наступающему дню, спросил:

— А слышали, как ночью машина приезжала?

Алексей Иванович еще не поднимался и печальным кошачьим взглядом наблюдал за мышиною возней в комнате.

— Ты, Сашулька, окончательно съехал, — отозвался он. — Забыл вчерашний лес-то? Какая тут машина?

И правда, какая мне разница? И я пошел в церковь. Было темно. Грузно передвигаясь от подсвечника к подсвечнику, свет возжигал отец Мартиниан. Я следом за ним обошел иконы и встал на свое (уже «свое»!) место. Я ждал отца Николая. Вот он выйдет, начнет исповедовать и можно будет пересказать все-все, чтобы... чтобы что?.. Где-то глубоко-глубоко я почувствовал что-то нехорошее в желании исповедоваться именно отцу Николаю. Почему? Неужели потому, что хочу рассказать ему о себе, а не исповедоваться? Да, мне хочется, чтобы он, узнав меня, наставил, подсказал, объяснил, но разве это исповедь? Да, это исповедь, убеждал я себя, глуша нехорошее чувство, я для этого добирался до Ксилургу, для разговора с отцом Николаем. И опять кольнуло — «для разговора», а сейчас — исповедь.

Вышел из алтаря отец Николай, несколько секунд смотрел в пробитую желтенькими огоньками темноту.

— Поисповедуешь, что ль... — обратился он к отцу Мартиниану без всякого знака вопроса.

— А где?

— Да где хочешь. Вон у окошка можно. А ты, — это уже отцу Борису, — давай, что там у тебя, облачайся.

Отец Борис, показалось, подскочил от радости и бросился в комнату.

А я и не заметил, как собралась братия. День поскучнел. Я с завистью смотрел на пробежавшего в алтарь отца Бориса и думал о своем недостойнстве — отец Николай исповедовать не будет, он будет служить с отцом Борисом. А вот он достоин. И что я взъелся на него? Хороший же. Молодой только. Оттого и суетливый. А так очень даже хороший. Не каждого Господь приведет на Афон, да еще сослужить старцу в самом древнем русском ските. А я... А кто такой я?.. Разве отец Николай не видел, как я хотел с ним поговорить? Значит, недостойн. Я нищ, я наг, я слеп... Я вот других упрекаю, Алексея Ивановича извел, над отцом Борисом потешаюсь... Я стал припоминать свое и чем дольше припоминалось, тем явственнее становилось, что не требовать и обижаться должен, а благодарить, что вообще жив и Господь на Свою Святую Горю допустил.

Священники вышли к Царским вратам и помолились перед службой. Отец Николай и отец Борис прошли в алтарь, а отец Мартиниан посмотрел на нас, и у меня в голове — хотите верьте, хотите нет — четко высветилось: «Страшно впасть в руки Бога живаго»¹.

— Пошли, — выдохнул отец Мартиниан и я понял, что никакого причастия сегодня не будет.

И поделом.

¹ Евр. 10:31.

Отец Мартиниан, отодвинув вязанки свечей, встал у окна, положил на подоконник Евангелие, раскрыл канонник и, помолчав немного, предупредил:

— Помолимся для начала.

Читал он так же, как и вчера, словно сам каялся. И снова отдельные слова падали точно и только углубляли то, что вспомнилось мне. Я только пыль стер и ожила картинная галерея, а он пробивал стену, на которой висели картины, и невольно виделось глубже и дальше. Я, конечно, догадывался, но видеть так явно и осознавать, что это в тебе...

— Ну?

Я и не заметил, что отец Мартиниан закончил молитвы, теперь был слышен голос Володи, читающего часы.

Алексей Иванович подтолкнул меня, я шагнул и тяжелая рука пригнула меня к Евангелию. Отец Мартиниан склонился ко мне.

Он вздыхал и сокрушался вместе со мной, когда меня начинало заносить, останавливал, когда я запинался, подбадривал, где я не находил слова, говорил за меня...

Когда он разрешил меня и снял с головы епитрахиль, рубашка на мне была мокрой, озноб несколько раз пробирал меня и несколько раз жаром покрывалось тело. Но все это было внешне и не волновало меня. Внутри я был выметен и прибран.

Я сложил руки под благословение. Отец Мартиниан разогнулся и благословил. Я все не отходил.

— Гм, — то ли спросил, то ли приободрил отец Мартиниан.

— Батюшка, а причаститься можно?

— Причащайся.

Именно в этот момент я решил и продолжаю утверждать по сей час, что не встречал на земле человека добрее отца Мартиниана.

Я поднял глаза — тьмы за окном не было, свет проник в нее, и она таяла, как тает обогретая ладонью льдинка.

Из алтаря донеслось:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа...

Тяжело переваливаясь, прошел на правый клирос отец Мартиниан. Я мельком глянул в сторону Алексея Ивановича — он стоял тихий, умиротворенный и благодарный.

Уже после я долго думал, в чем лично для меня было чудо Литургии в Ксилургу? Ведь не только в том, что было полное ощущение, что я тоже реально участвую в богослужении вместе с отцом Борисом, иеромонахом Мартинианом и иеромонахом Николаем. Мне доводилось быть во время Литургии в алтаре, но никогда у меня не возникало чувства простоты и равенности моего участия в службе. Пусть мое стояние возле стасидии и слабая молитва была каплей общей службы, но она была значима, как значима каждая капля, без которой не может быть полна чаша.

Впрочем, во время службы я ни о чем таком не думал. А недавно пришел с вечерней службы — тут болит, спина изнылась, а когда батюшка загнул проповедь на полчаса, так я вообще занервничал, а сам думаю: как же на Афоне то служилось легко и просто. Службы нисколько не тяготили, наоборот, была радость предстояния. Куда это ушло? Конечно, я виноват сам. Дом был выметен. Но чем я начал заставлять его по возвращении? Да тем же, что оставил, уезжая на Афон! Впрочем, не будем о грустном. Лучше — о службе.

Удивительное дело, сейчас, вспоминая, я никак не могу объяснить следующее: когда подходил к Чаше, я был уверен, что наступило утро, настолько было светло в храме, что я хорошо и ясно видел окружающее. И в то же время когда служба закончилась и мы отправились с Алексеем Ивановичем на очередное картофельное послушание, то, выйдя на минуту за стены монастыря, увидели яркую полоску, разделяющую небо и землю. И это изумительной красоты сочетание красок густого синего и пламенно-желтого заставляло замереть и некоторое время завороженно следить за расширяющейся полоской света. Солнце только собиралось явить себя миру. Но я же точно помню, что читал в храме благодарственные молитвы, ясно видя текст, и это не мог быть свет только свечей.

Не могу объяснить.

С чтением благодарственных, кстати, накладочка вышла. Отец Николай вышел из алтаря — светлый, легкий, словно чудовищной силы напряжение сошло с него.

— Читать-то можете? Читайте благодарственные, — и кивнул на большую крутящуюся подставку, на которой были разложены книги, по которым велась служба. Я шагнул к ней (точно помню, что все было ярко освещено), сразу увидел молитвы по Святом причащении. Но шрифт показался мелковат, к тому же я был без очков.

Я самочинно бросился в комнату и тут же вернулся в очках и со своим молитвословом с крупным шрифтом. И, не отдышавшись, стал читать. Читал я вдохновенно. Бывает такое: сделаешь что-нибудь и чувствуешь — хорошо сделал. И тут было такое же чувство. Впрочем, я вообще тогда после причастия был само ликование.

Единственное, помню, запнулся, когда соображал, какую Литургию служили, Иоанна или Василия. Решил, что, несмотря на всю праздничность, Иоанна, никто меня не поправил, так что, выходит, угадал.

В общем, закончил я и поднял радостные глаза на отца Николая.

— Что читал-то? — спросил он.

— Благодарственные молитвы, — несколько опешил я.

— Все на ходу сочиняют, все на ходу...

Я растерялся: что я не так читал? И произнес:

— Зато от чистого сердца.

— Эх, одно слово: сочинители, — и пошел себе, оставив меня в еще большей растерянности.

Но я сразу и успокоился, потому что слово «сочинители» отец Николай произнес так ласково, как может ласковая мать вздохнуть над сыном, купившим ей с первой полочки совершенно ненужную вещь: «Эх, дурачок ты мой, дурачок...».

2

Теперь мы отправились на кухню, по дороге еще полюбовавшись восходом.

На кухне было светло, но там, понятное дело, был электрический свет. Но в храме-то электричества не было! Ладно, это я опять о свете. Пусть для меня это останется загадкой, а пока про кухню, на которой нам довелось узнать много чего любопытного.

Руководил нами Володя. Все пребывали в приподнятом, веселом расположении духа, хотелось делиться этим состоянием, весь мир хотелось обрадовать. Но мир еще спал. Так что мы были предоставлены друг другу. Но как делиться бывшей в нас радостью, мы опыта не имели, нужных слов не находили, все, что подсовывал ум, выходило плоско, ущербно и ничтожно по отношению к тому, что было в нас, умения же молчать мы не имели тем более и потому пустословили.

Сначала говорили только мы, но постепенно совратили в разговор и Володю, который, скорее всего, не навыв еще уклоняться от подобных искушений. А искушение в виде нас, видать, было неслабое, потому что чем дольше мы находились на кухне, тем более чувствовалось, что оба старца беседами Володю не балуют, а тому есть что порассказать.

Ну, поначалу мы только изливали восторги от Афона вообще и от Ксилургу в частности. Слегка польщенный нашими словесами Володя кивал головой и, когда мы заговорили о мечте, что-де хотелось бы и на саму Гору взойти, он отмахнулся:

— Да ладно, тут везде святость. Для этого необязательно на Гору забираться. Только разве что любопытства ради. Я вон третий год на Афоне и не стремлюсь. Мне рядом со старцами хорошо.

Вроде говорил он искренне, но я не мог представить, как это — быть на Афоне и не желать попасть на саму Гору. Я понимаю, что недостойн, но мне хочется заслужить это достоинство. И потому такой отзыв о Горе, как показалось, несколько пренебрежительный, задел. Вспомнились лиса и виноград. Но я постарался мирскую мерку отбросить и подумал: а если бы у меня был выбор — провести день с отцом Николаем или сходить на Гору? Конечно, я бы остался с отцом Николаем. Собственно, я и выбрал. Вернее, не «я» и не «выбрал», а милостью Божией вышло для меня полезное: я попал не на саму Гору, о которой мечтал, а к отцу Николаю в скит Ксилургу, о существовании которого еще пять дней назад не имел ни малейшего представления.

Не знаю, о чем задумался Алексей Иванович, но мы примолкли. Наше затишье вдохновило Володю, а может, наши позы, склоненные над картофельными очистками, напомнили почтительно внимающих всякому слову новобранцев, и он, взмахнув ножом, которым резал рыбу, словно дирижер, требующий внимания, изрек:

— Отец Николай — это раб Божий. Таких тут единицы.

Мы и не пытались спорить, а еще усерднее заскоблили картошку. Володя вдохновился еще больше.

— Он же провидец. Вот вас, например, никто не ждал, и я еще удивился, чего это отец пошел печку растапливать в комнате. А он уже днем знал, что вы придете. И про мир он все знает, и ни на какие лица не смотрит. Когда Путин привозил вашего будущего президента, ну, этого... как его...

— Вообще-то у нас выборы зимой, а пока пять кандидатов, — робко заметил я.

— Да нет, — Володя отмахнулся от пятерки, как от мухи. — Того, который будет... Он привозил его старцам нашим показать и благословиться... Простая же фамилия...

Я, конечно, слышал, что Путин недавно был на Афоне, но писали об этом мало, я еще подумал, что не освещают его поездку на Афон потому,

что тогда нашим СМИ пришлось бы и Христа, и Крест поминать, причем в истинных смыслах, а от этого их так, поди, закорезило, что решили умолчать. Впрочем, для обывателя давно стало привычным: о чем пишут много и с помпой (съезды там, выборы, заседания, новые программы, награды) — дело бесполезное и его, народа, не касающееся, а вот о чем говорят вскользь — это главное и есть. Но в тот раз даже вскользь-то не упоминали, поэтому я никак не мог припомнить, с кем же Путин был на Афоне? А тут, выходит, он сюда под благословение нового президента привозил, которого нам еще, между прочим, как бы выбирать.

Честно говоря, именно в эту минуту я и полюбил Путина. И многое, чего я никогда не понял бы из его поступков и не принял бы, и понял, и принял.

— Иванова или Медведева? — спросил я.

— Вот, точно — Медведева! Он маленький такой, приехал сюда, стоит, как школьник, а отец Николай ему: «До каких пор будете американцев слушаться?!». А тот так, извиняясь: «Да мы уже не слушаемся, меняется все...».

Мы с Алексеем Ивановичем уже как с минуту перестали чистить картошку и следили за взмахами Володиного ножа.

— Ух и задал тут ему отец Николай! — Володя заметил наконец наши лица и перестал махать ножом.

Пауза затягивалась.

— Ну и как? — спросил Алексей Иванович. — Благословил?

— Нормально, — отозвался Володя, вновь занявшийся рыбой, и утешил: — Хороший президент у вас будет².

Во всем этом меня задели две вещи. Во-первых, обращение «у вас», которым подчеркивалась отделенность России от Афона, а мне-то до это-

² Я к этой истории отнесся скептически, да и сам автор тоже обставил все так, что это больше похоже на байку или легенду. Но на всякий случай проверил по интернету сайты президента (ко времени, когда рукопись оказалась у меня, президентом был уже Медведев) и Путина: нигде не сообщалось об их пребывании на Афоне в 2007 году. Я вообще хотел выкинуть этот кусок, но, решив для начала показать рукопись афонским монахам, оставил и реакция отца Николая Генералова меня огорошила:

— Не так же все было... Вот, опять насочиняли...

— А что — на самом деле было? — вырвалось у меня.

— Ну да, вот он сидел, где ты сейчас сидишь...

— Подождите-подождите, кто сидел?

— Да Медведев. Сначала приехал этот кремлевский представитель, он тут часто бывает. И ко мне: «Сейчас, говорит, большой человек придет, ты уж, отец, не говори ничего лишнего». Они ж знают, что могу чего-нибудь сказать. «Расскажи, говорит, про скит, как со старцем Паисием общался...». Потом появились два таких здоровых парня, осмотрели все. «Охранники, что ль?» — спрашиваю. «Нет, говорят, сопровождающие лица». Ладно, я им чаю налил, сели они у плиты, сидим, тут открывается дверь и входит несколько человек, я смотрю, где же большой-то, а он маленький на самом деле, невысокий, но понятно сразу, кто главный. Вот я его на это самое место, где ты сидишь, усадил, сам напротив сел, остальные вокруг, чай у нас готов был. Рассказал про скит, про старца Паисия, все, как просили, ничего лишнего. А когда они уже уходили, в дверях были, я и говорю: «Что ж вы все американцам под ноги положили?». Его, чувствуется, задело, он резко так ответил: «Ничего не положили. Это прежние под американцами были, мы сейчас выправляем». «Да где ж, говорю, выправляете?» — и давай перечислять. Тут он еще больше завелся: «А что же делать, если они кругом лезут и лезут?». Отвечаю: «Вы сами прекрасно знаете, что делать?». «Что?» — спрашивает и, чувствуя, напряглись все. «Мочить», — говорю, ну, он рассмеялся, напряжение сошло, все заулыбались и ушли. Вот и все, что было.

го казалось все здесь настолько русским, что Ксидургу я ощущал самой что ни на есть российской глубиной, откуда тянутся корни³. Не сам корень, а откуда тянется. А второе — показалось, будто Володя считает, что нас и в самом деле волнует, кто будет президентом. Я вообще стараюсь не переживать из-за тех вопросов, на которые никак не могу повлиять. Хотя, бывает, все равно переживаю. За Сербию, например. А что толку от переживаний? Надо было брать ружье, бросать семью и ехать за тридевять земель? Но это ничего не решало, только добавляло испытаний и трудностей для семьи. Если бы я мог увлечь за собой... на доброе дело... А откуда я знаю, доброе оно или нет? Я уже сколько раз убеждался здесь, на Афоне, что ничего не знаю, каждый мой шаг — шаг слепого котенка.

Молиться надо. Учиться молиться.

— А старцы... Много сейчас на Афоне старцев? — спросил я.

Володя, по-моему, даже обиделся.

— Вот отец Николай — старец, самый настоящий.

— Это — да. А еще?

— В Пантелеимоне — отец Макарий. Тоже — раб Божий.

— Мы у него исповедовались, — вставил я.

— А еще там есть раб Божий Олимпий — чудеснейший человек.

— Олимпий? — переспросил я. — Это не тот ли, который нас встречал и по монастырю водил?

— Да-да, а вы знаете, кто он? Он — академик, известный реактивщик.

— Как это — «реактивщик»?

— Он реактивные двигатели разрабатывал. Все, что сейчас летает, через него проходило, а вот здесь теперь следит за поминовениями, паломников принимает⁴.

Я был поражен. Не знаю уж, насколько «все, что летает», проходило через отца Олимпия и действительно ли он академик, но то, что это весьма образованный человек, угадывалось сразу — и какая степень смирения! Человек, поди, для космоса двигатели конструировал, а тут ходи с толпой неслухных паломников, рассказывай им, чем византийское время отличается от европейского. А может, это и поважнее космоса? Да и не только про время он нам рассказывал. Я с благодарностью вспомнил всю нашу экскурсию по Пантелеимонову монастырю и быстрого отца Олимпия, с доброй улыбкой рассказывающего нам об Афоне и сокруша-

³ Автор, наверное, не знал, что Володя по национальности белорус и, говоря «хороший президент у вас будет», он вполне мог иметь в виду то, что президент будет в России, а не в его родной Белоруссии. Хотя лично мне авторская трактовка володиных слов нравится больше.

⁴ «Отец Олимпий пока еще отличается от братии тонкими чертами лица, словоохотливостью, правильной речью и эрудицией, совсем недавно вынесенной из мира. Там он был академиком, доктором технических наук, зав. кафедрой электроники и электротехники Московского технического университета. Автор известных всему миру учебников по компьютерной технике. И сошел со всех этих высот, побывав на Афоне паломником, оставил славу и звания где-то там, по ту сторону жизни... Оставил, быть может, и из чувства вины перед поруганным целомудрием Божьего мира, быть может, и себя считая причастным к этому вселенскому поруганию. Мы не полезли к нему в душу, хотя разговаривали долго и о многом. Отец Олимпий провел с нами экскурсию: как прежде знал он свои науки, так знает теперь начала начал русского Афона и каждую святыню многочисленных церквей в Свято-Пантелеимоновом, все реликвии его и предания» (В. Распутин. «На Афоне»).

ющегося, что мы то и дело задерживались и не поспевали за ним. И мне стало понятно, откуда эти быстрота и сокрушение: он так много хотел рассказать нам...

— А недавно у нас еще один старец объявился, — тем временем продолжал Володя. — Хватит картошки-то.

Он, явно выдерживая паузу, занялся супом. Побросал в кастрюлю крупные куски рыбы, стал резать картошку.

Наконец Алексей Иванович спросил:

— Как так — объявился?

— А сам себя объявил, — живо откликнулся Володя и, насладившись нашими лицами, воткнул нож в разделочную доску и стал рассказывать про бизнесмена, который, оставив мирское, пешком пришел на Афон аж из Владивостока и поселился в самом труднодоступном месте — на Каруле⁵, а недавно был пострижен в Великой Лавре с именем Афанасий.

— А-а, я читал о нем, — вспомнил я. — У игумена №⁶.

— Вот-вот, — остановил меня Володя, недовольный, что я перебил его, а более — тем, что не удалось удивить нас. Володя вытащил нож из разделочной доски. — У него нож — вот такой, — тут Володя чем-то напомнил рыбака, — и по лезвию надпись: «Живый в помощи».

Мы опять открыли рты — и пошел Володя рассказывать... Я еле сдерживался, чтобы не улыбаться, настолько умилителен и непосредствен был Володя. Сам-то он, конечно, ничего этого не видел, но на Афоне — свои легенды. Да и при разговоре отца Николая с Медведевым, если и был такой, вряд ли Володя присутствовал, а попробуй выскажи сомнение, так он тут же начнет показывать, где стоял отец Николай, а где — Медведев, еще, поди, припомнит, что тот держал в руках какую-нибудь папку с гербом. Я и сам такой, люблю, грешным делом, сочинительство!

— Здорово! — не удержался я от оценки Володиных рассказов, хотя, конечно, наибольшее впечатление производил сам Володя.

— Выйду я, — стараясь не рассмеяться, выдал Алексей Иванович и попятился к выходу.

Я было напрягся от того, что остаюсь с Володей один на один, но в дверях Алексей Иванович столкнулся с отцом Борисом и Серегой.

— О! — обрадовался отец Борис. — А мы думаем, где вы? А что вы тут делаете?

— Картошку чистим, — весело ответил Алексей Иванович и вышел.

⁵ «Каруля есть не что иное, как отвесная прибрежная скала, господствующая над бездною Архипелага, с южной стороны св. Афона, занятая древним скитом того же имени, заселенная множеством разного рода пустынных и отшельнических жилищ бедного афонца. Начало Карульского скита и всех его келлий и калив, разбросанных по страшным отрогам и обрывам, относят к X веку. Это место считается безлюднейшим, и путь туда не только труден, но и опасен в полном смысле этого слова. Чтобы спуститься туда, надобно в некоторых местах цепляться за камни руками и даже висеть всем телом над бездною. Около 50-ти саженей приходится спускаться по веревке, придерживаясь за обрывистую каменную стену, более 20 саженей пролезать в скале чрез тущобу, а остальную часть проходить по весьма крутым и сыпучим уступам. Там поэтому редко бывают поклонники, и то разве только ищущие душевного утешения и назидания, а частные посетители Афона и особливо высокопоставленные лица, вовсе не заглядывают туда» (И. З. Черкасов. «Афон и его окрестности...»).

⁶ Игумен N. Сокровенный Афон. М., 2002.

— А чего нас не позвали? — огорчился Серега.

Я махнул рукой: ладно, мол, нам не в тягость, даже в радость хоть чем-то послужить скиту. И тут же подумал, что Серега как раз и огорчился от того, что не позвали послужить. Он и так нынче более всех пострадавший: мы с Алексеем Ивановичем причастились, отец Борис сослужил отцу Николаю, а Сереге только кусочек просфорки достался.

Володя тоже почувствовал желание Сереги и не стал гасить порыва:

— Мы еще посуду не мыли.

Я уступил Сереге самое почетное — огромную чугунную сковородку, а сам взялся за чашки.

Отец Борис подсел к Володе и ласково попросил:

— Расскажите что-нибудь об Афоне.

Я чуть чашку не грохнул. Мельком взглянув на набирающего в грудь воздуха Володю, я подмигнул Сереге, кивнул на недомытые чашки и бочком потек к выходу.

— Афон — это Святая Гора, — услышал я за спиной, и лукавый сразу подбросил картину, как отец Борис достает блокнотик и начинает записывать. Тут я не удержался и рассмеялся. Слава Богу, что уже был на улице.

3

— Чего ржешь? — из фиолетовой гущи возникла тень и голос Алексея Ивановича. — Пойдем я лучше тебе чудо покажу.

Он повел меня сквозь завалы, россыпи строительного мусора, провалы в стене и вдруг мы оказались на площадке, за которой ничего не было — только ночь и алый порез вдоль ее тулова, откуда медленно вытекал свет. В какой-то момент темные тона отступили и ничто уже не сдерживало рождение дня. Стали различимы лес, горы, даже показалось, что вдали белеется Карей.

— Здесь, что ли, куришь?

Алексей Иванович глубоко и разочарованно вздохнул.

— Ладно, ладно... Спасибо, что позвал. Это было... — я искал слово.

— Это уже было... — досказал Алексей Иванович и снова вздохнул, только теперь не разочарованно, а словно хотел вобрать в себя все это окружающее благолепие, тишину и мир.

— Пойдем, — позвал я. — А то Володя никогда не dokonчит ухи.

Всегда готовое воображение представляло сидящих на кухне с открытыми ртами отца Бориса и Серегу и размахивающего перед ними ножом Володю, отражающего набег то ли янычар, то ли поборников ЕС. Однако реальность в очередной раз подтвердила, что особо доверять воображению не следует: никакие страсти кухню не будоражили. Володя руками не махал и был без ножа. Отец Борис писал в блокнот, а Серега стоял рядом и внимательно следил за тем, что он пишет. Вкусно пахло жареной картошкой и разваренной рыбой.

— ...если что, его и найдете, это — раб Божий, — заключил Володя. — Ну, все готово, пойду отцов позову.

Когда он ушел, отец Борис сообщил:

— Записал, к кому нам в Ватопеде обратиться.

Мы с Алексеем Ивановичем переглянулись: так, мы уже и в Ватопед идем, впрочем, этого следовало ожидать, из Ксилургу нам уходить вместе, и не в разные же стороны... Мы присели за накрытый стол, а отец Борис стал делиться полученной информацией.

— Представляете, отец Мартиниан уже сорок лет монахом! Сначала был в Псково-Печерском монастыре и хорошо помнит самого Иоанна Крестьянкина⁷! А здесь, на Афоне, уже более тридцати лет!

Я механически отнял в уме тридцать с лишним лет и обмер. Так это что же получается, он был одним из тех монахов, которые первыми при советской власти поехали из России на Афон? Пантеленмон вымирал тогда, а греки всячески препятствовали пополнению его. Оставалось совсем немного старых монахов, которые с трудом могли выполнить лишь самые простые хозяйственные работы. И вот с великим трудом в конце шестидесятых годов удалось испросить разрешение на переселение на Афон трех русских молодых монахов. Пока тянулась волокита с документами, один заболел, другой заболел уже на Афоне и вернулся на родину, остался один... и это Мартиниан? Его образ вырос у меня сразу до Пересвета, как того благословил преподобный Сергей спасать Русь, так и этого — Иоанн Крестьянкин спасать Русик.

— ...А отец Николай здесь с начала семидесятых...

⁷ Архимандрит Иоанн (Крестьянкин) родился 11 апреля 1910 года в городе Орле в семье Михаила и Елизаветы Крестьянковых. Он был восьмым ребенком в семье. Мальчика назвали в честь преподобного Иоанна Пустынника. С детства Иван был "в послушниках" в храме у известного своей монашеской строгостью архиепископа Орловского Серафима. После окончания средней школы Иван Крестьянкин окончил бухгалтерские курсы и, переехав в Москву, работал по этой специальности. В 1945 году он был рукоположен в дьяконы. В сан священника его рукоположил Патриарх Алексий I в Измайловском Христорождественском храме, в котором отец Иоанн и служил до 1950 года. Экзамены за курс семинарии отец Иоанн сдал экстерном, и в 1950-м, окончив 4 курса Московской Духовной академии, написал кандидатскую работу. Но закончить ее не удалось. В ночь с 29 на 30 апреля 1950 года за ревностное пастырское служение отец Иоанн был арестован и по приговору получил 7 лет исправительно-трудовых лагерей. Вернувшись из заключения досрочно, 15 февраля 1955 года, он был назначен в Псковскую епархию, а в 1957 году перемещен в Рязанскую епархию, где священствовал в общей сложности почти одиннадцать лет. 5 марта 1967 года иеромонах Иоанн поступил в Псково-Печерский монастырь. 13 апреля 1970 года был возведен в сан игумена, а 7 апреля 1973 года — в сан архимандрита.

Архимандрит Иоанн был почитаем всей православной Россией как старец-духовник. Каждый день на протяжении почти четырех десятилетий в Псково-Печерский монастырь приезжали сотни людей для того, чтобы поделиться с батюшкой своими бедами и радостями, спросить совета в трудных обстоятельствах, услышать его авторитетное пастырское слово, измерить его строгим мерилom себя и свою жизнь. Среди тех, кто посещал старца, были и простые прихожане, и представители политической, научной и культурной элиты России. В августе 2000 года, посещая Псково-Печерский монастырь, отца Иоанна в его келье навещил президент Путин. Книги архимандрита Иоанна, посвященные различным аспектам духовной жизни, расходились тысячными тиражами не только в нашей стране, они переводились и распространялись за рубежом.

Ушел из жизни архимандрит Иоанн (Крестьянкин) в возрасте девяноста пяти лет в день памяти новомучеников и исповедников Российских воскресным утром, когда во всех православных храмах страны совершались богослужения в честь «малой Пасхи» — так христиане называют каждый воскресный день, прообразом которого является Воскресение Христово.

Правильно, следующая отправка на Афон была в семьдесят четвертом году⁸.

Это же как раз те, кто сохранил Русский Афон!

А вот и они. Просто вошли, словно гости... Ну не совсем, конечно, как гости, а как будто мы тут им праздник устроили: картошку почистили, стол накрыли... Трудно объяснить, но как-то не по-царски они вошли. А для меня после того, что поведал о скитниках отец Борис, достоинство их было не ниже царского.

Мы встали из-за стола, уступая место. Отец Николай положил камиллаву на полку, повесил накидку.

— Помолимся.

Володя снял с плиты кастрюлю и водрузил на стол. Все ждали, пока положит себе ухи отец Николай. Тот налил половник, положил кусочек рыбки. И все остальные налили по половнику и положили по кусочку рыбки.

Уха получилась изумительная. И это при той простоте, когда Володя побросал в кастрюлю рыбу, картошку, сказал им «варись», ну, перекрестил еще. Но не уха занимала. Я снова сидел одесную отца Николая и теперь еще острее переживал, что вот совсем скоро мы съедем эту чудную уху, съедем картошку, попьем чай... и надо будет уходить...

Все молчали, только ложки брякали о тарелки.

— Накладывайте еще, — сказал отец Николай.

Но никто не потянулся к кастрюле. Отец Николай вздохнул и зачерпнул еще полполовника, тут уж и мы взялись — уха действительно была великолепна. Так же ели и картошку — ждали, чтобы положил себе отец Николай (тот скребнул ложку), потом отец Мартиниан, и никто не смел брать добавки, пока отец Николай чуть не приказал:

— Берите-берите, я лучше чайку, — и взял из плетеной корзиночки сушку.

Отхлебнув, он обратился к отцу Мартиниану:

— Ты смотри, отец, как к нам последнее время писатели зачастили, к чему бы это?

Отец Мартиниан что-то гукнул, не отрываясь от тарелки.

— Ну да, — согласился отец Николай и пояснил нам: — Тут недавно ваш главный заходил.

⁸ В XX веке приток русского монашества на Афон прекратился. В основном из-за препятствий, чинимых греческими светскими властями, с молчаливого согласия властей церковных. 14 октября 1963 г. Московская Патриархия послала Патриарху Афинагору список из 18 лиц, ожидавших разрешения на поселение в Пантелеимоновом монастыре, в июле 1964 г., после повторного обращения Патриарха Алексия I, разрешение на въезд в Пантелеимонов монастырь получили пять человек, в июле 1966 г. четыре из них выехали на Афон, в 1967 г. один по болезни вернулся на родину. 27 февраля 1970 г. на Афон выехали два русских инок, получившие визы на постоянное поселение в Пантелеимоновом монастыре. 26 августа 1974 г. Патриарх Димитрий сообщил, что двум кандидатам из шести, предложенных Русской Церковью, дано разрешение поселиться на Святой Горе, и только один из них — нынешний настоятель Пантелеимонова монастыря архимандрит Иеремия (Алехин) — на следующий год прибыл на Афон. В результате переписки между Патриархами Пименом и Димитрием, продолжавшейся в 1975-1976 гг., было получено разрешение на поселение в Пантелеимоновом монастыре еще десять монахов из России. Летом 1976 г. на Афон прибыли сначала четыре монаха из Псково-Печерского монастыря, затем еще девять иноков. В числе их были отец Мартиниан и отец Николай. К тому времени в Пантелеимоновом монастыре оставалось тринадцать насельников.

Мы напряглись: кто это у нас главный писатель?

— Кто у вас главный... — повторил отец Николай. — В Москве-то...

— Ганичев, что ли? — неуверенно, как студент, неверящий, что ответ может быть таким простым, предположил я.

— Да-да, Валерой зовут. Был тут недавно. Обещал помочь проповеди напечатать. Добирайте картошку-то.

Я дерзостно подумал: а не на одной ли койке ночевал я с председателем Союза писателей России?

— Отец Мартиниан, а вы отца Иоанна Крестьянкина застали в Псково-Печерском монастыре? — встрял в завязывающуюся было беседу о судьбах русской литературы отец Борис.

Отец Мартиниан нимало не озаботился вопросом и продолжал есть.

— Я ведь тоже в Псково-Печерском жил... — пытался поддержать тему отец Борис. — Только уже не застал его... Впрочем, я и недолго был там... Потом я переехал в N, потом... а вы не знали такого-то?..

— Отец Иоанн его сюда и благословил, — произнес отец Николай и продолжил: — К нам так-то редко приходят, это в последнее время засуетились что-то, когда наш скит едва грекам не отдали.

— Да вы что? — изумился отец Борис. — Разве такое можно?

— Все возможно. Видели, как тут сейчас строится все? Такие деньги Европа вбухивает. Физически уничтожить не могут, так они цивилизацией своей выдавливают.

— Ничего, — вдруг подал голос Алексей Иванович, — пока отец Мартиниан, — чувствуется, Алексей Иванович Мартиниана тоже полюбил, — и вы, батюшка, в строю, никто вас отсюда не сдвинет.

— Ну да, вон он какой могучий. Сто с лишком килограмм. Только вот ноги последнее время болят.

Отец Мартиниан, доев, отодвинул тарелку и взял соответствующую кулаку огромную кружку, отхлебнул и улыбнулся:

— Пока ходят...

И это прозвучало как «не дождетесь».

— Вот-вот, — улыбнулся и отец Николай. — У нас почти договорились о передаче Ксилургу грекам, но пока удержали...

— Неужели совсем нет помощи? — снова удивился отец Борис.

— А вы посмотрите, что в мире творится?

И вот удивительное дело: отсюда, с Афона, весь мир виделся, как, ну я не знаю, муравейник, что ли, какой-то — все перед глазами. Вон бревно тащат, вон дерутся, а вон жрут кого-то, и все мельтешенье, суета, непонятно чему подчиненная. И ведь создается ощущение некой разумности кажущихся разрозненными и бессмысленными действий — вон ведь какая пирамида получается...

На Афоне вообще зрение особенное. Вот Афон — а вот весь мир. Не Россия, не Америка, не Европа или Китай, а — весь. И тут понимаешь, что, по большому счету, никакой разницы, если смотреть с Афона, между Россией и Америкой нет. Это ведь страшно понять. А признать — еще страшнее. Мы привыкли считать, что отличаемся от Америки, и обязательно — в лучшую сторону. Мы, мол, духовнее. Мы, русские, — душа мира. Ан нет — мы такая же часть единого мира. И нам ведь тоже хочется, чтобы на Афоне были хорошие дороги, хорошие гостиницы, чтобы можно было заплатить, приехать, отдохнуть, ну помолиться заодно уж.

И я — часть мира. Втянутая, вовлеченная — неважно. Но — часть, которая и не стремится отречься от него, поругиваю порой, но исполняю все, что мир требует, и продолжаю жить по его законам, а не по благодати...

Мы не верим в благодать. Она для нас эфемерна, нереальна. А закон — реален, это вам любой юрист скажет.

А на Афоне живут по благодати. Вот и вся разница.

Но неужели в мире совсем нет благодати?

— Все возможно, — повторил отец Николай. — Ну, допивайте, да будем вас провожать: гостям-то два раза рады. Мы отдыхать по кельям, а вы — дальше. Вы куда, в Ватопед?

— Хотелось бы, только, говорят, туда просто так не принимают.

— Примут, куда денутся...

— Здесь же недалеко? Мы по карте смотрели, часа два идти?

— Тут все рядом... Вон, приезжали к нам в прошлом месяце гости, звонят: мы уже на пристани, часа через два будем. Я им говорю: дай Бог, чтобы через семь добрались. Так и вышло: ходили, плутали, и дорога вроде знакомая, а так через семь часов только и пришли.

— А у вас сотовый есть? — спросил отец Борис.

— А как же, — и отец Николай, словно фокусник, извлек из недр подрысника черную коробочку.

Черный прямоугольник (чуть не сказал «квадрат») так дико смотрелся в руках старца. Не то чтобы эта вещь вдруг разрушила все очарование Ксилургу, но она казалась неуместной, лишней, как рояль на деревенской свадьбе.

— Только я им не пользуюсь, так, эсэмески шлют мне...

И слово «эсэмески» не ожидал я услышать от старца. А с другой стороны, что такого? Владеет терминологией.

— Помолимся.

Мы встали из-за стола. Помолились. Вышли на улицу. День был чист и прозрачен.

— Идите костницу посмотрите — очень полезно, — предложил отец Николай и объяснил, как выйти за монастырь и как спуститься в небольшой подвальчик. — Там открыто, — добавил он.

Это оказалось как раз недалеко от площадки, с которой мы наблюдали рождение дня.

— Пойдем, — потянул я товарища, заметив, что тот мешкает.

— Я был там уже... — немного виновато признался Алексей Иванович.

— Когда?! — я и в самом деле возмутился: как он мог скрыть от меня и сам, втихаря!

— Возвращался утром и отец Николай тут стоит. Думаю, он догадался, куда я ходил. Только ничего не сказал, а отвел в костницу. Ты иди, а мне поговорить с ним надо...

Последнее меня возмутило еще больше: он уже и «поговорить» договорился — и опять втихаря! Он, значит, будет беседовать (я покосился — отец Николай присел на лавочку, стоявшую у дверей трапезной, и гармонично вписался в благодатную картину чистого и прозрачного дня), а я, значит, — в костницу. Я тоже хочу поговорить со старцем!

— Иди, иди, — так, чтобы слышно было только мне, говорил Алексей Иванович.

— Ну, вы идете?! — прикрикнул из разлома в стене отец Борис.

Если мы сейчас пойдем к старцу вместе, то Алексей Иванович никогда не скажет ему то, что скажет без меня. И тот не скажет ему того, что надо знать только ему.

— Идем! — крикнул я и поспешил за отцом Борисом.

4

Костница⁹ не произвела на меня впечатления. Может, оттого, что не удалось поговорить со старцем, а Алексею Ивановичу удалось. Какая-то чуть ли не юношеская ревность терзала меня. И потому, что я понимал, насколько глупы и мелочны юношеские обиды, а теперь вот эта глупость и мелочность всплыли во мне, было еще досаднее.

В общем, костницу такой я и представлял. Сложенные в кучу черепа, над ними надпись: «Мы были такими, как вы, вы будете такими, как мы». Ну, и еще достаточно свободного места, еще на пару таких пирамид хватит. В уголке стоял аналой, висели иконы, горела лампада, стояла подставка под книги. Видно было, что здесь часто молились. Мне даже представилось, что, может, в храме братия служит только по воскресным и праздничным дням, а так молится здесь. Замусоренный умишко сразу извлек «бедного Йорика», хотя, впрочем, почему «замусоренный»: «где твои губы, где твои улыбки, где твои шутки»? — между прочим, весьма христианский текст. Я сфотографировал отца Бориса и Серегу на фоне черепов и стал выбираться наверх.

В костнице удивило, пожалуй, лишь то, что черепа, сложенные в пирамиде, показались маленькими, как бы детскими, младенческими... И потом — их была целая пирамида, а живых в Ксилургу — три человека, тоже не вязалось, словно эти детские черепа были нездешние, специально явленные тут для пущей молитвы скитникам. «Это вифлеемские младенцы, — от чего-то подумалось мне, — и число примерно то же».

Мне, конечно, хотелось пойти побыстрее к сидящему на скамеечке у трапезной отцу Николаю, но я понимал, что это лукавый меня торопит, чтобы явился в самый неподходящий для Алексея Ивановича момент. И я пошел на открытую площадку. Солнце уже поднялось высоко и старалось вовсю — день обещал быть жарким. Вот ведь какая тенденция: как в греческий монастырь идем — солнце, как в русский — так дождь.

И еще я подумал, что Алексею Ивановичу беседа со старцем нужнее. У меня то что: дома — слава Богу, сын не болеет, в храм ходит, вот теперь девочку ждем, жена как раз ушла в декретный... Работа... а что работа... Хотелось, чтобы работа стала служением. Но от кого это зависит? От меня. В конце концов, служить можно на любом месте, куда бы ни поставил Господь.

Мне бы исполнить. А вот — что исполнить? В чем мое задание на земле? В том, что оно есть, я не сомневаюсь, иначе зачем бы мне и появляться на свет. Но вот в чем промышление обо мне? Ведь чтобы исполнить, надо знать. Или не обязательно?

⁹ Костница находится в склепе храма преподобного Иоанна Рыльского, построенного болгарями в 1820 г.

С другой стороны — чего мудровать-то: не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, почитай отца и мать и люби ближнего своего, как самого себя¹⁰. Все просто. Но всегда хочется узнать: чего еще недостает мне?

А ведь страшно услышать конкретный ответ, потому что придется исполнять.

И так ли уж я не убиваю, не прелюбодействую, не краду, не лжесвидетельствую, почитаю отца и мать, про близких вообще говорить нечего...

— Красота-то какая!

Я обернулся и увидел счастливое лицо отца Бориса. И такой он был светлый и радостный, что мне стало стыдно за все насмешки над ним, захотелось прощения попросить.

— Сделать бы здесь три кущи, да? — произнес он, не зная, что сказать.

— Да, — и не стал ничего просить.

— А придется уходить-то...

— Придется.

— Ничего, Петр, Иаков и Иоанн, как ни хотелось остаться, а тоже с Фавора сошли, а свет в них остался.

Я не знал, как реагировать на такое сравнение, и промолчал.

— Когда пойдем-то?

— Да вот Алексей Иванович с отцом Николаем поговорит, да и можно идти.

Зря я, наверное, так с ближним, надо было помягче, можно было еще потянуть время, но, видимо, ревностный червячок никуда не делся, продолжал точить и завистливо обращаться в сторону лавочки у трапезной, иначе зачем направлять туда другого? То есть, если и мешать, то пусть это буду не я. Но получилось языком — главным врагом моим.

— Вот ведь — везде успевает, — то ли восхитился, то ли возмущился отец Борис.

— Значит, именно ему надо, — попытался я защитить не столько Алексея Ивановича, сколько себя.

— Я бы тоже хотел с отцом Николаем поговорить, — вздохнул Серега. Солнце начинало припекать.

— Пойдем, — сказал отец Борис. — Он уже долго разговаривает.

И мы пошли: отец Борис, Серега и, прячась за их спинами, я.

Старца мы застали одного под сенью балкончика второго этажа в самом мирном расположении духа.

— Сходили? — обратил внимание на нас отец Николай и поднялся с лавочки.

¹⁰ «И вот, некто, подойдя, сказал Ему: Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как только один Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 16-21).

Отец Борис как духовный представитель нашей троицы стал делиться впечатлениями, получалось у него восторженно и оттого сумбурно, но главное — искренне.

Отец Николай минут пять слушал, потом снял с головы камилавку и протянул отцу Борису.

— Примерь.

Отец Борис снял свою, передал ее Сереге и водрузил на голову камилавку отца Николая. Покрутил головой туда-сюда и констатировал:

— Как раз!

— Вот и носи.

Я думал, отца Бориса разорвет от переполнивших чувств. Там, на площадке, он хоть про три кущи вспомнил, а тут разводил руками, хватал по-рыбыи ртом воздух, но нужных слов не находилось, наконец спросил:

— А как же вы?

— Да мне еще принесут.

— Благословите! — и отец Борис пал на колени.

— Ну-ну, — тот благословил и спросил: — А к чудодейственной иконе прикладывались?

— А у вас есть чудодейственная икона?! — воскликнул отец Борис и его лицо осветил трепетный страх, видимо, представил, что ему сейчас за камилавкой и икону пожалуют.

— Пойдемте.

И мы пошли за отцом Николаем в храм.

Икона находилась на левом клиросе, как раз рядом с ней я стоял службы. Это была большая икона Богородицы в светлом окладе, униженная ниточками с дарами. Конечно, мы обратили на нее внимание, когда еще обходили храм в первый раз. Она выделялась даже не множеством ниточек с дарами, а, если так можно сказать, рускостью. Она была печальна и светла одновременно. Самое лучшее в Православии никогда не вызывает одного определенного чувства. Их всегда много и они разом касаются тебя — ты только отзывайся. Но вот эта печаль и этот свет вместе — это русское.

— От этой иконы много исцелений, — сказал отец Николай. — Особенно помогает она больным раком.

И он рассказал, что недели не прошло, как звонил ему паломник, бывший у него полгода назад и тогда по совету отца Николая приложивший небольшую иконку к иконе Богородицы. Так вот, жена постоянно прикладывала маленькую иконку к больному месту и — исцелилась! Врачи так и не могут понять, куда уполз рак. Рассказал отец Николай еще несколько последних случаев исцелений, и говорил так светло и по-детски так непосредственно переживал истории, что его неподдельная радость о каждом выздоровевшем передавалась и нам. Мы тоже радовались и даже перестали удивляться, что смертельный рак в очередной раз «отполз»: так и должно быть, если притекаешь к Богородице с верой и любовью.

— И вы иконочки приложите, у вас ведь они есть...

Конечно, у нас были маленькие пластиковые иконки — отец Николай все знал.

Мы с Серегой сбегали в комнату и принесли купленные в Ивероне иконки. Отец Борис тем временем завладел старцем.

Прикладывая иконки к чудотворному Образу, я старался не отвлекаться на беседующих отцов и все же нет-нет да и взглядывал в их сторону, и то отец Борис мне казался красным, то чуть ли не зеленым, то казалось, что пот стекает по его лицу, и становилось боязно мечтать о разговоре с отцом Николаем.

Я старался думать о людях, которым попадут освящаемые иконки, и все же не мог не заметить, как отец Борис едва не бегом бросился из храма. Это повергло меня в еще большее замешательство и я невольно стал дольше задерживать иконки на Образе. Между тем к отцу Николаю подошел Серега. Я пока продолжал прикладывать, но вот и у меня иконки закончились, я поблагодарил Богородицу, отошел от чудотворного Образа и услышал окончание фразы отца Николая:

— ...не все же тебе деньги считать...

И тут Серега вытянулся (хотя он и так под два метра), побледнел, потом согнулся и быстро зашептал что-то старцу. Я остановился и вернулся к Богородице.

Вот так, Божия Матерь, не поговорить мне со старцем. А что бы я хотел спросить у него? Что?

А вдруг он мне скажет такое, что и меня в пот бросит? Вон как отец Борис-то убежал. И Серегу пробрал — видать, бизнесмен, отца Бориса спонсирует... Ну ладно, а мне что такого может сказать отец Николай?

Об этом бесполезно размышлять. Когда я только воцерковлялся, то, готовясь к исповеди, рассуждал: вот я скажу то-то и так-то, а батюшка мне вот так, а я ему следующее, и придумывал красивые фразы для ответов на предполагаемые вопросы. Но у меня был замечательный духовник — ни разу я не угадал ни одного вопроса, ни ответа, ни совета. И в конце концов отучился загадывать.

Потом так вышло, что я отошел от своего духовника. Получилось похоже на взрослеющего ребенка, который начинает мнить себя познавшим жизнь и жаждет собственных решений, зачем ему советы стариков? Даже оправдание придумали: пусть я совершу ошибки, но это будут мои ошибки, и только так, совершая ошибки, можно научиться их избежать... А там новые ошибки...

А зачем их совершать?

Я продолжал любить своего духовника, но стал все реже и реже встречаться с ним. Потом построили храм возле моего дома и я совсем перестал ездить к нему. Иногда мы пересекались, радостно троекратно целовались, случались и беседы, но они были непродолжительны. Я чего-то боялся, он, видимо, чувствовал это мое желание дистанции и не давил на меня. Стал обращаться ко мне на «вы». После таких встреч у меня всегда оставался осадок неправильности моего поведения. Будто я проскочил мимо соседей по подъезду и не поздоровался.

Почему я решил, что вырос из его наставлений и больше в них не нуждаюсь?

Между прочим, духовник-то, пока я продолжал совершать ошибки, постригся в иноки, а скоро стал скитона начальником.

Вдруг кто толкнул меня, я очнулся и увидел, что отец Николай прямо смотрит на меня, а Серега стоит чуть в стороне и взгляд его необычный: вроде смотрит в потолок, а такое чувство, что — на звезды.

Я шагнул к отцу Николаю.

И в это время в храм влетел отец Борис.

— Нашел! — радостно сообщил он и потряс фотоаппаратом, как Моисей змеей в пустыне¹¹. — Сфотографируй нас с отцом Николаем. — Это он уже конкретно ко мне.

— Тогда идемте к иконе, — предложил я и спохватился: — А можно возле иконы-то?

— Отчего же нельзя? Щелкни. У иконы очень даже хорошо будет. Хотя что-то хорошее сохранится.

Нет, что ни говори, а чудесный все же батюшка! И как он терпел нас! Мы совсем обнаглели: то так сфотографироваться, то эдак, я попросил отца Бориса тоже фотографом поработать. Тут и Серега перестал потолок разглядывать — присоединился. А отец Николай улыбался, как старый добрый дедушка, которому оставили на попечение младенцев, те по нему ползают, тискают, разве что за бороду не таскают, а ему все в радость — что с детей взять-то?

Наконец фотографироваться надоело.

— Все, что ли? — спросил отец Николай и снова посмотрел на меня.

Не знаю, как там насчет измызанной фразы, что-де «у меня пересохло горло», но я вдруг явно осознал: вот последний шанс поговорить со старцем, и я, сглотнув слюну, пробормотал:

— Нам бы маслица от иконы.

Отец Николай заулыбался еще светлее, словно я ему что-то приятное сделал.

— Конечно, пойдем, и вы идемте.

Мы пошли к тому окошку, где исповедовал отец Мартиниан. Я пропустил вперед отца Бориса и Серегу, а когда дошла моя очередь, старец весело посмотрел на меня.

— Еще, что ль?

— Для Алексея Ивановича.

Я взял еще один пузырек. Вот как раз здесь я стоял, когда исповедовался.

— Вот что, — сказал я и взял старца за рукав.

Не схватил, а так как-то непроизвольно получилось, что взял именно за край рукава. И старец не отдернул руку, а продолжал весело смотреть на меня. Я должен был заговорить первым. Я должен был сделать усилие и переступить что-то, а я не мог понять, что. Тут я заметил, что держу рукав старца, испугался и отпустил его.

— Не знаю, с чего начать...

— Так-так, — подтолкнул меня старец и я камнем покатился с горы.

Не было в этом движении никакого четкого пути, я стукался о другие камни, чаще всего больно, сбивался, улетал в сторону, я говорил сумбурно, безсвязно, перескакивая с одного на другое. Это не было исповедью. Это утром я каялся, открывая все больше и больше в себе. Здесь я хотел открыть мир и как там быть такому, каким я вышел после исповеди и причастия. Я понимал всю глупость моего положения. После открывшегося, после

¹¹ «И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя» (Чис. 21, 9).

того, как, не скажу прикоснулся, но увидел, что можно и на земле жить по благодати, иначе, чем в миру, я говорил о своем месте в мире. То есть я сознательно уходил обратно туда, к больно ударяющим камням. И чем больше я понимал абсурдность своих словес, тем безтолковее становилась моя речь. Я запутался окончательно и замолчал. Камень достиг дна и, подняв облачко пыли, замер. Искрой выстрелило: «А вдруг он сейчас скажет «Так оставайся», и что тогда делать? Я ведь должен буду остаться». Не могу.

Старец, как показалось, немного огорчился и склонил голову набок.

— Откуда ж я знаю, как там быть, это надо на месте решать... Ты вот что, сходи к вашему владыке, — и обрадовался такому неожиданно пришедшему решению. — В самом деле, сходи — он у вас хороший. Скажешь, от Николая, он тебя примет. Сходи, сходи.

Я растерялся. Так всегда — настраиваешься на что-то вселенское, тут вот я думал, что мне сейчас чуть ли не судьбы мира раскроются, и моя в том числе, а так все просто. Могло показаться, что старец перекладывает с себя решение, но ведь он уже и решил: иди в мир, и владыка, то есть епископ, определит твое место в сегодняшнем мире, и то, что определит, исполняй. Как раб ничего не стоящий. Конечно, мелькнул следом вопрос: а как попасть к владыке? Ну так отец Николай это тоже решил: «Скажешь, от Николая». И в самом деле, как все просто в мире, если не городить и не выдумывать.

— Благословите.

Старец благословил и снова порадовался пришедшему решению и повторил, разгоняя последние мои сомнения:

— Сходи-сходи, он у вас хороший, — и уже ко всем: — Ну, пойдемте проводим вас, а то и нам отдохнуть пора.

Я повернулся: вот и Алексей Иванович появился — все трое спутников стояли у противоположной стены, ожидая, пока я поговорю со старцем, и я благодарно всем улыбнулся.

Мы зашли в комнату за вещами, все уже было собрано, я только передал пузырек с маслицем Алексею Ивановичу и не преминул похвастаться:

— А мы с отцом Николаем сфотографировались у чудотворной иконы.

— А я посуду мыл, — в тон мне ответил Алексей Иванович.

— Молодец! — похвалил я его и добавил: — Господь не оставит тебя.

Все вышли из комнаты и я окинул ее прощальным взглядом, так любила она, больше всех комнат, в которых приходилось ночевать на Горе — и чугунная печка, и койки, и столик с книжками — и тут взгляд уткнулся в лежащий на столике листок с исповедью. Я схватил его и выскочил в коридор. Отец Николай с ключом стоял у двери.

— Батюшка, а можно это...

— Стибрить, что ли?

— Как благословите, стибрить так стибрить.

Как отец Николай умеет улыбаться! Сквозь бороду-то не видно, но — глаза!

— Бери, чего уж там...

На улице возле главного храма нас поджидали отец Мартиниан и Володя. Мы очень тепло попрощались. Звучали дорожные наставления (в основном давал их Володя): мол, тут два часа, не больше, как выйдете, сразу направо, и по дороге направо, все будет хорошо, примут нас в Ватопеде,

примут. Отцы благословляли. И уходить не хотелось, и в то же время, как ни странно, хотелось: я чувствовал себя легко, светло... и мне не терпелось скорее идти к владыке. Собственно, выходя из Ксилургу, я и делал первый шаг.

И ведь не было такого чувства, что прощаемся навсегда и больше никогда не встретимся. Здесь даже дело не в том, что возможна встреча в ином мире (где будут они и где мы!), а в ощущениях присутствия человека в твоей жизни.

У меня есть один близкий человек, который жил в другом городе. Он очень много для меня значит. Я всегда представлял его мнение по тем или иным вопросам, ссылаясь на него: он поступил бы тут так, а тут бы сказал это. Мы переписывались, изредка созванивались. Совсем уж редко ездили друг к другу в гости. Этот человек болел, и случалось, наша переписка замирала на время. Но у меня не прерывалось ощущение его присутствия. Со временем мы стали писать реже, звонить почти перестали, про поездки в гости забыли совсем. Но от этого он не стал менее значим для меня, я так же продолжал апеллировать к его мнению, приводить его в пример окружающим, передавать другим то, чему он меня научил. И вот узнал, что он умер несколько месяцев назад. А я все это время продолжал общаться с ним. День я провел в тягостном состоянии, а потом вдруг понял, что ничего в общем-то не изменилось: я так же ценю его мнение, так же привожу его примеры и, если бы не это случайное известие о его смерти, то я так бы и считал его живым. И тогда, не знаю уж как это получилось, я вычеркнул это известие, и все стало на свои места. Дело даже не в сохранившихся фотографиях и оставшихся в записях его голосе (я не люблю фотографий и вообще музейных ценностей), а в моих ощущениях его присутствия. Для меня он остается живым.

Нечто подобное я ощутил при расставании в Ксилургу: я точно знал, что эти люди никогда не уйдут из моей жизни. Я не знаю, приведет ли Господь меня еще раз на Святую Гору (хотя я желаю этого с самого момента, как сошел с парома в порту Уранополиса), не знаю, застану ли я их, да и Бог весть, что может случиться на месте Ксилургу — но они навсегда в моем сердце.

С этим чувством я вышел за ворота скита.

4 марта 1951 года

Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г. и № 1, 2 за 2010 г.

Давно было это событие. Когда Вавилонский царь Навуходоносор покорил израильский народ, то он разрушил Иерусалим и храм, и народ весь увел в плен в Вавилон, где иудеи и пробыли 70 лет.

Понятно, как тяжело было евреям в плену: непосильные работы, плети надсмотрщиков, ругань, издевательства — все испытали они. С тоскою они вспоминали Иерусалим, храм на горе Сион, прежнюю жизнь, свободную и привольную:

*Аще забуду тебе, Иерусалиме,
забвена буди десница моя.*

Как забыть было им Храм, великолепный Храм Соломонов, уничтоженный вавилонянами. Ведь храм этот у евреев был единственный на всей земле, другого храма не было и доньше нет. Есть только молитвенные дома — синагоги. А вавилоняне еще издевались над ними, с насмешкой приглашали их:

*Вопросиша ны плениши
нас о словесех песней,
и ведущие нас о пении:
воспойте нам от песней сионских!..*

И это издевательство еще больнее отзывалось в сердцах пленников, и они с горечью отвечали:

*Како воспоем песнь Господню
на земли чуждей!..*

Все тяготы и ужасы плена возмущали их, вызывали злобу, отвращение к врагам своим, и они обрушивали на голову вавилонян всевозможные проклятия:

*Дщи вавилоня окаянная!
блажен иже воздаст тебе воздаяние,
за то, что ты сделала нам:
Блажен, иже возьмет и разбьет
младенцы твоя о камень.
Чтобы и корень вон.
Да погибнет и семья ваше, и дети ваши!..*

«А зачем нам надо это знать?» — скажете вы. Ведь это было давно, за это время человечество пережило много разных ужасов — хотя бы наша блокада, — более страшных, чем тут рассказано. Зачем же об этом в храме за Богослужением поется?

А это образы — картины из жизни Избранного Господом народа Израильского, и нам они показаны, чтобы мы по ним свою жизнь рассматривали и учились. Здесь все то, что и сейчас происходит с каждым из нас в отдельности, со всеми вместе. И мы уведены от Господа в сторону к врагу Божию.

Наши греховные привычки, страсти наши — сети врага-диавола, которыми он нас опутал, — вот плен наш. И сколько усилий, сколько порывов наших, чтобы вырваться из этих сетей, а ничего не выходит. Мы в сетях сатаны и ему служим усердно, мы изгажены, измызганы грехом. Пленившие нас — это злые духи, а Навуходоносор, Царь Вавилонский, изображает самого сатану-диавола.

И израильский народ в плену не мог забыть Иерусалима — своей святыни, тех дней, когда жили близ Сиона, когда ходили в великолепный Храм Соломонов и там радовались светлой радостью, торжествовали свои праздники и плакали в дни поста.

И эта святыня их была уничтожена вавилонянами, поругана, и они так далеки от Иерусалима — как было им не тосковать, не горевать, не плакать...

И нам, бедным грешникам, униженным грехом, с опустошенною душой, с заглохшей совестью, как забыть те годы, когда мы были юны, когда пред нами раскрывалась жизнь, так хорошо, так светло, так свято, чисто мы смотрели кругом... И где это все?..

И как забыть это время светлое, когда Господь нас ласкал, и миловал, и охранял, когда за службой в храме сердце наше, незапятнанное жизнью, трепетало радостью в минуту радостную и горело скорбью во дни Великого Поста — и куда все это ушло?!

Теперь... Сердце — камень жесткий, нет ни умиления, ни радостных переживаний, ни грусти за грех — и стоим мы в храме унылые, тоскливо озираясь кругом, ждем с тоскою, скоро ли все это кончится. А сердце молчит, к добру и злу постыдно равнодушно...

Вспомнишь, и так тоскливо станет, так сожмется болью сердце, и долго-долго не прийти в себя от щемящей тоски. Ведь все сейчас во мне худо, куда ни посмотрю: и мысли, и чувства, и желания — все ненужное, все противное Воле Божией, и сердце молчит, и сам понимаю, что радоваться мне нечему...

Вот часто так смотрю на себя и думаю: ведь с годами все хорошее должно было расти и утверждаться в душе, а у меня все исчезло, и не знаю, куда. Была молитва искренняя, а теперь ничего нет... Какими ласковыми и хорошими казались все люди, заповедь о любви к ближнему была так близ-

ка сердцу моему. А теперь у меня какая-то беспричинная злость ко всем, всех подозреваю, на всех смотрю с неприязнью, ожидая чего-то недоброго от них, всегда настороже, готов на грубость ответить грубостью. Мне скажут слово, а я в ответ двадцать, да еще после думаю: вот надо бы еще то и то еще похлеще сказать.

Вот так любовь христианская!.. Нет ничего Христова, все — сатанинское, все вражеское... Где же тут христианство?..

Да что и говорить! Все это и всем понятно и крайне грустно... В Вавилоне пленившие Израиля издевались над ним и просили со скрытой усмешкой: Воспойте нам от песней Сионских!

Так и наши враги, пленившие нас злые духи, издеваются над нами, стараясь немедленно заглушить малейшее проявление добра в нашей душе, сейчас же запутать новыми сетями, если мы задумали вырваться из них.

А злые духи так и выются, так и следят за мной, и с каким злорадством и хрюканьем бегут они с докладом к своему царю — сатане. Сейчас я их не вижу и не чувствую, и им свободно издеваться надо мной. А ведь скоро и увижу их. И вот много дней стоит передо мною странная картина:

Я — в аду, в огне, а бес тут же, и потешается надо мною. «А что, — скажут, — батюшка, отслужи-ка нам молебен, отслужи панихидку по своей душе... Ха-ха-ха!.. Ты складно говорил, да нескладно делал... Учил людей, а сам и пальцем не двинул никогда... Ха-ха! Ты наш, совсем наш — навсегда с нами!.. Ха-ха-ха!..»

Боже правый! Как страшны эти картины! Волосы сами шевелятся на голове... И забывает биться несчастное сердце!

А ведь так и будет... Нет ведь во мне исправления... Как свинья — вышла из лужи, походила маленько и опять в лужу полезла... Да!.. Да!..

Вдумайтесь, и вы сами про себя то же скажете... Ведь не закричишь тогда, как евреи в плену: «Будь ты проклята, дочь Вавилона!» Как закричать: будьте вы прокляты, слуги дьявола! А они в ответ с хохотом: «Чего ты горячишься?.. Остынь... мы прокляты, да ведь и ты проклят: и ты слышал из уст Распятого: Иди от Меня, проклятый, в огонь вечный!.. И опять мы с тобой родня! Ха-ха-ха!»

Да, страшно!.. Боюсь дальше и говорить, что еще переживал...

Пока еще время есть, надо спешно порвать дружбу с бесами. Не хочу больше грешить!.. Господи! Не хочу больше нарушать Святую Волю Твою! Не хочу с демонами мучиться... Как блудный сын, скорее встану и пойду ко Отцу и скажу Ему, мною забытому Господу:

Покаяния отвержи ми двери, Жизнодавче!..

Студными бо окалях (измазал, загадил) душу грехми!..

Трепещу страшного дне Суднаго!..

Но яко Давид вопию Ти: Помилуй!

Помилуй меня, Боже, по великой Твоей милости!

Вот чего хочет от нас Церковь Святая такими воспоминаниями... А сегодня слышали изображение Страшного Суда Господня?.. Кто эту картину нарисовал нам? А Сам Судия, Господь наш Иисус Христос. Картина эта нам известна... И я о ней говорить не буду. Я хочу сказать о наших переживаниях в этом Суде, ведь все мы будем тогда на месте подсудимых.

Как же, подсудимые, думали о том, что отвечать придется?.. Не думали?.. Это — очень плохо... Надо думать...

Ведь Страшный Суд не за горами... Признаки второго пришествия Сына Божия указаны в Слове Божиим.

Это:

- во-первых: уменьшение веры между людьми — это уже есть;
- во-вторых: восстанет народ на народ и царство на царство — и это есть;
- в-третьих: глады и моры по местам — и этого достаточно;
- в-четвертых: проповедь Евангелия во всем мире — этого мы не знаем, но вполне возможно уже и это...

И вот грядет час... И станем мы тогда... пред всем миром... Все знакомые и незнакомые смотрят на нас и мы на них, и все видим всю душу другого, а помочь никто никому не сможет... И нахлынут на нас страшной бездной грехи наши... совесть все покажет, не забудет ничего... Все не исповеданное в свое время... Вся жизнь пройдет перед глазами и нашими, и всех, кто видит нас... С кем и что делал, когда делал, кого обругал, кого обманул, кого в грех ввел, кого соблазнил, как издевался над верой, над родителями и прочее, и прочее, и прочее...

Вот стыд-то!.. Все люди, перед которыми я старался показать себя хорошим, благочестивым, чуть не святым, — все увидят ясно и точно, каков я есть на самом деле... Куда глаза девать?.. Все тайное станет явным, все скрытое откроется... И узнают об этом все-все: и папы, и мамы, и родные, и знакомые... Вот горюшко-то!.. Совесть проснулась и обличает — да как!.. не подкупишь, не уговоришь, не подмажешь...

И что делать?.. И это все еще пока суда ждать будем... Чем себя подкрепить?.. На что надеяться?.. Есть ли хоть что-нибудь в пользу-то мою?..

Таких мучений словами изобразить невозможно. Умер бы от страха, от ужаса, от разрыва сердца — да разорваться сердце уже не может... Смерть уже убежала от людей, убежала навсегда...

Теперь приведу слова святого преподобного Нила Синайского: «В день Суда сами будем своими обличителями, обличаемы собственной совестью. Посему, в этой крайности найдем ли иную какую защиту и помощь кроме одной веры в Человеколюбивейшего Иисуса Господа Христа?.. Вера эта великая наша защита, великая помощь, безопасность и ответ для нас, безответных по множеству грехопадений.

Ибо во время нашего борения и безмерного страха память о возлюбленном Владыке Христе и твердо укоренившаяся и непоколебимая вера в Него, представ подобно кроткому и светлому ангелу, отгоняют трепет и стыд, вносят в бедную душу отблеск надежды, надежды на Милость Господа, хотя она совершенно незаслуженна».

ПРОМЫСЛ БОЖИЙ ОБЪЯСНЕНИЕ СИМВОЛА ВЕРЫ

20 мая 1951 года

*Верую во Единаго Бога Отца, Вседержителя,
Творца Небу и Земли, видимым же всем и невидимым.*

Сейчас обратим внимание на последние слова: ...*Творца Небу и Земли, видимым же всем и невидимым.*

Эти слова говорят нам совершенно определенно, что Господь Бог сотворил Мир, а не то, что мир образовался сам собою или еще как иначе.

А как же это сотворение происходило? Ведь тогда и людей-то еще не было, никто не мог записать, как это было... И это правильно... И если бы Господь Бог Сам не открыл людям этого, то откуда бы люди знать могли?

Я вам прочту эти места Слова Божия, где ясно и просто говорится о сотворении мира и человека. Кто уже раньше знал, тому повторить не трудно, а может быть, здесь есть еще такие, которые совсем еще не слыхали, пусть узнают. Ради них и нам повторить надо.

Таково ясное учение Слова Божия. Об этих страницах написаны целые горы книг, частью для пояснения этих мест, частью с целью опровержения, частью для опровержения опровержений.

Кто захочет познакомиться с этими книгами, пусть найдет их и почитает. А мы люди простые и просто искренне веруем словам Библии, и потому здесь задерживаться не будем, а перейдем к уяснению следующего слова Символа Веры: *Вседержителя*.

Почему Господь Бог называется так: *Вседержитель*?

Учение святой Православной Церкви гласит: Вседержителем Господь Бог назван потому, что Он все содержит в Своей Власти и всем управляет по Своей Воле.

Иначе это называется Промысл Божий. В Катехизисе Православной Церкви о Промысле Божиим сказано так:

«Промысл Божий есть непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы творений, направляет их к добрым (делам) целям, всякому добру помогает, а возникающее через удаление от добра зло пресекает или исправляет и обращает к добрым последствиям».

Господь Иисус Христос говорит:

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их (Мф. 6, 2).

В этом изречении виден как общий Промысл Божий о творениях, так и особенный о человеке. Весь псалом 90-й есть изображение особенного и многообразного Промысла Божия о человеке. Таково совершенно ясное и простое учение Церкви о Промысле Божиим.

И мы принимаем его так, как указано.

Но есть люди, которые желают спорить из-за каждого слова Символа Веры, в том числе и о слове «Вседержитель». Существует более сотни лет такое направление ученой мысли, есть такие люди, которые заявляют: мы в Бога верим, верим и в то, что Господь сотворил мир, но никак не можем согласиться с тем, что Господь Бог заботится о мире и по настоящий день.

Эти ученые-философы и говорят, что Бог, после того как сотворил мир и направил его деятельность, отстранился от мира, оставил его; мир теперь живет без Бога, по своим законам, хотя вначале данным от Бога, а затем совершенно независимым от Него. Такие ученые называются деисты от латинского слова «Деус» — Бог, а учение их называется деизм.

Укажем слова Господа Иисуса Христа: *Отец Мой доселе делает и Я делаю* (Ин. 5, 17). Эти слова Христа для истинно верующего, благоговеющего

перед Именем Господа Иисуса являются достаточным основанием, чтобы вера наша в Промысл Божий была тверда и неоспорима.

А нам говорят: «А какие доказательства того, что Бог заботится о людях?»

На этот вопрос ответить нетрудно. Самое важное доказательство — это величайшее событие в жизни мира: пришествие Сына Божия на землю. Бог явился во плоти, — говорит Апостол и прибавляет, что это есть велия благочестия тайна.

Зачем же Он пришел? Что Его побудило?

Пришел Он потому, что пожалел несчастных людей, потонувших в пучине греха. Они, воистину несчастные, погрязли в грехах и никак не могли выбраться из этой трясины. Всем им после смерти телесной грозила смерть душевная. Так называется отлучение от Бога, от Света, от радости.

Всем надлежало идти в ад, в место тьмы, страданий, ужаса. И сердце Творца Мира не вынесло жалости к этим беднягам неразумным. Ведь Он любил и любит Свое создание. И эта любовь безграничная совершила поистине невероятное дело: Сын Божий сошел с неба на землю, стал человеком и совершил наше спасение, и до сей минуты люди, в том числе и мы, ощущаем результаты этого величайшего события.

Перед Своею смертию Господь Иисус Христос сказал: *Заповедь новую даю вам, да любите друг друга, как Я возлюбил вас, так вы да любите друг друга* (Ин. 13, 34).

Яснее этого не скажешь...

Все Евангелие говорит об этой безмерной любви Божией к человеку и как величественна и прекрасна эта Любовь!.. Помните слова: больше сея любви никто не имеет!.. И Господь положил жизнь Свою за нас, этим самым показывая высший вид любви...

И если мы верим, что Господь любит нас, то как мы можем сомневаться в том, что Бог не оставит любимых в беде, что Он вмешается в жизнь мира и вызволит нас из беды! Мы — только люди — разве могли бы спокойно, равнодушно слышать и знать, что любимый человек страдает? Разве мы не бросились бы помочь ему, если бы это было возможно сделать? Обязательно вмешались бы в горестное положение любимого! И Господь вмешался в жизнь мира...

Мало того, мы сами всегда желаем и ищем, чтобы Господь не отходил от нас, чтобы Он руководил нами, направлял нашу жизнь, чтобы Господь исправлял все то зло, какое я за всю жизнь причинил миру; чтобы Он нас пожалел, простил, пощадил, удержал бы от зла, помог нам стать иными, добрыми, хорошими людьми. Ведь все эти пожелания наши мы и излагаем в молитве к Господу, в молитвенной беседе с Ним... Самый факт молитвы говорит о том, что мы убеждены, что Господь Бог не отстранился от нас, не оставил нас, а вот Он здесь, с нами, помогает, утешает и радуется.

Не Он ли зовет: Приидите ко Мне, и Я дам вам покой. И мы со всем пылом нашего сердца стремимся к Нему, называем Его своим Отцом Небесным и твердо веруем, что Он действительно относится к нам как Отец. А какой же это будет Отец, если Он знать не хочет Своих детей, бросил их и думать о них забыл!..

Видите, к каким несуразницам приводит учение деистов?.. Но деисты не унимаются, не удовлетворяются таким объяснением!.. Они нам говорят:

«Это все — книжное, написано давно-давно, а вы укажите такие действительные акты из вашей жизни сегодняшней, чтобы было совершенно ясно, что вам вот сейчас Господь помог, что Господь вмешался в вашу жизнь».

И на это можно ответить. Мы знаем по собственному многократному опыту, как быстро Господь Бог отвечает на призывы наши, на наш вопль о помощи, например, в то время, когда на нас нападают ненужные и вредные помыслы и мешают молитве нашей. Эти помыслы нам не нужны, противны, мы их не хотим — это знак, что помыслы эти нам кто-то со стороны вкладывает. И надо понять, откуда они?.. От врага нашего. А Господь сказал определенно: Именем Моим бесы прогонят...

И вот: достаточно в необходимые минуты только призвать с верой и благословением Имя Господа Иисуса Христа, как все бесовские штуки немедленно исчезнут так быстро, точно кто-то невидимый врагу нашему лапы обжег и он скоренько убрал их. Очень многие из нас это все уже испробовали не раз и скажут вместе со мною: все так и есть на самом деле, и каждый день можно возобновить этот опыт.

И не раз после такого опыта скажем себе: даже страшно, когда поймешь, что так близко ко мне Господь... Ведь я ничего вслух не сказал, а только умом в сердце воззвал к Господу — умом в сердце, и Господь уже услышал меня и помог мне, исполнил просьбу мою.

А вы мне скажете, что Бог людей не слышит, что Он где-то далеко и знать людей не хочет... А мне жутко, именно жутко от того, что так близок ко мне Господь. Страх и трепет прииде ко мне, как поет в псалмах пророк Давид.

И если еще раз мне необходимо произнести Имя Христа Господа, то я уже произношу Его с опасением, со страхом и благоговением. И мы можем только пожалеть тех людей, которые ничего этого не испытали и по собственному опыту утверждают, что ничего подобного не бывает и быть не может...

Вот таким-то путем и рождается живая вера, когда ясно чувствуешь, что Господь Бог со мною, помогает мне и так быстро вмешивается по моей просьбе в жизнь мою. (Об этом уже не раз я говорил вам.)

Только взять в руки Евангелие и почитать его, и услышите там дивные призывы Господа, вразумляющие нас искать у Него помощи и заступления. Как Он отечески убеждает людей: *Просите, и дано будет вам, ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят...* (Мф. 7, 7-8).

А нам говорят: а я не раз просил, да не получил ничего... Почему это? Очевидно, потому, как говорит Апостол, что *просите не на добро, а чтобы употребить для ваших вожделений* (Иак. 4, 3).

Но совопросники не унимаются и говорят: а как же мне просить, когда я не уверен, что это слова и учение Бога, а не простого человека Иисуса, Назаретского учителя?.. Видите, как далеко люди-спорщики заходят в своих сомнениях?.. На такие речи есть прямой и ясный ответ Господа Иисуса Христа: *Мое учение — не Мое, но пославшего Меня; Кто хочет творить волю Его, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю* (Ин. 7, 16—17).

Трудно найти более ясные и простые слова. Я намеренно привел вам некоторые речи деистов: все потому, что и ныне есть люди, любящие спорить... И вам приходилось или придется услышать такие речи.

Так вы не думайте, что это говорят что-то важное и неотразимое, на что и ответа нет, на самом деле все эти речи — только пустословие, желание только спорить, они не ищут истину, а просто поговорить хочется, на все такие разговоры ответ ясный — это приведенные сейчас слова Господа. Эти слова из Евангелия Иоанна надо крепко запомнить, чтобы всегда быть готовым дать ответ вопрошающим нас. Да и для себя, для своей жизни слова эти очень пригодные.

Хотим поверить в Евангелие, исполнять то, что там заповедано, — это верный способ приобрести веру живую... Вот путь верный, он указан ясно... Не хочешь идти по нему, — твое дело... Тогда и разговаривать нечего.

Нас же наша вера учит, а мы твердо веруем в эту благодетельную для нас истину, что Господь создал мир по любви к нему и назначил ему высокие цели и теперь продолжает заботиться о нем, не оставил мир без помощи и всем, и всякому созданию Своему во всем помогает.

Остается сказать о наших недоумениях по данному вопросу, какие часто приходится слышать от вас.

Часто спрашивают так:

— Вы говорите, что Господь помогает и все подает людям, а почему испокон веков люди всегда недовольны и все чего-то ищут, чего-то добиваются? Отчего это?

На этот вопрос есть очень остроумный и вместе очень правильный ответ: люди, собственно, не того хотят, чтобы им было хорошо, им, собственно, хочется, чтоб было всегда лучше.

Я невольно подслушал на трамвайной остановке такой разговор. Один другому говорит:

— Хочу переходить на другую работу. Вот там-то работа есть.

А второй ему говорит:

— Да чего тебе надо?.. Чем ты недоволен? Работа у тебя хорошая, зарплата очень хорошая, товарищи на работе хорошие. Чего тебе надо?

— Оно конечно, ты прав: у меня здесь все хорошо, но там, на новом месте, будет лучше...

Вот это «лучше» не дает покоя человеку. И Господь тут совсем не причем. Сами мы это беспокойство себе надумали.

Я слышал и такой разговор:

— Куда в отпуск едешь?

— Покупаю путевку, хочу на курорт: надо здоровье поправить...

— Да у тебя здоровья на троих хватит. Чего тебе еще надо?

Я невольно поднял голову и посмотрел; и действительно, здоровья на троих хватит. А он недоволен, ищет чего-то «лучше».

Таким людям, как этот последний «больной», наша Православная Церковь советует походить по больницам, посмотреть там на страдальцев истинных, тогда будет гораздо благоразумнее, и будет ценить, что имеет, и будет благодарить за него.

Поэтому Святой Иоанн Златоуст советует обращать внимание на скорби и несчастья ближних своих, нежели на тех, которые ведут веселую и беззаботную жизнь.

«Если кто спешит на пир к тому, кто богаче его, и увидит довольство, которого у себя нет, то не с такою радостью вернется домой, с какой вышел из своего дома; с недовольством он сядет дома за стол, с огорчением посмотрит на свое убожество, размышляя о довольстве других».

Наоборот, по слову св. отца, кто обращает внимание на скорби и несчастья других, тот дома будет ко всем благосклоннее, снисходительнее, человеколюбивее, благоразумнее, размышляя о непрочности земного довольства, и будет стремиться стать лучше по духу, с боязнью, что и его такие несчастья могут постигнуть.

Истинно верующий в Бога человек спокоен в жизни: он знает, что ничто не может случиться с ним без воли Божией; во время несчастья он знает, к Кому обратиться за помощью. И жизнь ему кажется проще и легче, и сам будет спокойнее в жизни своей. У него не будет той тревоги и беспокойства, с которым гонятся за «лучшим» положением люди, недовольные всем и всегда, вроде тех, о которых сейчас говорили, которые сами себе создают горе... Это горе, которое сам человек себе надумал, недаром называется «наигранное горе».

Но есть горе действительное, не зависящее от человека... Такое горе в какой-то степени почти у всякого или есть сегодня, или было вчера. И нам говорят так: если это горе не без воли Божией, то как согласовать его с Благодатию и Милостию Божией?

А нам святые Божии и собственный разум говорят, что эти горя земные есть средство воспитательное. И мать, и отец наказывают своих детей, хотя несомненно любят их: все это для того, чтобы вспоминали о перенесенном наказании и удерживались вновь делать запрещенное отцом или матерью.

Потому и наказывают, что любят и хотят видеть и вырастить своих детей хорошими людьми. Ведь чужого ребенка наказывать не станут. «Какое мне дело до чужих детей, исправлять их? У них родители есть», — говорим мы в таких случаях.

Пророк Давид, обращаясь к Богу с молитвою, говорит: *прежде страдания моего я блуждал, а ныне слово Твое храню. Благо мне, что я страдаю, дабы научиться уставом Твоим* (Пс. 118, 67, 71). Здесь пророк, сам перенесший наказание, благодарит Господа за свою скорбь.

Всех подобных мест из слова Божия и привести невозможно: так их много.

А вот еще слова святого Иоанна Златоуста: «Наказаниями или бедствиями, посылаемыми на нас Богом в настоящей жизни, немало облегчаются нам будущие мучения. Апостол Павел пишет Коринфянам о блуднице и повелевает *передать его в измождение плоти, да дух спасется в день Господа нашего Иисуса Христа* (1 Кор. 5, 5). Видишь ли (продолжает святой Златоуст) богатство благодати Божией? Видишь ли, как Господь Бог употребляет все средства, чтобы мы и согрешивши потерпели наказание легче заслуженного или даже избавились от него совершенно».

Выходит так, что несчастья, которые случаются с нами, явились по вине самого человека и попускаются Богом человеку для его же пользы.

Но бывает и так. Однажды ученики Иисуса Христа, увидев слепого от рождения, спросили: *Равви! Кто согрешил, он или родители его, что родился слепым?* Иисус Христос ответил: *не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии* (Ин. 9, 3). Такой же пример представляет вам известная жизнь праведного Иова, жизнь Иосифа Прекрасного, проданного братьями в Египет. Или тот рассказ — о смерти богача и нищего, который я уже не раз приводил...

Следовательно, когда видим страдальца-человека, то нельзя думать, что он страдает непременно за свои грехи.

Меня и спрашивают: «А как тут разобраться?» На это ответ легкий: а кто тебя просит разбираться в этом?

— А я хочу знать! — требует человек.

Если ты такой важный, то потребуй от Господа Бога ответа-отчета, почему Он так, а не иначе поступает? Почему это грешники благоденствуют, а праведники страдают?.. Мы такой дерзости не имеем и потому смиренно склоняемся пред волей Божией, страшимся всякого высокоумия.

Кроме того, мы отлично знаем, как обманчива бывает внешность. Мы часто называем человека несчастным потому, что он беден и незнатен. А того не знаем, что в душе его царствует мир и покой. Истинное счастье заключается в сознании своей невинности, в спокойствии совести, во власти духа над телом, в надежде удостоиться блаженной жизни за гробом. А вовсе не в богатстве, не в мирских удовольствиях.

Апостол Павел говорит: *Мы не унываем, но если внешний наш человек тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). *Хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает* (Рим. 4. 3-5). *Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает, если вы терпите наказания, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец?.. Если же вы остаетесь без наказания, то вы незаконные дети, а не сыны... Бог наказывает нас для пользы, чтобы нам иметь участие в святости Его. Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалию, но после... наученным через него доставляет мирный плод праведности* (Евр. 12, 6-11).

Вот христианский взгляд на скорби и несчастья!

Сам Иисус Христос, хотя происходил из царского рода Давида, но жил в бедности и неизвестности, не имел где главы поклонить, скорбел, плакал и, наконец, принял Крестную смерть. Потому все праведники, все люди Божии радовались, когда скорбь приходила, и наоборот, часто горько печалились, когда долго не было скорбей.

Так и в наше время — помните рассказ священника, как он в храме увидел горько плачущую женщину и подошел к ней и спросил:

— Что с вами случилось? Чего плачете?

— Да как же мне, батюшка, не плакать, ведь Господь совсем меня оставил; у меня за все лето даже курицы не пропало, — и залилась слезами.

На взгляд современного человека, такая женщина просто глупая, «не все дома», как говорим мы часто. А во свете только что приведенных слов Апостола она совсем не дура (скажем грубо), а много умнее тех, кто так ее назовет...

Так вот, братья и сестры, не горюйте чрезмерно, когда горе придет, когда болезнь, смерть дорогого человека посетит вас, а утешайтесь тем, что и вы не оставлены Господом, что Господь вас избрал для радости. И терпеливо несите скорбь свою и молитесь Господу, чтобы Он открыл вам, зачем она вам послана.

На этом закончим сегодня. Пусть, кому охота, спорит, а мы спорщикам отвечать будем просто:

— Иди от меня прочь, не смущай меня! Я твердо и искренне верую в Господа Бога Вседержителя...

Верую и исповедую, открыто признаю, что все-все-все во власти Господа и Он управляет всем, как добрый и любящий Хозяин и Отец. Потому я и молюсь Господу и прошу у Него всего, что нужно мне, как для спасения души, так и для земной жизни.

Ведь Он Сам сказал: Просите, и дано будет вам. И буду молить и просить, а когда Господь подаст мне то, что я прошу, — это все в Его Святой Воле пусть будет.

Опять и это Он Сам велел, когда сказал: молиться и не унывать. Не падать духом, если нескоро получу. И за тебя — спорщика — я молиться буду, чтобы Господь раскрыл твой ум и сердце. И это опять не мое своеволие. Господь Сам, на Кресте будучи, молился: Отче, прости им: они не знают, что делают.

Так и я за тебя молюсь: Отче! Прости ему всю его болтовню, ведь он не понимает, что говорит...

Аминь.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

**Протоиерей Николай
ГОЛОВКИН**

«РАДОВАТЬСЯ КАЖДОМУ ДНЮ...» *

Протоиерей Николай Головкин — родился в 1954 г. в пос. Корманово, Смоленской обл. В 1990 году окончил Ленинградскую Духовную Академию. Священнослужитель с 1984 г. Председатель Региональной общественной организации Комитет защиты культуры. Руководитель курсов «Основы православной культуры». Награжден орденом преп. Сергия Радонежского 3-й степени. Автор духовных романсов. **Настоятель храма Петра и Павла в пос. Парголово, Санкт-Петербург.**

*Печатается в журнальном варианте

Кириллу тогда было лет двадцать пять, когда он сказал себе: «Все, я больше не могу так жить, я хочу учиться в семинарии, и хочу служить Богу». В то время было очень тяжело осуществить эту мечту, мешало множество препятствий, но ничто не могло остановить его в этом намерении. У него была уже семья: горячо любимая жена и двое детей. Жил он со своей семьей и родителями жены вместе в трехкомнатной квартире, жили дружно, не ссорились. Но когда он объявил о своем решении поступать в семинарию, то со стороны тестя не получил одобрения и даже наоборот, тесть решительно запротестовал, стал отговаривать, напоминал о тех материальных трудностях, которые ожидают его, да и время было тогда советское... По странному совпадению, его и его тестя звали Кирилл Иванович, но что еще забавнее — и отцов их звали тоже одинаково — Иванами Степановичами.

Но, несмотря на уговоры со стороны родных не поступать в семинарию, Кирилл все же настоял на своем решении и отнес заявление.

Была середина лета, июльское солнце ласково согревало землю. Многие горожане жили за городом, так же и семейство Кирилла отдыхало в поселке Васкелово на Лемболовском озере. Он и жена Елена оставались в городе вдвоем. Это позволяло более тщательно готовиться к вступительным экзаменам и чаще посещать службы в храме. Вдвоем они очень любили ходить на службу по четвергам, когда читался акафист святителю Николаю. Подходил к концу август, когда Кирилл, успешно сдав вступительные экзамены в семинарию, поступил сразу во второй класс. За первый он потом сдавал экстерном.

Приехали родители и дети с дачи. Узнав, что Кирилл, несмотря

на их уговоры не поступать в семинарию, все же поступил, конечно же, огорчились. Но, к удивлению Кирилла и Елены, быстро смирились. К счастью, у молодой четы были небольшие денежные сбережения, которых и хватило на несколько месяцев скромной жизни. Потом Кирилл устроился дворником, вставал в четыре утра, убирал снег во дворе, обливался в душе и бежал к восьми часам в семинарию на занятия. Работа дворником несколько не ослабляла его физических и умственных возможностей, а скорей наоборот, способствовала укреплению сил и придавало бодрости.

Труднее было другое — общение с тестем-рационалистом. Редко бывало, когда они не затрагивали религиозные вопросы, а их у Кирилла Ивановича было так много, что, конечно, не могло не радовать молодого семинариста. Ведь, если есть у человека вопросы, и он слушает, значит не все потеряно, значит есть шансы изменить образ мыслей и дать верные ответы на поставленные вопросы.

Кирилла Ивановича давно мучил вопрос о божестве Иисуса Христа, и он хотел слышать от Кирилла исчерпывающий ответ об этом. Мало того, его интересовало то, а что же, по сути, вообще главнее всего в жизни?

Конечно, это был не праздный вопрос. Ответ на него, наверное, многие хотели бы знать.

Молодой семинарист понимал, что от его ответа зависит будущее духовное состояние тестя и их взаимоотношений, поэтому он пытался дать более полный, исчерпывающий ответ.

«Давайте, — начал он, — откроем Евангелие от Иоанна и прочитаем первые строки. В своем прологе Иоанн Богослов что пишет? «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Видите, Кирилл Иванович, этими словами евангелист обозначает вечность Слова. Уже выражение «в начале» ясно указывает на то, что бытие Слова — Логоса — совершенно изъято из подчинения времени, как форме всякого творения. А выражение «и Слово было у Бога» — означает, что Логос есть самостоятельная личность.

Говорить о Боге, исследовать Его непостижимость — самонадеянность и дерзость. Поэтому, я пытался лишь в общих чертах, как художник, очертить контуры, в пределах которых человеческий разум и сердце могут усматривать и чувствовать Бога.

Бог — безначальный, бесконечный, непреступный, неисследимый, неизреченный, неприкосновенный, неосязаемый, бесстрастный, неизглаголаный.

Бог один по существу, но троичен в Лицах.

Бог — причина всего прочего. В Нем едино есть Свет и Жизнь, Дух и Слово, Премудрость и ведение, любовь и блаженство. Он есть благо превыше всякого блага.

Бог — Свет, но Свет безначальный, не созданный, неизреченный».

«А какие в Библии есть доказательства, что Иисус Христос — Сын Божий?» — спросил Кирилл Иванович.

«О, много! — ответил Кирилл, — об этом свидетельствуют все: Бог Отец при крещении на Иордане и во время Преображения на горе Фавор словами: «Ты Сын Мой Возлюбленный, в Тебе Мое благоволение!»

Потом свидетельствуют ангелы, например, архангел Гавриил, явившись Деве Марии, сказал, что на нее сойдет Дух Святой и родит Сына и рождаемое наречется Сыном Божиим.

Еще свидетельствуют все апостолы, говоря об Иисусе, что он есть Сын Божий Спаситель.

В Библии можно прочесть много указаний ветхозаветных пророков о божестве Миссии. Рождению от Девы можно прочесть у пророка Исаии.

Но что всех нас поражает, что и падшие духи, то есть бесы, также свидетельствуют о Христе, что он есть Сын Всевышнего.

И, конечно, нельзя умолчать и о том, что Сам Господь Иисус Христос свидетельствует о Себе, что он есть Сын Божий Спаситель».

«Я понимаю, — немного помолчав добавил Кирилл Иванович, — что в Советском Союзе идет непримиримая борьба с верой, пытаются доказать, что Христа и не было, что это все выдумка, но это легко опровергается внимательным изучением истории христианства, по крайней мере мне это доказывать не надо. И я глубоко убежден в подлинности Евангелия. Но, что же тогда для людей главное в жизни. Ответ мне?».

«Да, что ж тут не понятного, — сказал Кирилл, — если мы признаем и верим, что Иисус Христос есть Сын Божий, значит мы должны осознавать, что Он от нас что-то хочет. Весь контекст Евангелия говорит о том, чтобы мы исполняли заповеди Божьи, любили Бога и друг друга и покаялись в своих грехах».

Выслушав, Кирилл Иванович добавил: «Я не молод и знаю, что такое жизнь, воевал, много раз был ранен, из всего батальона я один остался жив, когда мы форсировали реку и удерживали плацдарм. Знаю цену человеческой жизни, благородство одних и подлость других. И знаю, что нет людей без греха».

Так закончили они эту беседу.

Потом они не раз заговаривали о вере, тесть много расспрашивал о грехопадении прародителей, о чудесах, о воскресении мертвых и многое другое. Беседы, как правило, проходили в дружеской обстановке, а не так, как это бывало в других семьях, когда дети и родители совсем не понимали друг друга и разговаривали на повышенных тонах, доводящих до ссор.

После трех лет обучения, в четвертом классе семинарии, митрополитом Антонием Кирилл был рукоположен в иерея, и получил направление служить настоятелем в Покровский храм села Борисово, что в Новгородской области.

Так, совмещая учебу в духовных школах семинарии и академии и службу на приходе, отец Кирилл осуществил свою мечту, мечту служения Богу и людям. Трудно передать ту радость, которая наполняла его душу. Кажется, все земное каким-то ничтожным, мало значащим.

Он всегда любил природу, ходил на поля просто любоваться полевыми цветами. В детские годы часто сидел где-нибудь на берегу речки и наблюдал, как плавают среди камней налимы и пескари.

И вот теперь его влекло на берег озера Ильмень и там, глядя в безбрежную даль, предаваться сладостному ощущению своих новых чувств, новых переживаний, которых у него никогда раньше не было.

Много лет назад, когда он еще только начинал воцерковляться и делал свои первые шаги в храме, ему очень нравилось богослужение, церковное

пение — его неудержимо влекло на службу. Теперь он стал иереем, сам служит, стоя у престола в алтаре, и это придало ему то, чего не было раньше — ответственность и необходимую требовательность к себе. Теперь он не мирянин, а отец Кирилл, священник Русской Православной Церкви, и, как все другие священники, тоже отвечает за чистоту веры на своем приходе и за нравственный облик прихожан, да и сам храм надо содержать в чистоте и порядке.

Покровский храм в селе Борисово, где он начал свое служение, был открыт после Второй мировой войны. Первые настоятели много сделали в храме по тем средствам, которые могли достать в то голодное послевоенное время. Иконостас был сколочен из досок, более и менее приличные Царские врата, а иконы, написанные в разные времена и разными иконописцами, конечно, были главной духовной ценностью прихода. Это иконы от пятнадцатого до двадцатого веков.

Сначала он приезжал в Борисово на службы из Ленинграда, а потом решил и вовсе перебраться на приход. Это было в январе, после Рождества Христова. Была вьюга и сильный мороз. Они тогда приехали с детьми в холодный нетопленный дом на кладбище, внесли вещи, сложили все посреди комнаты и начали растапливать печь. Пока постепенно согревался дом, а матушка Елена что-то готовила, он, глядя на нее, почему-то вспомнил, как увидел ее в первый раз.

Тогда он жил еще в Москве у родственников. Однажды дядя Петя, накануне Первомайских праздников, предложил поехать в Ленинград. И он согласился с условием, если поедет с ним его друг, которого знал еще по Монголии, где служил в армии. В Ленинграде тогда жила очень близкая подруга Кирилла Степановича, отца батюшки, Надежда Михайловна, с которой они дружили с раннего детства. Вот и решили, что останутся у них. Поезд по каким-то причинам тогда опоздал на пять часов, и они приехали неожиданно для хозяев. Вспомнил отец Кирилл, как вошел в комнату и увидел Лену, свою будущую жену: она стояла посреди комнаты и пила молоко прямо с пакета. Это обстоятельство явно было для нее неожиданным, она видимо смутилась, и краска смущения пробежала по ее лицу. В тот миг она была так восхитительна, так красива. У нее были распущенные до плеч кудрявые густые темно-русые волосы. Большие карие миндалевидные глаза, которые растерянно смотрели на него. Тогда он сказал себе: «Вот она — единственная, которую я ждал всю жизнь».

Верующая она была с детства, хотя родители не водили ее в храм. Только бабушка учила ее простым молитвам. Вот теперь она здесь, в этой деревне, будет разделять с ним все радости и трудности служения на приходе.

На утро, когда они встали, было уже светло. Вьюга утихла. На дворе стоял сильный мороз. В доме трещали дрова в печке, кипел чайник на плите. Вдруг за окном услышал отец Кирилл уже знакомый ему голос певчей из деревни Устрика: «Батюшка, помоги-ка мне с телеги картошку дотащить, а то уж тяжело».

Вот так, сначала одна, потом другая, третья навезли ему картошки, овощей, в общем, всего, что в огороде растет.

Дети пошли в школу: Слава в четвертый класс, а Наденька в первый. Учились они неплохо. Наде приставили отстающего в учебе мальчика —

цыгана, который и стал частым гостем у них по вечерам, когда дети вместе делали уроки.

Прошло несколько месяцев. Наступило лето. Храм нуждался в ремонте. Балки пола сгнили, и надо было их менять. Стены были в копоти. Иконостас хотелось переделать. «Что делать? — думал батюшка, — надо отремонтировать, а ведь уполномоченный по делам религии строго запретил, какой-либо ремонт в храме».

Вспомнил, как его вызвал уполномоченный в Новгород и делал наставления: «У нас в Новгородской области ни один храм не реставрируется, — сказал он, — и ты ничего не делай, понял?» Голос его был строгим, хотя и вежливым. На священника он смотрел прямо в глаза, стараясь прочесть, дошли ли его слова до сознания, боится ли он его. Отец Кирилл внимательно слушал уполномоченного, стараясь не показать, что у него было в душе. А уполномоченный продолжал: «В храме ничего не переделывать. Крестный ход совершать только раз в году. В облачении на улицу не выходить. На кладбище панихиды не служить. Когда будешь причащать больных на дому, чтобы были только вдвоем, и ни с кем не заговаривать о религии. В храме проповедовать только что будет прочитано в Евангелии, и не вздумай говорить о чем-либо постороннем. Вот так учи своих бабушек!».

Тяжело было тогда это слушать отцу Кириллу, спорить было бесполезно, время было безбожное, государство стремилось уничтожить религию...

Только не стал выполнять эти требования батюшка. Когда наступила Дмитриевская родительская суббота, он объявил, что идет на кладбище служить панихиду по павшим за Родину воинам. Тогда в храме ему сразу несколько голосов старушек испуганно причитали: «Батюшка, ведь уберут тебя, никто еще не служил до тебя панихиды на братских могилах. «Ну что вы, нет, можно служить, не беспокойтесь», — сказал он тогда, а сам про себя взволнованно думал: «А, будь, что будет!»

Так с тех пор он открыто ходил на кладбище и всегда служил панихиды и не только по воинам, но и всех от века почивших православных христиан.

Как-то приехал к нему на приход отец Василий с соседнего села и псаломщик Алексей проведать. Ходят они по храму, рассматривают иконы, прикладываются к ним. А отец Кирилл вдруг неожиданно даже для себя, да и говорит им: «Может, вы мне поможете несколько досок половых оторвать?»

Принес он лом и топор, и начали они отрывать доски половые. Увлеклись, да и все и оторвали. Что ж делать-то, скоро воскресенье, как без пола — то? Надо дальше делать. Так они за три дня и заменили балки в полу, да на место уложили эти половые доски.

Понравилось батюшке самому участвовать в работах, да и делать нечего, как при малых деньгах такой ремонт осуществить? Уговорил он Алексея приезжать к нему на приход помогать дальше в ремонте храма.

Решили покрасить сначала своды и подкупольное пространство в храме из бочки, чтобы ни сооружать лесов. А внизу уже стены красить с лестницы. Сняли они в барабане оконные рамы, затащили наверх бревно и перебросили с одного оконного проема на противоположное. В колхозном гараже попросили старенькую лебедку, закрепили ее на полу под барабаном, а конец троса перебросили через бревно наверху. Нашли старую железную бочку, пробили в ней две дырки и привязали к ним трос.

Теперь оставалось решить, кому лезть в бочку. Постановили бросить жребий, который пал на Алексея.

Залез он на барабан, а батюшка лебедкой поднял пустую бочку наверх. Перекрестясь, влез Алексей в бочку. И начал он красить сначала вверху барабан, затем, понемногу отпуская трос лебедки, спускался все ниже и ниже. Наконец спустился он в подкупольное пространство. Кистью уже не мог доставать до сводов, поэтому решили привязать большую палку к кисти и так продолжать красить. По мере еще большего расширения свода и таким образом уже не возможно было доставать, и тогда, стоя внизу, отец Кирилл советует Алексею раскачиваться в бочке, а когда будет он подлетать к стене, то успевать несколько раз мазнуть кистью.

Кто бы видел, какое это было зрелище! В бочке сидит человек, в руках которого большая кисть, привязанная к палке, напоминающая метлу, на голове женский платок, чтобы не запачкать волосы краской, и летает по воздуху, да еще в храме — в общем, смех и горе! Как тут не вспомнить Николая Васильевича Гоголя!

Много отцу Кириллу пришлось потрудиться еще в храме: и иконостас новый сделали с резными позолоченными Царскими вратами; и иконы отреставрировали; и забор поставили, и многое другое.

Постепенно привыкли жители рыболовецкого села к батюшке. Многие стали приходить к нему: то крестить детей, то помолиться, то просто побеседовать.

Главным воспитателем в семье, конечно, была матушка. Она читала детям детские книги, Евангелие, жития святых. Молилась вместе с ними.

Детей у них было двое, и так как здоровье у матушки было слабое, то решили дальше жить как брат с сестрой. Хотя любили они друг друга очень, но эта любовь была за пределами земного понимания и земных отношений.

Шло время. Лето выдалось жаркое, дождей не было около месяца. Земля от засухи потрескалась. Все, что росло на полях, стало увядать и желтеть. По всему было видно, что еще немного, и урожая не будет совсем.

И вот после воскресной службы, когда все подошли к кресту приложиться, попросили прихожане отслужить акафист пророку Илии. Батюшка тогда знал прогноз погоды наперед, что дождей не будет, по крайней мере три недели. Как быть, не чувствовал он в себе такой силы веры, чтобы вот так выпросить у Бога дождь. Стал он под разными предлогами отказываться — то времени нет, мол, надо срочно ехать, да и акафиста нет пророку Илии, а хотя в алтаре акафистник был. Но не унимались старушки, глубокая у них вера была. Знали они точно, что если отслужат акафист с молебном пророку — будет дождь. Что оставалось делать отцу Кириллу, пришлось согласиться и служить. Молились все с батюшкой на коленях перед старинной иконой пророка Илии. У некоторых были слезы на глазах.

Прошло часа два после службы, вышел священник на улицу поглядеть на небо, а там ни облачка, небо голубое и жара, вздохнул глубоко он и опять удалился в дом. Во второй половине дня, спустя часов пять после службы, опять поглядел он на небо, и вот видит, приближается черное облако к поселку в диаметре всего километра три, и прошел такой сильный ливневый дождь, что все поля вокруг села пропитались живительной вла-

гой. «Хвала Богу, — перекрестился он, и добавил, — велика вера в наших старушках, вымолят они и матушку нашу Россию!»

Не долго пришлось служить батюшке на этом приходе, года два, потом перевели его в Тихвин в храм «Крылечко», что является надвратным храмом Успенского монастыря. Там была написана прямо на стене Тихвинская икона Божьей Матери, в память о Столобенском мирном договоре со шведами.

Был батюшка назначен вторым священником на приход. И, казалось бы, не должен заботиться о ремонте храма, на это есть настоятель и староста. Но не удержался, и с согласия настоятеля отца Александра и Тамары Михайловны, старосты прихода, пригласил своего старого знакомого резчика Евгения вырезать киот и позолотить для надвратной иконы Божьей Матери. Так была украшена надвратная икона Божьей Матери.

Спустя полтора года служения на приходе в Тихвине, как-то, проходя по плотине, матушка Елена и говорит мужу: «Вот ты сколько времени служишь здесь, а иконы Тихвинской Божией Матери у нас нет». «Когда угодно будет, тогда и придет», — ответил отец Кирилл. Пришли они домой, взял он ведра, чтобы идти за водой. Подходит к источнику, что у речки Тихвинка со стороны Фишовой горы, и вот слышит он, как чей-то мужской голос его зовет. Показалось батюшке, что этот голос не трезвый, будет приставать, подумал он, и не стал оборачиваться на голос, сделав вид, что не слышит. Но не тут-то было, слышит шаги бегущего к нему мужчины, ничего не оставалось, как остановиться.

Зря опасался отец Кирилл, мужчина, очень вежливо обращаясь, сказал, что они получают квартиру и переезжают, и что не хотел бы батюшка посмотреть у него иконы. И что вы думаете? — там была икона «мерою и подобием против образа Одигитрии Тихвинская». «Вот и матушка, — подумал он, — выпросила-таки икону».

Начались годы перестройки. Стало государство передавать верующим храмы. Первым переданным храмом в Ленинграде был храм Архангела Михаила, что в Ломоносове. Потом заговорили о Софийском соборе в городе Пушкине. Тогда вызвал к себе митрополит Алексий батюшку Кирилла и сообщил ему о намерении назначить его настоятелем в этот собор и перевел временно из Тихвина в Александро-Невский храм, что в Шувалово-Озерках.

Однажды собрался батюшка и поехал в город Пушкин, посмотреть, что там за Софийский собор архитектора Камерона, в котором ему предстоит потом служить, и ужаснулся. Это было огромное сооружение, без окон и дверей, подвалы были в воде, не было ни штукатурки, ни лепнины, ни, естественно, икон. В общем, удручающее впечатление. Что делать? С чего начинать? И пришло в голову пойти в Казанский собор, тогда там располагался музей Религии и атеизма, и познакомиться с директором, а вдруг что-нибудь дадут в дар.

«Я священник, — начал отец Кирилл, — меня наш владыка назначил настоятелем в Софийский собор в городе Пушкине». «Разве собор передали Церкви?» — переспросил директор. «Да, да! — подтвердил батюшка и добавил, — совсем недавно». «Я очень хорошо знаю этот собор архитектора Камерона, — сказал Владислав Алексеевич, — но он ведь совсем в плохом состоянии. Сколько ж надо средств, чтобы восстановить его!» — с участи-

ем добавил он. «Я по этому поводу и пришел к вам, ведь всем известно, что когда разрушались советской властью храмы, вы, сотрудники музеев, что-то спасали. Когда все предавалось огню, ваши предшественники, разбиравшиеся в искусстве, несли иконы в запасники. Теперь настает время возвращения их в храмы». Директор пристально смотрел на батюшку, ему, видимо, было приятно, что священник не ругает музейщиков, идеологов безбожия, а говорит какие-то похвальные слова. Но ответил: «Я не знаю ни одного случая передачи икон из музеев в храмы, да и это даже не в моей компетенции. Все решается только на уровне министра культуры. А вам бы я советовал лучше обратиться в таможенную, там иногда задерживают иконы у контрабандистов». «Но ведь там пытаются провести маленькие иконы, а мне нужны большие, настенные», — не унимался батюшка. «А знаете что, — вдруг сказал Владислав Алексеевич, — к нам в Ленинград на праздник 8 марта приезжает министр культуры РСФСР, я, пожалуй, поговорю с ним». На этом они и расстались.

Прошло где-то полмесяца, уже был позади мартовский праздник женского дня. И как договорились, отец Кирилл снова идет в дирекцию музея, входит в уже знакомый кабинет, директор как раз был на месте. Увидев батюшку, он радостно пригласил его присесть и сразу сообщил хорошую новость о том, что министр дал разрешение, и они уже выбрали шестьдесят пять единиц хранения. Среди них были иконы, облачение и бронзовые подсвечники. И даже пригласил на все это взглянуть.

Обо всем этом по телефону сообщает отец Кирилл тогда правящему митрополиту Алексию. Услышав эту хорошую новость, владыка поблагодарил его за проявленную инициативу и благословил еще раз сходить в музей и разузнать о наличии мощей Александра Невского. Только, предупредил он, говори дипломатично и осторожно. Не дай Бог, чтобы власти уничтожили их.

Серьезное было батюшке поручение, даже страшно ему стало. Вдруг он своей неосторожностью послужит причиной уничтожения мощей Александра Невского. Тогда не простит он этого себе никогда.

Однажды, после совершения Божественной литургии у себя в храме Александра Невского, что в Шувалово-Озерках, отец Кирилл объявил прихожанам о поручении владыки идти к властям просить мощи Великого князя Александра Невского и просил вместе с ним на молебне горячо помолиться об этом. Со слезами на глазах прихожане вместе со священником долго молились на коленях.

И, о радость! ему в музее объявили о том, что мощи существуют и что их могут возвратить Церкви. А также директор приватно добавил, что они со временем могут передать барочный иконостас для Софийского собора.

В означенный день собрались вместе Владыка Алексей с личным секретарем отцом Георгием, настоятелем Троицкого хора Александра Невской Лавры отцом Игорем и отцом Кириллом со стороны Церкви. И еще батюшка Кирилл пригласил отца Василия, своего духовного отца. А со стороны светской власти — работники музея. Встретились все под сводами Казанского собора, в то время музея Религии и атеизма. На столе была устлана белая скатерть, на которой стоял ковчег с мощами. Рядом еще лежали мощи преподобных Соловецких святых Германа, Зосимы и Савватия. Ковчег был опечатан. Судя по дате на печати, не вскрывался с 1925 года. Владыка

митрополит вскрыл печать и открыл ковчег. Приоткрыл белую ткань и все присутствующие увидели мощи Александра Невского, черепа там не было. После осмотра, Владыка уложил мощи на место. Закрыв ковчег и опечатал сургучовой печатью. Отец Кирилл стоял рядом. И вот он видит, что небольшая частичка мощей осталась на скатерти. «Частичка!» — громко воскликнул он, и все повернулись в его сторону. Несколько секунд была пауза, Владыка тоже молчал, видимо, обдумывал, что делать. И тогда вспоминает батюшка слова своей матушки Елены: «Возьми, — говорила она, — чистый конверт в карман, тебе, я верю, достанется частичка мощей Александра Невского, за твои труды». Он достает на глазах у всех из кармана этот конверт и кладет частичку туда с молчаливого согласия митрополита.

Два года батюшка продолжал служить в храме Александра Невского.

В те годы во все храмы России шло много людей креститься. Крестилась и молодежь. Отец Кирилл открыл воскресную школу для взрослых и детей. Первые беседы он сам еще проводил в Александро-Невской церкви. Собирались тайно, чтобы ни донесли уполномоченному по делам религии, так как в конце восьмидесятых годов воскресные школы еще запрещались. Их не было ни в одном храме города. Его школа была первой, неофициальной, о ней батюшка не докладывал никому. Приходили к нему разные люди от старшеклассников до профессоров Университета. Были и двое баптистов, которые впоследствии приняли Православие.

Однажды его пригласили в школу выступить перед десятиклассниками. Для батюшки это было ответственное приглашение. Впервые после гонений на Церковь, священник идет в школу встречаться с детьми. Одно дело, когда по доброй воле сам взрослый юноша идет в храм, другое, когда, быть может, его и не желают видеть.

Вспомнил отец Кирилл Старую Руссу, когда, проходя неподалеку от школы, — он шел в рясе — в него старшеклассники бросались камнями, как в какую-то бешеную собаку, и смеялись. Это было всего лишь четыре года назад.

Поэтому готовился батюшка к беседе тщательно. К его удивлению встреча прошла хорошо, дети слушали его внимательно. После лекции подошла к нему заместитель директора по учебной части и сказала, что она впервые присутствовала на уроке, где дети не издали ни одного звука и просидели в полном внимании весь урок.

Тогда его приглашали еще несколько раз, пока ярые безбожники, которые всегда найдутся в любой школе, пожаловались вышестоящему начальству, и его перестали приглашать.

В середине лета 1989 года, он с матушкой Еленой, сыном Славой, дочерью Надей и знакомой Еленой Ожеговой впервые приехали в Шуваловский парк. Прогуливаясь по тенистым аллеям, среди величавых вековых деревьев некогда ухоженного парка, любясь многочисленными разбежавшимися дорожками и живописными прудами, по крутой тропинке поднялись к Шуваловскому дворцу и, обойдя его вдоль металлической ограды, заметили необычное прямоугольное сооружение. Он, как священник, понимал, что это храм, но чей он? Какой конфессии принадлежал? — все это ему предстояло узнать...

Однажды поехал отец Кирилл в епархию, да и попросил, чтобы его назначили восстановить этот храм.

И прочитал он немало литературы о Парголово и храме. Храм был заложен в 1830 году и в 1840 году построен над Адольфовым склепом, причем на искусственно насыпанном холме. После многолетнего пребывания за границей и изучения западной архитектуры, возвращается в 1829 году на родину, полный сил и энергии, в последствии прославившийся в России, как замечательный, архитектор Александр Павлович Брюллов. Его-то и пригласила вдова графа Шувалова Варвара Петровна построить храм. И, хотя «вид церкви не сходствует ни с древними, ни с новейшими фасадами церквей» — говорили чиновники из Духовной консистории, все же был одобрен проект храма в готическом стиле. Так было положено увлечение в эпоху императора Николая Первого готикой. Кстати, Александр Павлович построил в Петербурге Михайловский театр, лютеранскую церковь на Невском проспекте, здание для Пулковской обсерватории и многое другое.

Первая служба в парголовском храме Петра и Павла состоялась в январе 1990 года. Был сочельник перед Рождеством Христовым, отслужили всенощную, и идут прихожане счастливые по дороге к остановке. Вдруг почувствовал батюшка сильный удар в бок, и от этого удара полетел далеко в обочину. В голове промелькнуло, что это машина его сбила и что ему, наверное, конец. Но в обочине он сразу вскочил на ноги. Оглядываясь вокруг, он слышит стоны и чей-то крик: «Верам, Верам плохо!» Потом выяснилось, что было сбито более десяти человек машиной марки «Жигули», а в больницу увезли только двух девушек и звали их Верами. Вот так силам зла не нравился возрождавшийся православный приход в Парголово.

Всегда и везде была с отцом Кириллом и его любимая матушка. Сочиняла стихи о России, а батюшка на ее слова сочинял музыку.

*Защитой Матери Державной
Еще жива ты, Русь моя.
Пади пред Нею на колени,
Ведь в Ней твоя надежда вся.*

*Ты сбросишь сети инославья,
Что так опутали тебя!
Земля моя, лишь в Православии
Очистишь от плевел себя...*

Была матушка всегда тихая, кроткая и молчаливая, она везде оставалась как бы в тени. Голос у нее был негромкий, мягкий и нежный. На приходе ни во что не вмешивалась. В своих делах никогда не использовала авторитет мужа — настоятеля прихода. Со всеми была учтива, выслушивала собеседников внимательно. Никому не навязывала своего мнения. Но всегда на все у нее было собственное мнение. Редко ошибалась в людях. Могла дать верную характеристику человеку, если его знала даже немного времени. От Господа, видно, имела этот дар, за свою кротость. Она очень любила своего мужа, отца Кирилла.

В конце ноября пригласили отца Кирилла поехать в Москву делегатом на учредительный съезд Союза русского народа, который возглавлял Вячеслав Михайлович Клыков, известный скульптор. На съезде предоставили и батюшке слово. Много он говорил о духовно-патриотическом воспитании

молодежи, о необходимости разработки концепции сельского хозяйства, ибо налицо продовольственная зависимость государства. Упомянул он и о создании комитета, где собирались бы данные желающих горожан выехать на село и помощи им в переселении. Ибо предчувствовал он грядущий кризис. Но мало кто обратил на эти слова внимание, лишь немногие потом подходили к нему и благодарили за эти предложения.

Чтобы ни быть просто голословным, подумал и сам батюшка о селе. Родился отец Кирилл в ста семидесяти километрах западнее от Москвы, в поселке Карманово Смоленской области. Тогда это был районный центр, но после полета Юрия Гагарина в космос Карманово, как район, упразднили и присоединили к городу Гагарин — так стал называться теперь город Гжатск, основанный Петром Первым для поставки зерна в Санкт-Петербург. Так вот, приехал он на родину, встретился с двоюродным братом Виктором. Узнал от него, что завещали тому перед смертью родственники свои дома с участками. Попросил батюшка продать ему какой-нибудь участок. Брат согласился, и за небольшую сумму все сначала правильно оформить на себя документы, а потом сделать куплю-продажу на отца Кирилла. Таким образом приобрел он на своей малой родине кусок земли. Продал под Санкт-Петербургом свою дачу и на эти деньги построил дом в деревне Руготино, что в километре от поселка Карманово.

Поселок расположен на крутом живописном берегу реки Яуза. На излучине реки, чуть ниже огромного парка, до революции там был ипподром, сохранилось несколько старинных дореволюционных зданий из красного кирпича. Когда-то давно эти земли принадлежали князьям Голицыным, которые в 1827 году построили в поселке, также из красного кирпича, храм Всех Скорбящих радости, разрушенный в годы Великой Отечественной войны.

Так как Карманово находится западнее Москвы, то эта многострадальная земля была свидетельницей многих исторических событий. В годы Отечественной войны 1812 года, в городе Гжатске — теперь Гагарине — князь Михаил Илларионович Кутузов в августе месяце проводил совещание, о том, где предстоит русским войскам дать генеральное сражение французам. И решили дать сражение под Бородином. В Гжатских лесах партизанил и герой Отечественной войны, замечательный поэт Денис Давыдов.

В годы Великой Отечественной войны 1941-45 годов, Карманово пострадало за всю свою историю больше всего. В освобождении поселка участвовали войска 5 из 20 армий, погибло более шести тысяч наших солдат. За поселком и проходила потом линия фронта с 23 августа 1942 по март 1943 года. Вот тогда-то и погибли мирные родственники отца Кирилла в Карманово и деревне Руготино. Они и сейчас, как их закопали тогда на огородах, лежат не перезахороненные. А стоит ли теперь тревожить их прах?

Дети и внуки батюшки Кирилла и матушки Елены полюбили деревню. И каждый год на все лето стали приезжать сюда. Вдали от городского шума здесь можно было наслаждаться упоительной тишиной. Пение соловьев и других птиц вливалось в душу несказанную радость и покой. Всегда, когда отец Кирилл приезжал в эти края, его охватывали воспоминания о детских годах жизни. Но что-то неуловимое и прекрасное уже ушло в безвозвратное прошлое. Да и нельзя жить только прошлым. Необходимо строить настоящее и жить настоящим, ибо прошлое ушло, а будущее представляется туманным. Нужно радоваться каждому дню, подаренному Господом.

Алексей Бакулин

ЗАКЛАДКИ В ПИСАНИИ

Простые истории

Алексей Анатольевич Бакулин — родился в 1964 году в г. Подпорожье Ленинградской области. После школы учился на дневном отделении факультета журналистики ЛГУ, параллельно работал учителем в детской художественной школе. Служил в армии — на Дальнем востоке. Вернулся, окончил университет, — тут как раз началась перестройка... Начались короткие перебежки с одного места работа на другое... Дольше иного служил корреспондентом на «Радио Модерн». В настоящее время вот уже седьмой год трудится в газете «Православный Санкт-Петербург». Неоднократно печатался в литературном альманахе «Молодой Петербург», принимал участие в региональном совещании молодых литераторов.

Живет в Санкт-Петербурге.

Аннушка Гулина была человеком тонким и непростым. Впервые я это понял, когда она читала свои стихи в нашей студенческой компании. Читая, она старалась произносить строчки безыскусно, почти скороговоркой, но при этом очень ловко вставляла в свое монотонное бормотание эффектные и как бы естественные паузы: то ей отдышаться надо, то шмыгнуть носом, или там — соринка ей в глаз попала, — но соринка это уже повод для долгой, гнетущей паузы. Еще она помогала себе бровями — поднимала одну бровь, другую, обе сразу, хмурила их — при этом прочие части лица пребывали в холодной неподвижности, даже губы почти не шевелились. Рост у Аннушки был такой, что все советовали ей всерьез заняться баскетболом, но она не любила спорт и всерьез занималась только поэзией.

Я давно уже ее стихов не слышал, и сейчас вспоминается мне лишь одно стихотворение, в котором трактовалось об Ангеле Смерти, — что вот он шелестит за ее спиной, то словно бы дождь, то словно бы ветер, то притворится прорезиненным черным плащом, то шелковым шлейфом, — а на самом-то деле, господа, это не дождь, и не плащ, это Ангел Смерти — единственный навеки данный любовник Аннушки: другие приходят и уходят, а этот хранит верность, этот не оставит. В общем, как говорится, в рифму все это звучало здорово, — лучше, чем в моем пересказе. Все мы слушали Аннушку, мрачно курили, а я, в ту пору воспринимавший подобные откровения весьма серьезно, спросил: «Зачем же ты такие вещи пишешь? Ведь он (то есть Ангел Смерти) и вправду привяжется!.. Со стихами, знаешь, не шутят!..» Она посмотрела на меня, в

насмешливой задумчивости прикусив губу, и ответила: «Ну, в этом уж я не вольна! Уж так написалось! Тут уж ничего не поделаешь: не мы стихи пишем, а они нас!» Я все понял, и больше с глупыми вопросами не лез.

Между прочим, читая своего «Ангела», Аннушка все как-то пыталась намекнуть на кого-то, все какие-то делала экивоки, и для большинства присутствующих дам экивоки эти были вполне прозрачны. Потом просветили и меня: оказывается, незадолго до этих чтений Аннушка устроила выволочку некоему своему другу, — обиженный друг ушел, и, зная его характер, можно было с уверенностью утверждать: такой не вернется. Не станет цепляться за аннушкину юбку, когда вокруг других юбок предостаточно. Тем более, что Аннушка была на голову его выше, — поначалу это казалось ему экзотичным, но потом стало раздражать. Поэтесса понимала, что совершила ошибку, что не нужно было давать волю нервам, пока отношения не окрепли, но чем больше она это понимала, тем сильнее хотелось ей представить свою ошибку роковым ударом судьбы, коего неотвратимость снимала с Аннушки всякую вину. Дамы над ней откровенно потешались.

Ах, в какую глупую историю влетела бедная Аннушка; ах, как она себя уронила! Такая умная — пока сидит за столом и марает стишки; такая тонкая — пока эти стишки читает перед большой аудиторией; такая интересная — пока сама себя разглядывает в зеркало!.. Что остается делать после такого афронта? Писать стихи, конечно, — это испытанный способ борьбы с печалью, он никогда еще не подводил, и более того — порою написанные строчки сами подсказывали выход из тупика. Так и родилась знаменитая ее баллада «Ангел Смерти». Баллада, надо признать, вышла очень неплохая, — но тем смешнее получилось, тем нелепее: возвышенная трагическая поза, горькие слезы на публику — из-за чего? Из-за глупости, мелкой промашки, из-за пошлого бытового анекдота...

В общем, если призадуматься, то выходит вот что: скомканный романчик растворился в пучине прошлого, а баллада осталась; мимолетный друг пришел и ушел — но Ангел Смерти встал за плечами, и теперь уже от него не отвяжешься. Аннушка прочитала балладу всем своим знакомым, даже тем, кто в стихах понимал, как свинья в апельсинах; и все единодушно подтвердили: да, Длинная, это круто! Да, прежде ты такого не писала. Это на данный момент вершина.

А. Н. Гулина все больше и больше проникалась уважением к своему стиху. Ангел Смерти все больше и больше обретал самостоятельное существование. Раздумчиво шаркая огромными ногами по осенним улицам, поэтесса все отчетливей слышала за своей спиной то самое пресловутое шуршание крыл. Нельзя сказать, что ей это не нравилось. Ангел Смерти, единственный друг, — верный, сильный... Улететь с ним, улететь... Уснуть в его объятиях, под мерные взмахи крыльев. Мороз сладко пробегал по коже от таких мыслей. Бедная Аннушка начала наяву бредить своим стихом. Если бы я в ту пору знал об этом, я бы очень возгордился: мое пророчество оправдалось, стихотворный Ангел и вправду привязался к своей создательнице.

Как-то раз, гостя у своей старшей сестры на Пороховых, Аннушка выглянула в окно. Пятнадцатый этаж. Вокруг — дома, дома, все на одно лицо, и тысячи одинаковых окошек, и все закрыты, все слепы. Внизу — куча строительного мусора: обломки бетонных плит, кирпичи, арматура. Верная смерть. Это сколько же лететь-то? Минуты две? Три? Немало. Полное

ощущение свободного полета, блаженная невесомость. У Ангела Смерти в объятиях. «Угу, — с сумрачной радостью сказала сама себе Аннушка, — вот именно». И начала готовиться.

В сущности говоря, ей ведь было очень плохо. В самом деле: она глубоко переживала разрыв с этим человечком. Все у нее плакало внутри и не находило утешения; однако, как у настоящей поэтессы, в душе Аннушки, выражаясь по-научному, произошло замещение: настоящая печаль приняла форму нелепого стихотворного фантома.

Аннушка выпросила у сестры ключ — сестра уезжала в отпуск — и осталась в ее квартире на ночь одна. Стояло лето, ночь была белой. Всю ночь поэтесса старательно курила (она не очень заядлой была курильщицей) и писала прощальное письмо, — просто для того, чтобы как-то убить время. В полет она решила отправиться ближе к утру. Когда будильник показал четыре утра и сигареты кончились, Аннушка аккуратно разорвала прощальное письмо на двенадцать частей, вышла на кухню и раскрыла окно.

Вылезла на подоконник. Все те же тысячи одинаковых окошек вокруг, но еще более безжизненные, темные. Тихо. Холодно. Аннушка сидела на подоконнике на корточках и бессмысленно разглядывала свои, торчащие из-под юбки неправильной формы колени. Надо было одеть джинсы, а то некрасиво будет, если юбка задерется — там, уже на земле. Э, глупости! Это меня уже не касается. Это уже по ту сторону. Аннушка вдруг поняла, что сейчас решится.

Сначала эта решимость ее испугала, — потом испуг прошел. Давай, вперед! Вдруг она поймала себя на том, что все еще сжимает в кулаке клочки прощального письма. Глупо. Зачем и разрывала? Надо выбросить.

Она протянула руку над пропастью и тут заметила, как на подоконник соседнего окна вылез рыжий котенок. Он с интересом нюхал воздух, разглядывал охотничьим глазом чаек, осторожно трогал лапой цинковый карниз. Аннушка видела его, но не замечала. Она знала, что решилась. Котят тут не при чем. Она вообще к кошкам была не по-женски равнодушна. Она протянула руку над пропастью и разжала пальцы, сжимавшие ненужное письмо; обрывки бумаги закружились возле окна.

Один из клочков чиркнул по носу котенку. Тот, всегда готовый к игре, вскочил на задние лапки, передними цапнул бумажку, не удержался — соскользнул с карниза и, кувыркаясь, с визгом полетел вниз, на кучу бетонных обломков.

Широко раскрыв глаза, изумленная Аннушка следила за его полетом.

Первую секунду ей было все равно. Потом она поняла, что котенок падает. Еще через секунду ей стало ясно, что его уже ничем не удержишь. Когда же котенок совсем скрылся из глаз, страшное чувство необратимости этого падения вдруг прошибло ее от макушки до пяток. Все! Улетел! Не вернешь! Не поправишь!

«Мама!..» — тихо взвыла она и кувырком скатилась с подоконника, но не в бездну, а обратно в теплую кухню, спиной на пол. Боли не почувствовала. Перевернулась на четвереньки, села на линолеум, прислонясь к стене, и тут ее прорвало. Битых полчаса она рыдала в голос, подвывая и охая: то летящий вниз котенок стоял у нее перед глазами, то она сама себя видела на месте котенка, и в конце концов бедная поэтесса совсем перестала понимать, кто же это свалился с подоконника, кто же это так страшно погиб.

Через полчаса, все еще громко ревя, Аннушка кинулась по лестнице, путаясь в своих длинных ногах, забыв о лифте, вниз, на двор, туда, к бетонной куче, где между кирпичей и ржавых арматурных змей лежал котенок — разбитый, но живой, громко плачущий, пытающийся подняться на переломанные лапки.

С котенком в руках она поймала машину и попросила отвезти ее к ближайшей ветлечебнице. «Закрывается еще, — отвечал водитель, — пять утра! И нечего так убиваться: котенок — не ребенок, нашла по кому плакать!.. Иди, не повезу я тебя никуда — ты мне крышу башкой пробьешь».

...Долго все эти перипетии пересказывать. Короче говоря, вылечила она этого котенка, выходила, и хотя к кошкам в целом по-прежнему относится прохладно, но на этого просто надышаться не может. От стихов хотела с проклятиями отречься, но не прошло и трех месяцев, как снова принялась писать, и даже знаменитого своего «Ангела Смерти» уничтожить не стала, хотя шагов его за своей спиной больше уже не слышала. Печаль по неудавшемуся роману прошла еще раньше — еще там, на подоконнике. В общем, теперь она жива, здорова, чего и вам желает, и от суицидальных поползновений излечилась навсегда.

БУДИЛЬНИК

Лютеранка Марта Карловна — простодушная финская бабка из Петро-заводска, любила поговорить со мной о Боге. Я тогда только-только начал приходить в церковь и горел желанием сразиться с инославием, а потому речи бедной старушки воспринимал очень болезненно.

— Однажды, — рассказывала Марта Карловна, — Иисус так сильно и великолепно помогал мне! Я вам расскажу, Алексей, и вы тоже будете великолепно удивлены!

— Ну, расскажите... — буркнул я, заранее придумывая контрдоводы к ее рассказу.

— Мне нужно было ехать в Сортавала, да. А поезд ходил очень рано, очень утром. А я, вы знаете, Алексей, такая сонная, — это просто ужас, мне стыд об этом говорить. Я очень люблю выспаться. Но — нужно ехать, да. Я беру свой маленький разбудник... нет... будильник, извините. Беру будильник, чтобы он меня вовремя проснул. И — ах! — вижу, что будильник ломался! Совсем ломался и не может ходить, не может — как это? — дребезжать!

Марта Карловна гордо взглянула на меня, довольная тем, что вспомнила такое трудное русское слово, и продолжала:

— Что же мне делать, Алексей? Кто меня, такую сонную старуху, сможет проснуть?

— У соседей бы попросили будильник! — ворчу я, уже догадываясь, к чему клонит лютеранка.

— Нет! — лицо у Марты Карловны сияет, — Я придумала великолепно! Я стала просить Иисуса! Я встала к портрету, к иконе — вот так...

Марта Карловна грузно встает со стула, подходит к висящей у нее в комнате православной иконке «Спас Нерукотворный», картинно воздевает руки и произносит торжественно:

— Иисус! Прощу Тебя, чтобы я проснула совсем утром, чтобы я не опоздала! Помоги плохой, глупой, сонной старухе, я Тебя сильно прошу, да!

Она поворачивается ко мне, лицо ее взволнованно, в глазах блестят слезы.

— И Он меня проснул! — говорит она шепотом. — Ровно без половины шестого. И я успела на вокзал, приехать к своей бедной сестре в Сортавала... Это — великолепное!

Некоторое время мы молчим.

— Так-так! — говорю я через минуту, — Значит у вас, у лютеран, Бог вместо будильника? Здорово! Во всем свой практический смысл! Приспособили веру для хозяйства!

— Что-что? — рассеянно переспрашивает Марта Карловна, все еще полная воспоминаний о своей чудесной встрече с Богом, — Да, да, вместо будильника, да... Он меня проснул Своей великолепной рукой! Такую глупую сонную старуху... Да.

— Знаете, что это было на самом деле? — спрашиваю я, грозно прищурясь, — Это была прелесть! Вас, лютеран, Бог слушать не может!

Марта Карловна очень удивлена и обижена.

— Но меня, Алексей, Он услышал, да. Вам не надо злиться: я говорю правду.

Возмущенно фыркая, я удаляюсь.

А вскоре случилось мне купить билет на поезд, который отходил «совсем утром». И надо же такому случиться, что будильник мой сломался, а другой взять было негде. Я понял, что мне ничего другого не остается, как последовать примеру бедной, обиженной мной Марты Карловны. И вот, стою у иконы, и краснея, бормочу:

— Господи... Прости мя, грешного... Пошли, Господи, ангела твоего, чтоб разбудил (чуть не сказал «проснул») меня...

И, помолчав:

— Прости мя, Господи, что обидел рабу Твою, Марфу...

Утром, в нужное время, проснулся, как от толчка. Великолепной Своей рукой Бог разбудил меня.

С тех пор так всегда и делаю, когда будильника рядом нет. И никогда не просыпал. А с Мартой Карловной больше не сводил случай, и не было у меня возможности попросить прощения у нее лично...

ЗАКЛАДКИ В ПИСАНИИ

Со временем, чем больше читаешь Писание, тем больше в нем появляются любимых мест, героев. Что понимать тут под словом «любимые»? Это когда душа отзывается на чье-то, запечатленное на святых страницах слово, на чье-то действие, на чей-то жест.

Мария Магдалина бросается к Воскресшему: «Раввуни!» Только что плакала безутешно: «унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его» (Ин.20,13) — и сквозь слезы робко просила у мнимого садовника: «господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его» (Ин.20,15). И вдруг: «Мария!» И в ответ стремительное: «Раввуни!» Так — секунды не прошло — уже принята весть Воскресения, ни тени мысли об обмане, о призраке — это Он! «Раввуни!»

Апостол Петр — больше всех говорящий на страницах Евангелия, и что ни слово, то весь Петр целиком в нем отражается, простодушный, прямо-

душный, («Деревня!..» как сказали бы, — а по мне это похвала), в простоте побежавший к Господу по водам, и в простоте перепугавшийся бурного ветра. От сердца обещавший умереть с Господом, и струсивший в последний момент, и из самого сердца зарывавший под взглядом Иисусовым. Вот идет он, плачущий, — и где такие слезы мне найти? И не пытайся. А он — и прощенный, все такой же: быстро и с радостью отвечает Воскресшему: «Так, Господи! Люблю Тебя!» — не зная еще, что это не простой вопрос, а испытание. И потом, не в силах сдержать простодушную свою ревность, косится на Иоанна: «Господи! А он что?» И даже потом, после всего, уже с небес — не помню, в чьем житии читал — явившийся к монаху, ранним утром работающему в храме, улыбается: «Что так рано встал, трудолюбче?» — и слышится в добром этом приветствии все тот же голос, знакомый по Евангелию.

Никодим, старый мудрый муж, не побоявшийся и неостыдившийся пойти к молодому, нелюбимому его товарищами проповеднику, и сразу увидевший в проповеднике Этом Господа и как ребенок вопрошающий Его.

Блудный сын, горько задумавшийся возле корыта со свинными рождками, горько судящий сам себя, и сам себя посылающий в рабство к своему отцу.

И сотник, имевший больного слугу, и сотник Лонгин при Кресте, и сотник Корнилий из Деяний — центурионы великой Римской армии — как тверды о Господе их солдатские души!

А Ветхий завет?

Ной — праотец, всем нам родственник, выбирающийся из глухого заточения в темном ковчеге — на свет Божий, и в ярких лучах солнца видящий ужас разгромленной потопом земли и Божию радугу над нею.

Царь Давид, — его нелегкая, бурная, полная печалей жизнь, озаренная ярчайшим светом Псалтири — запечатленная на бумаге история его любви к Богу.

И пророк Иона, бегущий от службы Божией, и плачущий над высохшим растением.

И пророк Иезекииль, с безстрастным лицом погребавший возлюбленную свою жену, — ибо таково было ему слово Божие.

Еще многие, многие... Закладки, которые сердце разложило между страницами Писания...

МАРЬЯ

...С соседкой по коммуналке нам повезло. Ею оказалась старушка почти девяноста лет отроду, здоровьем крепкая, как огурчик, ум и память нимало не растерявшая, веселая, разговорчивая без болтливости и кроткая, как овечка. Сколько раз она выручала нас: то с ребенком посидит, то из магазина что-нибудь принесет, а то даже и денег одолжит, если до полочки поиздержимся. Мы с ней по-родственному жили. Конечно, ругались порой, но тоже по-родственному, не обидно. Звали ее Марьей, рабой Божией Марией.

Когда-то в незапамятной древности родители Марьи привезли ее из владимирской деревеньки в Питер, на Обводный канал; и с тех пор набережная Обводного, «Красный Треугольник», Старо-Петергофский, Ново-

Петергофский, Шкапина, Розенштейна, Измайловский составляли всю ее вселенную. Здесь весь XX век прошел перед Марьиными глазами. Она наблюдала за всем происходящим очень внимательно, многое запоминала, обо всем имела свое суждение, но говорить о пережитом не любила. Только начнет что-нибудь рассказывать о детстве, о юности — и осечется, и переведет разговор на цены, на погоду, на подгоревшую кашу. Как-то раз зашла речь об очередной денежной реформе.

— Мне одна женщина говорила, — важно начала Марья, — что деньги скоро на маленьких бумажках будут печатать. Махонькие такие денежки будут — как керенки.

Керенки мне доводилось видеть — в коллекциях: крошечные бумажные квадратики, в две спичечные этикетки величиной. Я с трепетом брал их в руки: для меня они были таким же доисторическим чудом, как шлем Александра Македонского. И вот находится человек, который говорит об этих керенках так же просто, как я о советских пятаках на метро. Невероятно!

— Так вы помните, как керенки выглядели?! — почти с ужасом спросил я Марью.

— Конечно, помню!.. Вот этакие, — она показала пальцами, — малюсенькие, в руки взять нечего! — и Марья презгливо сощурилась.

— Так, может быть, вы и самого Керенского помните?!

— Конечно. Конечно, помню. Видала его — выступал тут... И другой раз — опять видала... И еще — издали несколько раз показался... Тоже маленький был. Тощенький... Посмотришь — аж жалко его станет: что ж ты, бедненький, такой некормленный-то? Аж сердце заболит от жалости...

Тут на плите у нее закипело молоко, и вечер воспоминаний закончился. Больше она ни о Керенском, ни о тех временах не вспоминала никогда.

Однажды по радио заговорили о необходимости сексуального воспитания школьников. Марья никогда не смотрела телевизор, но всегда внимательно слушала радио и потом долго обсуждала с нами услышанное.

— Надо воспитывать-то, надо... — размышляла она вслух, — Наверное, надо. Они там люди-то умные, знают, что делать. Нас-то никто не воспитывал, мы и не знали ничего... Я вот в молодости всегда думала, что дети из спины рождаются. Уже и беременной была, а все невдомек... Уже и в роддом меня повезли, а я все жду, когда мне спину резать начнут... Никто мне ничего не объяснял... — Марья задумалась, помолчала... — Но вот, родила же все-таки... А если бы объяснили: что бы изменилось? Вместо одного двойню бы родила, что ли, от их объяснений?

Чаще всего она вспоминала о блокаде. Любила вспоминать блокадные дни. Сначала меня это удивляло.

— А страшно было в блокаду? — спрашивал я, стараясь натолкнуть Марию на идеологически верный ответ.

— Конечно страшно! — махала она рукой. — У нас тут во втором этаже женщина умерла, так бывало, поднимаешься по лестнице — а света-то нет — и все дрожишь: вдруг она, покойница-то, где-то в темноте прячется!..

Это был какой-то не такой страх: не тот, о котором принято говорить, вспоминая блокаду. А Марья продолжала:

— Плита нас спасла! Натопим ее, чем придется, сядем прямо на плиту вместе с мамой, сидим, греемся — и как-то легче. А еще: хлеб по карточкам получим, разрежем на тоненькие, вот такусенькие полосочки, солью

посыпдем и сушим их на плите. Как высохнут, так и едим, тепленькие. Они соленые, от них пить хочется — вот мы и пьем горячий кипяток чашку за чашкой: и тепло, и в животе что-то есть. Голод обманули!

И Марья расплывалась в улыбке, вспоминая вкус этих блокадных пересоленных сухариков: на лице у нее было написано, что ничего вкуснее она в жизни своей не едала.

— Вот так: сидим на плите с мамой, сухарики грызем, кипяточек попиваем — и пережили блокаду! Так хорошо было!.. Так хорошо!.. После войны не было такого.

Поразмыслив, я понял, что Марья любит вспоминать блокаду потому, что победила ее. Это и вправду была победа: блистательная победа Марьи над всей вражеской армией. Сколько их там стояло вокруг Ленинграда, и все хотели стереть Марью в пыль, заморить голодом, сжечь, разбомбить, а она сухариками да кипяточком всех их победила. И маму свою убить не позволила, и сына. Потому и вспоминала блокадные дни с удовольствием: о победах всегда приятно вспомнить.

О матери своей, пока она жива была, Марья заботилась как о маленькой девочке. Был у нее когда-то и муж, был и сын... Потом все умерли. Муж — еще до войны. Сын — уже взрослый, в тридцать лет, от туберкулеза. Последней умерла мать. Осталась Марья одна. Одна, в маленькой комнате, в коммуналке. Сколько соседей ни жило рядом с ней, со всеми она была приветлива, всех вспоминала, как родных, и ни на что не жаловалась. И о дорогих своих покойниках вспоминала, как сказал поэт «не говоря с тоской: «Их нет!» — но с благодарностью: «Были!».

Иногда у нас с ней речь заходила о церкви...

— Мы с мамой ходили в церковь-то... Всегда... Сейчас там кинотеатр «Москва» стоит, а раньше-то церковь была. И мы туда ходили. В церкви смеяться нельзя, а коли нельзя, то нас так от смеха-то и распирает. Стоишь только и мучаешься, рот себе затыкаешь. Но ходили... А потом снесли церковь, построили кинотеатр — и в кино стали ходить...

Дальше этих слов ее суждения о религии не простирались.

Но когда открылся рядом с нашим домом храм, Марья заволновалась. Начала потихоньку узнавать расписание служб, начала присматриваться к прихожанам, прислушиваться к разговорам. Откуда ни возьмись, нашлась у нее старинная икона Святителя Николая...

К тому времени сдавать начала наша Марья. Ходила с трудом, задыхалась, да и ум уже не такой ясный стал, как прежде... Но — собралась однажды и пошла на исповедь. Выстояла всю литургию, причастилась. Вернулась домой проясневшая, прибодренная. Прежде смерти успела еще несколько раз причаститься...

И померла — тихо, спокойно. Померла на последние дни Страстной недели, так, что все почти сорок дней ее пришлось на Пасхальное время. Помолитесь, кто может, о упокоении души рабы Божией Марии, которая потеряла всех своих родных, но не предалась отчаянию. Которая выстояла в блокаду. Которая всю жизнь прожила в маленькой коммунальной комнате и никогда не требовала большего. Которая после семидесяти лет безбожной жизни нашла в себе силы вернуться в церковь. Помолитесь о ней, пожалуйста.

Лев КОТЮКОВ

«ПОТОК ОГНЯ...»

Лев Константинович Котюков — родился в 1947 году. Предки из орловских крестьян. Бабушка родом из бунинских мест и лично знала в юные годы И. Бунина. Дед по материнской линии — известный губернский ветеринар, участник Белого движения. За год учебы на факультете журналистики МГУ, Котюков осознал, что его призвание — литература и, в 1965 году, поступает в Литературный институт. Первый поэт, отмеченный за литературные труды Патриархом всея Руси Алексием II, лауреат премии Св. равноап. Кирилла и Мефодия, а также еще 37 лит. премий. Председатель правления Московской областной писательской организации, секретарь правления СП России, заслуженный работник культуры России, гл. редактор журнала «Поэзия». **Живет в Московской области.**

СМЫСЛ ОДИНОЧЕСТВА

...Молчать, не слыша вечных слов,
Забыв отечество и отчество,
Как средь столбов без проводов,
В глуши земного одиночества.

Молчать, не слыша слов живых,
Молчать, забыв навек отчаянье,
И вырваться из бездн глухих
На голос Божьего молчания...

ПЕРВОРОДСТВО

В необоримой круговерти
Душа, как облако в крови, —
Моя живая тайна смерти —
И тайна вечная любви.
Расчислен морок отражений,
Но в первородстве неземном
Мой свет, мой сон преображенья
Был до меня предвечным сном.
Все это сгинуло со мною
Навеки в черной лунь-пыли,
Когда Земля была Луною,
Когда никто не знал Земли.
Пространство свернуто движеньем,
Пространство сгинуло во мгле.
Но сон, но свет Преображенья
В пылинке лунной на Земле.

ДРЕВО ЖИЗНИ

Я слышу на девятом этаже —
О чем-то шепчет дерево душе.
Оно со страхом смотрит в высоту,
Где молнии сгорают на лету.
Все ниже, все темнее небосвод —
И молния в вершину древа бьет.
Поток огня, пронзая ствол живой,
В земле клокочет плотью грозовой.
Дрожит Земля — и корни тяжело
Вбирают смертоносное тепло.
И древо жизни, полное огня,
С высот незримых смотрит на меня.
И я без страха в неземном краю
В час грозовой под деревом стою.

ЗА ПРЕДЕЛОМ

Вспыхнул стог в темном поле, и душа на пределе, —
И не ведаешь воли, и не ведаешь цели.

Темен жребий Отчизны в торжестве круговерти,
И предчувствие жизни, как предчувствие смерти.

И душа вместе с телом на обрыве дыхания,
Будто все за пределом, за пределом сознания.

За пределом незримым только воля Господня!
И летит стылым дымом в небо стог прошлогодний.

И предчувствие смерти, как предчувствие жизни, —
И в земной круговерти, и в небесной Отчизне.

Нет нигде человека без Божественной воли.
На околице века вспыхнул стог в темном поле...

* * *

Не ведаю: где нынче быть и небыль.
Стою во тьме у замерших раки.
Снежинкою с невидимого неба —
В огонь времен душа моя летит.

А время — в бесконечном невозможном,
И время до рождения — во мне...
Но жизнь-снежинка на ладони Божьей
Не тает в грозно-яростном огне.

ГРЯДУЩЕЕ

Столб огня в неземной вышине
Над грядущим провалом времен.
Я грядущее вижу во сне,
Но, очнувшись, не помню свой сон.

И, очнувшись, молчу, не дыша,
Как в забвенье бессрочном, молчу...

Вспоминаю, что жизнь не прошла,
И грядущее знать не хочу.

И омыта душа, а не плоть
Ледяною святою водой,

И Грядущее знает Господь, —
И Грядущее вечно со мной...

ДЫМ

Стынет в окнах темный вечер.
Жарко в доме молодым.
И летит снегам навстречу
Теплой тенью черный дым.
Это все когда-то было!
Это все еще в душе,
Как забытая могила
За церквушкой у шоссе.

Это все навек со мною:
Дым и снег, — и злая весть.
Это все еще земное,
Но уже почти не здесь.
Слишком долгодневный вечер,
Слишком скоро стал седым.
Но летит снегам навстречу,
Словно ворон вечный дым.

СИОНСКИЙ МОТИВ

*При реках Вавилона — там сидели мы и плакали,
когда вспоминали о Сионе.
Дочь Вавилона, опустошительница!
Блажен, кто воздаст тебе за то, что ты сделала нам!
Блажен, кто возьмет и разобьет младенцев твоих о камень!*
Псалтырь, 136 Псалом Давида

На реках Вавилона, вдали от гор и моря,
Как вербы над песками звенели арфы горя.

Звенели арфы горя, сияли в реках Луны,
И слезы орошали немолкнущие струны.

В дыму над облаками светились в росах розы,
И реки Вавилона смывали в море слезы.

Но сатана бесстрастно карал врагов Сиона,
И разбивал младенцев о камни Вавилона.

Рыдали арфы горя. Темнели в реках Луны.
И слезы высыхали на поседевших струнах.

Но сладок дым свободы. Смолкали арфы-вербы.
И осыпались розы на прах Сиона с неба.

И все опять сойдется в последней тайне века —
Вдали от гор и моря на Вавилонских реках...

КЛАССИЧЕСКОЕ

Я бы мог, наверно, жить иначе.
Будто лед, кремнистый путь блестит.
Не жалею, не зову, не плачу —
И звезда с звездой говорит.
Где-то жизнь... А здесь совсем другое.
И слова пустые давят грудь:
«Уж не жду от жизни ничего я —
И не жаль мне прошлого ничуть».
Где-то жизнь... А здесь дыра сквозная.
Да звезда над домом ледяным.
И никто души своей не знает, —
Все пройдет, как с белых яблонь дым.

Но летит на Север солнце Юга,
Но, как прежде, полон сад Луной.
Мы еще откроемся друг другу
В этой жизни, а потом в иной.
Эта жизнь без нас не повторится,
И любовь избудет вечный страх.
И Луна навеки раздвоится
В океанских черных зеркалах.
Я бы мог, наверно, жить иначе,
Но никто меня не повторит.
Не жалею, не зову, не плачу, —
Пусть звезда с звездой говорит.

* * *

Я знать не знаю — где со мною
Рассталась молодость моя?
И полнит душу пустотою
Химера инобытия.

И гложет в бездне гром победный,
И гложут родники в реке,
А я у Бога вновь — последний
И первый — в суетном грехе.

Но жизнь свою не осуждаю,
И в гуле уходящих лет
Как бы трамвая ожидаю
Там, где давно трамвая нет.

Поет с летящим мирозданием
Моя серебряная нить...
Но жить не страшно ожиданием,
Страшней неожиданьем жить...

В ЕДИНОМ МИРЕ

1

Вдруг кажется, что зло не превозмочь,
И сгинуло бессмертье в бесконечном.
Но свет рождает неземная ночь,
И, слава Богу, эта ночь не вечна.

2

Вдруг кажется: не эта жизнь прошла!
Вдруг кажется: нет смысла в невозможном.
Но вечен свет, как Божия душа,
Но вечен свет, он дышит Духом Божиим.

3

И вновь Господь дает любовь сполна,
Намного больше, чем мы жаждем сами...
И ничего, что ночь еще темна,
Что пустота за нами — и пред нами...

История и современность

Сергей ДЕВЯТОВ

МОСКОВСКИЙ КРЕМЛЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Валентин ЖИЛЯЕВ

Война для воинов Кремлевского гарнизона началась в 8.30 утра 22 июня 1941 года. К этому времени на многих участках западных границ СССР уже шли кровопролитные бои. Согласно приказу о введении режима усиленной охраны и обороны Московского Кремля с выходного дня по тревоге был вызван командный состав комендатуры¹. К 19.00 на объект прибыли подразделения, находившиеся в летних лагерях Подмосковья. Полк специального назначения, личный состав отдельной транспортной роты и военно-пожарной команды, составляющие военный гарнизон Московского Кремля, переводились на казарменное положение. А с 20

¹ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 28–29.

Сергей Викторович Девятov — родился в 1960 г. в Москве, закончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Доктор исторических наук. В 1986–1994 гг. — лектор, научный сотрудник, главный хранитель фондов музея «Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле». Автор нескольких десятков книг по отечественной истории XIX–XX веков, по истории Московского Кремля и истории органов государственной охраны, многочисленных статей, сценариев. С 1998 года — начальник Центра по связям с прессой и общественностью ФСО России, советник директора ФСО России. **Живет в Москве.**

Валентин Иванович Жилев — родился в 1947 г. в Москве. Образование — высшее профессиональное. Кандидат исторических наук. В органах государственной охраны с 1969 года. 1992–2000 гг. — офицер запаса, преподаватель высших учебных заведений Москвы. С 2000 года по настоящее время — консультант-редактор Центра по связям с прессой и общественностью ФСО России. Автор ряда книг, статей и сценарных материалов по тематике истории государственной охраны. **Живет в Москве.**

На тактических учениях полка специального назначения комендатуры Московского Кремля НКВД СССР. Лето 1941 года. В центре — заместитель коменданта Московского Кремля майор госбезопасности П. Е. Косынкин

июля это распространилось и на вольнонаемный состав гражданского отдела УМКК, без права выхода с территории Московского Кремля.

С введением дополнительных ограничений пропускного режима, проход в Кремль стал производиться с обязательным предъявлением двух документов (служебного удостоверения и паспорта), лица, идущие с оружием, обязаны были сдать его в бюро пропусков у Спасских или Троицких ворот. Это положение касалось и руководства Наркомата обороны, а с 20 октября и фельдъегерской службы НКВД СССР. Исключение составляли лишь военнослужащие комендатуры Московского Кремля и сотрудники 1-го отдела НКВД СССР. В УМКК произвели замену удостоверений личности и пропусков, в том числе и на автотранспорт, для прохода (проезда) в Московский Кремль. Были приняты меры, исключающие возможность попадания вновь введенных пропусков и личных документов на фронт.

Вскоре, из-за стремительного изменения оперативной обстановки, резкого ухудшения положения на фронтах руководство страны вынуждено было отказаться от начатых реформ в области государственной безопасности и приняло решение вернуться к состоянию на февраль 1941 года. В немалой степени возвращение к довоенному положению диктовалось также требованием предельной концентрации усилий подразделений различных направлений, необходимостью осуществления быстрее маневра имеющимися силами и средствами. В связи с этим 20 июля 1941 года в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «Об объединении Народного Комиссариата Внутренних Дел и Народного Комиссариата Государственной Безопасности в единый Комиссариат Внутренних Дел Союза ССР» Управление коменданта Московского Кремля вошло в состав объединенного НКВД СССР.

В Московском Кремле, к началу войны, и в дни обороны столицы, были прописаны и имели квартиры следующие руководители Советского Союза:

И. С. Сталин — квартира № 1, корпус № 1;

В. М. Молотов — квартира № 36, корпус № 5 (Кавалерский);

К. Е. Ворошилов — квартира № 12, корпус № 9 (Апартаменты БКД);

Л. М. Каганович — квартира № 1, корпус № 20 (Детская половина БКД);

А. И. Микоян — квартира № 33, корпус № 5 (Кавалерский);

Н. А. Вознесенский — квартира № 28, корпус № 5 (Кавалерский), переехал на жительство в Московский Кремль в феврале 1942 года;

А. А. Андреев — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 22, корпус № 5 (Кавалерский);

А. А. Жданов — член Политбюро ЦК ВКП(б), квартира № 34, корпус № 5 (Кавалерский). За военный период квартира занималась хозяином девять раз, в дни приезда из Ленинграда;

М. И. Калинин — председатель Президиума Верховного Совета СССР, квартира № 30, корпус № 5 (Кавалерский);

Без учета охраняемых лиц и членов их семей, к началу войны в Московском Кремле проживало 68 семей (239 человек). В основном, это семьи персональных пенсионеров (Д. И. Ульянова — брата Владимира Ильича Ленина, С. С. Дзержинской — жены Ф. Э. Дзержинского, В. Р. Менжинской — жены В. М. Менжинского, З. Г. Павлуцкой-Орджоникидзе — жены (Серго) Г. К. Орджоникидзе, О. Е. Аллилуевой — матери жены И. В. Сталина, Надежды Сергеевны Аллилуевой, и многие другие). Здесь же, по соседству, проживали семьи руководителей Комендатуры Московского Кремля и его подразделений (коменданта Кремля Н. К. Спиридонова, его заместителей П. Е. Косынкина, Ф. И. Конкина, Н. С. Шпигова, командира Полка специального назначения Т. Ф. Евменчикова, командира Отдельного офицерского батальона И. К. Запорожца и других). Кремлевскую прописку имели также несколько сотрудников личной охраны и обслуживающего персонала 1-го отдела НКГБ СССР с семьями. В общежитии корпуса № 14, были прописаны несколько десятков холостых офицеров из ряда подразделений гарнизона. В общежитии Арсенала проживали несемейные сотрудники гражданского отдела Комендатуры. Посторонних людей в эти общежития категорически запрещено пропускать, поэтому гости к этой группе кремлевских жителей не могли приходить.

Как известно, в Московском Кремле, с первых дней создания комендатуры, функционировал «гражданский отдел». Он занимался вопросами административно-хозяйственного обеспечения жизни и деятельности территории Московского Кремля, его ближайшего окружения. В состав гражданского отдела УМКК входили рабочие и служащие разных специальностей: электрики, сантехники, газовщики, связисты, дворники, истопники, повара, кровельщики, рабочие складов и так далее. Это был всегда вольнонаемный состав и никто из них не имел брони. С началом войны, не аттестованные мужчины призывного возраста из гражданского отдела УМКК, были направлены в военные комиссариаты. В связи с их уходом в армию, большую часть работы по обслуживанию Управления пришлось возложить на женщин и пенсионеров. В отдельных хозяйственно-производственных группах женщины замещали от 60 до 100 %, ранее занимаемых мужчинами должностей (дворники, истопники, сторожа, связисты и т. д.). Вновь на работу,

с их согласия, а во многих случаях, по их просьбе, были приняты десятки старых квалифицированных работников — пенсионеров.

В начале октября 1941 года в Московском Кремле, как и во всех районах столицы, стали наблюдаться перебои с подачей электричества, бытового газа и воды. С декабря газ в Кремле практически отключили, и все его обитатели стали посещать бани. Их, к этому времени, работало в столице всего девять. Сохранились свидетельства о том, что с января 1942 года, руководство Советского государства стало пользоваться услугами Центральных бань. Все военное время в Кремле для его жителей работала парикмахерская. Военнослужащие подстригались в своих подразделениях.

На 15 августа 1941 года УКМК НКВД СССР (совместно с 1-м отделом НКВД СССР) обеспечивало безопасность 25 охраняемых лиц во время их пребывания в Московском Кремле, а так же при проведении мероприятий на Красной площади.

1.	И. В. Сталин	14.	С. М. Буденный
2.	В. М. Молотов	15.	А. С. Василевский
3.	А. И. Микоян	16.	Г. К. Жуков
4.	А. А. Андреев	17.	Б. М. Шапошников
5.	Г. М. Маленков	18.	Л. М. Каганович
6.	Н. А. Вознесенский	19.	Л. П. Берия
7.	А. С. Щербаков	20.	М. И. Калинин
8.	Н. С. Хрущев	21.	В. Н. Меркулов
9.	К. Е. Ворошилов	22.	А. Н. Булганин
10.	С. К. Тимошенко	23.	А. Я. Вышинский
11.	Г. Димитров	24.	В. В. Ульрих
12.	А. А. Жданов	25.	М. М. Литвинов
13.	Н. М. Шверник		

(список составлен в соответствии с номерами групп 1-го отдела НКВД СССР)

На территории Московского Кремля в здании правительства СССР (корпус № 1) размещались Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Государственный Комитет Обороны (ГКО или как его называли в документах военной поры — ГОКО), сосредоточивший в своих руках всю полноту власти в стране. Председателем ГКО, а с 8 августа и Верховным Главнокомандующим вооруженными силами СССР, стал Председатель Совнаркома И. В. Сталин. Его кабинет находился на втором этаже, в Особом секторе ЦК ВКП(б). Там же размещались кабинеты членов ГКО К. Е. Ворошилова, Л. П. Берии, Н. А. Вознесенского, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, Г. М. Маленкова. Ряд помещений третьего этажа занимали кабинеты В. М. Молотова — заместителя Председателя ГКО СССР, и М. И. Калинина — председателя Президиума Верховного Совета СССР, с секретариатами и рабочим аппаратом. В декабре 1942 года, для контроля работы наркоматов СССР, было создано Оперативное бюро ГКО СССР. Председатель Оперативного бюро ГКО СССР — Л. П. Берия и аппарат этого органа управления разместился на третьем этаже корпуса № 1.

В документах УКМК (книга регистрации) сохранились интересные сведения по пропуску через посты охраны Московского Кремля с ноября 1941 года по март 1942 года. Так, с 11 по 30 ноября 1941 года, в один из самых

драматических периодов для столицы СССР и для страны, отмечено, что к И. В. Сталину, находившемуся в Московском Кремле, пропускали различных посетителей (в основном руководящий состав РККА) в дневное и ночное время в течение тринадцати суток. Эта информация существенно дополняет архивный комплекс документов, известный под названием «Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журнал (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком. 1924—1953 гг.»².

Первая, с начала войны, воздушная тревога в гарнизоне Московского Кремля прозвучала уже 24 июня. Она была учебная и выявила ряд существенных недостатков в действиях личного состава. Комендант Кремля, в связи с этим, потребовал от командиров более четкого руководства нарядами в боевых условиях, установления необходимой связи с частями войск НКВД Московского гарнизона (ОМСДОН НКВД СССР), прибывающими к стенам Кремля для усиления обороны объекта, а также твердого знания личным составом инструкций действий по тревоге. Для ориентировки шоферов в темное время суток в арках Спасских, Боровицких и Арсенальных ворот поместили специальные белые полосы. В ночное время скорость движения машин по Кремлю устанавливалась не выше 5 км/час, с потушенными или затемненными фарами. Личному составу нарядов предписывалось следить за соблюдением правил светомаскировки.

26 июня генерал-майор Н. К. Спиридонов представил заместителю Председателя СНК СССР, Наркому Внутренних дел СССР Л. П. Берии записку, в которой предлагал безотлагательно приступить к маскировке Московского Кремля и прилегающих к нему территорий³. Предполагалось:

- затруднить противнику при подлете отыскание Кремля на фоне города Москвы;
- уменьшить возможность прицельного бомбометания с пикированием по отдельным зданиям Кремля.

К записке прилагался проект плана маскировки Московского Кремля, подготовленный группой академика архитектуры Б. М. Иофана⁴. Хотя представленный план был утвержден только 14 июля 1941 года, фактически к работам приступили еще 28 июня, а основной их объем закончили к 1 августа.

Маскировку Кремля проводило Управление Коменданта Московского Кремля, прилегающих территорий и зданий (Красная площадь, ГУМ, Манеж и т. д.) — Моссовет и соответствующие ведомства, занимавшие здания.

Маскировка Московского Кремля предусматривала два варианта действий⁵. Первый вариант — плоскостная имитация, предусматривал в основном перекраску крыш и открытых фасадов всех кремлевских зданий и стен, для создания на них перспективного вида городских зданий (что стало немедленно реализовываться). Кремлевские звезды выключили (впоследствии их закрыли деревянными щитами), а так же замаскировали позолоченные

² На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953 гг.). М., 2008.

³ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. 2002. С. 31—32.

⁴ Там же. С. 33—36, 44—45.

⁵ Там же. С. 33—36

Подготовка личного состава Комендатуры Московского Кремля к отражению наземного нападения противника на подмосковном полигоне. Август-сентябрь 1941 г.

купола и кресты. Провели имитационную окраску и присыпку городских кварталов на Манежной и Красной площадях, на Ивановской площади в Кремле, перекрасили фасады дома № 2 Народного комиссариата обороны (НКО СССР) и ГУМа.

Второй вариант действий предусматривал проведение объемной имитации. Чтобы дезориентировать противника, выстраивались ложные городские кварталы с комбинацией различных макетов по типу городских зданий: в Александровском саду (по наружному контуру), на Красной площади, в Тайницком саду и по откосу, в Большом сквере Кремля. Над Мавзолеем возвели макет городского здания, примыкающего к кремлевскому корпусу № 1. Часть Тайницкого сада и трибуны Мавзолея перекрыли

подвешенными полотнищами, раскрашенными под крыши зданий.

Эффективность маскировки неоднократно проверялась воздушным наблюдением и аэрофотосъемкой с боевых высот. Так, 29 июля 1941 дневной осмотр маскировки Московского Кремля с высоты 1000 метров, со всех сторон и под различными углами произвела комиссия, в состав которой входил заместитель коменданта Московского Кремля майор государственной безопасности Н. С. Шпигов. Комиссия пришла к выводу о необходимости проведения дальнейшей работы по прикрытию центра столицы и московского Кремля⁶.

С наступлением ночи вокруг Кремля поднимали в небо большое количество аэростатов заграждения. Один из таких аэростатов, сбитый немецкими летчиками 7 августа 1941, упал и загорелся у Троицкого моста. Загорание было ликвидировано за пять минут.

Через неделю после начала войны, на крышах Оружейной палаты, Арсенала, Большого Кремлевского дворца, корпусов № 3 и № 14 были размещены зенитные пулеметные точки. 29 июля, для повышения уров-

⁶ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. 2002. С. 63.

ня противовоздушной обороны объекта, в районе Большого сквера Кремля установили две зенитные батареи корпуса ПВО, одна среднего калибра, другая мелкокалиберная.

Комендатура Кремля принимала превентивные меры для уменьшения людских потерь и материального ущерба. С 20 июля 1941 и до середины 1943 года, когда бомбардировки столицы прекратились, для тушения зажигательных бомб, падающих во время воздушных нападений, на крыши и чердаки Кремлевских зданий, ежесуточно подразделениями УКМК выделялось более сотни военнослужащих. При объявлении воздушной тревоги на территории Кремля с августа 1941 года дежурило пять подвижных медицинских постов.

Во время первой бомбардировки Москвы и Московского Кремля с 21 на 22 июля бомба фугасного действия, весом в 250 кг пробила крышу и потолочное перекрытие Георгиевского зала Большого Кремлевского Дворца. Достигнув пола зала, она не взорвалась, а развалилась, образовав воронку⁷. Если бы взрыв произошел, то большая часть Георгиевского зала и соседних с ним помещений оказались безвозвратно утеряны.

12 августа 1941 года при попадании фугасной авиационной бомбы (1000 кг) в Арсенал, погиб зенитный пулеметный расчет 11 роты полка, возглавляемый лейтенантом Г. Г. Ходаревым. Всего комендатура Московского Кремля потеряла в этот день убитыми 15 человек, 13 военнослужащих не были найдены, 40 — ранены. «Разрушена восточная часть здания Арсенала, серьезно пострадали малый гараж (Сталинский — *авт.*), расположенный во дворе этого здания, общежития подразделений гарнизона, складские помещения, столовая и кухня ХОЗУ УКМК. Разбиты стекла в оконных переплетах здания рабоче-крестьянского правительства, здания УКМК (корпус № 14 — *авт.*), 3-го корпуса (старое здание Оружейной палаты — *авт.*) и в остальной не разрушенной части Арсенала». Бомбардировка вывела из строя не только городскую телефонную связь, но также телефонные кабели, связывавшие Кремль с Домом Правительства (сейчас это здание Государственной Думы Российской Федерации) и рядом наркоматов (НКО, НКВД, НКВД). На втором этаже корпуса № 1, в кабинете И. В. Сталина пришлось менять оконные переплеты, пришедшие в негодность во время бомбардировки.

«29 октября 1941 г. в 19.22., через 2-3 минуты с начала объявления воздушной тревоги, в момент следования подразделения из Арсенала в бомбоубежище, с вражеского самолета в Кремль на территорию двора Арсенала сброшена бомба фугасного действия (предположительно 500 кг.). Пострадало 146 чел. Убито — 41 чел., не найдено — 4 чел., тяжело ранено — 54 чел., легко ранено — 47 чел. Кроме того, разрушен малый гараж, разбиты 3 автомашины и один мотоцикл. Разрушены две арсенальские лестницы, выходящие во двор. В помещениях возник пожар, который также дополнил разрушения»⁸.

Всего за годы войны Московский Кремль подвергался бомбардировкам восемь раз — пять в 1941 году и три раза в 1942 году (последняя бомбежка зафиксирована 29 марта 1942 года). На Кремль, Александровс-

⁷ Там же С. 49–50.

⁸ Там же. С. 93.

*Комендант Московского
Кремля генерал-майор
Н. К. Спиридонов. 1941 г.*

кий сад и Красную площадь сброшено 15 фугасных (от 50 до 1000 кг), 151 зажигательная, несколько осветительных бомб. Людские потери в гарнизоне от бомбардировок и участия в боевых действиях составили: убитыми, пропавшими без вести, умершими от ран — 95 военнослужащих, тяжело ранеными — 88, легко ранеными — 76 человек.

В августе 1942 года был составлен акт о разрушенных в результате бомбардировок немецкой авиации зданиях и сооружениях Московского Кремля, Стоимость восстановительных работ по этим объектам оценили в 3 млн 5 тыс. 908 рублей⁹. К 1 мая 1942 года капитальные работы, связанные с восстановлением поврежденных зданий и сооружений Московского Кремля (Арсенал, Большой Кремлевский дворец), были в основном закончены.

Маскировочные мероприятия, проведенные Комендатурой в комплексе с другими организационными

мерами (в том числе с активным применением средств ПВО) способствовали сохранению архитектурного ансамбля Московского Кремля, его зданий, музеев, исторических и культурных ценностей, а также помогли уменьшить людские потери.

В 1941 году Управление Коменданта Московского Кремля выполнило ряд специальных эвакуационных заданий руководства страны. Личный состав обеспечил вывоз из столицы в экстренном порядке большого количества особо важных грузов.

30 июня, 1 и 5 июля произведены эвакуации ценностей Государственной Оружейной палаты в город Свердловск. С 30 июня по 2 июля 1941 команда полка специального назначения организовала погрузку в вагоны и отправку из Москвы ценностей Гохрана, хранившихся в Кремле.

4 июля 1941 специальная группа УКМК приступила к эвакуации тела В. И. Ленина из Мавзолея в Тюмень¹⁰; а 7 июля — документов и архивов Совета Народных Комиссаров СССР из корпуса № 1. В августе 1941 в Свердловск отправили архив Управления Коменданта Московского Кремля.

В эти дни руководству Комендатуры Московского Кремля приходилось заниматься не только эвакуацией важнейших грузов государственных ведомств, но и бороться за сохранение исторических ценностей (не только

⁹ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. 2002. С. 136–140.

¹⁰ Там же. С. 42–44.

от пожаров и авиационных бомб противника). Так, 29 июня 1941 года на запрос заместителя председателя СНК СССР М. З. Сабурова комендант Московского Кремля представил справку о старинных трофейных орудиях, находившихся на постаменте у Арсенала, которые переместили на временное хранение в Тайницкий сад. 870 пушек, весом более 270 тонн, намечалось вывести для переплавки на завод «Серп и молот». Н. К. Спиридонов предлагал оставить в Кремле хотя бы по одному экземпляру каждого вида стволов. К счастью, ввиду отсутствия грузового транспорта и служебной занятости личного состава УКМК, а также по ряду других причин, эти исторические экспонаты остались невредимы.

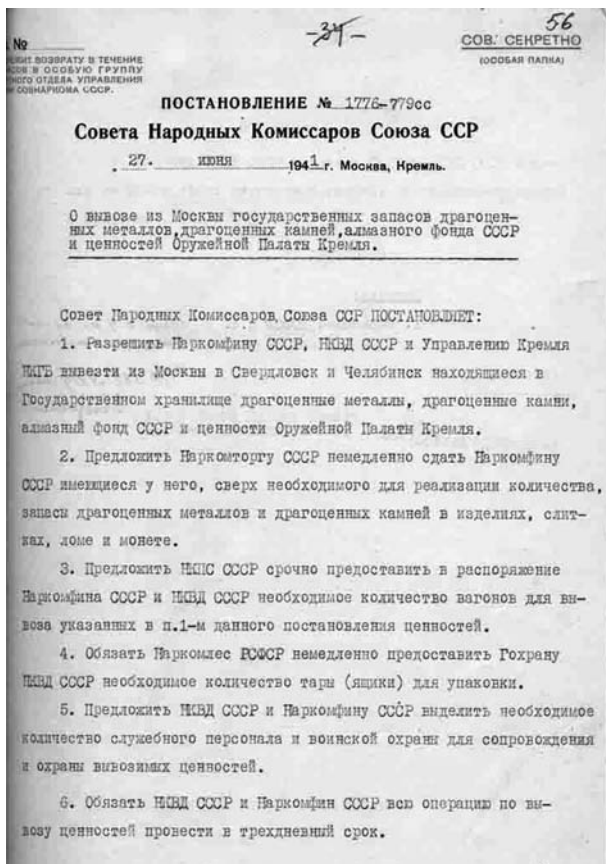
С 16 июля 1941, по указанию руководства Наркомата внутренних дел, Кремлевский гарнизон стал готовиться к возможному участию в эвакуации Советского правительства. Для этого на базе подразделений комендатуры Кремля началось формирование сводного подвижного отряда УКМК. Ядром отряда стал полк специального назначения. К концу июля 1941 года сводный отряд УКМК, которому придали свыше 250 автомобилей, с необходимым имуществом, вооружением, боеприпасами, был подготовлен к боевым действиям как на фронте (такой вариант также предусматривался), так и при эвакуационных мероприятиях.

15 октября 1941 года, в связи с резким обострением положения, руководство 1-го отдела НКВД СССР совместно с УКМК НКВД СССР подготовили план обеспечения охраны руководства государства на случай спешного отъезда из Москвы. Однако этот документ так и не был утвержден руководством НКВД. В это время комендант Московского Кремля подготовил два проекта боевого приказа сводному подвижному отряду УКМК. Первый — выдвижение на рубеж Можайска или Малоярославца (в зависимости от ситуации) и вступление в бой с частями противника. Второй — движение по маршруту: Москва — Ногинск — Владимир — Горький — Куйбышев. Этот вариант предусматривался только при эвакуации Советского правительства из Москвы автомобилями. Интересно, что в этом случае колонна на марше имела бы длину более пяти километров.

К 20 октября 1941 маршрут от Москвы до Куйбышева общей протяженностью 1330 километров был окончательно проработан. Готовность к движению по второму варианту боевого приказа была определена на 29 октября. Предусматривалось так же участие личного состава УКМК НКВД СССР, при эвакуации Советского правительства по железной дороге. Несколько поездов с личным составом должны были отправиться со станции Москва — Горьковская Товарная.

С декабря 1941 года по конец февраля 1942 года, более полусотни военнослужащих Отдельного (офицерского) батальона и полка специального назначения УКМК НКВД СССР находились в специальной командировке в Куйбышеве. Они обеспечивали охрану зданий, в которых размещались эвакуированные на Волгу высшие органы государственной власти и управления СССР.

В 1942 году эвакуационные мероприятия с участием личного состава Комендатуры Московского Кремля продолжались. В связи с вновь возникшей угрозой бомбардировки Московского Кремля и его музеев немецкой авиацией 27 июля 1942 года в Свердловск была направлена вторая партия музейных ценностей Государственной Оружейной палаты — 61 ящик.

*Постановление СНК СССР «О вывозе из
Москвы государственных запасов драгоценных
металлов, драгоценных камней,
алмазного фонда и ценностей Оружейной
Палаты Кремля». 27 июня 1941 г.*

косновения с войсками противника в подразделениях УКМК НКВД СССР началась подготовка истребительных групп по борьбе с фашистскими танками (из расчета 2-3 человека на отделение). Теоретическая подготовка проходила в Кремле, практическое, боевое обучение — на полигоне. Менее чем через месяц поставленная задача по подготовке истребителей фашистских танков была в основном завершена. С этого времени все подразделения Кремлевского гарнизона имели закрепленные за ними участки обороны. Командиры подразделений, начальники застав (караулов), коменданты комендатур персонально отвечали за состояние обороны вверенного участка и были обязаны всеми имеющимися у них силами и средствами не допустить прорыва противника в Кремль, уничтожить его на подступах к объекту. Руководство обороной должно было осуществляться с места, где решался успех боя в отражении нападения.

Задачу по уничтожению бронетехники и живой силы противника в районе Боровицких, Троицких, Никольских и Спасских ворот поставили двум зенитным артиллерийским батареям, размещенным в сквере напротив здания УКМК (корпус № 14), а также пяти зенитным пулеметным расчетам, рас-

В феврале 1943 года Комендатура Московского Кремля по указанию руководства НКВД СССР выделила 52 автомобиля из отдельного автотранспортного батальона УКМК для перевозки личного состава и грузов (снаряды для реактивных минометов «Катюш», оружие, продовольствие) на Центральный фронт. За период выполнения специального задания каждая машина прошла около 2000 километров без поломок и вынужденных остановок. Было перевезено более 6000 военнослужащих, 400 тонн грузов, эвакуировано в тыл свыше 400 раненых.

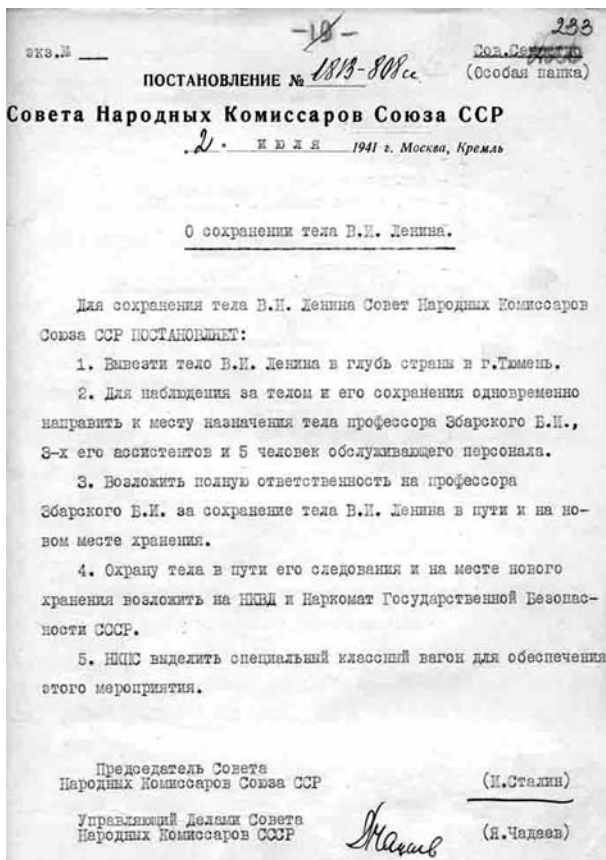
В 1941 году, с первых дней сентября, в связи с приближением противника к столице Кремлевский гарнизон начал подготовку к возможному отражению наземного нападения и боям на территории объекта. С конца июля 1941 ввиду возможного сопроти-

положенным на крышах кремлевских зданий.

10 октября 1941 года комендант Московского Кремля сообщил в НКВД СССР о готовности к проведению специальных мероприятий (минированию) ряда объектов: правительственной и кремлевской АТС, водонасосной и тепловой станций, электрической подстанции, бомбоубежища. Для этого запрашивалось четыре тонны взрывчатых веществ, необходимое количество детонаторов и бикфордового шнура. Н. К. Спиридонов просил указаний по проведению минирования утвержденных к уничтожению объектов¹¹. Но решение о минировании Московского Кремля принято не было.

Обстановка в районе столицы с каждым днем становилась все сложнее, и 20 октября 1941 года, на основании Постановления ГКО СССР «О введении в г. Москве осадного положения», Н. К. Спиридонов подписал приказ «О мероприятиях по усилению охраны Московского Кремля и боеспособности частей и подразделений». С этого момента объект практически полностью закрывался на ночь. Проезд автотранспорта, за исключением автомобилей охраняемых лиц, с полночи до шести часов в Кремль и из Кремля запрещался. Сотрудников фельдъегерской службы и посетителей, которым необходимо было попасть в Московский Кремль в ночное время, пропускали только через Спасские ворота.

В 1941 году на УМК НКВД СССР и 1-й отдел НКВД СССР возложили проведение двух, вошедших в историю мероприятий в Москве: торжественного заседания 6 ноября 1941 года на станции метро «Маяковская» и парада на Красной площади 7 ноября. Они готовились в условиях жесточайшего лимита времени и строжайшей конспирации. Личный состав подразделений охраны узнавал о своих служебных заданиях только на месте их проведения, или во время инструктажа незадолго до начала мероприятий.

*Протокольное постановление СНК СССР
от 2 июля 1941 г.
«О сохранении тела В. И. Ленина»*

¹¹ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М. 2002. С. 74–75.

Военнослужащие полка специального назначения УКМК НКВД СССР на строительстве оборонительных сооружений в г. Москве. Осень 1941 г.

Так, приказ об организации охраны торжественного заседания в помещении станции метро «Маяковская» был подписан лишь в день проведения мероприятия — утром.

6 ноября 1941 года полк специального назначения УКМК НКВД СССР выделил в резерв начальника охраны, два взвода автоматчиков во главе с командиром — лейтенантом М. Г. Красовским, которые были задействованы для закрытия проходов на платформу со стороны тоннелей. Начальник Управления коменданта Московского Кремля НКВД СССР генерал-майор Н. К. Спиридонов отвечал за обеспечение безопасности «в окружении входа» на станцию метро «Маяковская». Для перекрытия улиц и площади, к имеющимся в его распоряжении нескольким ротам ПСН приказом наркома дополнительно выделялось два батальона из ОМСДОН НКВД СССР¹².

А на следующий день, с 5 часов утра, Управление коменданта Московского Кремля совместно с 1-м отделом НКВД СССР приступили к выполнению очередного задания — обеспечению безопасности при проведении парада на Красной площади, всего в нескольких десятках километров от линии фронта.

Несмотря на предпринятые ПВО меры по недопущению налета вражеской авиации на центр Москвы, готовились к любому повороту событий. О сложности в обеспечении безопасности этого 25 минутного мероприятия

¹² ОМСДОН НКВД СССР — отдельная мотострелковая дивизия особого назначения имени Ф. Э. Дзержинского НКВД СССР.

(начало парада в 09.00, окончание — 09.25) говорят следующие факты. Тридцать пять медицинских постов были готовы оказать помощь в случае бомбардировки Красной площади. В их распоряжении находилось около десятка санитарных автомобилей. Пять восстановительных бригад и полтора десятка пожарных и других специальных автомашин, готовились к возможным действиям при разрушении зданий, мостовых, газовых и электрических сетей, возникновении пожаров¹³.

Парад обеспечивался минимальными силами, которые можно было собрать в это время. Так, в резерве коменданта Московского Кремля в эти часы находились только военнослужащие полковой школы, а командир полка находился до окончания мероприятия на командном пункте (КП) под «Царь-Колоколом». В сводках о ходе парада есть информация о досадной недоработке — отсутствии кинохроникеров, которые в спешке не успели снять на киноплёнку выступление И. В. Сталина с трибуны Мавзолея. Погрешность пришлось исправлять через неделю. 14 ноября в 16.30 четырнадцать сотрудников Союзкинохроники и Радиокомитета (плотники, звуковые техники, кинооператоры, осветители) приступили к работе в Свердловском зале (ныне Екатерининский зал) корпуса № 1 Московского Кремля. По заранее подготовленному чертежу из деревянных покрашенных деталей собрали ранее изготовленную на киностудии точную копию центральной трибуны Мавзолея В. И. Ленина. К вечеру установили осветительные приборы, кинокамеры, микрофон. А на следующий день, 15 ноября, после 16.00 начались репетиции, а затем и запись выступления И. В. Сталина, которая впоследствии и вошла в фильм «Парад наших войск на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года»¹⁴.

После успешного декабрьского контрнаступления под Москвой, ситуация в гарнизоне Московского Кремля изменилась. 3 января 1942 года отменили казарменное положение для сотрудников Гражданского отдела УКМК. Не аттестованный личный состав уходил домой на отдых, но обязан был, при вызовах, немедленно явиться в Кремль. Военнослужащих кремлевского гарнизона, свободных от службы (средний и старший начальствующий состав, командиры охраны Отдельного офицерского батальона НКВД СССР), разрешалось отпускать до 24.00.

Мероприятия по организации охраны Московского Кремля свидетельствуют о том, что в первые, тяжелейшие месяцы Великой Отечественной войны в сознании всех военнослужащих Кремлевского гарнизона постепенно происходил перелом: от неуверенности, неорганизованности — к мужеству, стойкости, сплоченности. Это позволило выстоять и победить.

Зимой 1942 года в Кремле приступили к восстановительным работам. В порядке подготовки к Первомайскому празднику было признано необходимым закончить кирпичную кладку разрушенной фасадной части стены Арсенала и восстановить крышу корпуса; в окнах кремлевских зданий, видных с Красной площади, вставить стекла вместо фанеры, поправить щиты, закрывавшие кремлевские звезды, провести ряд ремонтных и профилактических работ.

¹³ Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002. С. 95–96.

¹⁴ Кремлевский кинотеатр. 1928–1953. Документы. М., 2005. Л. 639.

15 апреля 1942 года в ходе подготовки к Первомайскому параду и демонстрации на Красной площади разобрали маскировку Мавзолея В. И. Ленина, а у входа выставили круглосуточный парный пост.

1 мая 1942 года УКМК НКВД СССР совместно с 1-м отделом НКВД СССР организовали охрану парада и демонстрации на Красной площади. Это совершенно неизвестное в советской историографии мероприятие. На парад были выведены истребительные отряды НКВД СССР районов Москвы и Подмосковья. Впервые в параде участвовали партизанские отряды из Московской, Калининской, Смоленской и ряда других областей. При проведении первомайского мероприятия предусматривались меры по обеспечению безопасности на Красной площади и прилегающей территории. Сразу после парада, в связи с угрозой применения противником боевых отравляющих веществ, в Комендатуре Кремля приступили к мероприятиям по защите охраняемого объекта, сотрудников ведомств, находящихся на территории Кремля, и личного состава УКМК.

Летом 1942 года обстановка на фронте вновь обострилась. В июне Комендатура Кремля обеспечивала работу 9-й сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва в Большом Кремлевском дворце. В случае объявления тревоги при возможном налете авиации противника информацию о временном прекращении работы сессии и эвакуации депутатов из зала должен был объявить председательствующий на заседании.

В сентябре 1942 года отдельную транспортную роту Комендатуры Кремля реорганизовали в отдельный автотранспортный батальон, а военнопожарную команду УКМК переименовали в отдельную роту специального назначения. Казалось, что и дальше деятельность Управления коменданта Московского Кремля и сотрудников 1-го отдела НКВД СССР будет отличаться размеренностью и надежностью. Однако 6-го ноября 1942 года произошел инцидент, крайне опасный по своим последствиям. Он-то и заставил не просто еще раз вспомнить о необходимости постоянной готовности, но и немедленно принять самые серьезные и жесткие меры по усилению безопасности высших должностных лиц страны.

В этот день, за три часа до открытия торжественного заседания в БКД, в самом центре столицы, на Красной площади, неожиданно завязался бой. Обстоятельства происшедшего внешне выглядели как классический сценарий террористического акта с четко скоординированными действиями преступной группы¹⁵.

В 14.55 специальная автомашина с А. И. Микояном выехала из Кремля через Спасские ворота по направлению улицы Куйбышева (ныне Ильинка). При подъезде к Лобному месту путь автомобилю преградил извозчик с возом сена, следовавший с Васильевского спуска по направлению к Красной площади. Правительственный автомобиль и следовавшая за ним машина охраны снизили скорость и были вынуждены свернуть вправо, ближе к Лобному месту. Когда основной автомобиль поравнялся с Лобным местом, оттуда по нему трижды выстрелил из винтовки гражданин, одетый в военную форму. Автомобиль с А. И. Микояном продолжил движение, а из второй машины, где находилась личная охрана, для задержания преступника высадился сотрудник 1-го отдела НКВД СССР М. М. Милорадов.

¹⁵ ЦА ФСБ России, АУД № 20477. Т. 1, 2, 3.

*Председатель ГКО И.В. Сталин и член ГКО
Г. М. Маленков у подъезда №2 корпуса №1 Кремля, 1944 г.*

Одновременно к месту происшествия бросились сотрудники Управления коменданта Московского Кремля Е. А. Вагин, Л. А. Степин, В. Т. Савин, начавшие перестрелку с нападавшим. Террорист залег, обстреливая вход на Лобное место, и ранил Л. А. Степина. Офицер комендатуры Московского Кремля Д. О. Цыба, находившийся на посту у входа в Спасские ворота, видя, что огнестрельным оружием преступника не обезвредить, выдвинулся к Лобному месту, вооружившись двумя ручными гранатами. Он бросил одну гранату, но оборонявшийся продолжал отстреливаться. После взрыва второй гранаты террорист поднял руки вверх и крикнул: «Сдаюсь!» Сотрудники охраны скрутили преступника и обыскали, найдя, кроме винтовки, 25 патронов и различные документы. Задержанного отвели в помещение бюро пропусков у Спасских ворот, а затем доставили на Лубянку.

Задержанный оказался С. Т. Дмитриев, тридцати трех лет, уроженец города Усть-Каменогорска, ефрейтор 1-го зенитного полка ПВО, дислоцированного в Москве. Сын зажиточного крестьянина-старообрядца, малограмотный (окончил один класс начальной школы), женатый, отец двух детей, в прошлом — комсомолец. В армию его призвали в 1939 году в родном городе, где он до этого работал на стройке. После демобилизации Дмитриев поселился в Москве, устроился шофером на завод «Стройдеталь». С началом войны он вновь был призван в армию, подал заявление о вступлении во Всесоюзную Коммунистическую партию, но ему отказали. На допросах он признался в антисоветских настроениях. Немецкие листовки, которые он

Перед Парадом Победы. 24 июня 1945 г.

читал, вызывали в нем желание отомстить за неудавшуюся жизнь. В полдень 6 ноября 1942 года Дмитриев, заступив на пост в гараже полка, принял окончательное решение. Взял винтовку и 45 патронов, пошел на Красную площадь с твердым решением совершить покушение на кого-либо из членов правительства или покончить с собой. Примерно через час, выдавая себя за часового комендантского патруля, встал на «пост» у Лобного места и стал ожидать удобного момента, чтобы осуществить задуманное.

Следствие по делу С. Т. Дмитриева пришло к выводу, что в данном случае отсутствовал какой-либо заговор, а за террористом не стояли контрреволюционные организации или немецкие специальные службы. Покушавшийся был явно неуравновешенным человеком с больной психикой. По этой причине передача материалов следствия и обвинения, подготовленного в марте 1944 года, в военный трибунал затянулась на много лет. Только 25 августа 1950 года состоялся суд над Дмитриевым, приговоривший его к высшей мере наказания.

Возможность совершения преступления в особо режимной зоне, на Красной площади, выявила существенные недостатки в организации работы подразделений государственной охраны в условиях военного времени, особенно в вопросах взаимодействия между 1-м отделом НКВД СССР и Управлением коменданта Московского Кремля. Решающую роль в задержании преступника сыграли высокая профессиональная подготовка и бесстрашие военнослужащих отдельного (офицерского) батальона и полка специального назначения УМКК НКВД СССР.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 января 1943 года в РККА были введены новые знаки различия для личного состава — погоны. С февраля 1943 года на повседневных погонах рядового и младшего ко-

мандного состава подразделений Кремлевского гарнизона устанавливалось ношение следующих трафаретов: полк специального назначения — ПСН, отдельный автотранспортный батальон — ОАТБ, отдельная рота специального назначения — ОРСН.

Служащие Кремлевского гарнизона принимали участие в патриотическом движении по сбору средств в фонд Оборона страны, в фонд Победы. Всего за время войны было внесено деньгами 3.017.051 рубль, сдано облигаций на сумму 464.850 рублей. Так, в подразделениях и отделах Управления Коменданта Московского Кремля в конце 1942 — начале 1943 года проходил активный сбор средств на постройку танковой колонны «Чекист», и к 16 января 1943 года личный состав сдал 734 тысячи рублей. В это же время в гарнизоне закончился сбор средств на постройку истребительной авиационной дивизии имени И.В. Сталина. Общая сумма сбора — 735.420 рублей, что составило 44,5 % общего фонда зарплаты гарнизона.

В апреле 1943 года государственными наградами были награждены 392 военнослужащих и гражданских сотрудников УКМК, из них орденами — 311, медалями — 81 человек. Так был отмечен большой вклад личного состава Комендатуры Московского Кремля в обеспечение государственной безопасности политического и культурного центра страны.

В первой половине 1943 года, в условиях наступления Красной Армии, было признано целесообразным вернуться к довоенной реформе органов государственной безопасности, которая максимально соответствовала задачам обеспечения фронта и конечной победы над немецко-фашистскими захватчиками.

14 апреля 1943 года был принят указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Народного Комиссариата государственной безопасности СССР». С этого времени Управление Коменданта Московского Кремля вошло в состав НКГБ СССР на правах самостоятельного управления, а 1-й отдел стал 6-м Управлением НКГБ СССР (Управление охраны руководящих кадров партии и правительства).

В конце 1943 года Комендатура Московского Кремля приступила к выполнению заданий, связанных с возвращением имущества и ценностей, вывезенных из Москвы в 1941—1942 годах. Эти мероприятия проводились планомерно, без спешки. В феврале 1944 года из Уфы в Москву специальная команда УКМК доставила особо важный груз — архив СНК СССР. Весной, из Свердловска, вернулся архив УКМК НКВД СССР.

С 16 по 19 февраля 1945 года провели реэвакуацию ценностей Государственной Оружейной палаты с Урала. Начальником специального эшелона из девяти вагонов был назначен директор Государственной Оружейной палаты подполковник госбезопасности Н. Н. Захаров, которому для охраны груза в пути был выделен взвод автоматчиков ПСН. О движении эшелона из Свердловска в Москву комендант Московского Кремля Н. С. Спиридонов докладывал лично два раза в сутки Наркому Государственной Безопасности СССР В. Н. Меркулову. В конце марта привезенное из Тюмени в Москву тело В. И. Ленина вновь поместили в Мавзолей. Как оказалось, это было последнее реэвакуационное мероприятие, из тринадцати специальных командировок, с участием военнослужащих Комендатуры Московского Кремля за годы войны.

Необходимо отметить еще одну славную страницу истории подразделений Комендатуры Московского Кремля. В 1942—1943 годы, на Западный и

Волховский фронты для боевой практики и психологической закалки личного состава были направлены четыре группы снайперов полка специального назначения. Личный состав командировался на специальное задание со своим вооружением и боеприпасами (винтовки, револьверы, ножи патроны по 120 штук на каждого), а также экипировкой (бинокли, маскировочные халаты). За исключением командира (офицера), у членов группы, кроме аттестатов, других документов не было. Всего за время боевой стажировки снайперами полка уничтожили более 1200 фашистов. Не обошлось без потерь и с нашей стороны. При выполнении боевого задания погибли три снайпера полка.

Режим служебной деятельности военнослужащих УКМК был очень интенсивный. С августа 1941 года личный состав гарнизона нес службу на заставах (так тогда назывались кремлевские караулы) по двое суток подряд. После смены караула в течение двух «свободных» суток в подразделениях проводились занятия, а военнослужащие назначались в дополнительные наряды и на работы. До конца войны в связи с проведением государственных праздников 1 мая и 7 ноября, а также при обеспечении протокольных мероприятий в Московском Кремле офицерский состав гарнизона неоднократно переводился на казарменное положение.

Одним из самых любимых мероприятий личного состава всегда оставалось кино. Однако в военное время люди были так физически измотаны, что после начала сеанса почти все засыпали. Только с мая 1944 года смена гарнизонного наряда стала производиться ежедневно. При всем том нельзя не отметить самого существенного факта — качественно возросшего уровня оперативно-служебной деятельности личного состава Управления коменданта Московского Кремля.

В июне 1944 года впервые после трехлетнего перерыва, Боровицкие и Спасские ворота, предназначенные для проезда автотранспорта, в дневное время оставались открытыми. Для жителей Москвы и Кремля это говорило о многом.

К Победе в Московском Кремле начали готовиться заранее. В 1944 году приступили к ремонту зданий. Помыли окна и покрасили рамы. Крыши вновь обрели свой привычный зеленый цвет, сняли защитные чехлы с крестов и куполов на Кремлевских церквях и соборах (в отдельных местах смыли защитное покрытие 1941 года), освободили звезды на башнях от деревянных щитов. 1 мая 1945 года вновь засветились пять звезд на башнях Кремля. Военнослужащие Кремлевского гарнизона и москвичи любовались кремлевскими звездами и ждали. Ждали Победу.

1 мая 1945 года Комендатура Московского Кремля участвовала в обеспечении парада и демонстрации трудящихся города Москвы на Красной площади. Это был заключительный, третий по счету, парад на Красной площади, проводившийся в годы Великой Отечественной войны.

В 1941–1945 годах Комендатура Московского Кремля совместно с 1-м отделом НКВД СССР — 6 Управлением НКГБ СССР — обеспечила безопасность семнадцати визитов глав иностранных делегаций во время их нахождения в Кремле. Это У. Черчилль (дважды), Ш. де Голль, Э. Бенеш, И. Б. Тито, А. Иден и другие гости. Всего за годы войны на охраняемом объекте было проведено сорок два крупных государственных мероприятий.

И еще одна малоизвестная страница деятельности УМКК. С 5 августа 1943 года по 9 мая 1945 года на территории Кремля были организованы 359 артиллерийских салютов в честь исторических побед Красной Армии на фронтах Великой Отечественной войны. Сводный салютирующий артиллерийский дивизион из двух дивизий НКВД СССР располагался во время стрельбы в Большом сквере Московского Кремля — в том месте, где еще совсем недавно размещались две зенитные батареи, отражавшие налеты авиации противника на Московский Кремль.

После капитуляции фашистской Германии подразделения Кремлевского гарнизона в мае-июне 1945 года обеспечивали безопасность ряда правительственных мероприятий, в том числе посвященных Победе в Великой Отечественной войне. Так, 24 мая личный состав УМКК НКГБ СССР принимал участие в проведении приема в Большом Кремлевском дворце в честь командующих войсками Красной Армии. Через месяц, 24 июня 1945 года, Комендатура Московского Кремля совместно с 6-м Управлением НКГБ СССР охраняли руководителей Советского государства и гостей на параде Победы. Кроме того, парадный расчет Полка специального назначения УМКК прошел по брусчатке Красной площади. На следующий день, 25 июня, на приеме в честь участников парада Победы в Большом Кремлевском дворце также по праву присутствовали военнослужащие Полка специального назначения УМКК НКГБ СССР.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных
рисунках,
фотографиях
и гравюрах*

Валерий ГАНИЧЕВ

НА ЧЕМ ДЕРЖИМСЯ

*Доклад
на Парламентском
форуме «Историко-
культурное
наследие России»
в Костроме, 2010 г.*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Заместитель главы ВРНС. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

На мой взгляд, это основные духовные оси России, на этом она держится и это составляет ее образ.

Те писатели, которые придерживаются нравственной, державной ориентации, а это наш Союз писателей России, и выстраивают свое творчество по этой линии, ибо этот ее духовно-культурный ряд возведен в века.

Поэтому Союз писателей России стал соучредителем Всемирного Русского Народного Собора вместе с Русской Православной Церковью, поэтому создан Клуб православных писателей, это и наш Центр духовно-нравственного, патриотического воспитания им. святого праведного адмирала Федора Ушакова, поэтому в таких двух выдающихся премиях Союза писателей, как премии имени Александра Невского и «Имперская культура» центральное место занимают книги о духовных подвижниках, о державниках, о подлинных героях, которых массовая информационная машина игнорирует, забывает, не культивирует.

Думаю, символично, что наш пленум СП России в Цхинвале в августе прошлого года, через год после агрессии Саакашвили, с повесткой дня «**Высокое слово правды**» и был посвящен 65-летию Победы, борьбе за высшие духовные ценности, которые нам помогли в войне победить, борьбе с фальсификациями в истории и великой литературе Отечественной войны. В «Российской газете» недавно была помещена целая полоса «Атака на победу» первого заместителя начальника генштаба генерал-лейтенанта Александра Буртина. Он отмечает, что одна из характерных черт современной западной историографии и пропаган-

ды — фальсификация. Что греха таить, наша историография последних двадцати лет с успехом пользовалась аргументами западных историков, нередко использовали и измышления фашистской идеологии и пропаганды. Вот несколько подобных измышлений, мифов, которые гуляют и нынче по экранам, страницам наших и зарубежных изданий:

— Мировым фальсификаторским блоком с одной стороны назначаются виновниками мировой войны Германия и Советский Союз, Гитлер и Сталин. Генерал Буртин пишет: «Цель этого — запутать вопрос о причинах Второй мировой и Великой Отечественной войны оправдать правительства и финансовую олигархию ведущих мировых держав того времени — главных виновников произошедшего...» Очень надо быть невежественным и забывчивым, чтобы забыть реальные факты.

— Или второй миф — клевета вокруг пакта «Молотова и Рибентропа», который якобы и привел к началу войны. Помните, как вытанцовывали сепаратисты Прибалтики, бывшие бандеровцы, польские шляхтичи, содержанцы фонда «Сороса», архитектор перестройки академик А. Яковлев двадцать лет назад, вокруг этого пакта, как пытались приписать факту его подписания начальную дату в попустительстве Гитлеру, в развязывании войны? Снова, как по команде, этот миф вытащен на свет. Не случайно. Уж очень хочется скрыть, запрятать, забыть Мюнхенский сговор 1938 года, когда Англия и Франция сдали Чехословакию Гитлеру и, сдавая Чехословакию, толкали его на восток, на Советскую Россию. Тут уж и жертва Второй мировой войны Польша, где громче всех кричала о сговоре Молотова-Рибентропа, забыла, что сговор Гитлера Чемберлена в Мюнхене в 1938 году она быстренько признала в то время, и более того, отхватила кусочек Чехословакии после этого (Тешинскую Силезию). В 1938 году секретные соглашения и пакты с Германией подписали не только Англия и Франция, но и страны Прибалтики. Никто себя не обвинял в попустительстве и сговоре. Двойной стандарт налицо, что и характерно для западной идеологии, пропаганды и науки. Если бы Советский Союз руководствовался фразеологией западных держав, доверился им и не разгадал их замысла, то уже тогда, в 1939—1940 году, он повел бы войну на два фронта. Ведь уже шла война с Японией на Халхин-Голе (там впервые проявился талант Жукова). Запад же подталкивал на войну с нами Гитлера. Было ясно, из всех развед- и дипломатических данных, что Гитлер в сентябре 1939 нападет на Польшу, и тогда гитлеровские войска окажутся у Минска и Житомира, у Пскова и Ленинграда. Заключенный Пакт и договор переиграли дипломатию и коварство Запада, они имели большое значение для безопасности Советского Союза.

Думаю, что нужно решительно выступить против фальсификаций истории, добиться, чтобы правильная интерпретация довоенных и военных лет вошла в учебники школ и вузов.

Мы хотели бы сегодня еще раз *подчеркнуть великую миссию нашей литературы, русской литературы, литературы всех народов России в Великой Победе*, способствовавшей сплочению всех сил перед лицом злейшего врага, показавшей высочайшие образцы публицистики, прозы, поэзии, драматургии. Мы должны отдать должное нашим предшественникам, которые в годы войны в воинском стане воспевали подвиг и мужество воина и труд работников тыла, а в послевоенное время осознали и художественно

воплощали в своих произведениях драму и героизм войны, склоняли голову перед жертвами и славили героев. Именно **«Высокое слово правды»** была повестка пленума Союза писателей, которое помогло выстоять нашим воинам в окопах Сталинграда, предгорьях Кавказа, на Курской дуге, форсируя Днепр и Вислу, штурмом беря Кенигсберг, Будапешт и Берлин. Из глубины времени мы не можем не восхититься литературой Великой Отечественной войны и, как бы не иронизировали эстеты и сторонники постмодернизма об излишней привязке к реальной теме, событиям фактическим, о ее подчиненности идеологии, она действительно была литературой воюющего народа, была **одним из видов «боевого оружия»**. Надо добиться, чтобы литературу военной поры **обязательно изучали в школе**, если мы хотим, чтобы молодое поколение знало истину, знало героев, следовало им. Думаю, что за это надо бороться.

Литература об Отечественной — это великая литература, это золотые страницы нашей отечественной словесности. Ведь без этой свидетельницы времени нашей страны нашим людям навязывается статус безвольного, ослабленного человека, комплекс вины.

Назовем всего некоторые из произведений, которые невозможно не знать нашему человеку, без которых невозможно понять истоки нашей победы. «Они сражались за Родину», «Наука ненависти», «Судьба человека» М. А. Шолохова, «Василий Теркин» А. Твардовского, «Русские люди», «Дни и ночи» Симонова, «Русский характер» А. Толстого, «Фронт» А. Корнейчука, «Морская душа» Л. Соболева, «Непокоренные» Бориса Горбатова, публицистика И. Эренбурга и Н. Грибачева и послевоенные «Молодая гвардия» А. Фадеева, «Повесть о настоящем человеке» Б. Полевого, «Горячий снег» Ю. Бондарева, «Мой Сталинград» М. Алексеева, «Пастух и Пастушка» В. Астафьева, «Полководец», «Генералиссимус», «Жуков» В. Карпова.

Снова, как в любой другой период, необходимо было поставить историю в пример тогдашним тяжелым временам, впрочем, как и нынешним. Появились и переиздавались произведения об Александре Невском, Суворове, Кутузове, Дмитрие Донском, Ушакове, Нахимове. Алексей Толстой развернул историческую панораму «Петр I», о преодолении трудностей, отсталости, низкопоклонства в тяжелые времена начала XVIII века, Симонов написал о Ледовом побоище 1242 года, запомнившимся поражением тевтонских псов-рыцарей...

Нельзя знать историю Войны и Победы, не зная песен того времени. На второй день Отечественной встала в строй песня-знак, песня-оберег «Священная война» Василия Лебедева-Кумача, а затем «Песня смелых» («Смелого пуля боится») и «В землянке» А. Суркова, «Жди меня» К. Симонова, «Песня о Днепре» Долматовского, «Шумел сурово Брянский лес» А. Софронова, «Соловьи», «На солнечной поляночке» Фатьянова. Не забудем, что в 1943 году С. Михалков и Г. Эль-Регистан написали гимн Советского Союза. И потрясающий факт: в 1943 (!) году Михаилу Исаковскому, автору всенародной «Катюши», песен «На позицию девушка...», «Лучше нету того свету» и др. была присуждена Государственная Сталинская премия. Думаю, нам следует рекомендовать, чтобы в школах, клубах, воинских частях молодые люди разучивали и исполняли песни Великой Отечественной войны.

Подводя краткий итог можно закончив эту часть словами Алексея Толстого, который в 1942 году сказал: «Воюющий народ, находя в себе больше

и больше нравственных сил, в кровавой и беспощадной борьбе, где только победа или смерть, все настоятельнее требует от литературы больших слов. **И советская литература в дни войны становится истинно народным искусством, голосом героической души народа** » (А. Толстой. т. 10. с. 553.). Нельзя, чтобы молодежь наша была оторвана от этого исторического духовного ресурса.

65-я годовщина Великой Победы дает нам полное право и повод утверждать патриотизм, сказать правду о войне, о ее героях. Удивительно, но чем дальше мы удаляемся от мая 1945 года, тем больше у нашей Победы оппонентов и врагов.

Те, кто с благодарностью говорили тогда и еще десятки лет назад о решающем вкладе Советского Союза, советского русского и других народов нашей страны в Победу стали вначале умалчивать, а потом и отрицать это. Они забыли, что 600 тысяч наших воинов погибли на территории Польши, сотни тысяч — на полях сражений на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, Венгрии, Румынии, Чехословакии, Германии.

Стали ли известны вопиющие факты, отрицающие этот вклад? да нет. Отменен ли Нюрнбергский приговор? Нет, его пока что не отрицают. На Украине, где я в октябре месяце участвовал в г. Николаеве в южноукраинской встрече по защите русского языка, в местной газете «Ридне Прибужье» была напечатана статья «Дети полицаев», которая прогремела по всей республике. Автор-редактор этой газеты Н. Г. Машкин убедительно показал, как отсидевшиеся в схронах, подпольях, тихих чиновных местах дети (он имел в виду, отнюдь, не только физических потомков, а скорее духовных продолжателей) полицаев, предателей страны и народа, истекающего тогда кровью, ныне все-таки решили продолжать дело предательства, совершив расправу над победителями, над Победой, над ее результатами. Они сомкнулись с теми либеральными критиками советского строя, кто подыграл западным фальсификаторам, историческим ненавистникам России. И этот зловещий, махровый антисоветизм привел к распаду страны победителя, к той исторической драме, о которой сказал Владимир Путин. Этот антиисторизм, антисоветизм привели к тому, что

- эсесовцы шествуют по улицам Риги,
- убирается памятник советского солдата в Таллинне,
- Бандера становится героем Украины,
- Власов выдается за борца с коммунизмом, за пламенного предшественника Беловежской тройки.

Отсюда война не Отечественная, не Священная, а как это продекларировано в организации ОБСЕ, куда мы так трепетно рвемся: была «война двух хищников», война Германии и России (обратите внимание, не СССР), это была схватка Гитлера и Сталина. Ну и отсюда нужно громить, как они говорят, «Победоманию» в нынешней России.

В замечательной книге Гр. Шумейко «Вторая мировая война. Перегрузка» показано, как фактически вся Европа: Финляндия, Венгрия, Италия, Румыния, а рядом — Чехия, Франция, Голландия, Словакия, Австрия, Испания (кроме Югославии) воевала против нас. Советую прочитать эту книгу, где на фактах показано, сколько чешских танков из Пльзеня утюжили наши земли во все годы войны, где сказано, что французских головорезов-фашистов на советских фронтах было больше, чем всех участников фран-

цузского сопротивления, как Швеция гнала железную руду в Германию. И Европа нынче отыгрывается, пытается замять свои грехи и переложить свое капитулянтство и потворство фашизму на нас.

На заре перестройки один из ее духовных лидеров сказал: «Пока не перемрут фронтовики, мы не сможем сломать этот советский дух Победы». Сейчас им кажется, что фронтовики «ушли». А ОБСЕ в своей заносчивости и гордыне уравнивают Гитлера и Сталина. А за этим последовала под этим же названием кампания у нас в стране. Ну нельзя же всерьез принимать аргумент о том, что десять фотоплакатов в Москве с фотографиями периода Великой Отечественной и образом Верховного

Главногокомандующего **раскалывают общество**. Лукавый и провокационный аргумент, который показывает, что именно его творцы раскалывают общество, уводят от реальных проблем сегодняшнего дня. Именно они предлагают **выкинуть из нашего знания и памяти** книги, газеты, листовки, **плакаты времен Великой Отечественной войны**. Там ведь было все, и это была наша история. Стыдно и горько было смотреть, как молодые люди, вряд ли пережившие ГУЛАГ, судебные преследования в передаче «Пусть говорят» не проявили никакого уважения к седидам фронтовиков, к их наградам, укоряли ветеранов за то, что не с теми лозунгами они шли в атаку, не под тем командованием воевали. Кто раскалывает наше общество? Кто топчет души фронтовиков? Я отнюдь не являюсь апологетом Сталина, в моей семье отец жены, простой рабочий, был репрессирован в 1937 году и сгинул в ГУЛАГе, а отец был приговорен к расстрелу в 1941-м году в Сибири за то, что не сдал семенной фонд. Его оставили на поруки, чтобы он и его товарищи за месяц воссоздали тыловой аэродром. Аэродром был построен. А в следующем году у отца был самый высокий урожай в Сибири, ибо он оставил этот семенной фонд. И он получил орден Трудового Красного Знамени. Война есть война.

Но ведь полный исторический идиотизм говорить, что войну выиграли вопреки Верховному Главнокомандующему. Несмотря на всю идеологизацию, все-таки надо пытаться исторически объективно оценивать роль.

Кесарю — кесарево. Богу — богово. Вот, например, Франция, год которой ныне идет, и мы учимся друг у друга. Вся Европа считала Наполеона Бонапарта в начале XIX века узурпатором, тираном, убийцей, а сама Франция потеряла за годы правления сотни тысяч своих граждан в захватнических войнах, в том числе в России, и французская нация уменьшилась на 15 сантиметров в росте, ибо ее лучшие, крепкие, высокие соотечественники погибли в боях за захват чужих стран. Так вот эта цивилизованная Франция имеет усыпальницу-гробницу своего императора. Она воспринимает его как личность историческую, занимающую свое место, тысячи книг выпущено о его персоне. А ведь далеко не все во Франции были бонапартистами.

Может и тем, кто затевает склоки в нашем обществе, не следует раскалывать общество. Вот я не раз встречался, в том числе, и по вопросу Верховного с нашими писателями. Все прославленные писатели, Герои Советского Союза Владимир Карпов, Михаил Борисов, известные всей стране Юрий Бондарев, Михаил Годенко, Семен Борзунов, Семен Шуртаков, Михаил Лобанов могли бы высказать свое мнение. А на телевидении показывают только тех, кто поддерживает организованную провокационную кампанию. Ведь это и есть фальсификация. Я, как и тысячи людей, с Героями России и войны Владимиром Карповым, Михаилом Борисовым, Юрием Бондаревым, Семеном Шуртаковым, Михаилом Годенко.

Михаил Годенко — автор великой книги «Минное поле» сказал еще вчера: «Нет, мы — моряки, когда шли в атаку, не кричали «За Сталина!» Но скажи нам тогда, что Верховный трус и предатель, мы бы посчитали, что это гебельсовская пропаганда и застрелили бы того, кто это говорил».

И еще, мы почти не говорим о гражданских потерях — жертвах войны, о великих жертвах нашего народа, принесенных для Победы. Из-за ложной толерантности мы не говорим о своих жертвах, и это притупляет нашу боль, хотя снимает вину тех, кто с мечом пришел в нашу страну.

Вполне по-человечески мы сочувствуем
погибшим при бомбардировке Дрездена,
сожженным в Хиросиме после атомного взрыва,
исчезнувшим из жизни в Холокосте.

И это правильно, ибо русский человек, как говорил Достоевский, — всечеловек, ему доступны страдания всего человечества. Но почему мы в стране стали забывать о жертвах войны, не вспоминаем соотечественников, уничтоженных этой войной? Не от комплекса ли, который нам прививают в отношениях с Европой и Западом? Немецко-фашистские захватчики разрушили или сожгли 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень (!), было уничтожено 6 миллионов зданий. Лишились крова около 25 миллионов человек. Были уничтожены и разрушены 31850 промышленных предприятий. Почти 17 миллионов наших граждан погибли от бомбардировок городов и сел, на дорогах эвакуации, мирные люди были уничтожены в концлагерях, в немецком плену, погибли от рабского труда на территории Германии.

Гитлер был зловещий русофоб, он и его клика приговорили славян к уничтожению. Он патологически ненавидел Россию и русских. «Кто может оспаривать мое право уничтожать людей низшей расы, которые размножаются как насекомые... Надо взять у России все, что нам нужно». Эти слова Гитлера взяты на вооружение всеми сегодняшними, антирусскими течени-

ями, какими бы цивилизаторскими, общечеловеческими, геополитическими идеями они не прикрывались.

Мы создали при Союзе писателей России и Всемирном Русском Народном Соборе Совет по возрождению российской деревни. Один из разделов его деятельности — память о погибших деревнях и в годы войны. Белорусская Хатынь — всем нам напоминание о жертвах, в России такого — нет, а между тем, в одной Смоленской области стерты с лица земли войной и оккупантами сотни сел, свыше 530 тысяч жителей уничтожены или исчезли из этих деревень. Это ведь (19!) Бухенвальдов. Мы помним Бухенвальд, но кто вспомнит русские Ивановки, Николаевки, Петровки, погибшие от рук врага. Когда я это сказал на Парламентском форуме в Костроме, мне пришла записка из зала, зам. губернатора Брянщины написал, что 25 октября в сожженной деревне Хацынь открывается мемориал в память о ее жителях. Спасибо брянцам, слава Богу, «Брянский лес» снова зашумел.

Может наше беспамятство, апатия и приводят к тому, что к нам предъявляют претензии, счет Латвия, Польша, Западная Украина, а Западная Европа высокомерно, а может намеренно, прикрывая свою вину, забывает о решающей роли Советского Союза, России в Победе над фашистской Германией. Надо, чтобы лозунг: «Никто не забыт и ничто не забыто» был бы в полной мере отнесен и к жертвам среди мирных жителей. Это наш долг.

Итак, «Вера. Культура. Патриотизм. Память» — наши духовные оси, держащие здание России.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

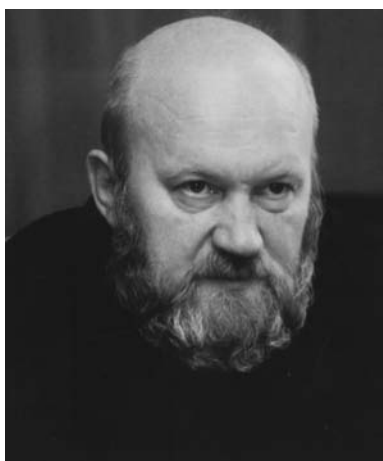

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

НАСЛЕДИЕ

Сергей ЛЫКОШИН

**ПОМНИМ ИМЯ
ПОБЕДЫ**

Сергей Артамонович Лыкошин (5.04.1950 — 13.01.2006) — родился в городе Сходне Московской области. Учился в геолого-разведочном и литературном институтах. Начинал свой жизненный путь геологом. Потом пришел в литературу и стал одним из самых значительных в стране создателей литературного процесса. Он трудился в журнале «Молодая гвардия», руководил уже в издательстве «Молодая гвардия» редакцией знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», заведовал редакцией критики в издательстве «Современник». С 1991 года работал в правлении Союза писателей России. Он автор ряда публицистических книг. В 1985 году он стал лауреатом премии Ленинского комсомола. Награжден Почетными знаками «За воинскую доблесть» и «За трудовую доблесть».

Его статьи и книги всегда были о главном — о духовной сути человеческой природы, о нравственной природе человеческих отношений. Столь же вдохновенно и беззаветно трудился Сергей Лыкошин и в Союзе писателей России, где в последние годы был заместителем председателя правления. Он был одним из тех русских писателей, благодаря которым Союз писателей не только сохранился в черные 1990-е годы, но вышел из тех страшных лет укрепившейся и мощной организацией.

Главная его любовь и боль — Россия. Он был строг и беспощаден к ненавистникам России, он умел защищать Родину, как защищал Дом Советов в 1993 году от первого до последнего дня, был не просто патриотом, а одним из благословенных столпов русского патриотизма, мудрым политиком и борцом, человеком великих помыслов и больших свершений. Как истинный

православный христианин, он любил людей. Его большое сердце принимало всех, кто хотел послужить Отечеству. Его доброй, широкой души хватало на каждого, кто приходил к нему со своими заботами.

Пасхальные дни сорок пятого года принесли нашему народу величайший дар — Победу над сатанинским и языческим германским фашизмом. Верить в то, что это совпадение, невозможно, ибо возвращение в национальное самосознание чувства исторического достоинства произошло на образах православных воинов-победителей — Дмитрия Донского, Александра Невского, Федора Ушакова. Открытые храмы и возвращение к богослужению, освящение боевой техники и облет оборонных рубежей с чудотворным образом Богородицы — все это стало неотделимой частью военной истории, приведшей наш народ к Победе.

Оставим мистические предпочтения на долю тех, кто по-настоящему сознает роль и место Божественного предопределения в судьбе народов и цивилизаций, заметим, немаловажные.

«Народ, ставший нацией, вышел из детства». Эти слова Достоевского могут быть совершенно соотнесены с судьбой советского народа, ибо нацией он стал в ходе Отечественной войны и вынес с ее полей сражений ощущение целостности и патриотизма.

В стороне остались заблуждения мировой революции, ложный пафос богоборчества и пролетарской солидарности. Спасение Отечества, родного дома и близких, вера в спасительную силу небесного покровительства — стали для народа основой мужества и подвига.

«Всякий отщепенец от своего народа и своей почвы, своего дела у себя, от своей земли и сограждан — есть преступник, даже и с космополитической точки зрения! Он тоже, что беглый солдат! Вот почему патриотизм — не только высокое, священное чувство и долг, но он есть — и практический принцип, который должен быть присущ каждому члену благоустроенного общества, народа, государства!

Надо прежде делать для своего народа, потом для человечества и во имя человечества!»

Резкое напутствие XX веку из уст «тихого» литературного классика Ивана Гончарова звучало, как предостережение всемирной «интернационалке». Его прочувзованность была несомненно близка и понятна тому, кто в тяжелейшие тридцатые годы в предчувствии тяжелейших испытаний вел свою войну с византийской изощренностью и русской дальновидностью сразу на нескольких фронтах. С большевистско-троцкистской мразью, уничтожившей важнейшие опоры и основы государственной жизни, с международной мерзостью Коминтерна, с подлым надстроечным перерождением партийного национализма в республиках, некогда единой и неделимой России и, разумеется с теми, кто на ближних подступах к западной границе жаждал своего политического реванша. Имя Сталина, измусоленное и искаженное в идеологических спорах и дискуссиях последних десятилетий, не случайно осталось в народной памяти символом жестокого порядка и утверждения высшей правоты действия во имя общих интересов. Самоотречение и умение сплотить народ в тяжелейший момент истории — это только видимая часть политического таланта и воли вождя и полководца, знавшего, ради чего и чем придется

жертвовать в боях за страну, как за Отечество — священную землю отцов и дедов.

Неуместны и нелепы нынешние мелкие споры о роли и месте Иосифа Сталина в истории XX века. Жалки попытки опротестовать или доказать его право на бронзовые монументы и памятные знаки. Удивительно стремление унижить Сталина в его полководческой миссии рассуждениями об избыточности боевых потерь, будто не добровольно шли в бой наши воины-герои. Сталин уже вошел в мировую и русскую историю во всем своем страшной грандиозном облике стратега, имперского строителя и карающего меча народного правосудия. Он получил и народную любовь, и преданность миллионов сердец и главное — возможность всем делом жизни доказать свою бескорыстную преданность народу, частью которого он рождения и до самой смерти оставался и на прощания которого по праву рассчитывал. Его слова в выступлении на приеме Кремле в честь командующих войсками Красной Армии 24 мая 1945 года звучат именно так:

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только поэтому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941–1942 годах, когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Прибалтики, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. Иной народ мог бы уже сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Но русский народ не пошел на это, ибо он верит в правильность политики своего правительства, и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества, — над фашизмом. Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!

Четыре года русские люди умирали за Родину с именем Сталина на устах. С его именем встретили Победу и, христосуясь в храмах, верили, что именно этот человек вернет жизнь России к историческому державному течению. В этом заключена была неоспоримость общего стремления закрепить достижения военной победы в мирной жизни.

«Гений и злодейство — две вещи несовместные». Забывая об этом, нынешние политические недомерки подвергают унижению и подвиг русского человека, и достоинства его вождей и полководцев. Для тех же, кто любит Родину, обладает волей и терпением, победный подвиг воинов, полководцев и вождя Великой Отечественной несомненны. Их дело заслуживает если и не понимания в испорченных либерализмом потомках, то уважения и почтения на все времена предстоящие.

Пасха сорок пятого года стала исполнением и воплощением надежд богоспасаемой России. «Христос Воскресе!» — говорим мы на пороге каждой новой Пасхи, с любовью и верой в грядущее спасение.

Ведь мы — каждый из нас — неотделимая часть того самого русского народа победителя.

Валентин РАСПУТИН

«ДА, БЫЛИ ЛЮДИ И В НАШЕ ВРЕМЯ!...»

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

Почему уходят до поры самые лучшие? Почему Господь призывает именно их? Неужели и там, в небесных палестинах, тоже идет нешуточная борьба за правое дело, и воины за него требуются не меньше, чем здесь?

Я познакомился с Сергеем Лыкошиным еще в ту пору, когда он работал в издательстве «Современник». Знакомство было шапочным, в редакции критики, бывшей местом его службы, я оказался как в комнате ожидания, пока не пришел мой редактор из прозы. Мы общались с Сергеем недолго, и я не запомнил, о чем говорили, но на фоне бойких, что называется, на ходу рвущих подметки, молодых редакторов незадолго до того созданного издательства от Лыкошина осталось светлое впечатление спокойной уверенности в себе и незаемного литературного вкуса.

Чаще в те годы я издавался в «Молодой гвардии», и Юрий Селезнев из «ЖЗЛ» все подбивал меня на книгу в этой серии о В. И. Дале. Испытывая к Дале, как к волшебнику, вместе с восхищением и безграничное удивление: как это он в одиночку мог познать столь великое языковое богатство, которое народ засеивал в течение столетий? Чтобы писать о нем, надо хоть по одной статье, хоть по одной мерке быть с ним вровень... Я тянул, не отказываясь окончательно, но и не смея сделать хотя бы начин. Лыкошин, пришедший в «ЖЗЛ» после Селезнева, и как-то легко и необидно снял с меня эту обязанность. К той поре я проштудировал чуть ли не половину Словаря, делая

выписки, ахая и замирая от восторга над точностью, глубиной и красотой речений народа-языкотворца. «Вот это нам и требовалось, — серьезно отозвался Сергей, когда я похвастался своими «раскопками» из Даля, — побольше бы таких несостоявшихся авторов».

Но это шли уже 80-е, которые начались так обнадеживающе — с юбилея Куликовской бит-

В. Г. Распутин и С. А. Лыкошин

вы — и закончились бесславной капитуляцией еще вчера могучей державы перед расплотившимися «грызунами» ее строения, бесстыдно кричавшими о порядке «с человеческим лицом». Мы не успевали держать оборону, на открывшуюся совсем рядом, как в мираже, Русь пошло наступление со всех сторон: поворот северных и сибирских рек, загрязнение Байкала, уничтожение лесов, разрушение памятников истории и культуры, несмотря на существование российского общества по их охране, все более яростные наскоки на русское имя, которое только-только стало произноситься вслух.

Затем пришел бесхарактерный Горбачев — и мрачная тень его черного кардинала по фамилии Яковлев нависла над страной. Загремели, полились, как из рога изобилия, бесстыдство, злоба, кощунство; отпетые враги России объявили врагами нас, всех вместе и каждого в отдельности, кто пытался сойтись в противоборстве и духовном сопротивлении.

У меня сохранилась фотография с организационного собрания Товарищества русских художников, которое состоялось в малом зале кинотеатра «Россия», насколько мне помнится, в марте 1988 года. Всю организационную работу взял на себя и председательствовал на собрании Сергей Лыкошин. Это был, несмотря на молодость, уже не мальчик, а муж: решительный, умный, прекрасно разбирающийся в подоплеке событий, с талантом оратора, когда не нужно брать горлом. Я смотрел на него с отрадным удивлением: потребовалась фигура, которая могла взять на себя ответственное лидерство среди отечественной интеллигенции, — и она, эта фигура, явилась.

Однако, товарищество просуществовало недолго, мы опаздывали. Вот на фотографии сидят рядом Юрий Бондарев и Виктор Астафьев — рядом, но мрачно отвернувшиеся друг от друга, уже не понимающие один другого. Вот приуныл всегда веселый, неутомимый Юрий Селиверстов. События развивались стремительно, и не в

нашу пользу, опрокидывая очередную нашу защиту, пока не дошло до рукопашной и баррикад.

Но дело Товарищества русских художников, под декларацией которого поставили подписи более ста самых именитых в литературе, искусстве и науке, не пропало даром, и на корневых его отростах выросли новые, всякий раз не без участия Лыкошина.

Через пять лет после мирного товарищества с двадцатого этажа Дома Советов под пулями и танковыми снарядами он ведет радиопередачи и устраивает по громкоговорителю выступления защитников. Рядом с ним близкие друзья Эдуард Володин и Юрий Лоциц. Они сошлись давно... Хотелось бы сказать, в мирные советские времена, но никогда для русского человека благополучных времен не выпадало, постоянно ему приходилось отстаивать свободу своего имени в семье народов.

Во дни расстрела Белого дома я жил под Иркутском на даче, не имея рядом ни телевизора, ни радио, спасаясь от их глумливого вранья. И о событиях в Москве слышал из разговора на соседнем участке. Бросился в город. По ТВ раз за разом повторялись картины дымящегося здания парламента и длинная череда выходящих из него под защитой «Альфы» тех, кто держал оборону. Что делать? — я стал представлять, кто из наших не мог там не быть и ошибся совсем в немногих. Ошибиться в Лыкошине, Володине и Лоцице было нельзя.

Только недавно я узнал, что лыкошинский род был древним и в истории государства российского именитым. Сергей Артамонович никогда этим не кичился. В отличие от многих и многих, кто с падением коммунизма бросился выдумывать себе красивую родословную. Но всегда, во всех случаях жизни при нем оставались достоинство, стать, природная величавость, совершенно исключавшие заносчивость или раздражительность. Однажды при мне — и не из желания потрафить ему, а от чистого сердца — назвали его правдоискателем. Он спокойно отозвался: «А чего ее искать, правду-то, она всегда должна быть с нами». Вот так же всегда с ним, как родовые и охранительные залого, были традиционализм и охранительный консерватизм, о которых он не забыл еще в уставе Товарищества русских художников и которые поставил на первое место, когда, уже в новом веке, возглавил Национально-консервативную партию и взялся совместно с русскими предпринимателями издавать газету.

Я не однажды по-детски размышлял: а что если бы таких, как Эдуард Володин и Сергей Лыкошин, были не единицы, а сотни на Москву, тысячи и тысячи на Россию? Неужели она, Россия, в годы потеряла бы значение державы? Нет, не может быть. Понятно, что разрушать легче. Легче было в революцию 1917-го, легче, с каким-то звериным неистовством, после прихода Горбачева и Ельцина.

Кабинет Лыкошина в Союзе писателей постоянно напоминал штаб, здесь всегда было тесно: батюшки, журналисты, конечно, ли-

тераторы, служилые люди, не отказавшиеся от своей русскости... Здесь решался вопрос об открытии православного сайта в Интернете, обсуждалась и организовывалась издательская работа, появилась газета. Было бы несправедливостью не сказать, что и весь писательский дом на Комсомольском был (и остается) оплотом правоверных патриотических сил. Валерий Николаевич Ганичев и Сергей Артамонович Лыкошин — как они дополняли друг друга и какая здесь напряженная шла работа! Ведь и Всемирный Русский Собор, существующий более десяти лет и заставивший уважать себя действительно во всем мире, общее детище Патриархии и Союза писателей.

Вспоминается многое, связанное с Сережей, Сергеем Артамоновичем Лыкошиным, вспоминается с болью и одновременно с утешением: нет, не оскудела земля Русская на славных сыновей своих, не прервалась окончательно связь времен и беспередельного, до самоотречения, служения ей.

Вспоминается, как шел он навстречу для объятий с каким-то голубиным, нежным взглядом, каким всегда встречал приятного ему человека...

Вспоминаются поездки в Минск, Якутию, Краснодар, Орел... было их немало, и везде он оказывался не впервые, всюду его встречали и обнимали, как родного... Он и в Чечне, куда мы полетели большим десантом, побывал до того не однажды и сразу отправился на передовую. Вспоминаю его, испуганного, с мигающими глазами, не знающими, за что зацепиться, когда позвонили вызвали его из уже рассаживающегося президиума в день открытия писательского пленума в декабре 2001 года и сообщили о смерти Эдуарда Федоровича Володина.

Он ушел тоже зимой. Незадолго до кончины я побывал у него, уже распластанного в постели, обреченного... Он был спокоен, даже радостен, весел. Вел разговор, не позволяя ему ненароком коснуться его состояния. Могло сложиться такое впечатление, что он на пороге выздоровления. Пил с нами чай, стараясь не показать, как тяжело ему держать кружку; пригубил не только чай. И, прощаясь, ничуть и ничем не выдал себя, голубиный взгляд, ласковый и животворный, таким и оставался до последней секунды.

Да, были люди и в наше время!..

ПОЭЗИЯ

Сергей ФИЛАТОВ

«РОДНАЯ МОЯ ПРОВИНЦИЯ...»

Сергей Викторович Филатов — родился в 1961 г. в Омске. После окончания Алтайского политехнического института работал по специальности на оборонном предприятии, директором коммерческого предприятия, помощником ректора в АПГУ, редактором городской газеты. Учился в Литературном институте им. Горького. Автор 6 поэтических книг и одной книги прозы. Лауреат краевой премии им. В. М. Шукшина, краевой лит. премии им. Л. Мерзликина. Работает научным сотрудником во Всероссийском мемориальном музее-заповеднике В. М. Шукшина в с. Сrostки. Член СП России.
Живет в Бийске.

* * *

Небо синее, близкое —
Хочешь, трогай рукой! —
Даже скажешь «провинция», —
Слышишь «вечный покой».

Жизнь течет по касательной,
Шевелясь да скуля,
Словно свечку поставили,
А зажечь не велят.

Пахнет щами с капустою
Да домашним теплом,
Да отцовским напутствием
Перед дальним крылом.

Все дороги накатаны,
И не тянет назад.
Возвращаться заказано...
Да уехать нельзя.

* * *

Хрущевки... Небольшие дворики...
И, непременно, — тополя.
И все размеренное, свойское,
Как вся провинция моя.

Москва... все больше —
в телевизоре,
Да и была ли та Москва?!
Да мы ее на... там вот видели!..
А вот провинция жива.

Она жива — как сострадание,
Как поминальная кутья...
Еще жива — как оправдание
Ущербности бытия.

* * *

Не осень. Не Болдино. Город.
Погост, уходящий в поля.
Окраина вечного горя,
родная моя
провинция, — берег унылый
людской суеты и тщеты.

Лишь в поле все дальше
уходят могилы,
И все безымянней
над ними кресты...

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСТРОЕНИЕ

Прижмется день к оконной раме,
наохлившись. Чуть-чуть дыша...

И, как в провинциальной драме,
взгрустнет душа
так по-тургеневски, наивно
и так светло.
Окно и снег. И все так дивно —
белым-бело...

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Ни голосов, ни отголосков
Не слышно. В том моя вина.
И тишина стоит, матросская, —
По всей России тишина.

О поле, кто тебя усевал?! —
Спрошу у поля своего.
Но лишь безмолвие расейское
В ответ. И больше ничего.

Снега. Снега... — какого лешего,
Рожна... какого же рожна! —
Окест Москвы одни безбрежные
Снега. Россия. Тишина...

* * *

Август. Душа засыхает как листья.
Как полоса отчуждения — август...
Скрипнет калитка. Как будто окликнет,
Вас ли?..

Сад ли забвением тонким пронизан,
Сон ли таится в дремучих распадах?... —
Времени нет, там, где вечность проникла
Крадучись в память.

Скоро — но вновь не уловишь момента —
Перегорят и проявятся дали,
Осень по-лисий войдет незаметно,
Как-то неожиданно...

ИСТОКИ

Июль. Пикет. Клубника спелая...
И даль открыта и светла,
А там, торжественна как первенец,
Русь вытекает из села.

Зачем?.. Куда?.. Какие странствия?..
К каким заветным берегам?..

А здесь пока — свежо и радостно,
Как в детстве... как босым ногам...

А здесь — покосом пахнет, травами,
Березняком...

Лежит река,
Как на ладони мир расправленный...
Пикет. Дорога. Облака.

* * *

Костер у реки кем-то наскоро брошен.
Как будто затушен. Поспешно залит...
Душа как кострище, остывшая вроде, —
не тлеет, не то, что б горит.

Но, что:
уголек?.. или будто бы дымом?..
погрезилось? или и впрямь напахнет?..

В смирении всяком таится гордыня,
не знаешь, когда полыхнет.

Какие обиды? какие победы?
какие скитанья в миру?.. —
все белым по белому писано...
Берег.
Хоть пепла в ладонь наберу...

* * *

Если выпить слегка для храбрости
и обратиться к вам —
всем, кто меня не любит:
дорогие, милые граждане,
земляки, горожане, люди!

Знаю, город терпеть не в силах
далее
моего присутствия грустного,
но зато меня любит Россия
и алкаши из соседней рюмочной.

И, конечно, собаки с кошками,
воробьи и голуби разные... —
потому что добрею, сколько бы
ни хватил я слегка для храбрости.

И еще меня терпит женщина —
сплошь по косточкам перемытого...
Ну а я,
я люблю вас нежно,
дорогие мои, милые, милые...

* * *

Снег как в детстве валит и валит.
И сугроб под окном подрастает...
И, как будто, светает вдали,
Безысходно светает.

И рассвет безнадежно-больной —
Бездыханный, тревожно-красивый —

За виной, за последней войной,
За снегами России...

Я уже разглядеть не могу
Там грядущие светлые строки,
Только что-то маячит в снегу —
То ли крест, то ли куст одинокий...

ПОЭЗИЯ

Анна РЕТЕЮМ

«ТОЧКА НАПРЯЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА...»

Анна Борисовна Ретеюм (Кругова) — родилась в Прихонерье. Первоначально получила специальность филолога в Балашевском гос. педагогическом институте, затем училась в аспирантуре Московского педагогического университета на кафедре русской литературы. Позднее окончила факультет графических искусств Московского полиграфического университета. Работала преподавателем английского языка, литературным редактором и художником-дизайнером в издательствах. Участница Совещания молодых писателей России (2007 г.) Победитель VI Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо-2009». Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Сотни, сотни ликующих птах
Не давали мне спать утром ранним —
На садовых деревьях, кустах
Выступая с прехитрым стараньем.

Зябкий сон ослабел, наконец,
Я встаю, просветлению рада:
Боже, сколько любезных сердец,
И как много им высказать надо!

* * *

Оттаяли желтые склоны,
Взбурлила речная вода,
Как будто большие циклоны
Уснули меж звезд навсегда.

Как много под небом, о Боже,
Колеблемой, нищей травы!
Я тоже, я тоже, я тоже —
Лишь стебель с земной головы.

* * *

Весной душа не виновата —
Она подобна воробью:
Свистит, нахохлившись пернато,
Чудную песенку свою.

Потом вспорхнет, потом —
вприпрыжку
К едва проросшему зерну,
И без стыда хватает лишку,
Припав к лазурному вину.

Где древний ветер нежит кроны
И солнце крылья золотит —
Для птиц не ведомы законы!
Ничто их дней не тяготит.

ЖИВАЯ ЛЕТОПИСЬ

Пожалуй, более не стражду —
Я просто так, я просто здесь,
Кручину ясеня и даже
Вздых тополей могу прочесть.

Что было памятно — убито,
Лови свиданья, не лови...
Лишь в этой рощице разлита
Живая летопись любви!

Когда в сияющем приливе
Дрожит зеленая заря,
Смотрю печальней и счастливей,
Дремотой лиственной горя.

Кручину ясеня и даже
Вздых тополей могу прочесть...
Пожалуй, более не стражду —
Я просто так, я просто здесь.

* * *

Назови меня ветром степным,
Назови ключевой водицей,
Волчьей ягодой, сизую птицей,
Что вонзается в утренний дым.
Я откликнусь на имя ветлы,
На «полынь» и «росу» — не обижусь,

Ведь туда, где и травы смуглы,
Все дорогой беспамятства ближусь.
Все туда, где напьюсь молоком —
Золотистой, полуденной ярью...
И припомню Ивана да Марью
В черном доме своем вековым.

* * *

Где только нет меня, где только нет!
Вся здесь, и департамент звезд, планет
Не выдает ни визы, ни гражданства.
Я точка напряжения пространства.

* * *

Что я делаю? Сплю до весны
Под охрипшие песни Борея.
Тянут ввысь золотистые сны,
На лету невозвратно старея.

Я лампаду свою не гашу,
Рассуждая о ближнем едва ли.
Что я делаю здесь? Чем дышу —
С верой в дикие, выюжные дали?

* * *

Ты прислал из Китая печаль —
Дорогой, непонятный подарок...
Долго я созерцала печать,
Иероглифы зубчатых марок.

И решилась раскрыть, наконец,
Сей трофей стоумового бонзы:

А внутри — деревянный ларец
В завитках нестареющей бронзы —

Там, во чреве пурпурном его,
Спал цветок, ароматно белея.
Я вдохнула, не зная того,
Что печалью твоей заболею.

* * *

На чем мы зиждемся? Как можем
Произносить надменно «мы»,
Покуда хлеб железный гложем
Из перекинутой сумы,

Покуда каменно и гулко
Звучит условленный наш лад,
И ты идешь по переулку,
И каждый миг продолговат...

Улыбайся холодному утру,
Ярким бликам железа, стекла —
Расцвела пробужденья минута,
И Москва, осмелев, расцвела!

Встречный сквер с позолоченной кожей
Не отпустит уж неба из лап,
И мне радостно видеть прохожих —
Разбитную болонью и драп.

И в шуршании прессы бульварной,
И в кофейной зевоте дверей —

Есть широкий такой, благодарный,
Отзвук юга — послушай скорей!

Пусть смеются зубастые тети
На таблондах глупых ларьков,
Этот город со мною в расчете —
Если б было чуть больше цветов.

Улыбайся ж холодному утру,
Ярким бликам железа, стекла —
Расцвела пробужденья минута,
И Москва, осмелев, расцвела!

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

Северная СТОЛИЦА

Наталья ХАРЛАМОВА

В ПРЕДЧУВСТВИИ ПЕТЕРБУРГА

Наталья Олеговна Харламова — в 1984 г. закончила кафедру истории Древней Греции и Рима исторического факультета ЛГУ, изучала поэмы Гомера и раннегреческую лирику. Основная тема научных исследований того времени — греческая архаическая поэзия в контексте общественно-политической жизни, этнические, эстетические и духовные ценности античного мира. С 2001 по 2007 год работала научным сотрудником музея истории религии. Основное направление научной деятельности — история монашества. С 2008 г. — научный сотрудник музея Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии и научный консультант по экспозиционно-выставочной работе Валаамского монастыря. Имеет несколько сборников стихов и переводов древне- и новогреческой поэзии. В 2007 г. выпустила в издательстве «Яуза-Эксмо» исторический роман «300 спартанцев». Живет в Санкт-Петербурге.

Здесь будет город заложен...

А. С. Пушкин

Город российской славы, блестящая столица великой империи, музей под открытым небом, сокровищница мировой культуры, парадный западный фасад России — это один взгляд на Петербург.

Есть и диаметрально противоположная точка зрения: нерусский город, возникший как чудовищная фантазмагория волею безумного Петра, чтобы стать плацдармом для экспансии западной цивилизации на православную Россию, город, с которым связано уничтожение древнего, сложившегося веками порядка, наконец, город цареубийств и революций. Сегодня нередко мы слышим и такое: провинциальный город с великим прошлым и областной судьбой в настоящем, мумифицированный город-музей.

Все эти высказывания в той или иной степени справедливы. Но ни одно из них не открывает ни истинного значения Петербурга, ни его тайны.

«НА БЕРЕГУ ПУСТЫННЫХ ВОЛН...»

Наш город имеет много устоявшихся мифов. Один из таких мифов это то, что он возник на пустом месте. Рефреном вновь и вновь плещутся в нашем сознании «неведомые воды». Затем всплывает страшное предсказание: «быть месту пусто» и другие неясные пророчества о грядущей катастрофе и затоплении. На пустом месте возник — на запустение и обречен.

Действительно, перед городом неоднократно вставал гамлетовский вопрос «быть или не быть». Вначале его существованию грозили чудовищные по своему размаху и

последствиям наводнения, когда, казалось, сама природа восстала против творения Петра. Спор — кто кого переупрямит — природа или человек — был долгий и нешуточный. Человек все же оказался упорнее.

В минувшем столетии, в роковом 1941-м Петербург стоял на грани полного уничтожения. Никогда еще он не был столь близок к гибели. Планы

немецкого генерального штаба «стереть город с лица земли» в точности соответствовали древнему зловещему предсказанию. Но, будто невидимая рука отвела беду. Вопреки всему и вся, город стоит, незыблемо и твердо.

Вопрос о «пустоте» этого места в прошлом и в будущем далеко не так прост, как кажется.

Во-первых, так ли уж безвестны были невские воды, и насколько место было пусто? Географически и геополитически проток, соединяющий Финский залив и Ладогу, был настолько важен еще в древности, что в течение многих веков новгородцы и шведы упорно оспаривали его друг у друга (Невская битва была лишь одним из эпизодов этой борьбы). Для шведов Нева была ключом к России и Карелии, что же касается новгородцев, то все их процветание зависело от того, в чьих руках находится проток. Потому борьба шла не на жизнь, а на смерть, и только после утраты Новгородом своей независимости, шведам удалось завладеть этими территориями, чем, кстати сказать, они не сумели воспользоваться в должной мере. Основав здесь мало чем примечательную крепость Ниеншанц, они удовольствовались простой фиксацией этих территорий за Швецией, не пытаясь здесь всерьез обосноваться, будто не понимая стратегического значения невских берегов. Пребывание шведов здесь было настолько эпизодическим, неглубоким и чужеродным и настолько осталось без последствий для будущего города, что мы опять не можем не задуматься, какие силы помешали нашим северным соседям использовать сто с лишнем лет своего присутствия здесь для более решительных действий?

Впрочем, куда важнее то, что происходило здесь до шведов. Каждое событие, начиная с глубокой древности, является ключом к разгадке тайны Петербурга, его блестящей судьбы и грядущего его возрождения. Древние легенды и предания, связанные с этим местом, образуют необычайное по своей силе метафизическое пространство. Оно формировалось веками, последовательно и неуклонно. Начиная с древнейших времен, события, происходившие здесь, неоспоримо показывают, что появление Петербурга не было случайностью. Не каприз Петра и даже не военно-политические соображения вызвали город к жизни. Мы имеем веские основания говорить о предопределенности Петербурга. Даже имя города было предопределено задолго до его основания. Итак, обратимся к древним преданиям.

*Наводнение в Санкт-Петербурге.
Старинная гравюра*

Во время оно «Бе путь из варяг в греки и из грек по Днепру, и верх Днепра волок до Ловати, и по Ловати внити в Ылмерь озеро великое, из него же озера потечет Волхов и втечет в озеро великое Нево, и того озера видеть устье в море Варяжское. И по тому морю ити до Рима...»

Н. Ломтев. Апостол Андрей Первозванный водружает крест на горах Киевских

Так начинается сказание о путешествии апостола Андрея из Царьграда в Рим, которое он проделал, пользуясь вышеупомянутым маршрутом. Как известно апостол во время этого путешествия благословил место будущего Киева на Днепре, своим присутствием он освятил также и Невские берега. Среди валаамских монахов есть предание, что апостол Андрей не просто проплыл здесь, но установил крест на Валааме и этим освятил место.

Через восемьсот лет после этого легендарного путешествия мы видим эти земли основательно обжитыми славянскими племенами совместно с чудью, ижорой, карелами и другими угро-финскими народами. И здесь в дремучих приладожских дебрях был заложен камень будущего древнерусского государства. Понятие «Киевская Русь» часто заслоняет от нас тот важный факт, что именно у нас на севере находятся истоки русской государственности и Киев вторичен по отношению к Ладоге и Новгороду.

Сегодня, если вам случится побывать у места впадения Волхова в Ладожское озеро, точнее, чуть ниже этого места, вы окажетесь в крохотном поселке Старая Ладога. Вас встретит небольшое, на первый взгляд ничем не примечательное российское сельцо с ее пронзительной нищетой — почти никаких признаков современной цивилизации. Но подходя к Волхову вы с удивлением обнаруживаете мощные каменные крепостные стены и башни, древние храмы XII века, монастырские обители. Вот она, древняя крепость Альдыгейя на Ладоге при начале пути «из варяг в греки», первоначальная столица Рюрика и Олега, скромная колыбель русской государственности. Отсюда Рюрик спустился вниз по течению Волхова и «срубиша Новъгород», как об этом повествуют древние летописи. Отсюда Олег отправился в свое знаменитое плавание к берегам Днепра и приступил к объединению разрозненных восточнославянских поселений под единым правлением. Ничто, кроме древних камней и высокой сопки над Волховом — могильного холма Олега — сегодня не напоминает о прошлом величии. Будто какая-то неведомая сила хранит это потаенное место от глаз любопытных в тишине и вдали от суеты...

Крепость в Старой Ладоге

Позднее, когда Киев занял главенствующее положение в образовавшемся русском государстве, Северная Русь во главе с Новгородом, сохраняя известную независимость и будучи родовой вотчиной Рюриковичей, продолжала оказывать ощутимое воздействие на развитие ситуации на Юге. Самые прославленные русские князья — Владимир Святой и Ярослав Мудрый — в междоусобных распрях начинали свою борьбу за киевский престол из Новгорода и этим обеспечивали себе дальнейший успех. Мы видим: неизменное правило, начиная с Рюрика и Олега, **кого приняла Новгородская земля (Ильмень-Ладога-Белозерье), того принимает и вся Русь.**

Круг как известно — символ вечности. Начало и концы сходятся. Так центр русского государства, перемещаясь по кругу от Ладоги и Новгорода до Киева и через Владимир к Москве, в Петербурге возвращается к своим истокам. Круг замкнулся.

Я говорю тебе — ты Петр, и на сем камне Я создам церковь Мою, и врата ада не одолеют ее (Мф. 16, 18)

Существует одно удивительное предание, которое переносит нас в начало XII века и в котором можно усмотреть прямое пророчество о будущем городе, его названии и его исторической вселенской миссии. Речь идет о чуде Святого **Антония Римлянина**. Случилось это в исторические времена, хорошо освещенные в наших источниках — в бытность архиепископом Новгородским преподобного Никиты. Житие Св. Антония повествует, что вскоре после схизмы, когда латинская церковь отпала от Православия, часть монахов удалилась от папских

гонений в пустыни. В 1086 году к ним присоединился юный Антоний. Сын богатых родителей и единственный наследник, он отказался от мира и отдал себя служению Богу. Св. Антоний роздал свое имение нищим, а оставшееся золото, серебро и драгоценные сосуды сложил в бочку (делву) и пустил в море. Странствуя, он добрался до пустынного берега моря. Год и два месяца молился преподобный Антоний на камне на берегу моря, и потом чудесным образом был перенесен по волнам на том же камне по морю до Финского залива, через Невские воды в Ладогу и оттуда по Волхову до Новгорода. Камень пристал к берегу в ночь с 7 на 8 сентября 1106 года. Очнулся Антоний, заслышав колокольный звон, и думая, что он перенесен в Рим, стал готовиться к тяжким испытаниям. И тут с изумлением он видит жителей неведомой страны, говорящих на странном непонятном наречии. Три дня он молился, боясь покинуть свой камень. Господь послал ему греческого купца, знавшего латинскую речь, который и объяснил Антонию, что он находится в Новгороде. Обучившись немного русскому языку, Антоний открыл свою тайну епископу Никите. Позднее Антоний по его совету основал на берегу Волхова, в том самом месте, куда пристал камень, монастырь, который теперь носит имя преподобного (Антоньевский), и там же построил

Преподобный Антоний Римлянин на фоне монастыря, Новгородские земли, кон. XVI в.

храм Рождества Богородицы. Монастырь стоит до сих пор, также как и храм того времени. На здании церкви есть памятная надпись, рассказывающая о том, что храм был построен на средства Антония Римлянина. Дело в том, что та самая бочка с наследством, согласно легенде, тоже была перенесена к Новгороду и спустя год Св. Антоний обрел ее чудесным образом в Волхове и эти средства употребил на строительство храма. Часть же сосудов хранилась в монастыре, откуда их забрал в Москву государь Иоанн Грозный. Еще до революции эти драгоценные сосуды с надписями на латинском языке можно было видеть в Московской Патриаршей ризнице. В храме, построенном Преподобным, и сегодня стоит тот самый легендарный камень, на котором он, согласно преданию, приплыл к нам из Италии, там же почивают под спудом мощи Святого.

Символическое прочтение этого предания может служить пророчеством о грядущем городе. Камень из Рима символизирует переход благодати Божией из Рима на Русскую землю (ведь случилось это спустя полвека после схизмы). Петром (в переводе с греч. «камень») нарек Господь ученика Своего Симона, как основание Своей Церкви. Латинская церковь претендует на свою исключительность именно в силу особой благодати, дарованной Спасителем апостолу Петру, который проповедовал в Риме и здесь принял мученический конец.

Камень Антония Римлянина, таким образом, становится прообразом Петербурга. Ведь через 600 лет в устье Невы возникнет город-камень, город Святого Петра. Знаменательно в этой связи и то, что город строился изначально в камне, в отличие от большинства русских городов. И то, что название его имеет западную латинизированную форму — Санкт-Петербург, которое при этом смогло прижиться, органично вписывается в общую метафизическую канву событий. И даже архитектурный облик римского собора Св. Петра, повторенный в Казанском Соборе на Невском проспекте, в котором пребывает главная святыня города — чудотворная икона Казанской Божией Матери, наводит на размышления о неслучайных случайностях. Получается, что третьим-то Римом оказывается не Москва, а город на Неве, никогда, кстати, на это не претендовавший.

«ДА ПОМОЖЕМ СРОДНИКУ НАШЕМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ»

В следующем XIII веке в этом регионе произошло еще одно важное событие — знаменитая Невская битва — самый выдающийся ратный подвиг новгородцев во главе со Св. благоверным князем Александром Ярославовичем. Вся юго-восточная Русь лежала растерзанная Батыевым нашествием. Шведы, а затем немецкие рыцари сочли, что наступил благоприятный момент для разгрома и завоевания северной Руси. Здесь, на Невских берегах, решалась тогда судьба всего русского государства. Здесь князь произнес свои знаменитые слова: «Не в силе Бог, но в правде», вступив в сражение с превосходящим противником.

И опять все детали и обстоятельства сражения глубоко символичны. Накануне битвы дозорному Пелгусию рано поутру было видение русских князей-мучеников Бориса и Глеба, плывущих по Финскому заливу в челноке. Святые мученики стояли посреди лодки в красных одеждах, держа руки на груди. Один из них сказал, обращаясь к другому: «Брат Глеб, повели грести скорее, да поможем сроднику нашему князю Александру».

Вот и еще одно пророчество: явление святых князей-страстотерпцев Бориса и Глеба, убиенных Святополком Окаянным, на Невских берегах — не прообраз ли будущих царских мучеников, которым предстояло претерпеть насильственную смерть на этой земле. Не раз, начиная с царевича Алексея, она обогрялась августейшей кровью: Петр III, Павел I, Александр II, отсюда начал свой путь на Голгофу царь-мученик Николай II. Святые великокняжеские мученики своим появлением ознакомили, что место это под их особым княжеским попечением, возвещая о будущем жертвенном служении русских царей Богу и Отечеству. Так обстоятельства Невской битвы отметили эту землю как место русской славы и вместе с тем — царского заклания. Сам же князь Александр на Неве получает свое историческое имя и благо-

А. Кившенко. Невская битва

словение от князей-мучеников. И, как оказалось в последствии, оно касалось не только исхода битвы, но и будущего — особой роли его потомков в русской истории, ведь от корня Александрова пошли московские цари.

ОСВЯЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

В следующем столетии, в 1383 году, опять по тем же Невским волнам, согласно преданию, пройдя в Ладогу и оттуда по реке Сясь до Тихвина (прежде село Пречистенское) приплыла икона Божией Матери, называемая Тихвинская. Отметим, что случилось это спустя три года после Куликовской битвы, по существу означавшей конец золотоордынского ярма и будущую мощь Русского государства, и примерно за 70 лет до падения Константинополя. Именно в это время в Константинополе исчезла одна древняя, глубокочтимая икона Божией Матери — полагают, что именно она объявилась в крохотной безвестной деревушке, затерянной в карельских лесах на берегу речки Сясь, где в XVI веке (в 1546 году) возник знаменитый Тихвинский мужской монастырь.

С древнейших времен заповедные приладожские леса освящались монашескими обителями. В глубокой древности преподобные Св. Сергей и Герман основали на одном из островов Ладожского озера Валаамский Свято-Преображенский монастырь. Если с доверием относиться к житию Авраамия Ростовского, то св. преподобные Сергей и Герман основали свой монастырь еще до крещения Руси, таким образом, здесь, в сердце Ладоги, находится колыбель

О. Валаам. Старинный рисунок

русского монашества и русской святости. В XIV веке на одном из соседних островов на месте древнего языческого капища стараниями преподобного Арсения была основана Коневская Рождественская обитель. Здесь известна своими чудотворениями Коневская (Голубинская) икона Божией Матери, привезенная Св. Арсением с Афона. Икона эта необычайна тем, что Младенец Иисус держит в руках двух птичек. Голубки — символ жертвенности (два голубка были принесены в Иерусалимский храм Иосифом как жертва Богу в благодарность за рождение Иисуса по обычаям древних иудеев).

В XV веке на реке Свирь подвизался великий угодник Божий, первоначально монах Валаамского монастыря, преподобный Александр Свирский, основавший обитель, которая теперь носит его имя. Здесь в заповедных приладожских лесах, как в новой Палестине Святой, удостоился подобно патриарху Аврааму лицезрения Св. Троицы в виде трех ангелов.

Итак, мы видим каждое столетие здесь происходили события далеко не рядового значения, место освящалось и подготавливалось для своей будущей исторической роли. В целом, символическое прочтение большинства событий, которые передают нам древние летописи и предания, выдвигает на первое место знаки царственности, жертвенности, богоизбранности.

БОЛЬШЕ, ЧЕМ РУССКИЙ

Санкт-Петербург, город Святого Петра, ключи от рая. *Nomen est omen*. Когда-то в XVI веке шведы попытались закрепиться в районе реки Охты, основав поселение с громким названием Ландскрона — «Венец земли». Можно только недоумевать, что могло побудить шведов назвать жалкое свое поселение, затерянное среди болот и непроходимых лесов, столь пышным именем? Вот вам и еще одно пророчество.

Город на Неве — это не «нерусский» город, как его часто называют, а больше, чем русский. Он имеет вселенский масштаб, всемирное значение. Камень Антония Римлянина отметил его как новый Рим, явление Св. преподобному Александру Свирскому Св. Троицы — как новую Палестину. Приход Тихвинской иконы обозначил преемственность со вторым Римом — Константинополем. Не случайно отсюда начинается расширение русского государства вплоть до Тихого океана. Русь выходит за узко национальные рамки, объединяя вокруг себя множество самых разных народов. Русь становится Империей. От момента основания города государство наше своей культурой и историей начинает оказывать влияние на судьбы всего мира.

На первый взгляд у города европейский облик, но только по внешнему виду, внутренний логос его совершенно иной. Его стройный величественный аскетичный профиль ничего общего не имеет с уютными, празднично разнаряженными, хаотичными городами Европы. Петербург вобрал в себя черты и Амстердама, и Венеции, и Гамбурга, и Парижа, и Рима, древней Александрии, оставаясь всегда самим собой — непостижимым и суровым. Ф. М. Достоевский в своей речи, посвященной юбилею Пушкина, отмечает, что русский человек обладает особой отзывчивостью к чужим культурам; он способен почувствовать себя и англичанином, и французом, и испанцем, что ярко демонстрирует творчество Пушкина, но при этом остается всегда русским: «Нет, положительно скажу, не было поэта с такой всемирной отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело, а в изумляющей глубине

ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов». Достоевский определил это свойство Пушкина, присущее православным русским, как свойство *всечеловека*: «Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление ее в конечных целях своих ко всемирности и ко всечеловечности?... Наш удел есть всемирность». В Санкт-Петербурге ярче всего воплощена эта «отзывчивость» и «всемирность» русского духа, которые так точно подметил Ф. М. Достоевский.

*Блаженная
Ксения Петербургская.
Литография 1912 г.*

Стремительный культурный и научный взлет, который мы видим в Петербурге, тоже говорит о многом. Все мировые культурно-исторические центры, такие как Афины, Рим, Париж, Лондон имеют многовековую, а то и тысячелетнюю историю. Петербург за двести лет сумел внести столь значимый вклад в мировую культуру, что уже к концу

XIX века занимает достойное место среди древних столиц Европы. Такая стремительность — уникальный и единственный случай в мировой истории.

Отметим еще одну немаловажную деталь этого «нерусского города» — а именно всенародную любовь к нему всей России. Я думаю, каждый петербуржец не раз испытывал это на себе, куда бы его не занесла судьба — в глухую ли деревушку Нечерноземья, в Сибирь ли, в Кубанские степи — всюду он встречает самый теплый прием. Город любят и чтят, также как его жителей, которые были для всей России образцом образованности,

Св. праведный Иоанн Кронштадтский

рывать свою особую, пока для нас загадочную роль и в истории России, и в судьбах мира.

Уже после основания города Господь не оставлял своим попечением его жителей. Он прославил блаженную Ксению Петербургскую в городе интеллектуалов, ученых и поэтов — великую подвижницу и юродивую, как бы в напоминание и назидание о тщете человеческой премудрости без духовного возрастания. Особой милостью свыше для петербуржцев в начале XX века было пребывание здесь Святого и Праведного Иоанна Кронштадтского.

После революции здесь просияли первые новомученики российские: иерархи, священники и монахи Петербургской епархии вместе с митрополитом Петроградским священномучеником Вениамином.

В период либерально-демократических реформ был дарован городу Владыка Иоанн, распространявший здесь после семидесяти-

хорошего воспитания, сдержанности (по крайней мере, еще в недалеком прошлом). Да, как и подобает аристократу, город несколько чопорный и холодный, но это нисколько не умаляет любви к нему россиян. Не случайно Гитлер так жаждал стереть его с лица земли. Этим бы он уничтожил славу и гордость русского народа. Россия без имперского величия Санкт-Петербурга лишена крыльев, или точнее парусов, которые несут ее на просторы всемирности — к новым победам и новой славе.

Кажется, что сегодня город мирно дремлет, что он погружен в свои собственные будничные заботы. Однако, несомненно, это временное затишье. Вся его история, мощная его энергетика и заложенная веками многозначная символика говорят о том, что ему еще предстоит сыг-

Митрополит Иоанн (Снычев)

летнего периода гонений на церковь свет истинной духовности и веры.

Родная РЕЧЬ

Николай СКАТОВ ПОЭТ «КОСМИЧЕСКОГО ЧУВСТВА»

Николай Николаевич Скатов — родился 1931 года в Костроме. Окончил Костромской гос. педагогический институт. Работал в этом институте старшим преподавателем, исполняющим обязанности зав. кафедрой литературы. С 1962 года работал в Ленинградском гос. педагогическом институте им. А. И. Герцена С 1987 по 2008 гг. — директор ИРЛИ (Пушкинский дом). Автор более 200 научных трудов, 17 книг. Доктор филологических наук. Член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. Заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ. Член научного совета при Совете Безопасности РФ. Член-корреспондент РАН. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Рассказывают, что когда-то наш великий инженер Сергей Королев, с полным сочувствием и симпатией относясь к современным офицерам-космонавтам, не без тоски вспомнил еще одного русского офицера: «Вот бы кого послать в космос» — Лермонтова.

Но даже Лермонтов оказался открывателем только, так сказать, ближнего космоса — около-земных орбит. Он сам только еще ступал на звездный путь:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман
 кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...*

Он уже увидел то, что отлетевшие от земли люди увидят лишь через сто с лишним лет — увидят и будут поражены видом голубой планеты. Нет, недаром Королев хотел увидеть в роли космонавта именно поэта.

Ближайшим членом такого маленького космического отряда поэтов оказался, как ни странно — но только на первый взгляд, — Кольцов.

*Красным полымем
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туман стелется.*

*Разгорелся день
Огнем солнечным,
Подобрав туман
Выше темя гор.*

Это ведь не ландшафт и не пейзаж. Здесь одним взглядом охвачено все сразу — поля и горы, солнце и тучи: «все стороны света

белого» — зрелище космическое. Правда, лишь немногие критики увидели в таком, казалось бы, простонародном, крестьянском, старозаветном Кольцове поэта будущего, а из поэтов, кажется, лишь Некрасов сказал: «и песни вещи Кольцова».

Сейчас можно с большой уверенностью говорить и о Тютчеве как поэте будущего и смело назвать его «песни» вещами, да, собственно, так и сказал другой великий поэт — Афанасий Фет, назвавший Тютчева вещим.

Именно наши поэты предупредили появление будущих уже «теоретических» наших космистов: Циолковского, Чижевского. А первый у нас философ космоса Николай Федоров жил в твердой уверенности, что именно Россия станет пионером его освоения. «Я, — говорил Циолковский, — преклоняюсь перед Федоровым. У нас в семье любовь к России ставилась на первое место, а Федоров был верным сыном России. Я часто повторяю его слова, ставшие мне известными не от самого Федорова, а много лет спустя после его смерти: «Самая ширь земли русской способствует образованию богатырских характеров и как бы приглашает к небесному подвигу».

Россия и отправила в звездные миры первого своего космонавта — первого своего поэта, устремившегося в космические бездны, первого и принявшего всю тяжесть космических, во всяком случае в психике, перегрузок.

*Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины.
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.*

Дело, конечно же, совсем не в том, что Тютчев нарисовал картинки космоса: да разве такие картинки не рисовали — и до и после — и в поэзии, и в живописи, и в графике.

В свое время, уже довольно давно, еще до революции, один из писавших о Тютчеве проговорился точным словом о нем, не просто как о поэте космоса, а как о поэте «космического чувства». Специалисты говорят о побывавших в космосе как о людях уже иного мироощущения, потому-то и Королев мечтал о великом поэте как единственно по-настоящему способном передать такое мироощущение, выразить *космическое чувство*. И это не было только прорывом *туда*, но и длительным пребыванием *там* — чело-века, постоянно ощущавшего себя перед лицом всего мироздания и частью этого мироздания:

*Есть некий час в ночи всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мироздания
Открыто катится в святилище небес!*

Наш поэт сподобился и промчаться в такой колеснице в некий час всемирного молчания, и пройти таким странником, когда

Ф. И. Тютчев.
Худ. Ю. И. Селеверстов

*Чрез веси, грады и поля,
Светлея, стелется дорога, —
Ему отверста вся земля —
Он видит все и славит Бога!..*

«Странник»

Сподобился ощутить: «в час тоски невыразимой все во мне и я во всем», — может быть, самая точная формула всего тютчевского мироощущения — не только поэтического, хотя в поэзии и наиболее явственного, а потому в какой-то мере и нам доступного.

Ведь даже в, казалось бы, бытовом письме (от 14 июля 1843 г.) жене он пишет: «Мне кажется, будто для того, чтобы говорить с тобою, я должен приподнять на себе целый мир». Это действительно мироощущение Атланта (во всяком случае, в психике), который *небо держит*.

И если гений Пушкина — земное «наше все», то тютчевский гений вырвался за пределы земного притяжения и в этом смысле смог возгласить:

*По высям творенья, как Бог, я шагал,
И мир предо мной неподвижно лежал.*

Это совсем не значит, что поэт пребывает только на высях творенья, что он отлетает от этого мира в надзвездные миры. У него не только нет никакой отвлеченности. Наоборот. Потому-то и рождается необычайная острота реального земного бытия, буквальная, доподлинная, так сказать, переживаемость самой жизни. Но в любом конкретном провидится общее, в мимолетном и преходящем проступает вечное, в любой микродетали дышит макромир.

Так, чуть ли не бытовая бессонница под «часов однообразный бой» выводит все к тому же ощущению человека, оказавшегося волею судьбы, стихии, Рока перед лицом мира:

*Кто без тоски внимал из нас,
Среди всемирного молчанья,
Глухие времени стенанья,
Пророчески-прощальный глас!*

*Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый Рок настиг —
И мы в борьбе с природой целой
Покинуты на нас самих.*

«Бессонница»

Потому же тютчевская лирика, часто называемая лирикой природы, отнюдь не лирика тех или иных пейзажей. В тютчевской поэзии, даже когда речь идет о локальной картине, мы всегда оказываемся как бы перед целым миром. «Уловить, — писал Некрасов, — именно те черты, по которым в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться сама собой данная картина — дело величайшей трудности. Г. Ф. Т. в совершенстве владеет этим искусством».

Но даже Некрасову, столь успешно возродившему в своем журнале внимание к Тютчеву, видимо, оказался недоступен Тютчев — поэт всемирной жизни. Недаром Некрасов оставил за пределами своего внимания и, соответственно, за пределами печатных страниц своего «Современника» «космические» стихи Тютчева.

Дело ведь, в конце концов, не в том, что в воображении читателя может возникнуть и дорисоваться «данная картина». У Тютчева за каждым явлением природы ощущается вся ее, и целого мироздания, колоссальная и загадочная жизнь: и в свете дня, и во тьме ночи, в страшном хаосе и в прекрасной гармонии.

*Не остывшая от зною
Ночь июльская блистала...
И над тусклою землею
Небо, полное грозою,
Все в зарницах трепетало...*

*Словно тяжкие ресницы
Подымались над землею,
И сквозь беглые зарницы
Чьи-то грозные зеницы
Загорались порою.*

«Явление природы, — заметил тогда же по поводу этого стихотворения А. В. Дружинин, — простое и несложное, да сверх того взятое без всяких отношений к миру фантастическому, разрастается в картину смутного и как бы сверхъестественного величия».

Мы привычно связываем любую лирику с так называемым лирическим героем, с ярко выраженной индивидуальностью. Лирика Лермонтова, или Блока, или Есенина — это прежде всего определенный психологический склад, своеобразная личность. Лирика Тютчева, в сущности, лишена такого индивидуального характера, да и стихи его чаще всего прямо не проецируются на биографию поэта. Герой тютчевской лирики — человек, еще точнее: человек в ней есть, но нет героя в привычном смысле этого слова.

*О, нашей мысли обольщенье
Ты, человеческое Я, —*

сказал Тютчев. Вот это *человеческое Я* и есть герой тютчевской лирики. Всеобъемлющая всемирная душа, вселяясь в личность, уж никак не может в нее вместиться и начинает представлять за все человеческое *Я*.

Даже при тех или иных, пусть и очень конкретных, приметах («Через ливонские я проезжал поля») герой от социальной, психологической, ис-

торической конкретности освобожден. Это человеческая индивидуальность вообще. Тютчевская лирика, может быть, самая личностная, самая индивидуалистическая, прямо сближается здесь, в отношении к природе и к мирозданию вообще, с народным мироощущением и народным творчеством. В свое время известный литературовед Н. Я. Берковский справедливо отметил, что в знаменитых стихах «Есть в осени первоначальной...» от крестьянского трудового хлеба в полях Тютчев восходит к небу, к луне, к звездам.

Дело в том, однако, что так восходит к небу, к луне, к звездам и само крестьянское трудовое сознание с его совершенно особым ощущением власти самой земли и ее восприятием: «Средства земного шара не безграничны, как все это ничтожно <...> в сравнении с тем безграничным простором, который открывается в деле обеспечения урожая, так как условия, от которых зависит урожай, вообще растительная жизнь, не ограничиваются пределами земной планеты: «не земля нас кормит, а небо», — говорят крестьяне».

Потому-то так живо устремляется иной раз сознание поэтов к вековечному сознанию — и данного народа, и целого человечества, ощущавших родство с таким миром, чувствовавших себя частью этого космоса.

«Не трудно видеть, — писал тот же Николай Федоров, — когда народ стоял умственно выше, мировоззрение его было шире, тогда ли, когда он создавал былины, религиозный эпос, обнимавший целый мир как единое целое, когда признавал в огне (в Сварожиче), в ветрах, во всех земных явлениях, в самом себе действие солнечной силы, то есть имел тот самый взгляд, к коему приближается нынешняя наука; или же когда фабричная жизнь (философская система Федорова решительно отвергала капитализм. — Н. С.) оторвала его от сельской и обратила <...> к мелочным вопросам цивилизации».

Потому-то великие поэты такого толка, как Тютчев, чем дальше, тем теснее припадают к такому умственно высокому народу, к его широкому мировоззрению, к его былинному религиозному эпосу, обнимавшему целый мир, к такому народу — до истории, к человечеству с такой его праисторией и, соответственно, к такому ее передатчику, как античность.

Стихотворение может начинаться, как пейзажная картина:

*Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом...*

а заканчивается совсем не там, где обрывают его обычные хрестоматийные школьные перепечатки:

*Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.*

«Весенняя гроза»

Резвящийся гром обновленной весны — лишь игрушка в руках иных смеющихся миров. Но картины земного мира при этом не уменьшаются и не сужаются, а до бесконечности увеличиваются и расширяются.

НАСЛЕДИЕ

Алексей БЕХТЕЕВ
ИМПЕРАТОРСКИЙ
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ
ЛИЦЕЙ

*Лицейские
воспоминания
1897—1905*

*Приготовительные
классы.
Гимназические
и университетские
классы*

Благотворительный «Бехтеевский фонд любителей русской старины» готовит к изданию в России обширные мемуары Алексея Сергеевича Бехтеева. Выпускник Императорского Александровского лицея бывший Вице-губернатор Полтавской губернии Алексей Сергеевич Бехтеев (02.02.1883, с. Липовка Елецкого уезда Орловской губернии — 15.07.1967, Касабланка, Марокко) является родным братом замечательного русского поэта-монархиста Сергея Сергеевича Бехтеева (1879—1954). Так же как его брат-поэт и пять сестер, он оказался после революций 1917 года и братоубийственной гражданской войны в России на чужбине, где провел большую часть своей жизни, сохранив до конца своих дней любовь и верность святорусским идеалам. Свои воспоминания Алексей Сергеевич Бехтеев написал в старческом доме под Ульмом (Германия), где оказался после Второй мировой войны среди перемещенных русских эмигрантов. Ранее его обширные мемуарные записки никогда не публиковались. Они переданы в Бехтеевский фонд внуками Алексея Бехтеева — Натальей Георгиевной Семеновой и священником о. Николаем (Семеновым), проживающими, соответственно, во Франции и в Бельгии. Данная публикация представлена Бехтеевским фондом специально для журнала «Родная Ладога».

Директор Бехтеевского фонда
В. К. Невярович

Весною 1897 года я выдержал экзамены для поступления в старшее отделение (соответствовало 5 классу гимназий) Приготовительного класса Императорского Александровского Лицея и 1-го Сентября вступил в

число воспитанников так называемого Малого лицея. Приготовительные классы в составе тех отделений были созданы лет за тридцать до моего поступления и являлись добавкою к настоящему Лицею, который был основан в 1811 году Императором Александром I и открыт 19 Октября. Образцом для этого учебного заведения послужил Терезианум, основанный Императрицею Мариею Терезиею в Вене.

День основания Лицея, 19 Октября, являлся Лицейским праздником, который на протяжении многих десятков лет, справляли питомцы Лицея. Первоначально предполагалось, что в Лицее будут учиться младшие братья Императора: Великие Князья Николай и Михаил, но потом это не осуществилось. Помещен был Лицей в одной из пристроек Царскосельского дворца. Дивные сады, пруды, цветники, окружавшие дворец, были воспеты, как Жуковским, так и молодым лицеистом Пушкиным. Курс Лицея был трехлетний и только, когда оканчивала Лицейское обучение Первая группа, принималась вторая, в числе 30 воспитанников. В Лицей принимались лишь дети дворян, он был чисто сословным учебным заведением и потому был особенно ненавистен либеральной учащейся молодежи университетов и всяких институтов. Кроме преподавания гуманитарных наук и широкого общего образования, было обращено особое внимание на изучение языков: французского, немецкого и английского. Первым директором Лицея был некий Малиновский, выбранный на эту должность самим Императором и оставивший в сердцах воспитанников добрую память. О нем говорит Пушкин с глубоким преклонением в своих стихах. Оригинально, что воспитателем и преподавателем в Царскосельском Лицее был брат Марата, т.е. очевидно человек республиканских настроений, рассказывавший воспитанникам о революции и превозносивший достоинства брата. Эта интересная особенность сохранилась как некая традиция, и позднее, в мое время, состав профессоров был тоже очень своеобразен. Профессора С. А. Муромцев, Н. И. Кареев, В. А. Мякотин, В. Гессен, И. А. Шляпкин, позднее расстрига Г. С. Петров, либеральный сенатор А. Ф. Кони, Жижиленко... Но на учеников своих эти талантливые профессора-либералы в вопросах политических никакого влияния не имели и, в своем подавляющем большинстве, лицеисты оставались верными своему Царю и Родине. Первый же выпуск показал, что надежды, возлагавшиеся на Лицей, оправдывались. Имена Пушкина, Дельвига, позднее Салтыкова, Грота — неразрывно связаны с русскою литературою. На поприще гражданской и военной службы целое столетие Лицей давал талантливых и верных Царю и родине деятелей. Политика и связанная с нею смута не касались Лицея.

Итак, вступив в 1897 году в подготовительный класс, я прошел весь курс Лицея до окончания его в 1905 году в мае месяце с чином 9 го класса, т.е. Титулярным советником. В первые дни поступления нам выдавали и подгоняли форму. Состояла она из короткой куртки, однобортной, с девятью золотыми пуговицами с государственным гербом на фоне и небольшою кругом рамкою. По внешнему борту куртки шел, как и на воротнике, красный кант. Штаны были сине-серого сукна, застегивавшиеся сбоку, так что спереди не было прореза. Фуражка была с черною тульею и красным кантом по черному бархатному околышу. Пальто было черное, с двумя рядами золотых пуговиц, с красными петлицами на воротнике. Приготовитель-

ный класс был основан лет за тридцать до моего поступления. Занимал он довольно большое здание, построенное на Монетной улице около большого Лицея, выходившего на Каменноостровский проспект фасадом. Здание Приготовительного класса было двухэтажное, с отличным помещением в подвальном этаже, где жили служащие со своими семьями и фельдшер Кон (Михаил Конюхов). В рекреационном (от слова рекреация, букв. С лат. восстановление; то есть предназначенная для пользования во время перерыва между уроками — ред.) зале висели очень хорошо исполненные портреты: Императора Александра III и Императрицы Марии Феодоровны, Принца Петра Александровича Ольденбургского — Главноуправляющего Ведомством Императрицы Марии, в ведении которого находился Лицей, и в самом конце зала Портрет Государя Императора Николая Александровича и Императрицы Александры Феодоровны. Освещалось помещение классов, залы, дортуары и другие — керосиновыми лампами. На ночь в дортуарах на лампы одевались жестяные колпаки, исколотые дырками для пропуска света. В большом Лицее было такое же примитивное освещение, и Министр Веб, бывший воспитателем в классе моего брата, обыкновенно кричал по-русски: «Дядька (неразборчиво — ред.), полосатый черт, пора делать затемнение, одевай просветительный колпак. Наблюдение за лампами лежало на так называемом «ламписте», это был сухой, чахоточного вида, рыжий, маленький человек, который всегда возбуждал во мне жалость. У нас для услуг и для заведывания нашими сапогами, платьем и бельем были дядьки, которые получали жалованье от казны и ежемесячную плату от нас. Дядьки эти были нашими друзьями, они смотрели за нами, иногда помогали скрыть шалости и приносили нам из лавок, куда их посылали, сладости. Дружба была искренней. Набирали их из солдат, отбывших службу в Гвардии. В нижнем этаже помещались квартира директора нашего Приготовительного класса Александра Эдуардовича Лема и его кабинет, где он выдавал нам тетради, перья, карандаши, резинки и прочее. Налево от лестничной площадки, против его квартиры, располагалась большая столовая, в конце которой были все необходимые принадлежности для гимнастики. Там же находилась аптека и кабинет доктора и лазарет, переделенный пополам — один для обычных, а другой — для заразных больных, вход в который был отдельным и со двора. Но за мое время, там только раз лежали воспитанники, заболевшие свинкой или заушницею. Лазаретный дядька Игнатий, маленький с черными бакенбардами и пробритым подбородком, ходил в белом халате и заведовал этим отделением.

Доктором у нас был Константин Лазаревич Павлов, хороший и добрый человек; он же был и доктором старшего Лицея. Кормили нас хорошо. Утром после молитвы, которую читали по очереди воспитанники, мы пили в столовой чай с молоком, сайками, бубликами и булками. Такая же молитва была и вечером. Вставили мы в 7, а в половине восьмого, после чая, шли и готовили уроки до без четверти 12-ти. Мыли руки, приводили себя в порядок и попарно шли по отделениям в столовую. На завтрак полагалось два кушанья: черный великолепный хлеб и свой же, лицейский, домашний квас. После молитвы садились за стол, старший стола раздавал еду. По окончании еды читали молитву и шли в сад. Хотя сад и был меньше сада при большом Лицее, но был очень порядочный,

имелся Па-де-жеан¹ и любители сильных ощущений взлетали на большую высоту. В два часа мы возвращались и начинались уроки, которые шли до 5 часов. Тогда после короткого перерыва, был обед из трех блюд с квасом и хлебом. После перерыва начинались препараты, длившиеся до вечернего чая, иногда и после него молитва, умывание и сон. В субботу в четыре часа нас отпускали к родителям, родным или знакомым до 9 часов вечера воскресения. По утрам, в будни, больные шли на осмотр к доктору, слабые получали кефир. В течение недели иногда приезжали навещать воспитанников родные, на верхней площадке лестницы, направо, над кабинетом Лема, была небольшая приемная, где висели (списки) группы всех перешедших уже в большой Лицей. К разряду нарушения порядка относилась весною покупка через забор у мороженщиков мороженого, виновные подвергались наказанию. Был свой небольшой хор (скорее оркестр — *ред.*) балалаечников. Был преподаватель музыки, занимавшийся по вечерам с желающими, — г. Губкин; учитель пения, дирижировавший церковным хором лицейских, — Капылов; учитель рисования Бельзин, сотрудничавший в «Сатириконе», и преподаватель чистописания Алек. Михайлович Изюмов. Был учитель гимнастики Арзубов, учитель танцев Облаков, артист Императорского Балета и офицер, преподававший строй.

Как сейчас вижу большую слабо освещенную залу. Часть воспитанников в классах готовит уроки или читает, часть парами гуляет по довольно обширной зале. Около шкафа с книгами и другого, где хранятся вещи воспитателей, находящихся на дежурстве, в кресле за столом сидит кто-либо из воспитателей, у нас их было четверо. Первый — старейший по годам француз Луи Ласим. В молодости он был офицером в кавалерийском полку и знал лично Императора Наполеона III. Он любил рассказывать о своей службе и подарил нам свою фотографию в форме гусара. По убеждениям он был монархист и после Седана и крушения Империи переехал в Россию. Кроме того, он являлся профессором французской литературы и учителем языка в младших классах. Я пользовался его расположением, так как недурно болтал на французском языке и внимательно выслушивал его воспоминания. Вторым был барон Макс Тизенгаузен, бывший лицеист, служивший в Министерстве Финансов. Но его мы все мало знали, и держался он официально и холодно. Затем шел Пестич, по происхождению серб, маленький, смуглый с седыми волосами, очень крикливый, напоминавший собою маленького петушка из породы карликовых кур. Сходство это увеличивало еще чрезвычайно развитое у него адамово яблоко. В тех случаях, когда он возвышал голос и поднимал голову, при своем небольшом росте, он был просто забавен. Четвертым воспитателем был Вильгельм Осипович Сакович, человек болезненный, но чрезвычайно хороший и справедливый. Вся эта группа наших воспитателей возглавлялась как бы директором нашего малого Лицея А. Э. фон Лемом, состоявшим в чине Действительного Статского Советника и имевшего звезду (неразборчиво:

¹ [фр. *pas-de-geants* — гигантские шаги]. Род гимнастических упражнений при посредстве высокого столба, на котором прикреплен наверху вертящийся крут с привязанными к нему веревками, оканчивающимися петлей, садясь в которую и отталкиваясь ногой от земли, вертятся кругом, поднимаясь высоко над землей.

Станислава — *ред.*) и ленту и Владимира на шее. Человек он был добрый, но страшный крикун, суетливый и при разносах очень невыдержанный. Начиная ругать кого-либо из воспитанников за лень или за шалости, он сам был подавлен своим величием; тогда с его языка срывались отрывочные слова: «Мать плачет, отец рыдает, у меня Владимир на шее, а ты, скверный мальчишка» и т. д. Была у него и приверженность к Бахусу, отчего его нос имел очень компрометирующий цвет. Ноги у него были сухие длинные и тонкие, для роста и поднятия авторитета носил он обувь на высоких каблуках. Стук его каблуков был слышен издалека.

Пишу эти строки и вижу всех этих лиц, и должен сказать, что кроме уважения и благодарности ничего другого к ним не испытываю. Вели мы все себя очень прилично; шалости, конечно, бывали, но злобных выступлений я не помню, кроме одного скандала, устроенного Пестичу. В воскресенье вечером, возвращаясь из отпуска, каждый привез по пачке хлопушек, и вдруг ночью начались взрывы. Пестич вскочил с постели, прибежал сам Лем, но все делали вид, что спят. Конечно, Лем кричал, поминал слезы родителей и своего Владимира на шее. Дядьки в это время убрали и подметали песок и кусочки бумаги от взрывов хлопушек.

Учился я довольно плохо, особенно не любил я математику и английский язык. Меня возмущало то, что, имея нужные буквы в своем алфавите, англичане пользуются другими, искажая их произношение, а часто пишут в словах буквы, которые совсем даже не произносятся. Смысла тут я никакого не видел, как не видел и смысла во французском языке с бесконечными «Е» под разными соусами и, наконец, в букве «О», имеющейся в алфавите и почему-то дополняемой еще «АЮ» «ЕАЮ». Позднее, да и теперь, меня возмущает судьба доброй буквы «Ъ» (*ять*), почему-то выкинутой из обихода. Объясняется для меня это явление демократическим стремлением не поднять низы до верхов, а опустить верхи, сравнивая их с низами. Недаром в разговоре по поводу несчастной судьбы этого «Ъ» (*ять*) простой солдат мне сказал: «Да ведь ее выкинули для равенства; вот вы пишете письмо — сразу видно, что интеллигентный человек писал, а теперь разберись-ка». Английский язык преподавал у нас Мистер Веб (Web) — сухой англичанин, большой спортсмен и великий педант. Однажды ему в большом Лицее устроили скандал: все сразу начали хлопать крышками парт. Веб принял участие в общей стукотне и усиленно стучал крышкою кафедры, с такими комично серьезными жестами, что все рассмеялись, и скандал кончился общим хохотом, причем и в нем мистер Веб принял горячее участие.

Закон Божий преподавал нам дьякон Бенескриптов, очень добрый и снисходительный человек. Отличался он изумительно каллиграфическим почерком, так что мы утверждали, что по этой причине он и получил свою фамилию². Математику и физику преподавал Конрад Леопольдович Доршпрунг-Целица. По преданиям, в своей молодости, он участвовал в польском мятеже. Латинский язык преподавал Герман Федорович Воронович — чех по происхождению, очень толстый с огромною и густою бородою и копною волос на голове. Говорил он по-русски не только с акцентом, но и фразы составлял изумительные. Особенно налегал он на синтаксис и этимологию,

² Имеется ввиду bene, лат. букв. хорошо, скриптус — писание — *ред.*

«без знания которых, вам ни есть перейти в шестой класс». Является ли одна из заданных им для перевода фраз апокрифом или ее он действительно составил, но она гласила так: «Слон ходит тихими шагами и никогда не ест мышей». Русский язык нам преподавал Н. Н. Гераков — очень хороший, но, к сожалению, очень больной человек; по-видимому, он страдал язвою желудка. Французский преподавал Г. Ласим, как я уже говорил. Литературу он знал великолепно, любил свой предмет и, декламируя классиков, входил в раж, передавая стихи со свойственным французам подвывом. Немецкий язык преподавал у нас г. Тиандер — милый и застенчивый человек. С ним мы все вертелись на сказках: «Туфли Абуказема», «Калиф Аист» и т. д. Историю и географию преподавал г. Яшевский; у него были любимые пункты, одним из них являлась знаменитая скифская серебряная чаша в Эрмитаже. В среднем и младшем отделениях имелись другие преподаватели. Учился я, как уже говорил раньше, неважно; не то, чтобы я был ленив, а просто предметы были мало интересны; лучшие баллы я имел по истории, географии, Закону Божию, русскому, французскому и немецкому. Дома, когда ежедневно я приносил баллы за неделю, я часто слышал много неприятного.

«Без знания синтаксиса и этимологий вам не есть перейти в 6-й класс», — все чаще и чаще изрекал Герман Феодорович Воронович. Наконец, совершилось это великое событие, — и старшее отделение перешагнуло границу, отделявшую нас от настоящего Лицея. Распростившись с воспитателями и Александром Эдуардовичем, мы поднесли ему снимок нашего теперь курса в хорошей раме, выслушали от него прощальные наставления и разъехались на лето по домам.

На лето нам для надзора и учения брали репетитора, с которым мы и занимались тем, в чем были слабы. Невольно вспоминается чудное утро; мы трое едем верхом по холмистому правому берегу Дона, левый, низменный, еще в тумане, от реки поднимается пар, расстилающийся по заливным лугам. При восходе солнца он куда-то исчезает, видны села с церквями на ровном противоположном берегу, пробуждается жизнь, вот уже задымили избы, начинается чудный весенний день. Как хорошо и радостно бывало на душе, как она через природу приближалась к Творцу! В свободное время мы много читали, играли в шахматы. Но всему приходит конец. Август проходит, близится сентябрь. Проводы, расставание и снова, на этот раз уже менее приятная, поездка. Петербург. Николаевский Вокзал. Суета, говор, шум, носильщики, публика, начинает накрапывать дождь, извозчики стоят с поднятым верхом пролеток. Садимся, едем на Сергиевскую, 4, квартиру, где мы прожили более 20 лет (Интересную историю этого дома поведал мне петербуржец Дмитрий Игнатовский: «Дом 4 на Сергиевской (Чайковского) мне хорошо известен... Дом был возведен и принадлежал в позапрошлом веке Кокошкиным (это старинный род, в котором были писатели, генералы и столичные обер-полицеймейстеры). Примечательно, что Кокошкины были в родстве с Хвостовыми (драматург Федор Федорович Кокошкин был племянником графа Дмитрия Ивановича Хвостова). Может быть, именно поэтому Бехтеевы жили в этом доме! Вообще этот квартал очень интересный. Буквально в метрах от этого дома родился Бородин, жил Сперанский, царский повар Харитонов...» — *ред.*). В городе идет ремонт мостовых, кипит в котлах

асфальт, пахнет дегтем, деревом торцов. Дома большая квартира пуста, на лето остается она лишь под надзором кухарки да повара Елены Панфиловны Тарасовой. Окна забелены, мебель в чехлах, картины завернуты в газетную бумагу.

Из Лицея уже приходил дядька и принес предписание — к девяти часам быть в Лицее. Выходим из дома с моим старшим братом Сергеем, идем по Гагаринской к плавучей станции, где пристают пароходики, перевозящие публику к домику Петра Великого, где находится икона Нерукотворного Спаса. Идем, чтобы помолиться. Оттуда до Лицея недалеко, можно дойти и пешком. Постепенно собираются лицеисты, воспитатели, преподаватели к Церковной службе. Церковь в Лицее своя, домовая, поет хор слепых, служит священник, магистр богословия отец Иоанн Смирнов. Служит удивительно благолепно. Этот Пастырь пользуется глубоким уважением, но, к сожалению, болен и поэтому бывает раздражителен; с ним в сослужении дьякон Бенескриптов. Присутствуют: директор Лицея Генерал-Лейтенант Фельдман, инспектор классов магистр-профессор Государственного Права Игнатий Александрович Ивановский, инспектор воспитанников — гроза Лицея, полковник Семеновского полка Владимир Александрович Шильдер, — все воспитатели и лицеисты — старший курс стоит справа, младший — слева. После литургии идет молебен с провозглашением многолетия. Первый день посвящен распределению по классовым партам, по постелям и по дядькам (это название сохранилось со времен Пушкина). Весь день проходит в распределении книг. Вывешены расписания уроков. Завтра они должны начаться. После завтрака идем в огромный сад, который был переделен на две неравные части забором, — большая при Лицее, меньшая — при приготовительном классе. В конце березовой аллеи стоит памятник Пушкину, — очень большой бюст на высоком цоколе. В саду имеется кегельбан, футбольный плац, плац для игры в городки, тут же пруд или, вернее, небольшая выемка с водою и массою лягушек. Вновь поступившие еще в своих домашних одеждах, мы — в курточках приготовительного класса. Начались первые уроки. Голова все еще полна воспоминаниями прошедшего лета, грустно без близких, но мы среди товарищей. Проходит несколько дней — и вот появляется поставщик форменного платья для Лицея, г. Михельсон, а с ним его компаньон по фамилии Басс, имеющие на Литейной свою мастерскую. Подгоняют старые куртки с красными воротниками и девятью золотыми пуговицами, черные штаны и, наконец, мундиры, однобортные, с красными рукавами и с тремя пуговицами и красными воротниками, с серебряным шитьем — для гимназических классов и с золотым — для университетских. Тут же подгоняют сапоги и треуголки, с большими нашитыми кокардами, черные пальто с красными петлицами. Эти треуголки и вообще форма вызвали насмешки и злословия у либеральных кругов, именовавших Лицей «инкубатором превосходительных цыплят». Зависть, мерзкая зависть — источник многих зол в России. Началось учение, жизнь вошла в свой обычный круг.

Лицей представлял собою большое четырехэтажное здание, с хорошим подвальным этажом. В старые времена строили прочно, комфортабельно и разумно. Здание имело форму буквы Т. Широкая сторона выходила фасадом на Каменноостровский проспект, а другая, ей перпендикулярная

часть, шла в глубину сада. В нижнем подвальном этаже жили служащие; в первом этаже направо была квартира Директора и его служебный кабинет, налево был кабинет Инспектора и его квартира; разделяла их большая приемная с портретом Принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Приемная вся обставлена была шкафами с книгами, и направо от портрета была дверь в библиотеку учебных книг и в лазарет; из этой комнаты винтовая лестница спускалась в канцелярию. Вестибюль был очень большой, и из него начиналась лестница, широкая с большими площадками на каждом этаже, ведущая на каждый из них. В швейцарской вестибюля дежурили два швейцара в красных одеяниях с отделкою желтыми лентами с государственными гербами. Лицей был единственным мужским учебным заведением, принадлежавшим Ведомству Императрицы Марии. В мое время ведомством управлял граф Протасов-Бахметьев, бывший Попечителем Лицея. Во втором этаже помещались первый и второй классы. Между ними было помещение воспитателей; вслед за этим проходным помещением шел, так называемый, Пушкинский музей с витринами разных реликвий, с масляными картинами работы лучших художников, изображавших Пушкина и эпизоды в его жизни.

Через Пушкинскую входили в большую залу с огромными окнами, где помещались портреты Императоров во весь рост. В конце залы на ступенях стоял великолепный портрет Императора Александра Первого работы французского художника. Изображал он Императора в Кавалергардской форме эпохи 1812 года, с высокою треугольною шляпою с плюмажем ([<фр.plumage оперение>] — украшение из перьев на головных уборах — ред.) в руке, при Георгиевской звезде и шпаге, стоящим на фоне надвигающейся темной тучи. Исполнение портрета было, как я уже и говорил, изумительно. Позднее я заметил: если закрыть бороду на известном портрете старца Федора Кузьмича, можно было увидеть то же лицо, что я за 6 лет привык видеть на портрете Императора. Справа и слева портрета стояли два больших белых орла с витринами, где лежали Царские грамоты Лицею. Был хорош большой Портрет Императора Николая Первого, уже хуже — Александра Второго и Александра Третьего, и очень плох портрет Императора Николая Александровича. За портретом Государя Александра I был вход в буфетную; тут же по лестнице можно было спуститься в лазарет и на кухню, откуда подавалась пища. На следующем, третьем этаже, помещались третий и четвертый классы, на четвертом располагались пятый и шестой, причем, пятый считал площадку лестницы своею и воспрещал шестому на нее выходить. Этот взгляд, как равно и система схватывать и затаскивать к себе тех шестиклассников, которые казались им почему-либо нахальными и избивать их, возмущала нас. После того, как повторно произошли случаи такого избиения, после напрасных переговоров, мы дали решительное сражение пятиклассникам на площадке; воспитатели бегали, как наседки, и кричали, даже полковник Шильдер не решился придти на место сражения и предоставил ему закончиться самому. Когда бойцы разошлись, то площадка была залита кровью. Однако эта кровь пролилась даром, и глупая традиция была нами выведена. Позднее мы тоже не допускали, как старшие, самоуправства, и так это раз навсегда и кончилось. Каждый класс представлял собою как бы дружную семью — «извода» и драк

не было, и в классе имелись лица с авторитетным мнением, с которым считались остальные; я был в числе них, как представитель класса у начальства, чувство товарищества было сильно развито. Фискальство и жалобы в классе не допускались; более сильные всегда следили, чтобы не обижали слабых. Эгоизм был явлением позорным, как равно и чрезмерная бережливость или скупость. Понятия чести стояли высоко, и ложь была не в ходу. Карою за нарушение было презрение к нарушившему традиции, (ему) грозило и исключение из товарищества.

Высоко радостным событием, повторившимся в мое время два раза, были внезапные два приезда ГОСУДАРЯ и ГОСУДАРЫНИ.

Помню, как сейчас, во время урока вдруг из дверей, ведущих с лестницы в залу, в конце которой огромною аркою был от нее отделен наш класс, появился дядька Мостюгин и с силою распахнул обе двери, через которые влетел инспектор полковник Шильдер и громко по-военному заревел: «Встать!» За ним в дверях показалась высокая стройная дама в шляпке и около нее Офицер в сюртуке Преображенского Полка. Однако взгляда было достаточно, чтобы узнать любимые и дорогие черты. За Их Величествами следовал наш директор, генерал-лейтенант Фельдман и воспитатель нашего класса. Поздоровавшись с преподавателем, Государь обратился к нам: «Здорово, лиценсты!». «Здравия желаем, Ваши Императорские Величества!» — грянули мы. Государю и Государыне подали стулья, и они присутствовали несколько времени на уроке. Затем Государь и Государыня отправились вниз, в другие классы и в Пушкинский музей. Мы остались в классе, ожидая распоряжения начальства. При отъезде Их Величеств, мы были выстроены у выхода из Лицея; когда экипаж с Их Величествами тронулся, все толпою бросились за ними с криками «ура!» по Каменноостровскому. Даже наши толстяки, с непривычной им скоростью, передвигались довольно резво. Царские лошади все прибавляли резвости. Мой старший брат Сергей отлично бегал, и с двумя товарищами не отставал от экипажа, пока Государь не обернулся и не крикнул: «Ну, теперь брысь домой». Счастливые и радостные возвращались мы домой. В нашей семье был культ Царя и Царицы, и я помню как, встретив Государя, одного или с Государынею в экипаже на набережной, мы и моя сестра чувствовали себя весь день счастливыми и рассказывали всем о выпавшем нам счастье. Посещения Институты были более убыточными, институтки выкрадывали платки, даже пуговицы с пальто. В виду посещения Государем Лицея, мы освобождались от занятий на три дня и спешили скорее домой, чтобы рассказать свои впечатления. Мой брат Сергей, начинавший тогда проявлять себя поэтом, имел счастье поднести Государю свои стихи, написанные по случаю посещения Лицея Монархом. Мы, все дети, были глубоко и останемся навсегда благодарными нашим родителям, воспитавшим нас в духе Православия и любви к Царю. Яблоко падает недалеко от дерева; как жаль, что в России многие родители подавали детям плохой пример.

Я немного предупрежу свой рассказ. В 1911 году 19 Октября было столетие основания Лицея. Государь прибыл в Лицей и Сам председательствовал на первом торжественном заседании. К хартиям об основании Лицея Императора Александра Первого были добавлены новые — Императора Николая Второго. Пожалован был юбилейный знак в виде венка

золотого с короною на верху, в середине на красном полированном эмалированном щите были помещены буквы «А I», «Н II». Государь был в белом колете ([фр. collet воротник] в русской армии верхняя одежда в виде короткого мундира, обычно из белого сукна, обозначала принадлежность к тяжелой кавалерии, в частности к кирасирам — ред.) своих Кирасир, стоявших в Царском Селе, откуда пошел Лицей, а вечером — в форме своих Лейб-гусар, тоже находившихся в те давние времена в Царском Селе и бывших в дружбе с лицеистами. Хотя нас собралось более 800 человек, мы все были приглашены в Зимний Дворец на обед. После обеда мы были выстроены по выпускам в Георгиевском зале, где Государь обходил нас. Я был тогда Советником Губернского Правления в Орле и был удостоен милостивыми вопросами о моей службе и пожеланием успеха из уст ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Как далеко теперь это дивное время, и как жестоко поплатился народ, обманутый волками в овечьей шкуре. Прошли три года гимназических классов Лицея, и вернулись мы уже студентами из деревни на зимние занятия.

Надо сказать, что Царскосельский Лицей при Императоре Николае Первом был переведен в Петербург, так как для педагогического состава его пребывание вне столицы представляло затруднения. При первом классе была комната, называвшаяся Каменкою; здесь на пьедестале красного дерева лежал большой тесаный камень от помещения в Царском дворце Лицея. На этом камне разбивали курсовой колокол, по звону которого в течение шести лет курс просыпался, шел к обеду и завтраку, собирался на уроки, а позднее, на лекции. Один из лицеистов ударом молотка его раскалывал после молитвы, и частицы колокола все брали себе и, вделав в золото с надписью, носили, как брелок, на часах. Церемонию разбития колокола и само, так называемое «Прощание», я опишу дальше. Перевалив через гимназические препоны, мы оказались в числе 25 человек. Некоторые задержались, чтобы серьезно и вдумчиво пройти курс. Такова своевременно была и моя участь, в первом отделении приготовительного класса.

В числе наших преподавателей и воспитателей были очень милые и оригинальные люди. В гимназических классах был преподавателем истории некий Франц Карлович Живейко-Неслуховский. Он был по происхождению поляк, но по взглядам настоящий русский. Носил он в кармане красный носовой платок, на котором было белыми буквами написано «Боже! Царя храни!» Нюхал он табак. Но любил делать это незаметно, однако это ему редко удавалось. Слушая на кафедре ответы, он незаметно, казалось ему, доставал табакерку и подносил украдкой понюшку табаку к носу. В это момент кто-либо из нас, или иногда двое, дружно чихали. Он гневно бросал на землю табак и ждал подходящего момента. Зато, если ему удавалось понюхать, и кто-либо уже после этого чихал, он добродушно показывал ему кукиш. Когда он праздновал пятидесятилетний юбилей своей педагогической деятельности, то на обеде один из участвовавших в чествовании преподавателей польского происхождения, провозгласил такой экспромт: «Нитаковский, нисяковский, прослуживший много лет, Франц Живейко-Неслуховский — вечно юный человек». Мы все его очень любили, и назывался он у нас Гродегейз — по имени одного из героев времен Великого Переселения Народов. В классе у него бывали случаи удирания; делалось это просто: человек сползал с парты

и потом ползком вылезал из класса. Но один раз Неслуховский заметил беглеца и, поднявшись на кафедре, для нас неожиданно провозгласил: «Ползи, ползи, скотина!» Его словам мы не обижались, и часто весело смеялись, зная, что старик добр и нас любит. Таково же было отношение и к воспитателю Матвею Димитриевичу Бублик-Погорельскому. Как я говорил, на его дежурства специально к утреннему и вечернему чаю подавались бублики. «Матвей Димитриевич, это бублики!» «Вовсе не бублики, — возражал он, — это баранки». Матвей Димитриевич был среднего роста, очень сутуловат, держал голову как-то вперед, носил бороду клинышком, тоже стремившуюся вперед, как равно и длинный нос, украшенный золотыми очками, и прическу, хохол которой тоже как-то подражал бороде и носу.

Есть пословица «седи́на — в бороду, бес — в ребро». Так было и со мною. На всем протяжении учения в младших классах я вел себя образцово, за исключением драки на площадке, и всегда имел за поведение высший балл, а тут уже в первом и втором классе расшалился. Как я уже говорил, в конце Большого зала находился портрет во весь рост Императора Александра Первого в Кавалергардском мундире, короткой куртке с девятью пуговицами, с треуголкой с плюмажем, со шпагой и в орденах. Из попавшей мне под руки серебряной бумаги я вырезал звезду и ордена, взял треуголку и метелку для фортепиано с цветными перьями, отломил ручку и вставил как плюмаж в треуголку.

Засунул штаны в сапоги и, зная, что вечером два моих товарища, барон Мейдель и граф Штакельберг, любят гулять по мало освещенной зале, я стал так, что сливался с фигурой на портрете. Лампа горела лишь в противоположном конце залы, и когда оба немца появились в зале, я медленно спустился по ступеням, бывшим перед портретом, и направился к ним. Оба немца с визгом бросились в Пушкинскую, а я сбежал скорее к себе в лазарет и переоделся, и на шум и разговоры пришел в залу. Штакельберг и Мейдель клялись, что видели, как с портрета сошел Император и направился к ним, никто не мог объяснить это явление. Юлий Августинович, однако, заметил на мне конец португепи, вылезавшей из-под моей куртки. «Бехтеев, это ваши штуки; ну, сознайтесь?». «Да, мои», — ответил я, и вопрос был исчерпан, и не создано новой легенды. Помнится мне неприятный случай, происшедший со мною. Мы с Кованько готовились к репетиции в нашей зубрилке. На столе стояла электрическая лампа; я крутил ее в руках и вдруг почувствовал страшный ток, проходивший через меня и то, что держу лампу, а выпустить из рук не могу: руки как бы примерзли к ней, и пальцы не разгибались. Ощущение было не из приятных! Вообще, эту силу я не любил, да и знал в электричестве мало. «Брось, брось», — говорил я. Кованько удивленно смотрел на меня и, наконец, догадался выдернуть штепсель. Когда-то еще в гимназических классах, во время, когда нам показывали опыты с электричеством, Вильгельм Осипович предложил, став и держа ручки проводов, потрогать его; от прикосновения, получалась искра и легкий укол. Но когда мы все бросились его трогать, то он закричал благим матом, а его длинные волосы в это время поднялись дыбом. Хотя в Лицее была великолепная библиотека, пожертвованная бывшим лицейстом Гротом, но пользоваться ею не приходилось, так как слишком много было

работы по наукам. Однако иногда по вечерам устраивались рефераты, на которых присутствовали соответствующие профессора. Надо сказать, что в это время в первом классе мы переживали и те политические события, которые уже начали разлагать Россию.

Вернувшись после летних вакаций, мы не узнали Лицея. За время нашего отсутствия он совершенно изменился. Часть здания, идущего в сад, была продолжена; прежние дортуары переделаны, около них устроены самые совершенные умывалки с фаянсовыми раковинами, с теплою и холодною водою, новые уборные взамен невзрачных старых, а, кроме того, как мы их называли, «зубрилки» на трех-двух человек. Отопление было всюду проведено паровое, вонючие керосиновые лампы уступили место электричеству. С переходом на старший курс, наш класс остался в следующем составе: А. Л. Баумгартен, Г. В. Де ла Турн-де Бернгард, А. С. Бехтеев, М. М. Бодиско, С. Е. Бютцов, Г. В. Вогак, Д. Н. Вошинин, М. М. Гардер, И. В. Гурко. Л. И. Зарин, Б. Н. Ионин, А. А. Ильин, Н. С. Ильяшенко, Д. Д. Кованько, Г. Ф. Лерхе, А. П. Лемсон, Г. А. Майдель, В. Н. Муравьев, Д. М. Пашков, О. О. Петерсон, С. А. Родзянко, О. Р. Штакельберг, Г. А. фон Таль, П. П. Ухтомский, В. А. Шаховской, К. И. Унгерн. Из двадцати шести человек кончили Лицей по первому разряду двадцать четыре, по второму — два. Приятно было начинать занятия в новом здании и при новых порядках. Еще при пребывании моем в пятом классе переменялось наше начальство. Генерал-лейтенант Фельдман, директор Лицея, из-за расстроенного здоровья ушел, полковник Шильдер (племянник знаменитого историка — автора истории о Царствовании Императора Павла Первого, Александра Первого и Николая Первого) — тоже. На их место были назначены: директором Лицея Шталмейстер высочайшего Двора, прежде Главный Начальник Тюремного Управления Александр Петрович Соломон и инспектором воспитанников — Александр Эдуардович Шмидт.

Три раза в год, по прошествии двух месяцев, происходили так называемые «репетиции» пройденного или экзамены. Четвертая репетиция по всему курсу называлась экзаменом. Весь третий класс я прошел на круглом 12 — это был высший бал. На акте был вызван первым для получения награды: два роскошно изданных тома «Истории Царствования Николая Первого» Шильдера. На это сыновнее торжество поехал со мною и мой отец, и тут на извозчике в газете «Новое время» прочитал об убийстве Александра Обреновича и его супруги Драги. Собственно, этот момент был началом трагедии, которую мы переживаем уже много лет и неизвестно, сколько времени будем переживать. Убийца Александра, молодой офицер Драгутин Димитриевич (Апис), член общества «Черная рука», зверски убил Обреновича и его жену, а позднее в 1914 году организовал и убийство наследника Австрийского Престола.

Летний отдых прошел чудно. Мой второй брат (Николай) отбывал воинскую повинность в Преображенском полку. Мы со старшим (Сергеем — ред.) были в деревне, и осенью он должен был отправиться отбывать воинскую повинность в Кавалергардском Ея Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны полку. В деревне гостил у нас П. С. Толстой — муж моей сестры Зины, штабротмистр Кавалергардского Полка. Было очень весело. Лето прошло и пришлось ехать опять в Лицей, но теперь это уже не была та грустная поездка, как прежде, а скорее радостная: приятно было

увидать товарищей и продолжать учение. Рассматривая теперь иногда мой лицейский аттестат, я переживаю чудные воспоминания. Кстати, вернемся к профессорам. Нашими любимыми профессорами были С. Ф. Платонов, читавший русскую историю, Нестор Александрович Котляревский, читавший русскую и европейскую литературу. Увлечение Петровым давно уже прошло. Молодежь его раскусила ранее старших. Интересно читал Международное право А. А. Пиленко. Левые профессора не пользовались в Лицее особой популярностью.

Во втором классе я потерял право на медаль, на которую шел, из-за столкновения с профессором уголовного права Жижиленкой. Мы, по-видимому, с места раскусили друг друга. Этот паршивенький либералишка проводил свои идеи. Класс обыкновенно слушал, не возражая. На одной лекции Жижиленко заявил, что преступников вообще в природе нет, а есть больные люди и что в будущем не будет тюрем, а будут санатории, куда их будут помещать и потом перевоспитывать, а когда заведующие найдут, что преступник исправился, то его будут выпускать. Если он повторно совершит преступление, то его будут возвращать в эти духовные санатории для дальнейшего морального лечения. Я не выдержал и улыбнулся. «Почему вы улыбаетесь, Бехтеев?» — обратился ко мне Жижиленко. «Да потому, господин Профессор, что многие, и даже я в том числе, предпочтем быть преступниками, чем подопытными кроликами, на которых пробуют, исправился ли там какой-либо убийца или нет». Весь класс расхохотался. Жижиленко покраснел «Вы меня не поняли, я потом все это объясню». Объяснить он ничего не объяснил, но отомстить — отомстил.

Целый год он обещал нам, что на этих днях мы получим книгу «Квалификация преступных деяний»; мы ее получили за два дня до экзамена. Курс уголовного права был большой, а книга в 200 с лишним страниц свалилась на голову, как гром (с ясного неба). Я заявил, что читать ее не буду, так как не имею времени. На экзамене я ответил по билету на все вопросы. Ну а теперь скажите мне необходимые признаки для установления поджога. «Извиняюсь, — ответил я, — но книгу Набокова мы получили за два дня до экзамена, а курс настолько велик, что, чтобы его повторить, нужно довольно много времени». «Я это говорил в году», — сказал профессор. «Если бы вы нас предупредили, то мы бы записывали ваши лекции. Но вы все время обещали эту, за два дня (до экзамена) полученную нами, книгу». Я отошел от стола. Жижиленко вызвал следующего, но по курсу Набокова не спрашивал, а затем заявил, что он по курсу будет спрашивать, но на балл это влияния иметь не будет. Мне он поставил 10, что сразу лишило меня права на медаль. Товарищи требовали, чтобы я шел к директору. Но я отказался, так как не хотел кланяться баллы. Позднее, будучи вольноопределяющимся в Кавалергардском полку, встретив Жижиленко на лестнице, я не подал ему руки в ответ на протянутую им мне руку. Стоявшие на лестнице лицеисты видели происшедшее и улюлюкали вслед бегущему Жижилеке, так как многие знали о его поступке. Позднее этот господин был при Временном Правительстве поставлен во главу тюремного ведомства, кажется, после он и у большевиков послужил. Показали свой духовный облик и Муромцев и Кареев, подписавшие Выборское воззвание. Кареев даже требовал, чтобы Россия не называлась Россиєю, так как название обидно и унижает народности, входящие в ее состав. Умер наш либерал в хвосте очереди, в котором

стоял, чтобы получить хлеба, от утомления и голода. Этот бедный идеалист относился ко мне хорошо; правда, я и учился отлично, и вот на последнем экзамене, когда я уже кончил отвечать по билету, он меня рекомендовал, как своего лучшего ученика. Я проводил границу между политикой и наукой, интересовался революцией и изучал ее, так как нужно знать врага, чтобы с ним успешно бороться.

Я очень любил профессора, а позднее Сенатора Дювержуа (вероятно, речь идет о профессоре римского права Дювернуа Николае Львовиче), считавшегося грозой, и пользовался его взаимной симпатией за то, что хорошо знал Римское право, и катал тексты по латыни наизусть. Хороший профессор, из молодых, был Александр Александрович Пиленко, хотя и в нем был душок осуждения Правительства, но в допустимой мере. У него я имел круглое 12. По окончании экзамена он спросил меня, иду ли я по Министерству Иностранных Дел, так как хорошо знаю Международное право. «Простите, г. Профессор, для меня право является понятием чего-то такого, за чем стоит сила, могущая его поддержать и заставить нарушителя его восстановить. За международным правом этой силы нет, а моральные философствования напоминают мне повара из басни Крылова “Кот и повар”».

В мое время среди воспитанников первого класса существовали так называемые генеральства. Это было заведывание каким-либо предметом или какой-либо отраслью искусства или управления. Один генерал был от фронта. На его обязанности было присутствовать и помогать офицеру при строевых занятиях, наблюдать за дисциплиною, за соблюдением формы и поведением младших на улице и везде, где он бывал сам. Два генерала от кухни — они наблюдали и заведовали вопросом продовольствия, вели счета. Расплачивались с поставщиками, наблюдали за распределением порций. Два генерала от лазарета, заменяли собою надзор воспитателя за больными. Они, как и генерал от фронта, присутствовали на утреннем рапорте директору о состоянии по классам, который делали дежурные по классам и подавали рапорт о состоянии больных в лазарете. Эти два генерала имели отдельную комнату, заказывали диетные порции для больных, присутствовали и смотрели за порядком при докторском приеме, а при отсутствии доктора, по соглашению с фельдшерами, могли принимать больных. Часто я выручал младших товарищей, особенно, когда вопрос касался письменных работ по математике, которую, за исключением арифметики, решительно не любил. Потом шли генералы меньшего значения: от Молитвословия и Церкви, наблюдавший и прислуживавший в Церкви; от танцев, от музыки, от рисования, от пения. Кроме того, в случае болезни или отлучки кого-либо из воспитателей, в классы командировались воспитанники первого класса, их замещавшие. Надо сказать, что младшие особенно подчеркнуто и вежливо относились к своим старшим товарищам. За неделю до роспуска для подготовки к экзаменам начиналась неделя «прощанья». В всегда трезвом Лицее, где за вино в лучшем случае полагался карцер, а при повторном пьянстве могло кончиться и хуже, в некоторых помещениях пахло спиртом. А от некоторых воспитанников тоже шел этот запах в более или менее сильной степени. Последние три дня начиналось выступление молодежи, — младшие классы бегали и искали любимых первоклассников и генералов и усиленно их качали.

В свою очередь мы прощались со своими профессорами. Им говорили трогательные речи и сопровождали их до вестибюля под громкие аплодисменты. Эти два последних года моего пребывания в Лицее были как раз смутными и тягостными для России. Война с Японией, трудности, испытываемые Россией, внутренние беспорядки, гибель флота, — все это было началом того, что наступило в 1917 году. Я был генералом от лазарета, когда произошли события 9-го января, и принимал нашего старшего дядьку Колтунова, раненного пулею в живот. Колтунов стоял около ворот железной решетки сада, разбитого перед Лицеем, где находился памятник Императору... На этом памятнике была надпись: «Для общей пользы». Колтунова принесли в Лицей, и я немедленно поместил его в лазарет. Рана была в живот. На мой вопрос, кто его ранил, он ответил мне: «Они шли, а я их ругал». Относилось это к группе рабочих, проходивших по Каменноостровскому проспекту. После смерти Колтунова, ранившая его пуля не была извлечена, и таким образом, осталось невыясненным, кто его убил, была ли это шальная пуля из винтовки или выстрел из револьвера. Руководил движением рабочих в 1905 году священник Гапон. До последнего момента было трудно разобраться в его роли: с одной стороны руководимая им толпа несла иконы и Царские портреты, с другой, — не повиновалась распоряжениям Царского Правительства. Только позднее стало известно содержание требований, заключавшихся в петиции, которую несли рабочие, как бы к стопам своего Государя, а в действительности все это была провокация революционеров. Сам Гапон, с одной стороны, служил в Охранном Отделении, а с другой, — являлся видным революционером. Каких-либо прямых распоряжений стрелять в толпу никто не отдавал. Войска были вызваны, чтобы преградить доступ к Зимнему Дворцу. Сам Государь находился в Царском Селе, и Воинские части выполняли лишь свою законную обязанность, когда открыли огонь по толпе, не желавшей разойтись и на них наседавшей, — обязанность, на них возлагаемую законом и военными уставами. Позднее революционная сволочь обвиняла правительство в кровопролитии. Они сделали бы лучше, если бы не устраивали таких шествий и не жертвовали людьми в своих подлых и низких интересах. Теперь постепенно выясняется та роль, которую играли, так называемые темные силы, стремившиеся к революции, как и капиталисты, субсидировавшие их работу. Весь мир в настоящее время расплачивается своим благополучием и жизнью миллионов людей за русскую революцию. Из курса несколько человек сразу по окончании Лицея ушли на Японскую войну; двое из них были в Нежинском гусарском полку, из них один — граф Канкрин — был убит.

Накануне отпуска первого класса для подготовки к экзаменам в Большой зале был парадный чай для всего Лицея, тут же раздавались серебряные жетоны, которые заготавливались для каждого воспитанника. Наш жетон изображал художественно сделанного Александровского орла, — на задней стороне которого красною эмалью вделан был номер нашего курса: 61 и год. Перед вечерним чаем мы, как всегда, стояли в «Пушкинской», пропуская перед собой проходившие в столовую младшие классы. Младшие товарищи попарно, особенно четко, проходили мимо, оборачиваясь к нам лицом и, как бы отмечая своею выправкою торжественность момента; на груди у каждого был приколот полученный им жетон. В конце

чая один из нас произнес прощальную речь, обращенную к младшим товарищам, благодарил за доброе отношение и рекомендовал вступающему на наше место классу беречь и хранить лицейские традиции и верность Царю и Родине. Крики «Ура» были ответом на эту речь и возгласы: «Да здравствует Лицей и Шестьдесят Первый курс!» Вновь перед нами дефилировали младшие товарищи, и через полчаса все классы стройно входили в залу первого класса, украшенную портретами, написанными масляною краской, всех выдающихся лицестов. Зала была темною, только перед Иконою горела лампада. Классы строились в порядке старшинства, только оканчивающие стояли не в строю. Приходил Директор, Инспектора, воспитатели. Новый генерал от фронта командовал: «Смирно!», и после выдержки: «На Молитву»; младший из шестого класса читал ее громко и отчетливо. Не скрою, но большинство из нас за молитвою плакало. Счастливые беззаботные годы прошли. Как мать, заботился через наше начальство, Лицей о своих питомцах. Грустно было расставаться с товарищами, с которыми жилось дружно, как в семье, в течение шести лет. Молитва кончена, классы, один за другим, уходят, уходит и начальство. Мы остаемся одни, еще раз молимся,жимаем друг другу руки, обнимаемся и идем в Каменку. Посередине комнаты стоит на пьедестале камень от здания, где был Царскосельский Лицей, на него кладут колокол, нам сопутствовавший шесть лет и его разбивают. Это грустный символ. Наш 61 курс рассыпается, но мы даем слово не забывать друг друга и быть друзьями и в счастье, и в горе.

Начинается подготовка к экзаменам. Мы группой в три человека сидим и прочитываем тысячи страниц. Работаем и днем и частью ночью. Черный сладкий кофе или чай, папиросы. Книги и цветные карандаши для отметок. Днем выходим в сад. Чудный сад, березы, липы, кусты, — все это в свежих ярко-зеленых листьях. В саду играют младшие в футбол, старшие в кегли и городки. Солнце светит. Вечером по Каменноостровскому несутся экипажи — петербургский свет едет на Стрелку, попадают и кавалькады дам, офицеров и реже статских, но любоваться на них не приходится, — надо зубрить. Все с большим удовольствием проводим свободное время в Лицее; домашние сердятся и упрекают, что отбился от дома. Но вот экзамены кончены. Можно выспаться после бессонных ночей. Наступает акт. Раздают медали и аттестаты об окончании Лицея. Последний раз мы в наших любимых мундирах и треуголках со шпалами. Акт кончен. Часть разъезжается по домам, простившись с дорогим Лицеем. На душе и хорошо, и грустно. Надо собираться в деревню.

Не могу не вспомнить два торжественных дня в истории Лицея. В бытность мою в пятом классе, в Лицее начальством был устроен парадный спектакль и при нем концертное отделение. Большой зал был обращен в театр, поставлена сцена, устроены места для зрителей. Залы первого и второго классов обращены в роскошные фойе с буфетами, где были фрукты, конфеты, шампанское и крюшон. Была поставлена пьеса, играл хор балалаечников, выступал хор певцов. Прибыло очень много гостей, и Лицей был осчастливлен посещением Августейшей Покровительницы — Государыни и Императрицы Марии Федоровны. Мой брат Сергей, бывший в третьем классе, имел счастье снять фотографию Ея Величества, а после поднести в Аничковом дворце Государыне ее портрет, отретушированный и увели-

ченный фотографом Левицким в красивом большом паспорте, украшенном розами, исполненными акварелью моими сестрами и с красиво написанными им стихами. Это было на Пасху. Брат был удостоен приема Ее Величеством в Аничковом дворце и получил на память большое темно-синее яйцо изделия Императорского Фарфорового Завода. Государыня, говоря о нем, называла его: «mon poete».

Интересна судьба брата. Еще с детства он стал увлекаться поэзией. Талант его постепенно развивался; еще в Лицее им изданы были первые стихотворения, на которые критика, уже в силу того, что написал их лицеист, зарычала. Демократы черной кости не любят таланты у белой, это свойственно их низкой душе. Брат, писавший много и хорошо, пошел по пути графа Алексея Толстого, которого при жизни, даже по смерти, взявшие себе патент критики, ничтожества, критиковали или замалчивали уже потому, что он был аристократ, граф и монархист. Но брат не терял мужества, и даже в эмиграции, при самых тягостных условиях, отрывая у себя последнее, жертвовал эти крохи на служение дорогой ему идее — «Вере, Царю и Родине». Он не стеснялся говорить, что думал, называя вещи и людей соответствующими им именами. Газетные монополисты, прочтя его произведение и найдя их прекрасными, узнав фамилию автора, отказывались их печатать, так как за прямогу имя брата стало одиозным в либеральных, продавшихся дьяволу из корысти или по глупости, кругах. Твердо верю, что будет день, когда Россия возродится, когда вновь на престоле будет Царь, и только тогда певец монархии — «Царский гуслир» получит свое соответствующее место.

Когда я был в первом классе, мне пришлось участвовать в чествовании нашего лицеиста Вас. Вас. Балка и даже произносить ему соответствующую приветственную речь. Балк по окончании Лицея пошел в морскую службу и доблестно участвовал в позорном для японцев бою крейсера «Варяга», на котором он находился, и «Корейца», с японским флотом в Чемульпо, за что и получил Георгия. От лица Лицея ему был поднесен палаш с клинком прекрасной стали, в который была вделана золотом надпись, за что и кому он был Лицеем подарен, как и равно и год боя.

Мое учение было закончено. Теперь оставалось выбрать, куда приложить накопленные знания. Я остановил свой выбор на канцелярии Прокурора Петербургской Судебной Палаты, которым был в это время Петр Константинович Комышанский. Надо было подумать и об отбывании воинской повинности — и я поступил, как волноопределяющийся, в Кавалергардский ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРИНЫ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ ПОЛК.

С мая месяца 1897 года, когда я сдал вступительный экзамен в Приготовительный класс Лицея, по настоящий день прошло 55 лет. Много пришлось увидеть, много пережить и перестрадать. За 32 года эмиграции, без родины, как ладья, бросаема волнами, я дошел до тихого убежища.

История и современность

**Архиепископ
Екатеринбургский
и Верхотурский
ВИКЕНТИЙ**

**«ЧЕРЕЗ КРЕСТ
К СЛАВЕ...»**

Время правления святого Стратотерпца Государя Императора Николая Александровича, может быть, как никакое другое правление отягощено различными историческими мифами, предвзятостями. Быть может, ни о ком из русских Царей не сказано столько дурного, нечистого, заведомой лжи, представленной как историческая очевидность. Это объяснимо и с исторической и с духовной точки зрения, — злонамеренной клеветой должно было быть подорвано доверие к личности Царя и самодержавной власти вообще. А затем усилением, своеобразным узакониванием этих мифов, должно было быть оправдано, покрыто страшное злодеяние, совершенное в Екатеринбурге. Но время все расставляет на свои места, идеология богоборчества, революционного насилия отошла в прошлое и становится возможным более трезво, объективно рассматривать нашу историю.

Церковь выразила свое отношение к личности Государя, всей Царской Семье причислив их к лику

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий (Виктор Александрович Морарь) — родился в 1953 г. в Молдавской ССР. В 1974 г. поступил в МДС, в 1982 — в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия. В 1981 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1982 — во иеромонаха. С 1982 г. нес послушание в Троице-Сергиевой Лавре. В 1985 г. возведен в сан игумена, а затем — архимандрита. В 1990 г. в Христорождественском соборе г. Кишинева Святейшим Патриархом Алексием II и сонмом архиереев хиротонисан во епископа Бендерского, викария Кишиневской митрополии. В 1995 г. назначен епископом Абаканским и Кызылским. Награжден орденом прп. Сергия Радонежского II степени. Председатель Макариевского фонда. В 1999 г. возведен в сан архиепископа. С июля 1999 г. — архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский.

святых, усвоив им именование страстотерпцев. Всякое церковное суждение должно исходить из единства духовного опыта членов Церкви, и здесь совершается единое свидетельство святости как приобретения христианского совершенства. Для Церкви очевидно, что Господь даровал им особую, с внешней точки зрения, трагическую судьбу, которую мы, христиане восхваляем как славную, победную.

Начала христианского опыта, напечатление добродетелей закладывается в детстве, и будущий Император Николай Александрович получил твердые нравственные основания в любящей христианской семье, прежде всего, от своих Царственных родителей. Вся семья отличалась скромностью, искренней простотой и глубокой религиозной настроенностью, с доверительными отношениями между детьми и родителями. Августейшая мать сама руководила делом воспитания своих детей, желая видеть в них, прежде всего, искренних христиан, живущих духом любви и милосердия.

Одним из самых важных нравственных понятий, которое старательно прививалось царским детям, было понятие особой царской ответственности за державу, за свой народ, — личной ответственности, несомой пред Богом в христианской совести, что особенно важно, так как именно в этом власть приобретает особое — личностно-духовное измерение.

Историческая оценка государственной деятельности Николая Александровича, как в его время, так и сейчас, весьма разнообразна, но ее основанием, как правило, является определенная мировоззренческая позиция, прежде всего, в понимании исторических путей русского государства — как традиционно-самодержавного или же либерально-демократического.

Внимательное и, что очень важно, непредвзятое рассмотрение деятельности Императора Николая Александровича позволяет прийти к выводу о наличии у Государя стратегических замыслов в развитии страны, которые проводились в жизнь последовательно, с характерной для него внутренней настойчивостью и самостоятельностью. В отличие от своего отца он не стремился к проявлению внешней, властной решительности, что порождало принципиально неверные суждения о слабости, непонимании и так далее, а порой становилось отправной точкой, неким основанием для сознательной, злобной клеветы. Сам же о себе Государь свидетельствует: «Я люблю слушать разные мнения и не отвергаю сразу того, что мне говорят, хотя бы мне было очень больно слышать суждения, разбивающие лучшие мечты всей моей жизни, но верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть».

Все основные вехи как внешней, так и внутренней политики были поставлены самим Государем: во внешней политике — проведение в жизнь «большой азиатской программы» при всемерном охранении мира в Европе. Еще в 1898 году он обратился к правительствам Европы с предложением о созыве конференции для обсуждения наиболее эффективных методов обеспечения сохранения всеобщего мира и установления пределов в отношении роста вооружений. Вследствие этого обращения состоялись Гаагские мирные конференции 1899 и 1907 годов, решения которых в значительном объеме действительны по сей день.

Во внутренней политике — вопрос крестьянского землевладения, развитие сельского хозяйства, транспорта, хозяйственные реформы, развитие армии и флота и пр.

Император Николай II Александрович

без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени».

Чтобы облегчить русскому обществу работу на пользу Отечества, Государь вступил на путь реформ, опасность и отрицательные стороны которых Он все время живо ощущал. Ни на минуту Его не оставляло сознание ответственности за Россию, — не только за собственные ошибки или упущения, но и за какое-либо попустительство. Государь искренне хотел включить народное представительство, как составную часть, в государственный строй царской России.

За двадцать три года правления Николая II население империи увеличилось на 40 %, наряду с естественным приростом заметно повысился общий уровень благосостояния. Благодаря росту сельскохозяйственного производства, развитию путей сообщения, целесообразной поставке продовольственной помощи, «голодные годы» в начале XX века уже отошли в прошлое. Урожай хлебных злаков (ржи, пшеницы и ячменя) удвоился, также как и количество мануфактуры, приходящейся на голову населения. Вклады в государственных сберегательных кассах возросли с 1894 до 1913 года почти в 7 раз.

С начала царствования государственный бюджет возрос в 2 раза, имел всегда положительный характер, и, что немаловажно, возрастал без введения новых налогов, без повышения старых, отражая рост народного хозяйства. Золотой запас госбанка за 10 лет, с 1894 по 1914, возрос в 2,5 раза.

Принципиальные, существенные изменения в устройстве русского государства после реформ 1905—07 гг. также не были лишь следствием революционных потрясений, а явились сознательным выражением воли Государя к участию общества в управлении страной. Император Николай Александрович ясно понимал недостаточность представительного образа правления и временно не питал иллюзий относительно настроений общества. В разговоре с Витте (1905 г.) он сказал: «Я отлично понимаю, что создаю себе не помощника, а врага, но утешаю себя мыслью, что мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обеспечить России путь спокойного развития,

О росте народного образования свидетельствуют следующие цифры: к 1914 году расходы государства, земства и городов на народное образование составили 300 млн. рублей (в начале царствования — около 40 млн.). Хозяйственная самодеятельность широких масс выразилась в беспрецедентно быстром развитии кооперации, число потребительских обществ возросло в десятки раз.

Итак, в годы царствования императора Николая II Россия достигла еще невиданного в ней уровня материального преуспеяния... Происходящую в России перемену отмечали иностранцы. В конце 1913 г. редактор «Economist Europeen» Эдмон Тэри произвел по поручению двух французских министров обследование русского хозяйства. Отмечая поразительные успехи во всех областях, Тэри заключил: «Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 год идти так же, как они шли с 1900 по 1912, Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении».

Особое место в деятельности Государя занимало попечение о Церкви. Автор книги об убийстве царской семьи М. К. Дитерихс писал: «Чтобы проникнуть в глубину сознательной религиозности Царя и Царицы и объять полноту и целостность восприятия ими духовности начал учения Христа, мало прослушать свидетельства лиц, близко стоявших к ним, мало протудировать их письма, записки, личную переписку, надо открыть принадлежавшие им книги Священного Писания и страница за страницей, строка за строкой тщательно проанализировать многочисленные отметки, сделанные ими в книгах, из коих некоторые, как Библия и Евангелие, читались, по-видимому, ежедневно и неоднократно. Отрекшись от предвзятостей, созданных молвой и «общественным мнением», подойдя к этой работе с искренним желанием познать, чья чистота и святость великих учений, постепенно, шаг за шагом, начинаешь получать представление о величественности, цельности и святости нравственно-религиозного мировоззрения, которыми были проникнуты существа Венценосных Супругов Российского Государства».

Последний Император России относился к Православной Церкви с сыновней заботой. За время его царствования число приходских церквей в России увеличилось более чем на 10 тысяч, открыто было более 250 новых монастырей. Император сам участвовал в закладке и освящении новых храмов, жертвовал на их созидание личные средства. Государь часто посещал святые места, глубоко и искренне почитал святых угодников. В последнее царствование канонизовано было больше святых, чем за два столетия правления его предшественников, от Петра I до Александра III. При этом Император вынужден был проявить особую настойчивость, добиваясь канонизации преподобного Серафима Саровского, святителей Иоасафа Белгородского и Иоанна Тобольского, когда ему пришлось столкнуться с возражениями некоторых членов Святейшего Синода. Николай II высоко чтит и святого праведного Иоанна Кронштадтского, на руках которого скончался его Царственный Отец.

Стремление Государя к укреплению церковной жизни ставило и вопрос о возможном изменении учрежденной Императором Петром I синодальной системы церковного управления. Он дал разрешение на открытие Предсоборного Присутствия, в тематику которого входили вопросы епархиального

управления, церковного суда, благоустройства приходов, состояния духовных школ.

Итак, мы можем сказать, что активное развитие страны в годы правления Императора Николая Александровича не давало оснований для происшедших потрясений. Но, к сожалению существовали проблемы в изменении внутреннего строя русского общества. Распространение безбожия, идеалов общечеловеческих свобод, изменение традиционных представлений о значении власти самодержавной, нравственная распущенность, — все это внутренне разрушало крепость русского общества, делало его готовым к революционной провокации.

Вот что писал о царствовании Николая Александровича Уинстон Черчилль, бывший в то время военным министром: «согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать, как слепую, прогнившую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождем нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начерчивал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю Второму в этом суровом испытании?»

Сегодня для нас становится все яснее, что события февраля 1917 г., представляющиеся иной раз как череда случайностей, на самом деле были плодом постоянной антигосударственной деятельности высших слоев русского общества и радикальных партий. Все это явилось выражением как личного неприятия правления Государя, то есть непонимания Императора, прежде всего в христианских принципах жизни, правления, так и выражением отвержения самодержавного строя вообще.

Государь остался один, не нашлось ни одного властного твердого помощника, ни в Петербурге, ни в армии. Сам Царь-Мученик, пишет в своем дневнике скорбные и страшные слова, характеризующие это отступление: «Кругом измена, трусость и обман».

Принять решение было чрезвычайно затруднительно, особенно в условиях совершенно наглого давления, практически предательского плена, когда противостояние означало гражданскую войну, по уверению организаторов этого натиска. К такому решению Император приходит в максимальном молитвенном испытании христианской совести, в ночном, бдении перед иконой Божией Матери.

Святитель-новомученик, Патриарх Тихон, сказал: «Он, отрекаясь от престола, делал это, имея в виду благо России и из любви к ней. Он мог бы после отречения найти себе безопасность и сравнительно спокойную жизнь за границей, но не сделал этого, желая страдать вместе с Россией».

Но истинное отречение совершил не Государь, а Россия, которая отреклась и отвернулась от него, и если перефразировать известное изречение о том, что каждый народ достоин своей власти, то здесь народ оказался

недостоин своего Государя, что проявилось в восторженном приятии февральского переворота в городских массах. Однако, те самые люди, отчаянно боровшиеся за власть, оклеветавшие царя и самодержавие, приложившие все усилия к его отречению, в самом скором времени оказались свидетелями последствий своего безумия: распада армии, неспособности новой власти к управлению страной и, наконец, были сметены решительным натиском большевизма.

7 марта Временное правительство объявило об аресте Императора и Его Супруги и содержании их в Царском Селе. Так начинается новый этап в их христианской жизни. Это действие Временного Правительства невозможно ничем оправдать, ведь арест Императора и Императрицы не имел никакого законного основания или повода. Временное Правительство назначило комиссию по расследованию деятельности Императора, но, несмотря на все старания, обнаружить что-нибудь, что могло бы опорочить Царя, ничего не нашли. Царь был невиновен. Когда невиновность Царя была доказана и стало очевидно, что за ним нет никакого преступления, Керенский, занимавший пост председателя Совета министров, вместо того, чтобы освободить Государя и Его Семью, отправляет их в Тобольск, обрекая тем самым на крест, ибо в это время дни самого Временного Правительства были уже сочтены, и его поджидало позорное октябрьское низложение.

Настало время и большевистского заключения, в котором с наибольшей ясностью проявились христианские качества Государя и Его Семьи, в предельном терпении, кротости, приятия совершившегося, до самой мученической кончины. Чем жили, что переживали последний российский Император и Его Семья? Свидетельством становятся собственные письма Царственных Мучеников из заточения.

Доброта и душевное спокойствие не оставляли Императрицу даже в самые трудные после отречения Государя от Престола дни. Вот с какими словами утешения обращается она в письме к офицеру Маркову: «Вы не одни — не бойтесь жить, Господь услышит Ваши молитвы и Вам поможет, утешит и подкрепит. Не теряйте Вашу веру, чистую, детскую, останьтесь таким же маленьким, когда и Вы большим будете. Тяжело и трудно жить, но впереди есть Свет и радость, тишина и награда за все страдания и мучения. Христос с Вами, не страшитесь».

Особенно сильное впечатление производят последние письма Александры Феодоровны Анне Александровне Вырубовой. Из них ясно видно, что время заключения стало временем завершающего очищения душ Царственных Страстотерпцев в готовности следования Христу до конца: «Душа выросла, — то, что раньше стоило Тебе один день мученья, теперь год терпишь, и силы не ослабели. Через крест к славе, все слезы, тобою пролитые, блестят как алмазы на ризе Божией Матери; ничего не теряется, хорошее и плохое, все написано в книге жизни каждого; за все Твои мученья и испытания Бог Тебя особенно благословит и наградит. Бог попустил эту страшную ругань, клевету, мучения — физические и моральные, которые Ты перенесла. Мы никогда не можем отблагодарить за все, лишь в молитвах, чтобы Он и впредь Тебя сохранил от всего. Дорога к Нему одна, но в этой одной масса других, — и все стремимся дойти до пристани спасения и к вечному свету. А те, кто по стопам Спасителя идут, те больше страдают. Избранные крестоносцы... Господь скорее слышит молитвы тех, кто перестрадал,

Икона Св. Царственных Страстотерпцев

ужаса всенародной трагедии оказалось не в силах победить надежды на прорыв к свету, вдохновенной уверенности в том, что торжествующее зло преходяще, что за всем этим — светлое будущее, духовное очищение, обновление и возрождение.

С религиозно-нравственной точки зрения екатеринбургское убийство было безумной попыткой уничтожить то, что было дорого русскому народу на протяжении тысячелетней истории со времени принятия христианской веры. Нравственно опустошенный народ не смог найти в себе силы для противодействия натиску враждебных сил, для защиты своего Государя как Помазанника Божия, и таким образом вольно или невольно фактически отрекся от дара, который он имел уже много веков, — от теократии как основы Государства.

«Русские люди, — пишет архиепископ Серафим (Соболев), — по горькому опыту теперь знают, к каким гибельным последствиям для русского Государства привело их недовольство царской властью, их открытое осуждение Императора Николая II, доброго и православного Царя». Как бы ни сложились дальнейшие судьбы русского народа, он нравственно обязан покаяться в содеянном им или от его имени в 1917 году. Очень важно понять, что покаяние ни в коем случае не может быть заявлением политического характера, а должно быть настоящей христианской добродетелью, то есть глубоким обновлением, переменой своей жизни и воздаянием благодарной памяти замученным. Обновление означает, прежде всего, внесение нравственного начала во все слои нашей жизни, — в устроении семьи, образования, экономики, нравственной ответственности власти, в осмыслении судеб России.

но веру не потерял. Не вспоминай все больное, но лучи солнца, которые Он посылает».

Именно в этом настроении вся Царская Семья пришла к своей мученической кончине.

Чудовищное екатеринбургское преступление стало поворотным пунктом русской истории XX века, пошедшей по путям социальных катастроф и гибели культуры, беспрецедентных гонений на Церковь и страшных человеческих падений. Ответом русского общества на тяжелейшие испытания, принять которые пришлось ему в 20-е годы, был удивительный по силе и напряженности исповеднический порыв ко Христу. Переживание

Завершить же это слово мне хотелось словами святителя Сан-Францисского и Шанхайского Иоанна: «Теперь весь мир может видеть, как связаны между собой Царская власть, верная Богу, и Россия. Не стало Царя — не стало России. Борьбу против Царя и России вело скрытое безбожие, проявившее себя затем открыто. Такова сущность борьбы против Царя и России, против основы ее жизни и исторического развития. Таковы смысл и цель той борьбы, которых, может, не все сознавали — те, которые были ее пособниками.

Против Царя и России было призвано все грязное и ничтожное и грешное, что может быть в душе человека. Все это, всеми силами, поднималось на борьбу против Царской Короны, увенчанной крестом, ибо Царское служение есть крестоношение.

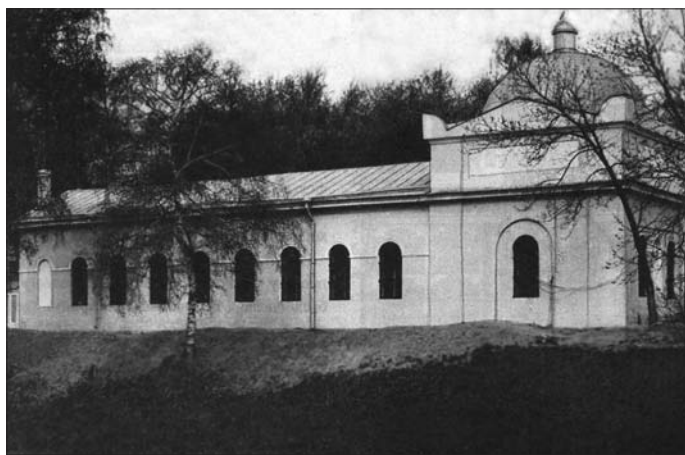
Против креста людей всегда поднимают клеветой и ложью, творя дьявольское дело, ибо, по слову Господа Иисуса Христа: «он есть ложь и отец лжи, и когда говорит ложь — говорит свое» (Ин. 8, 43). Все было поднято против самого кроткого, чистого и любвеобильного Царя, чтобы в страшный час борьбы против него — он остался один. Предварительно распространялись грязные клеветы на Царя и его семью, чтобы народ охладел к нему...

Для возрождения России напрасны все политические и программные объединения: России нужно нравственное обновление русского народа. Мы должны молиться о прощении грехов наших и о милости нашему Отечеству, подобно тому, как Господь Бог освободил Израиль от плена Вавилонского, восстановил и разрушенный град Иерусалим».

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Алекса́ндро-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

Русские СУДЬБЫ

Игорь АНДРУШКЕВИЧ ГРАД КИТЕЖ: ИСЧЕЗНУВШАЯ РУСЬ

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентинско-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Исключительный характер русской эмиграции легче всего определить, назвав ее «**исчезнувшей Русью**».

Размеры, состав и структура этой Руси позволили тогда многим называть русскую эмиграцию отдельным государством в мире. Правда, у этого государства никогда не было полноправного действительного правительства, но все другие признаки были налицо. Конечно, также не было у русской эмиграции и своей собственной территории, но в мире существовали и существуют квази-государства без территории, даже обладающие, в той или иной степени, правами экстерриториальности, как, например, Мальтийский орден. Русская эмиграция по своим размерам даже превышала по численности населения некоторые микросоюзы.

Сегодня трудно себе ясно представить действительный характер русской эмиграции в течение первой четверти века ее существования. Сегодня русская эмиграция сохраняется лишь в виде выживших маленьких остатков когда-то мощных структур, в рамках современной колоссальной русской диаспоры. Перенос сегодняшних представлений о сегодняшнем положении на полвека с лишним назад полностью искажает не только само по себе понимание эмиграции, но также и всю историческую перспективу, в рамках которой она существовала.

В настоящее время есть много примеров таких искажений. Я имею в виду не только политические или идеологические искажения, а просто психологическое и социологическое непонимание имевших место реалий. Для иллюстрации хочу отметить два примера.

Несколько лет тому назад в Аргентину приехал один молодой историк из России, готовивший диссертацию об истории русских эмигрантских

молодежных организаций. Он уже на эту тему написал кое-что. Когда мне сказали, что он выразил желание прийти ко мне, чтобы я ему рассказал про деятельность русской молодежи в Югославии, а затем в Германии и в Аргентине, я предварительно прочел эти его материалы. Основное их содержание заключалось в перечислении внешних формальных проявлений деятельности русских молодежных организаций и, главным образом, разных конфликтов между их руководителями. Когда я прочел эти описания, мне стало очевидно, что их автор с трудом понимает **основной исторический смысл** описываемых событий и процессов. В согласии с моим собственным интеллектуальным профилем, я сразу же попытался найти для себя какое-то теоретическое объяснение для такой неудачной попытки исторической летописи. Мне пришли на ум два типично марксистских умственных дефекта, которые, к сожалению, долго еще будут тяготеть как зловредный гнет над русской интеллигенцией. Я имею в виду ошибочные концепции **«редукционизма»** (упрощенчества) и **борьбы классов**. О редукционизме писал известный русский философ и мыслитель Б. П. Вышеславцев, особенно в своих книгах «Философская нищета марксизма» и «Кризис индустриальной культуры».

Так и получалось, что если смотреть на историю русских молодежных организаций в эмиграции через призму редукционизма и борьбы классов, то ничего другого, кроме интриг и вообще борьбы между руководителями этих организаций и между самими организациями, не будет видно. Например, в данном случае, я лично знал хорошо и долгое время многих из упомянутых в указанных исследованиях руководителей, но оказывается, что, к моему большому удивлению, я не знал более половины всех тех конфликтов, о которых писал этот автор издавека, лично не зная почти никого из тех, о ком он писал. Таким образом, неизбежно получалось некоторое искажение истории, ибо история, со времен Геродота, это **правдивое описание** действительно имевших место событий и процессов, при одновременном исследовании **причин** этих событий и этих процессов. Больше того, известный голландский философ Йохан Гейзинга, в своем известном докладе перед европейскими историками в 1927 году, ясно установил, что настоящая история невозможна без **осмысления глубокого смысла** имевших место событий и процессов, а не только описания бессмысленностей.

Конечно, я этого не мог прямо сказать моему собеседнику из-за деликатности. Но я его пытался убедить, что основной бросающейся в глаза чертой русских молодежных организаций в эмиграции между 1930-ми и 1970-ми годами была безграничная любовь к России, ее культуре и ее народу, и стремление к жертвенному ей служению. Конечно, как и всегда во всяком человеческом обществе, были расхождения, непонимания и даже иногда ссоры. Но это было лишь второстепенной, теневой стороной **исключительной в истории** человечества **эпопеи жертвенного служения** одной идее, в весьма тяжких условиях. При этом нельзя упускать из виду, что эти русские молодежные организации в эмиграции работали самостоятельно, **вне всяких бюджетов** и без каких бы то ни было инструкций от кого бы то ни было. Я до сих пор не знаю, насколько меня тогда понял мой собеседник. Во всяком случае, я попытался рассказать ему, в чем конкретно заключалось это жертвенное служение тогдашних русских молодежных организаций.

Другим примером может быть предисловие к изданным в России «Очеркам истории Императорской России от Николая I до Царя-Мучени-

ка» (Москва, 1995) известного русского эмигрантского историка Н. Тальберга. В этом предисловии высказывается ряд мыслей о русской эмиграции, из которых явствует частичное непонимание таковой. Например, говоря о *«среде русских эмигрантов... не высшей, рафинированной, а средней (но, понятно, поэтому численно более значительной) интеллигенции»*, автор предисловия утверждает, что *«еще вчера большинство из них, нацепив красные банты, лобызались по случаю «февральской бескровной», обожали «душечку» Керенского, готовы были на руках носить словоблуда Милюкова, поносили «бездарного и слабовольного Императора» и т. д.* Автор предисловия в заключение добавляет: *«Как это не похоже на сцену-штамп советского искусства: белые офицеры в подпитии поют «Боже, Царя храни».*

Очевидно, что автор абсолютно не знает и даже не может себе представить действительное, реальное «большинство русских эмигрантов». Лично я знал сотни и сотни русских белых офицеров, без подпития и даже «в подпитии», но среди них я не знал ни одного, к кому можно было бы отнести вышеприведенные утверждения о «нацеплении красных бантов», «лобызании», «обождении», «поношении» и так далее. А русский гимн пели все и всегда, когда это полагалось.

В Русском Кадетском Корпусе в Югославии, в котором я учился, на корпусной праздник святого Александра Невского, 6 декабря по новому стилю, оркестр всегда играл русский гимн. То же самое было и в Крымском Кадетском Корпусе. Предыдущий до меня Председатель Кадетского Объединения в Аргентине, Сергей Александрович Якимович, часто рассказывал, как к ним в Крымский Корпус приезжал генерал П. Н. Врангель. Один раз он был дежурным по Корпусу и находился в кабинете директора Корпуса, когда туда пришел адъютант генерала Врангеля, передавший его слова, что «Россия имеет только один Гимн — “Боже, Царя храни”».

В данном случае, вышеуказанные замечания отнюдь не являются упреком, а просто констатацией факта. Действительно, русская эмиграция — это было настолько грандиозное и настолько сложное историческое явление, что его до сих пор почти невозможно полностью понять ни со стороны, ни изнутри. Я лично думаю, что это будет сделано историей, лишь когда можно будет изучать этот вопрос в соответствующей исторической перспективе, с необходимой минимальной хронологической дистанции.

Данные воспоминания как раз и имеют одной из своих задач помочь в достижении такой правильной перспективы для верной исторической оценки подлинного значения русской эмиграции.

Под искажающим влиянием идеологических редукционизмов, действующих как прокрустово ложе по отношению к описанию любых исторических процессов, когда речь идет о русской эмиграции, в первую очередь подымается два вопроса: об ее организационных структурах и об ее политических программах. Однако необходимо с места в карьер установить, что русская эмиграция в 20-е и 30-е годы отнюдь не жила организационными структурами и политическими программами. Если меня сегодня спросить, что мне кажется самым характерным для русской эмиграции тех времен, то мне, в первую очередь, приходит на ум ее специфический **русский быт**. Это было единственное сокровище, которое русская эмиграция могла с собой вывезти из России.

В отличие от великого исхода еврейского народа из Египта, у участников великого русского исхода из России в начале 20-х годов прошлого века Россия оставалась позади, позади во времени и в пространстве. У древних же евреев в момент их исхода Израиль еще был только лишь впереди. Посему они с собой и смогли взять лишь материальные блага. Русская же эмиграция никаких материальных благ с собой взять не могла, за редчайшими исключениями. Вообще в тот момент ее единственным благом была сама Россия. Единственное, что они могли с собой взять из этой, для них кончавшейся России, был ее быт, **русский быт**, и **русские верования**.

Алексей Хомяков утверждает, что славянское слово «свобода» происходит от словосочетания «свой быт». Таким образом, только лишь имея возможность жить **своим бытом**, а не чужим, навязанным ему бытом, человек может считаться в полном смысле слова свободным. Кроме того, весьма интересно, что само слово «быт» не имеет полностью равнозначущего ему слова в других языках, хотя корень этого слова сохраняется в индоевропейских языках, главным образом, во вспомогательном глаголе «быть», по-английски to be. (Кроме того, имя немецкого племени швабов этимологически происходит от этого же корня).

Оказавшись в изгнании, русская эмиграция, даже в самых ужасных первоначальных условиях своей зарубежной жизни, первое, что хотела сохранить, это свой русский быт.

Быт русского народа вообще, его служилого слоя и его интеллигенции (в лучшем смысле этого слова) имел весьма сложный характер. На фундаменте русского народного быта было создано много дополнительных навыков, связанных со службой и с жизнью этого слоя. В основном это был военный служилый слой или тесно со службой связанные социальные прослойки. Со всем русским народом его связывали общие религиозные и национальные верования, каковые органически сосуществовали вместе с целым рядом общеевропейских культурных и жизненных концепций и традиций.

Моя мать мне многократно рассказывала первые ужасные дни пребывания в эмиграции, когда их семья оказалась в составе казачьих военных частей, интернированных англичанами на необитаемой части греческого острова Лемнос. Тысячи человек, включая женщин и детей, были высажены с кораблей на необитаемый голый пляж без деревьев и кустов. Бедные греческие поселки находились на противоположной стороне острова, и до них даже невозможно было сразу добраться. Англичане им выдали военные палатки и разломанные большие деревянные ящики, в которых перевозились разные продукты. Также им выдали скудный провиант на неделю, сказав, что через неделю привезут еще. После этого англичане отбыли на своих военных кораблях, оставив высаженных русских на **произвол судьбы**. Однако, в данном случае английская спесь не только оказалась ошибочной, но и, в конечном итоге, малокультурной, ибо английские спесивые офицеры-аристократы в данном случае забыли, что **судьба** подлинного аристократа зависит от него самого, а не от посторонних.

Как мне мать рассказывала со всеми подробностями, сразу же, в первый момент после высадки на неуютный и неприветливый дикий берег пустого острова, их охватил дикий ужас. Однако это не был ужас перед тем, как они и где будут спать и что будут есть. Это был ужас перед очевидным фактом, что они оказались вне всякого быта, перед полным отсутствием ми-

нимального русского быта. Однако ужас длился недолго, ибо вскоре кто-то из начальников дал воодушевляющий приказ: разбить пустое место на улицы лагерного городка, в первую очередь с местом для часовни, для лазарета и для других служебных мест, а затем приступить к возведению палаток в рациональном порядке.

Недавно я где-то читал, что тогда на Лемносе высадилось более 20 тысяч человек, главным образом казачьи военные части. Среди этих тысяч людей было много генералов, полковников, офицеров и вообще интеллигентных людей. Нашлись и землемеры, инженеры и иные техники для любого дела. В первый же день работа закипела, и, как говорила мать, в согласии со старой русской культурой, а не с советской, в первую очередь были приняты меры для обеспечения минимальных удобств для женщин и детей. В следующие дни все продолжали работать, разводить улицы, маленькие скверы, строить часовню из досок от английских ящиков. Короче говоря, когда через неделю прибыли гордые сыны Альбиона, они не могли поверить своим глазам: перед ними, вместо голого скалистого побережья, оказался маленький городок из палаток, с улицами, скверами, часовней, лазаретом и так далее. Мать помнила, что английский начальник открыто признал свое удивление, перешедшее в восхищение, перед ее отчимом, генералом Энвальдом, и другими русскими офицерами.

Но не за английским признанием гонялись тогда русские люди, а только лишь за **восстановлением своего русского быта**. Русский быт был сразу же восстановлен, сначала в своем минимальном объеме, затем постоянно и органически растущем. В часовне начались богослужения, в маленькой школе начались занятия с детьми, в маленьком амфитеатре под открытым небом начались театральные и музыкальные представления. Конечно, ни о каких пиршествах не могло быть и речи, ибо беспросветная горечь потери России не допускала никакого пиршества, да таковые и не были возможны на старых английских морских галетах и иных подобных продуктах, оставшихся после Великой войны.

Такое неумолимое энергичное восстановление русской эмиграцией русского быта в любых, даже самых неприветливых, условиях, с тех пор всегда было настоящей красной нитью русской эмиграции во всех частях мира.

Уже лет через 15 после Лемноса, когда мне было около 8–9 лет, меня мои родители повезли из маленького провинциального городка Чачак, в центре Сербии, в средний пограничный городок Суботица на севере Сербии, на границе с Венгрией. Там жил брат моей мамы, подполковник Георгий Леонардович Верженский, и там же умер отчим моей матери. В этом городе в начале 20-х годов тогдашние власти Югославии устроили на жительство несколько сот русских эмигрантов, главным образом офицеров. Так вот, одной из первых инициатив местной русской колонии в Суботице было создание русского офицерского собрания в центре города.

Заведующих этими собраниями выбирали, кажется, ежегодно. Я сейчас не помню, был ли это 1935 или 1936 год, когда этим офицерским собранием в Суботице заведовал мой дядя, который меня в него повел, чтобы показать его. Я помню большой двор, в котором была устроена площадка для игры в крикет, очень популярный в России до революции. Само собрание состояло из одного большого зала и нескольких комнат. Я помню красиво убранный чистый зал, на стенах которого висели портреты русских царей и полко-

водцев. (Кажется, тогда я впервые в моей жизни увидел портреты русских царей). Мой дядя мне объяснял, что все помещение обустроивалось и убиралось самими офицерами, в свободное от работы время. Все они работали простыми рабочими или мелкими служащими. Мой дядя, артиллерийский подполковник, ветеран Японской и Первой мировой войны, сначала работал простым железнодорожным рабочим, а затем заведующим железнодорожным складом на станции.

В русском офицерском собрании в Суботице царил настоящий русский дух и русский быт. Все было чисто, убрано, практично и, самое главное, красиво. Русская местная колония собиралась в этом своем клубе после работы и в свободные дни. Меня дядя предупредил, что в этой обстановке надо вести себя хорошо, то есть надо со всеми здороваться, уступать место старшим, нельзя садиться на пол или на забор, нужно учтиво отвечать на все вопросы и говорить, если нужно, спасибо. Я до этого никогда не был в русской среде, так как сначала жил, еще маленьким ребенком, в сербской деревне, где не было ни одного русского кроме нас, а затем в маленьком городке, где было очень мало русских. Я привык к сербской среде, главным образом крестьянской, а тут я вдруг сразу встретился с многочисленной русской средой, где были десятки русских офицеров и их дам, скромно одетых (многие офицеры все еще продолжали носить свою старую русскую военную форму), которые мило и не шумно разговаривали между собой. Мне сразу же понравилась эта, доселе мне незнакомая атмосфера, так же как и непонятная мне тогда игра во дворе в крикет.

Сейчас такого русского быта уже больше нигде в мире не осталось, но иногда у меня возникают его реминисценции при виде старых английских фильмов, изображающих прежнюю английскую жизнь английского культурного общества. В таких случаях я говорю моей жене и моим детям: «Смотрите, это очень похоже на старый русский быт русской эмиграции». За одним исключением. В русской среде, кроме этого быта, или, вернее, в его ядре, чувствовалось живое присутствие какой-то **сильной духовной идеи**, можно было бы сказать, **русской православной идеи**. Не только потому, что всюду на почетных местах висели иконы, но и потому, что религиозная субстанция чувствовалась за всеми проявлениями русской жизни.

Русская эмиграция в основной своей массе в 20-е и 30-е годы прошлого века жила не только своим старым русским бытом, но также и своими собственными русскими верованиями. В данном случае, под термином «верования» я подразумеваю специфический **аккорд** или **букет духовных и культурных ценностей**, по отношению к которым существовал общий соборный консенсус.

Как известно, социологическое значение верований впервые было четко разработано испанским философом Хосе Ортега-и-Гассет, а затем некоторыми его учениками (Хулиан Мариас и Каррагори). Однако, это понятие принималось во внимание и предыдущими мыслителями. Например, Фюстель де Куланж пишет, что учреждения древних нам сегодня невозможно понять без учета их тогдашних верований. Наш русский великий мыслитель Л. А. Тихомиров тоже систематически ссылается на социологическую важность верований. Он считает верования частью «социального фундамента государства». Я лично в некоторых моих статьях на темы политической теории включаю верования в число элементов государства.

Ввиду того, что верования являются социальным фундаментом общества, их не так легко уточнить. Легче описать или зарисовать точный вид фасада, чем тех фундаментов, на которых он покоится. Однако, не упуская из виду сложный характер русских верований, можно отметить некоторые их главные составляющие: православие, русский патриотизм, любовь к русской культуре, любовь к русской истории и любовь к русскому воинству. Чтобы не гнаться за исчерпывающим перечислением всех этих составных частей русских верований, в конечном итоге, их всех можно резюмировать в одном слове: **Россия**. На моем докладе при закрытии 16-го Кадетского Съезда в Москве в 1998 году, я по этому поводу процитировал стихотворение Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная стать:
В Россию можно только верить.*

Однако, все подобные определения или описания верований русской эмиграции будут недостаточно выпуклыми, если будет упущена одна деталь, одна нота в этом сложном аккорде. Во всяком случае, я лично всегда сильно чувствовал эту деталь, с самого раннего детства, и только лишь уже под старость это чувство стало немного выветриваться, под давлением и гнетом реальной обстановки. Я имею в виду чувство всех русских эмигрантов, что они принадлежат к одной **большой семье**.

Все русские в эмиграции были как бы **дальними родственниками** между собой, причем это не было только сильным подсознательным чувством, но также и сознательной позицией. Например, нам, русским детям в Югославии, говорили, что ко всем знакомым наших родителей надо обращаться со словами «дядя» и «тетя». Я, например, приблизительно до моего 8-летнего возраста даже предполагал, что все русские офицеры — знакомые моих родителей — были какими-то моими отдаленными родственниками. Больше того, я хорошо помню, что я в этом возрасте даже думал, что любой такой новый для меня дядя, живший в Центральной Сербии, к которому мой отец обращался по имени-отчеству или «господин полковник», должен был знать всех других подобных же моих «дядей», которые жили на севере Сербии, на границе с Венгрией. Однако при этом нужно отметить, что это было вызвано также и естественным чувством локтя между изгнанниками, каковые боялись раствориться в массе окружающих их иностранцев.

Например, в конце 30-х годов моя семья жила в городе Чачак в Центральной Сербии, где было немногим более 10 тысяч жителей, среди которых было всего лишь около ста взрослых русских. (Я эту цифру хорошо помню, ибо в 1937 году вся русская колония города Чачак торжественно отмечала 100-летие смерти А. С. Пушкина. Был организован академический акт с артистическими выступлениями детей и молодежи, на котором мой отец прочитал доклад об истории Китая. После акта вся местная русская колония, кроме маленьких детей, собралась на ужин с музыкой в одном центральном ресторане города, и я помню, как устроители говорили между собой, что все 100 забронированных мест были заняты. Я тогда тоже принял участие в этом ужине, поскольку мне тогда исполнилось 10 лет).

Однако, такое чувство родственных отношений среди эмиграции нельзя путать со внешне схожим распространением аналогичных обращений в то же самое время и в Советском Союзе, имевшими другие причины и другое социологическое значение.

Еще не так давно меня как-то всего передернуло, когда я вдруг по телевидению услышал слова, что где-то были арестованы полицией какие-то «русские проститутки». Ведь мы, дети и молодежь русской белой эмиграции, раньше твердо верили, что среди русских даже могут быть коммунисты, но проституток никак не может быть.

Русские верования, о которых в данном случае идет речь, не были никем выдуманы или сконструированы. Они дошли до нас по цепочке времени из глубины веков нашей русской истории. Их можно сравнить со старыми, очень старыми иконами, на которых со временем осела гарь горящих свечей. Однако главная беда была не в подобной гари, которую можно сравнительно легко отчистить, а в имевшихся часто попытках наново перемалевать такую древнюю красоту новыми неуклюжими мазками, якобы для подновления и для модернизации. Так и получалось, что глубокой сущности подобных икон мы не могли всегда видеть, ибо иногда она была от нас прикрыта наносным второстепенным разукрашиванием. Так и на наши старые русские исконные верования часть русского общества интенсивно малевала чужеродные и часто уродливые идеологические наносные пласты. Когда же эти пласты наносных идеологических дешевых красок стали покрываться густой сетью трещин, то было провозглашено истошными голосами: «Смотрите, как русские иконы трескаются и какой у них устарелый вид». У Солоухина есть замечательные места о том, какая красота вдруг проявляется, когда удастся снести со старых русских икон эти наносные малевальные реформы.

Русская эмиграция оказалась на чужбине со своими русскими верованиями, сильно покрытыми такими идеологическими домыслами, потрескавшимися во всех направлениях. И тут начался новый исторический процесс: потрескавшиеся домьслы начали облупливаться, а некоторые из них и отпадать. Оставшиеся же остатки этих домьслов очень часто пришлось самим уже удалять. Этот исторический процесс весьма важен, ибо он был спонтанным, стихийным, что подтверждается его параллелизмом и в России, и в Зарубежье. Кроме того, этот процесс до сих пор систематически умалчивается средствами массовой манипуляции, именно по той простой причине, что этот процесс был именно стихийным, сиречь народным, а не результатом манипуляций сверху или из-за кулис.

Таким образом, **русский быт** и **русские верования**, не только сохранившиеся, но и **очистившиеся** в русской эмиграции в первые десятилетия ее существования, были тем **русским кладом**, который как бы погрузился под поверхность исторических официальных происшествий в мире. В этом смысле русская эмиграция была своего рода новым **Градом Китежем**, недостижимым для всего остального мира, но чей колокольный звон весь мир слышал и продолжает слышать.

Согласно этой красивой по форме и глубокой по смыслу русской легенде, перед нашествием диких и кровожадных врагов русский Город Китеж опустился под воду озера Светлый Яр. Град Китеж оказался для врагов недостижимым, но, согласно легенде, они продолжали слышать колокольный звон скрывшегося под водой города.

Проба ПЕРВА

Александр БОВДУНОВ

«В ЧЕРЕДЕ ПОКОЛЕНИЙ»

Александр Леонидович Бовдунов — родился 14 июня 1986 года в учительской семье в с. Становое, Целинного района Курганской области, в 2001 году семья переехала в с. Рафайлово Тюменской области, там закончил школу. В 2004 году поступил на факультет Международных отношений МГИМО. Автор ряда научных публикаций. С 2005 года занимается общественной деятельностью и сетевой публицистикой, основные темы — геополитика, история, теория и практика русского и европейского консерватизма. В 2010 г. вышел сборник эссе «Россия как задание». Стихи начал писать во время обучения в институте. **Живет в Москве.**

* * *

Волосы цвета соломы,
Глаз ледяные рассветы,
Кто же мы, Родина, кто мы?
Где же ты, Родина, где ты?

Нас не ведут на расстрелы,
Подвиги нам — все бывшее.
Мы не погибли, мы целы.
Мы не в бою — мы в покое.

Мы в череде поколений
Место займем, то, что с краю.
Гонит нас ветер осенний,
Гонит, откуда не знаю.

Нам те неведомы дали,
Что так до боли печальны.
Мы утолять перестали
Жажду познания тайны.

Может, еще что-то цело,
Может, душа не сломалась,
Может она уцелела
Самую, самую малость?...

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА

Ты купиной неопалимой
На крест взошла, моя страна,
Среди пожаров, гари, дыма
Мечом и Духом крещена.

В огне времен костром горела,
Стояла крепко как скала,
Враги твои терзали тело,
Стонали лишь колокола.

И каждый враг, жадный, гордый,
Стал узником твоей земли.
Сжигали Русь стальные орды,
Но силу духа не сожгли.

И в каждом русском память предка
Кипит, как будто бы приказ:
«Врага разите духом метко,
Господь всегда стоял за нас».

И шли в огонь, чтоб жили дети.
Чтоб тьма боялась света дней.
Сгорала Русь в огне столетий,
Но воскресала, став сильнее.

КЛЯТВА НОВОБРАНЦЕВ

На ветру развеваются стяги,
Наступает торжественный час,
Подожли вы к священной присяге
Как до вас подходили не раз.

Отголоском Великой победы,
Вновь возносится слово «клянусь»,

Будто вторят отцы ваши, деды,
Защищавшие Родину-Русь,

Что в огне, как в крещенской купели,
Воскресает и вечно жива.

Словно ангелы к небу взлетели
Этой клятвы живые слова...

* * *

Звери серые, рай на севере,
И сияние все сильней.
Звезды севера зори сеяли
Посреди ледяных камней.

Словно всполохи нашей памяти,
Снежный свет льется из глубин.
Позабыли мы то, что — праведный
Путь нелегкий всегда один:

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

Господи, дай мне подумать немножко,
Чья же вина,
В том, что стучится клюкою в окошко
Снова война?

В том, что я знаю, не всяк похоронен,
Души не спят,
В том, что мне снятся куски кинохроник,
Лица солдат?

В том, что я чувствую светлую бездну
Русской земли,
В том, что искать грех вовне бесполезно —
Только внутри?

В том, что вся Родина — слово святое —
В сердце живет...
Двадцать второе, двадцать второе
Страшный мой год.

Кто-то когда-то не вышел из боя,
Может быть, я.
Было с тобою или со мною?
Знает земля.

Губы прокушены яростью злою,
Боли не тронь.
Это случилось со мной и с тобою:
Смерть и огонь!...

Птицы смолкают над летним покоем,
Ночь холодна,
Двадцать второе, двадцать второе
Скоро война...

МЕТЕЛЬНОЕ УТРО

Шепот незримых созвездий,
Выступ кирпичной стены.
Быть бы с любимой вместе,
Болью мы разделены...

Ангелы в мареве снега
Кажутся ближе, родней.
Их бесподобная нега
Делает утро добрей.

Льется сквозь волны метели,
Взгляд твоих ласковых глаз.
Души куда-то взлетели,
Но не оставили нас.

Тяжко... Испить бы водицы,
Муку я б отдал взамен...
Птица мне белая снится
В бледной больничности стен.

КРЕСТОНОСЦЫ

Шелестела плакучая ива,
Звезды падали с неба в ночи.
Поднимался отряд торопливо,
Проверяя на прочность мечи.

К смерти лишь приводила дорога,
Тех, кто только к наживе спешил,

Тех, кто лживо, от имени Бога,
Храм Господний разрушить решил.

В беспощадном краю иноверцев,
Победить было им не дано:
Коль золотого тельца видит сердце,
Крестный путь не осилит оно.

ГОЛОС ЗЕМЛИ

Голос земли,
Сырость колодца
Пахнет живым и родным.
Где-то вдали
Русское солнце
Светит сквозь сумрак и дым.

Небо как лик,
Кружатся в связке
Листья, летящие ввысь.

Вечер велик,
Страшные сказки
Шепчет не страшно тростник.

К краю небес
Двигается стая,
В непреходящую даль.
Сердцем внимая,
Землю читаю
Словно раскрытый букварь.

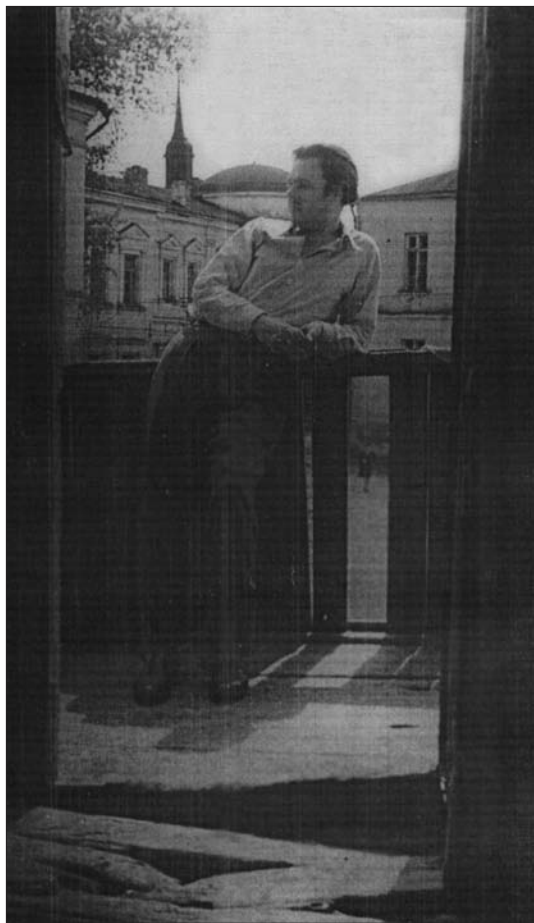
**Александр
НИФОНТОВ**

«ДУША ФРОНТОВОГО ПОКОЛЕНИЯ — ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ»

*А. И. Лактионов.
Письмо с фронта.
К истории создания
картины*

Александр Владимирович Нифонтов — родился в 1951 г. в Костроме. Окончил Московский историко-архивный институт и аспирантуру МГУ. Кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова, автор статей по всемирной и отечественной истории. **Живет в Костроме.**

Время Великой Отечественной войны прошедшего века становится легендой и мифом для послевоенных поколений. Чтобы окунуться в реальный быт военного поколения и почувствовать их действительные заботы и радости, можно обратиться к широко известной в советское время картине художника А. И. Лактионова «Письмо с фронта», написанной в 1946/1947 годах. Чтобы лучше понять замысел художника и его воплощение, обратимся к воспоминаниям создателя картины и его окружения, к истории создания этой картины. Лактионов во время войны работал в тылу: во время блокады Ленинграда — художником в штабе Ленинградского военного округа и совместно с художниками В. А. Серовым и А. Н. Яр-Кравченко был инициатором и создателем музея обороны Ленинграда. После эвакуации Академии художеств из Ленинграда жил в Вологде, Новосибирске, Самарканде, а в конце войны в Загорске под Москвой. Он работает над плакатами для фронта и рисунками для газет, продолжает писать портреты современников. Надо отметить, что к этому времени Лактионов уже был известным и признанным портретистом. Так, еще во время учебы в Ленинградской Академии художеств в 1938 году он написал портрет маслом своего наставника И. И. Бродского. «После такого портрета можно и умереть спокойно», — сказал Бродский, взглянув на работу своего любимого ученика. После окончания Академии художеств, Лактионов создал целый портретный цикл знаменитых современников: народного художника И. И. Бродского, летчика — героя СССР М. В. Водопьянова, актеров МХАТа — В. И. Качалова, О. Л. Книппер-Чеховой, Н. П. Хмелева, В. О. Топоркова, видного партийного деятеля С. М. Ки-

*А. И. Лактионов на крыльце своего дома
в г. Загорске, 1948 г. Фотография
Г. Нифонтова. Публикуется впервые*

рова, а во время войны написал портрет И. В Сталина, произносящего речь с трибуны мавзолея на военном параде 7 ноября 1941 года. Но художник долго искал тему для сюжетного группового произведения. Он не хотел «сочинять и выдумывать» то, чего сам не видел и не пережил лично. Воспитанный в духе реалистического понимания задач искусства (а его учителями были М. В. Нестеров и И. И. Бродский) он искал такую тему, которая не только бы отражала типичное в повседневной жизни советских людей в тылу во время войны, была близка и понятна каждому, но и обязательно была бы глубоко прочувствована самим художником. И знаменательно, что в подмосковном старинном русском городке Загорске (ныне — Сергиев-Посад) в 1943 году после Сталинградской битвы и возникла идея будущей картины, а в стенах Троице-Сергиевой лавры, приспособленных под жилье, где приютился художник с семьей, определяется будущая обстановка картины и начинается поиск сюжета. По-

иски были долгими. Сначала это была «Встреча», потом «Возвращение». Александр Иванович вспоминал: «Я неоднократно наблюдал сцены и переживания, связанные с вестями, полученными от фронтовиков. В течение двух лет делал зарисовки и набрасывал этюды на задуманную тему. Сначала получение письма представлялось в виде сцены на улице, у входа в дом, причем в окнах виднелись взволнованные и любопытные лица. Затем замысел оформился в осуществленную позднее группу на крыльце, но участниками ее были другие: читала письмо молодая мать, ее слушали бабушка и дети». Но это решение его не удовлетворяло. Чего-то важного не хватало! «Я решил пойти в шум жизни. Очень много времени проводил, наблюдая, как возвращаются эшелоны с войны. Мне хотелось увидеть встречу буквально на вокзале: раскрываются «теплушки», оттуда высыпает солдаты, и девушка, которая ждала своего солдата всю войну, теперь встречает его. Это случалось или могло случиться, но что-то было в этом сюжете «киношное», «мелодраматичное», «надуманное»... Однажды я встретил недалеко от своего дома прихрамывающего воина, от которого еще прямо-таки пахло порохом. Выгоревшая пилотка была сдвинута на затылок, одна рука — на

перевязи, в другой — шинель, палка и белый треугольник письма. Он обращался ко всем встречным и расспрашивал, как пройти на улицу, указанную в адресе. Я подошел к нему — разговорились. Он был в отпуске, недавно выписался из госпиталя и нес письмо от раненого товарища его семье, ибо тот не мог ни писать, ни говорить все эти годы. Я подумал, какова же будет радость тех людей, что столько лет ждали, верили, надеялись!». Эта встреча была решающей для окончательного оформления так долго вынашиваемого замысла: в картину прочно вошел образ фронтовика, только что возвратившегося и спешащего передать долгожданные вести. Художник вспоминал: «...вернувшись домой, стал я строить возле своей «квартиры» крылечко полтора на полтора метра. Мысль работала очень быстро... вот остановилась тетка с ведрами — да это же эпизод к моей картине!.. Но сосед-художник П. П. Соколов-Скаля, посмотрев уже эскизы к будущей картине, сказал: «Зачем тут женщина? Поставь солдата!» И тем утвердил окончательно мою идею. Так нашлось завершение всей композиции! Теперь для картины надо было найти наиболее характерные и типичные образы. Сразу вспомнился солдат из госпиталя — центральный образ Воина-фронтовика был подсказан самой жизнью! Художник понял: «В мою картину должен был придти именно такой человек и принести письмо с фронта». И в его воображении начали складываться возможные сюжеты передачи письма, он мысленно продолжал идти с солдатом, вместе с ним входил в дом и присутствовал при чтении письма, с удивительной отчетливостью представляя себе, как все это будет происходить. Так встреча с неизвестным солдатом помогла Лактионову разрешить проблему темы картины, которую он обдумывал давно. В этом небольшом бытовом эпизоде художник сумел увидеть сокровенное в «тыловой» жизни советских людей в годы войны.

Теперь для центральной фигуры картины — Воина-фронтовика — надо было найти «натуру». И снова — быстрая удача! С фронта вернулся его друг Владимир Нифонтов, прошедший все пять лет на передовой, в десанте, был ранен и закончил войну в Вене. Ему не нужно было «входить в образ»: пилотка, гимнастерка, ордена и медали — свои. Он тоже занимался живописью и принял деятельное участие в создании картины: не только долгие месяцы позировал, но и обсуждал сюжет, предлагал его развитие, вместе с художником осмысливал содержание будущего произведения. Позже Лактионов сделает надпись на репродукции своей картины: «Милый мой Володя, ты здесь изображен в образе Героя Великой Отечественной войны, принесший весть о победе Великого Советского народа над черными силами фашизма. Благодарю тебя, дорогой мой герой. Любящий тебя. Александр Лактионов. 13.VIII.49 г.». А в письме от 15 февраля 1948 года Лактионов пишет: «Дорогой мой Володя! Благодарю Вас за безупречное и бесконечно неутомимое позирование в течение одиннадцати месяцев 47—48 годов, благодаря чему я смог, считаю успешно, закончить свою новую работу». Однако сцена не сразу получила вид, запечатленный позже на картине. Композиция перерабатывалась, пока не было достигнуто равновесие во всех частях картины. Так, сначала, две детские фигуры слева заполняли передний план, не оставляя должного места центральному образу солдата. В дальнейшем художник отказался от одной из детских фигур, переработал облик и позу матери и окончательно остановился на трех женских образах: Матери, Девушки и Дочери, и трех мужских: двух Воинов (раненого, стоящего и

подходящего) и юного Сына. Все фигуры находятся на разном расстоянии до зрителя и обретают ощутимую пространственность, объемность и весомость. Обдумывая композицию картины, после колебаний художник решил расположить персонажи на крыльце своего дома, чтобы «выйти в открытый мир». Для этого он в картине умышленно увеличил дверной проем, чтобы показать двор, а главное — здания ограды и башенки крепостных стен древней Троице-Сергиевой лавры. Этим он внес особый смысл в сюжет картины. В то время церковно-религиозные мотивы «не приветствовались» и было заранее ясно, что у будущих критиков возникнут «недоуменные вопросы». Но реалистическая логика замысла картины требовала от художника последовательности и бескомпромиссности. Решив проблемы композиции, нужно было найти и отразить такой момент в сцене получения фронтального письма, который с наибольшей полнотой раскрыл бы всю глубину содержания события. Лактионов отбрасывал один вариант за другим, и сцена не скоро получила вид, запечатленный позже на картине. Сначала действие происходило в пасмурный день. Это было маловыразительно и не захватывало зрителя. К этому времени (1946 г.) относится этюд женской головы, ярко освещенный солнцем. Это показывает, что художник понял, где «недостающее звено» в изобразительном строе картины. Осветив всю группу ярким солнечным светом, он нашел, наконец, полное воплощение своего замысла. Чтобы как можно реалистичнее передать солнечный свет, Лактионов решил всю картину целиком писать с натуры, без обычной предварительной проработки фигур и пейзажа в этюдах. Натурщики (ими были вместе с В. Нифонтовым — мать и сын Лактионова) в течение двух летних сезонов (в общей сложности одиннадцать месяцев) терпеливо позировали под палящими лучами солнца. В результате в картине появился еще один «главный» герой — солнечный свет! Теплый, золотистый, он воплотил торжество жизни над смертью, света над мраком. На картине сияющая яркость солнца изображена с предельной силой. Полуденными лучами проникнута светлая лазурь неба, они озаряют двор, здания и башни старинного монастыря, окрашивают золотом легкие, разметававшиеся волосы белокурой девушки, лежат ослепительными бликами на полу, пронизывают белую ткань блузы матери, рдеют в красных бантах в косах девочки, окрашивает загаром лица. Так он нашел, наконец, полное воплощения своего замысла: радостного предчувствия Победы и встречи, которое наполняет и заряжает жизненной энергией все вокруг: и людей, и ветхий домик, и монастырский пустынный двор и голубое небо белоснежными облаками. Освещение помогает художнику передать приподнятость темы незамысловатого сюжета. Мальчик завладел письмом и, окруженный улыбающимися слушателями, читает им вслух долгожданный рассказ отца о фронтовой жизни. Письмо объединяет и сближает в радостном предчувствии долгожданного окончания долгой войны всех — и семью фронтовика, и его раненого товарища, и девушку-соседку, и зрителей! Сплоченность и дружба простых советских людей, живущих жизнью фронта и интересами Родины, их оптимистический патриотизм, нашедшие яркое и неповторимое отражение в картине Лактионова, привлекают, волнуют и восхищают зрителя. Эпизод частной жизни перерастает рамки иллюстрации тылового быта и приобретает возвышенные и величественные черты. В световом половодье картины нашло свое выражение стремление к свету и теплу, которое накопилось в душах истос-

ковавшихся людей за трудные военные годы. Это сразу почувствовали зрители картины «Письмо с фронта», впервые выставленной на Всесоюзной Художественной выставке в Государственной Третьяковской галерее в 1947 году. Но некоторые официальные критики решили иначе — сразу появилось «мнение» об отсутствии «гражданского пафоса», о пропаганде «мещанского бытовизма», начался детальный пристрастный разбор: «широкий дверной проем не мог быть закрыт в действительности узкой створкой, которая видна справа... граница между половицей и средней доской под ногой матери не выражена достаточно четко»). Казалось этими оценками судьба картины была predetermined: «Художник не раскрыл полностью богатую духовную жизнь и всю гамму чувств взволнованных советских людей... поэтому живая сцена получила несколько холодный характер... недостаточно раскрыты в лицах и фигурах приподнятость их настроения». Судьба картины была неопределенной. Вот что пишет о сложившейся обстановке вокруг картины в своем дневнике В. Нифонтов (цитирую по материалам из личного архива отца, который трагически погиб в 1954 г.): «Лето (1947 года) промчалось быстро. Осенние дни, дожди, последние сеансы «Письма» и вот — на носу выставка. В последний день мы с ним (А. И. Лактионовым) отправились в Москву. Пешком от Ярославского вокзала до Кузнецкого моста с огромным полотном мы прошли великолепно. На счастье А. М. Герасимов объявился в кабинете и попросил картину к себе. Мы втащили ее. Долго смотрел он на нее и, наконец, вырвалось у него: «Здорово написано. Солдат здорово написан». Дал некоторые свои указания и предложил нам свою машину, чтобы довести до приемного зала картину, но А. И. отказался, и мы выносили картину на руках»; «28.12.47. Вечером (Лактионов) был в Москве на Конференции Академии Художеств. Сегодня снова едет. Пошел провожать его на вокзал. По пути я надумал ехать вместе с ним и понесся переодеваться домой. Едем. ...Он снова охарактеризовал выступление той женщины, которая сказала о нем: «В чем дело? Почему в книге отзывов много написано о Лактионове, а у нас здесь мало говорят о нем?» ... Притом указала на портрет тов. Сталина работы В. Яковлева рукой и сказала: «Неужели лучшего не могли ничего повесить?»... Вот заключительное слово А. М. Герасимова. Откровенно говоря, мы ждали, что хоть он возьмет под защиту

А. И. Лактионов. *Письмо с фронта*

получила несколько холодный характер... недостаточно раскрыты в лицах и фигурах приподнятость их настроения». Судьба картины была неопределенной. Вот что пишет о сложившейся обстановке вокруг картины в своем дневнике В. Нифонтов (цитирую по материалам из личного архива отца, который трагически погиб в 1954 г.): «Лето (1947 года) промчалось быстро. Осенние дни, дожди, последние сеансы «Письма» и вот — на носу выставка. В последний день мы с ним (А. И. Лактионовым) отправились в Москву. Пешком от Ярославского вокзала до Кузнецкого моста с огромным полотном мы прошли великолепно. На счастье А. М. Герасимов объявился в кабинете и попросил картину к себе. Мы втащили ее. Долго смотрел он на нее и, наконец, вырвалось у него: «Здорово написано. Солдат здорово написан». Дал некоторые свои указания и предложил нам свою машину, чтобы довести до приемного зала картину, но А. И. отказался, и мы выносили картину на руках»; «28.12.47. Вечером (Лактионов) был в Москве на Конференции Академии Художеств. Сегодня снова едет. Пошел провожать его на вокзал. По пути я надумал ехать вместе с ним и понесся переодеваться домой. Едем. ...Он снова охарактеризовал выступление той женщины, которая сказала о нем: «В чем дело? Почему в книге отзывов много написано о Лактионове, а у нас здесь мало говорят о нем?» ... Притом указала на портрет тов. Сталина работы В. Яковлева рукой и сказала: «Неужели лучшего не могли ничего повесить?»... Вот заключительное слово А. М. Герасимова. Откровенно говоря, мы ждали, что хоть он возьмет под защиту

А. И. Лактионов.
Автопортрет в рубище

А. И. Лактионова. Но увы. Он остановился на портрете Сталина. Молодец, он правильно сказал: «У нас прошло два конкурса. Затратили 2 млн. рублей, а вот это лучшее. А ведь вы художники. Давайте!» (Аплодисменты)... Я в душе кипел. А. И. тоже: «Но почему же? Почему он смолчал?» Я ответил: «Он боялся говорить плохо, потому что нельзя, ведь он знает, что хорошо, а говорить хорошо он не хотел»... А. И. очень обижен: «Хорошо, Володя, что ты был со мной, свидетелем от начала до конца. От кабинета Герасимова до его заключительного слова. И поделиться не с кем. Только ты, Володя. Ты, да еще Алеша Грицай, вот и все». Но я ему ответил так: «Ничего, А. И., все хорошо. Благо, что вас еще на выставку допускают. А представьте себе, вы сдали картину жюри и вдруг ее не пропустили. Я думаю, что это было бы ужаснее всего. Народ ее видит, а чего более?»; «25.4.48. Вчера с утра был у А. И. Он получил 31 поздравительную телеграмму (за присуждение Сталинской премии за картину «Письмо с фронта»). На дом идут целые делегации. Был корреспондент из иллюстрированной газеты. Целый день его фотографируют во всех положениях... Он рассказывает: «Был в Третьяковке. Там рассказали мне, что был Жданов, и когда подошел к Вашей картине, остановился и спросил зам. дир. галереи: «Вам нравится эта картина?» Он ответил, замаявшись: «Да, хорошо написано». «А художникам нравится?» «Нет, не нравится», — ответил зам. — Ну, а народу нравится? — спросил Жданов. — «Да, нравится, в книге отзывов только о ней и пишут». После длительной паузы Жданов сказал: «Ну, а партия присоединяется к мнению народа, — и пошел дальше». Назавтра картину, по приказу Жданова, возили в Кремль. А. И. очень рад всему случившемуся. А в Загорске творится невообразимое. Дрова ему везут, свет включили и проч. В общем, заговорили всюду». А еще Александр Иванович вспоминал, что Сталин внимательно осмотрел картину и сказал, что *войну выигрывают не только оружием, но и благодаря «таким письмам»*. Так в 1948 г. А. И. Лактионов был удостоен Государственной Сталинской премии I степени, а его картина вошла в собрание Государственной Третьяковской галереи. В 1949 году в ряде городов Германии и Венгрии была организована выставка советской живописи. Ее центром стала авторская копия картины «Письмо с фронта», которая вызвала бурную дискуссию в печати. Главным ее итогом, считал Александр Иванович, была надпись в книге отзывов, сделанная венгерским рабочим: «В картине мы видим сердце русской семьи». К этому можно добавить — в период страшной войны. Судьба картины А. И. Лактионова «Письмо с фронта» сложилась счастливо: она стала классической частью советской живописной культуры, была включена в школьные хрестоматии, ее изучают в художественных училищах мира. Однако высшей наградой стало ее всенародное признание. Секрет этого в том, что в картине отразилась «душа фронтового поколения — поколения победителей», именно поэтому она вызывала и вызывает оптимизм и солнечную радость, дает надежду в победу Света и Мира.

Михаил ФЕДОРОВ

ДОРОГА

*Отрывок из повести
о детстве художника
Ивана Крамского*

Михаил Иванович Федоров — родился в 1953 году в г. Вологде в семье военнослужащего. Вместе с отцом жил в Крыму, Грузии, на Псковщине, на Урале, в Оренбуржье, в Казахстане на Байконуре. Окончил ВГИК, сценарный факультет. Член Союза писателей России. По профессии адвокат. Автор многих книг прозы и журнальных публикаций. **Живет в Воронеже.**

Рано утром в погожий день Федор обнял мать, сунул в руку брату Ивану серебряную монету:

— На всякий случай...

— Спасибо, Федюня, — Иван чуть не заплакал.

Его пугала неизвестность, но отступать было некуда.

Они с матерью, забросив котомки за спину, вышли на улицу и не видели, какими колючими глазами провожал их, смотря из окна, Михаил. И хорошо, что не видели. Мало приятного получили бы от такого взгляда. Но приятным оказалось прощание с попавшимися навстречу мальчишками, которые, как всегда, спешили на речку.

— Вань, ты говорят, учиться на художника собрался, — сказал один.

— А тебе-то что? — прохладно спросил Иван.

Ему было за что дуться на бывших одноклассников.

— Преподаватель был не прав! У тебя картина во какая!

— В самом деле? — Иван остановился.

Вгляделся в глаза одноклассника, которые поразили его своей чистотой. С тех пор он часто вспоминал глаза сельских мальчишек, более светлого взгляда он не видел ни у кого.

Дорога до Воронежа заняла неделю. В первый день они прошли около десяти верст. Спадая с одного холма и взлетая на другой, змеилась проселочная дорога. По ней, растворяясь в мареве от жары, двигались двое путников.

Вот они остановились. Женщина сбросила котомку, развязала платок, присела под ветлу на пенек.

— Дай денежку! Я ее зашью. Так сохраннее будет...

Иван, не задумываясь, отдал.

Мать достала из мешка рубаху сына, всунула нитку в ушко иглки, склонилась над шитьем.

Откуда-то из-за бугра послышались бреление балалайки и песня:

— *За рекой, на горе,
Лес зеленый шумит;
Под горой, за рекой,
Хуторочек стоит...*

— Кто это? — спросил Иван.

— Видно, молодец какой...

Мать тихо подхватила:

— *В том лесу соловей
Громко песни поет;
Молодая вдова
В хуторочке живет...*

У Ивана заломило на душе. Ему стало тесно на узкой лужайке у дороги, и он рванулся в поле. Слушая песню, срывал и вглядывался в венчики васильков, гнался за бабочкой, подбегал и прикивал ухом к валуну. А звуки раздавались все ближе, и голос матери зазвучал сильнее.

Ветер гонял волны по травяному покрову, заматывал в косы ветви ветлы и разносил полные терпкой горечи слова старинной песни.

К вечеру путники вышли на край горы, откуда открывался просторный вид на реку и на село с церковкой. Купол храма прощально обливало горевшим желтизной горизонтом.

— Село Солдатское, — перекрестилась мать.

— А почему такое название?

— Служилые люди здесь жили...

Иван заметил на окраине в березовой роще девичий хоровод.

— Маменька, смотрите...

— Кого-то суженому отдают...

— Все хотел спросить, а что за фамилия у вас в девичестве была?

— Бреусова...

— Это как понимать?

— Ну, если по моему, то от Бреусов... Брил усы... От казака, что только начал брить усы... Молодого... А как по научному, не ведаю...

— А это и есть, по научному...

— А как за твоего батюшку пошла, стала Крамской...

— А откуда взялось Крамской?

— Думаю от крома, кромка — краешек. Но слышала, такой городок Кромы есть... Вот и получилось Крамской...

— Но ведь Крамской...

— Крамской не выговоришь, вот пошло Крамской...

— Кром... А крам!

— Хотя Петр Агеевич отца твоего называл крамарь.

— Что торгует всякой мелочью?

— Да, крамарь...

— Но я не Крамарь!

Держась за ветки кустарника, спустились в низину. Иван подавал руку и помогал матери, повторяя:

— Кром-кром... кром-кром...

По двум уложенным рядом стволам перешли речку. Внизу струился поток, сгибая водоросли, неся паучков, листья, хворостинки. Проплыли брошенные выше по течению венки.

— Знаешь, зачем они? — спросила мать.

— Нет...

— Девушка бросает венок, и если он поплывет, то к суженому. Знать, скоро жди сватов... А если потонет, то в девках и останется...

— А вы, маменька, пускали венки?

— Пускала...

— И помогло?

— К кому пускала, он не доплыл...

На краю березовой рощи внимание путников привлек хоровод. Девыцы в подпоясанных сарафанах и платочках окружили жениха и невесту. Те пытались вырваться из круга, но смеющиеся девушки их не выпускали.

— Пойдем, — потянула сына мать.

— Дайте поглядеть...

— Зачем тебе?

— Какие косы!.. Как бегут!..

Иван восторженно принял к березе. Чем больше он впитывал жизнь своих земляков, тем более переполняло его душу незатейливыми, полными целомудрия и чистоты картинами сельской жизни, и он мечтал о том времени, когда они окажутся на его полотнах.

Вдруг круг сузился и со смехом, криками попадали молодые баловницы на жениха и невесту, создав кучу малу.

— Маменька...

Мать еле удержала сына, рванувшего к этому веселью.

Наконец Иван с матерью приблизились к церковке, во дворе которой соломенной крышей выступала из земли сторожка. Из сторожки выросла старушка в темном платке и платье с благодушным лицом:

— Что вас голубушка завело сюда с хлопцем?

— Да вот идем в Воронеж...

— А я подумала, со свадьбы... Небось, переночевать негде?

— Да мы можем и в поле. Только стожок найдем, — ответила мать Ивана.

— Зачем в стожку, когда можно и у меня...

Когда оказались в сторожке, Иван удивился ее крошечным размерам. Быть может, таким же малым был приют Петра Агеевича, но почему-то всем места хватало.

— По святым местам? — спросила старушка.

— Да нет, учиться... — ответила мать.

— В хоре петь аль арифметикой?

— Сынок любит рисовать...

— Значит, на иконописца...

— Да нет, — хотел возразить Иван.

— Я вам вот что скажу, у нас храм не так давно расписывал один из Воронежа. Как же его звали? Запоматова. А вот, Бобров! Как он красками-то...

— Он художником хочет быть, — сказала мать.

— Иконописец и есть художник...

— А в Воронеже что, кроме иконописцев других нет? — спросил Иван.

— Нету детка, вот крест святой, — перекрестилась. — Нету!

— А где ж этого Боброва искать?

— В Никольской церкви...

Старушка постелила матери на скамье, Ивану перед скамьей на полу, а сама легла у порога. Особый дух растекался по маленькой каморке, а в еще более крошечное оконце пробивалась своим тусклым блеском луна.

Как только засветало, мать с сыном тронулись в путь.

— А какое лицо у старушки, — сказал Иван

— Какое?

— Ангельское...

Шли и заглядывались на необъятные просторы. Ширь степи, ширь неба, ширь мира. Вдали показались косари. Они клином врезались в травяной склон. Первый шел мерно, следом второй, чуть поотстав, чтобы не срезать ступни первому, далее третий, четвертый. И все, не обгоняя и не отставая, мерно взмахивали косами и оставляли за собой валки. Хлестким звуком жа-ах, жа-ах резало воздух.

— А как идут...

— Сынок, не отставай. До города еще далече.

Уже под вечер пошли на звуки рожка и ржание коней: на бугре виднелись тени лошадей и шалаша, около которого догорал костер. В отблесках костра играл на рожке пастух.

— Вечер добрый, — поприветствовала пастуха мать.

Пастух опустил дудку.

— Добрый, — ответил. — Никак заблудились?

— Не мудрено и заблудиться...

— Куда путь держите?

— В Воронеж...

Пастух оживил веткой угли.

— Но ничего, теперь передохнете...

Расспросив, что к чему, сказал:

— Лезьте в шалаш... Куда же на ночь глядя...

— А если кто придет? — спросил Иван.

— Митька с Гришкой выпивать в село побегли...

— Знать, не придут?

— Не-а...

— А вы?

— А мне коней стеречь... Так что ложитесь и почивайте...

— Надо же! Какие же люди в деревне. Примут, согреют, угостят. С такими не пропадешь, — вырвалось у Ивана, когда они с матерью забрались в шалаш.

— Этим всегда славилась русская душа....

Иван спал крепко, не слышал ни ржания лошадей, ни разговора вернувшихся из села Митьки и Гришки, ни причитаний матери: удастся ли их

поход? Так он спал разве что в детстве, когда его убаюкивали в люльке и обдавало блаженным теплом от печи.

Другую ночь провели в стогу. Иван рассыпал стожок. Мать легла на сухую, ароматную траву. Прикрыв ее охапкой сена, прилег и сам. Но в эту ночь ему не спалось, преследовали серьезные мысли: не ошибся ли, что покинул службу, что надежному куску хлеба предпочел неизвестность.

— Ведь говорят: лучше синица в руке, чем журавль в небе, — печально думал будущий знаменитый художник, глядя в бездонное небо с несчетным миром созвездий:

— И все это променять на стол писаря? Нет, ни за что! — вскочил и тенью заметался по логу.

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

*К 300-летию
основания
Александрo-Невской
ЛАВРЫ*

*Лавра на старинных рисунках,
фотографиях и гравюрах*

Мария ФОМИНА

**СОВРЕМЕННОЕ
ПРАВОСЛАВНОЕ
ВАЯНИЕ: ВНОВЬ —
ОКОЛО ЦЕРКОВНЫХ
СТЕН?**

Мария Сергеевна Фомина — искусствовед, художественный критик, кандидат искусствоведения, доцент Института им. И. Е. Репина Академии художеств России и Санкт-Петербургской Консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова, член Союза художников, член Международной ассоциации искусствоведов и арт-критиков. Автор многочисленных публикаций по русскому религиозному монументальному искусству «Серебряного века», по искусству современной сценографии, учебных пособий и монографий. Обозреватель отдела искусства «Литературной газеты». **Родилась и живет в Санкт-Петербурге.**

Какое место может занимать скульптура в пространстве современного православного храма — и в пространстве рядом с храмом?

Этот вопрос не может не возникнуть в пору нашего нового «религиозно-художественного ренессанса», который ознаменовался не только воссозданием разрушенных храмов и строительством новых, не только появлением очень большого количества высокопрофессиональных икон, росписей, мозаик, но и новым рождением религиозной скульптуры — и станковой, и монументальной. Скульптура эта изначально не претендует на ту «каноничность», которую вправе ожидать от иконы или фрески, следующей тысячелетним традициям. Ибо традиции православной скульптуры, хоть и простираются вглубь веков, но не получили такого же канонического статуса, как икона или стенопись. Прославленные рельефы владимиро-суздальской школы, народная раскрашенная деревянная скульптура, особенно знаменитые «пермские боги», скульптура иконостасов синодального периода — от собора Петропавловской крепости до Исакиевского собора — вот главные страницы этой прерывистой летописи православной пластики. И если для пермских изображений Николая Угодника или «Страждущего Христа» характерно сочетание «наивной» застылости с натуралистическими элементами трактовки ликов, то для барочной (реже — классицистической) пластики ведущим является декоративное начало, когда скульптура выступает как часть общего праздничного великолепия архитектурной композиции алтарной преграды.

По справедливому замечанию одного исследователя, «неопределенность статуса скульптуры, ее присутствия в православных храмах и взаимо-

действие с рядом других церковных искусств, нуждается в особых объяснениях»¹. Говоря о современном возрождении скульптуры на православную тему, следует разделять скульптуру, непосредственно посвященную образам святых или божественным персонажам; и произведения ваятелей, навеянные религиозной темой или христианскими (а не только православными) иконографическими мотивами.

И в первом, и во втором случаях, уже создано большое число станковых скульптур, резных икон, поклонных крестов, памятников, скульптурных композиций, а их создателями стали такие мастера, как В. Клыков, А. Рукавишников, Б. Сергеев, О. Панкратова, З. Церетели, П. Шевченко, А. Шевченко, Г. Писарева, Г. Потоцкий, Е. Антонов, И. Дикун, А. Шувалов, Н. Филатов, А. Смирнов и многие другие. Все перечисленные и многие неназванные мастера работают в самых разных видах, материалах и техниках скульптуры — в станковой и монументальной, в бронзе, камне, дереве, кости и даже стекле.

Причем работают в различных манерах, следующих народной, византийской, академической, конструктивистской «линиям притяжения».

Каковы же некоторые из вех этого начавшегося «религиозно-скульптурного возрождения»?

В числе первых работ можно назвать монументы, созданные по проектам Вячеслава Клыкова (1939-2006). Один из самых ранних памятников, посвященных православным святым (Св. Сергей Радонежский в с. Радонеж, 1988 г.) представляет собой обобщенную композицию, соединяющую круглую пластику и рельеф, и решен в «суровостильном» ключе. В такой же лаконичной манере решен и памятник Вел. кн. Елизавете Федоровне

В. Клыков. Илья Муромец. Муром

¹ Никифорова Е. М. Главный иконостас Сампсониевского собора. Архитектурно-живописно-скульптурный синтез. Сб. «Храм победы». Материалы научно-практической конференции. СПб., 2009. С. 245.

В. Клыков. Александр Невский. Курск

под Москвой (1996 г., восстановлен после взрыва в 2000 г.), отлитый из меди и представляющий государя страстотерпца в момент его восшествия на престол (горностаевая мантия, корона, скипетр и держава). Отдельной страницей преждевременно прервавшейся книги жизни талантливого певца русской святости может послужить его «николиана» — памятники особо любимому на Руси Николаю Угоднику. В них скульптор использует византизирующие уплощения — и в круглой пластике, и в рельефе, церковные архитектурные формы. Этой части творчества Вячеслава Клыкова вполне может быть посвящено отдельное исследование.

Но если памятники Клыкова получили достаточно широкое освещение хотя бы в прессе, (в том числе и потому, что становились жертвами политического вандализма), то о памятниках Сергеева и Панкратовой пока написано меньше. (Здесь мы можем сделать отсылку к прекрасной статье С. М. Грачевой, а также к небольшому альбому, посвященному творчеству мастера)². А ведь Борис Сергеев — автор памятников Свв. Николаю Угоднику, Нилу Столобенскому, Ксении Петербургской; ему принадлежат оригинальные, уз-

в Москве, белый камень которого напоминает о монашеском облачении этой святой жены (1990 г.). Но уже начиная с воплощения образа Св. Серафима Саровского (Саров, 1991 г.), который представлен молящимся на камне, как на одной из самых известных его икон «натуроподобного» толка, и далее к памятникам Дмитрию Донскому, Илье Муромцу, Александру Невскому (представлены воинами, подъявшими меч, как первые два, или, напротив, опустившим меч, как Александр Невский), скульптор в основном стремится к академической трактовке образа.

Вероятно, апофеозом этой линии творчества известного мастера стал многострадальный памятник Царю-мученику Николаю II в с. Тайнинском

² Грачева С. М. Влияние традиций древнерусской живописи на современную деревянную скульптуру Санкт-Петербурга. Сб. Литература и искусство Древней Руси и современность. С. 117–119.

Борис Сергеев. Скульптура. Серия «Святогорская галерея». Сельцо Михайловское. 2005. 28 С.

наваемые по стилю деревянные одно- и многофигурные композиции «Ангел», «Страшный Суд», «Врата Рая», «Явление Св. Троицы преп. Алесандру Свирскому» и многие другие.

В памятниках он, как и некоторые из его известных современников, соединяет академически выверенную стилистику с иконографической точностью трактовки ликов и одеяний, подчас живописную «лепку» (памятник Николаю Угоднику в верховьях Волги). В станковой же скульптуре, сработанной «весомо, грубо, зримо» — большей частью топором в дереве — он создает собственную неповторимую манеру. Несмотря на объемность статуй и рельефов, их вещественность и «глубинность», в них ощущается не только суровая мощь геометризованных объемов, но и преднамеренная условность, сознательная «скованность». Мастер словно не хочет гладкостью, круглостью или чрезмерной пространственностью нарушить характерное для «исконных» православных видов искусства — стенописи, иконы — двухмерность, фронтальность, плоскостность. И хотя сама специфика скульптуры предполагает трехмерность, Борис Сергеев словно стремится вернуть ее в раннее средневековье — соединить с плоскостью стены, вытянуть столпом или колонной. Он умеряет разлет ангельских крыльев («Страшный Суд»), превращает в соединение вертикали и горизонтали слитно стоящие фигуры святых и их лодку («Свв. Сергий и Герман Валаамские»), уподобляет фигуру стволу дерева («Св. Сергий Радонежский»).

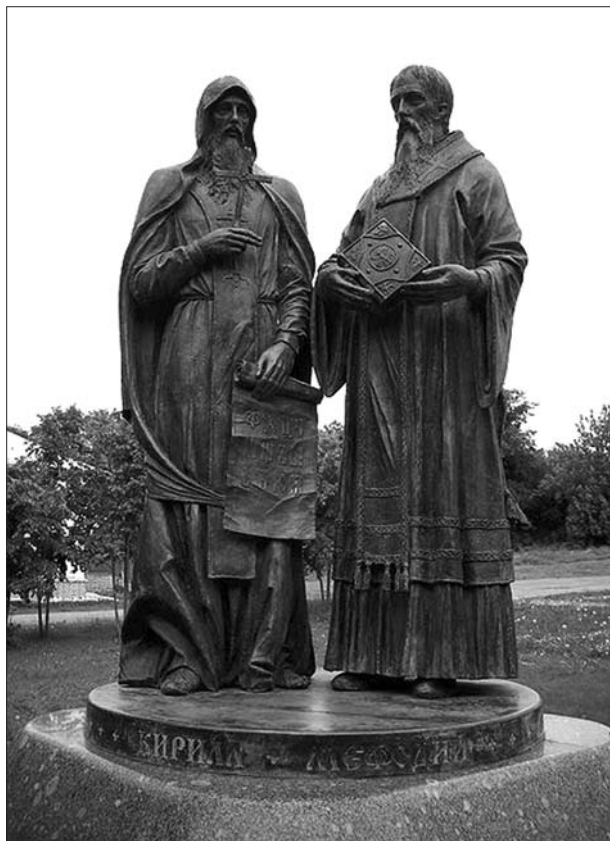
Но при этом он создает и своего рода подобие иконографической модели храмовой стенописи: его многофигурные композиции должны читаться, как «Библия для неграмотных», а его святые, только «покинувшие» ствол дерева, напоминают фресковые образы в рост, написанные на столпах храма.

(Тем более что сам скульптор уравнивает фреску и деревянную пластику в необходимости быстрой, «на одном дыхании», работы).

В деревянных фигурах святых и ангелов чувствуется связь с декоративной и условной народной деревянной скульптурой, с традициями русского авангардного «примитива» и одновременно — обобщенность и конструктивность, идущие от тенденций 1960–1970-х годов. Мастер деликатно вводит цвет в деревянную скульптуру, трогая золотом крылья и одежды своих

*В. Клыков. Елизавета Федоровна.
Москва, Б. Ордынка*

*А. Рукавишников. Кирилл и Мефодий.
Дмитров*

«небожителей», и тем самым адресует зрителя к образам древней раскрашенной пластики. Столь же древней, восходящей к изначальным, исконным формам работы с материалом, предстает и манера наложения краски: руками по шершавому, неполированному дереву.

Роднит с архаической греческой скульптурой работы Сергеева и та величавая строгость, та нерасчлененность масс, которые воспринимаются как монументализирующая тенденция в образах кор и курсов. Ведь понятия благодати и величия, свойственные раннехристианским и византийским религиозным образам, были совсем не чужды и языческим ваятелям (вспомним описание Дионом Златоустом образа Зевса Фидия — этого зримого воплощения древне-

греческой мысли о величии божества). Неслучайно ведь в своих трудах по владими́ро-суздальским храмам некоторые исследователи отмечают проникновение эллинизма в христианство через философию древних³. А если добавить к сказанному, что сам Борис Сергеев — неутомимый исследователь античных и византийских древностей, любовно осматривающий обломки ионических колонн в Эфесе или расчищающий от слоя мусора фрагменты мозаик еще домакедонского периода — то линия преемственности его религиозной пластики выстроится более чем внушительная.

Вообще, говоря о роли скульптуры православного образа (назовем этим условным термином монументальные и станковые произведения, изображающие святых, «в земле Российской просиявших») нельзя не сказать о просветительской роли этой новой «монументальной пропаганды». Вячеслав Клыков сравнивал свою работу с вешками на болоте: как ставят вешки, по которым легче выбраться из болота, так и он сооружает на пути соотечественников свои образы святых предков, чтобы не сбивались они больше с пути истинного, не поддавались соблазнам века сего.

³ Заграевский С. В. Юрий Долгорукий и древнерусское белокаменное зодчество. РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. // www.rusarh.ru/zagraevsky7.htm

А. Рукавишников. Борис и Глеб

Вдоль этой, столь ясно сформулированной Клыковым, линии выстраивается и деятельность молодого московского скульптора, выпускника Суриковского Училища Александра Шевченко. В его портретных бюстах Николая II и Патриарха Алексия II ощущается добротная академическая выучка, рельеф «Богоматерь Знамение» соединяет византийские истоки и реалистическую школу, а в экспрессивно-драматическом надгробном памятнике «Скорбящая мать» ощущается воздействие скульптуры Барлаха.

К средневековым традициям обращается и Григорий Потоцкий, автор памятника Николаю Угоднику в турецком городе Демре (б. Миры Ликийские), в руинах храма, где была гробница Святителя. Фигура в рост столпообразна, как святые романских порталов, благословляющий жест и просветленное выражение лица отражают традиционное восприятие св. Николая как доброго заступника всех, к нему обращающихся.

Постепенно тенденция ставить памятники великим русским святым в городах, исторически с ними связанных, становится одним из проявлений нового поиска собственных духовных корней. Так, представитель известной воронежской семьи ваятелей Иван Дикунов поставил памятник Святителю Тихону Задонскому на территории Задонской Рождество-Богородицкой обители.

Возрождением старинной традиции можно назвать и установку поклонных крестов. Известный тверской скульптор (а по совместительству — и священник!) Евгений Антонов установил поклонный крест в честь св. князя Михаила Тверского, а в г. Калязин, знаменитом полузатопленной колокольней разрушенного в 1930-е годы монастыря — памятник св. Макарию Калязинскому. Еще один вид современной монументальной скульптуры

представлен в другой работе Евгения Антонова и тоже в Калязине: совсем недавно произошло открытие монумента юному полководцу Михаилу Скопин-Шуйскому, победителю «крылатых гусар» гетмана Сапеги. Памятник, стоящий у Вознесенского храма, представляет собой композицию из двух валунов, привезенных с места сражения, на которых — горельеф со знаменитой парсуны Скопин-Шуйского, а наверху — изображение скопы (волжского орла), который раздирает польское знамя и попирает польский шлем. Таким образом, мы видим соединение разных скульптурных материалов (гранит, бронза), видов (рельеф, круглая скульптура), реалистической трактовки персонажей и использования аллегорий.

В Саранске перед недавно возведенным Кафедральным собором Святого праведного воина Федора Ушакова местная знаменитость, скульптор Николай Филатов поставил памятник новоканонизированному адмиралу.

Четырехметровый бронзовый флотоводец, стоящий на высоком гранитном пьедестале, правой рукой держит подзорную трубу, левую опускает к эфесу шпаги. Памятник хорошо читается на голубом фоне собора, в пространстве разбитой перед ним площади. А с противоположной стороны собора — памятник Патриарху Никону (той же мастерской).

Важным событием новой истории монументального Петербурга стало открытие памятника священномученику митрополиту Вениамину, расстрелянному большевиками в августе 1922 года. Он был установлен тоже в августе, но уже 2009 года у Блокадного храма Успения Пресвятой Богородицы на Охте (автор — Виктор Шувалов), в день престольного праздника. Скульптор воссоздал хорошо знакомый по фотографиям облик просвещенного и героического пастыря, который благословляющим жестом встречает всех, подходящих к храму. Пожалуй, и об этом произведении можно сказать словами,

которыми часто характеризуют творчество Вячеслава Клыкова: соединение традиционализма русской академической школы, отголосков «сурового стиля» рубежа 1950–1960-х годов и национально-исторической темы.

Остро-современная и в то же время — укорененная в опыте народного и авангардного «примитива» — деревянная скульп-

*Г. Потоцкий. Николай Угодник
в Мирах Ликийских*

птура Бориса Сергеева ставит интересные для исследователя вопросы. В частности, возможно ли рассматривать ее только в рамках традиционной иконографической схемы?

Или многофигурные композиции мастера можно воспринимать не только как аналог канонического размещения росписей в храме, но и как вариант музейной инсталляции, где персонажи могут «меняться местами», перставляться? Одним словом, возможен ли «перформанс» внутри сакральной сюжетики?

Но на один вопрос ответ нами уже получен. Пока что главным местом для скульптуры на православно-исторический сюжет становится городская среда, *территория у храма или с видом на храм*, но не само пространство церкви. (Исключение составляет резная икона, являющая частью художественно-богослужебного убранства храма). Уже упомянутый нами автор назвал русскую религиозную пластику явлением, пограничным с «регламентируемым Церковью порядком обустройства храма» — в применении к еще «петербургскому периоду русской истории», т. е. ХУШ — началу ХХ столетий⁴.

Ответ на вопрос, станет ли уместным, привычным, а затем и традиционным размещение скульптуры *внутри* православного храма в начале века двадцать первого, мы получим, видимо, уже скоро.

А. Смирнов. Патриарх Тихон

⁴ Никифорова Е. М. РусАрх. Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. // www.rusarh.ru

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: 8(499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 20.06.2010 г. Формат 70х100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 25,0.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.